

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№4 (13) • 2012

Г. Архиреев. Пейзаж на Федосеевской

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 4(13) • 2012

Ясность – удовольствие ума.

Лев ТОЛСТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Василенко Светлана Владимировна — *первый секретарь
правления Союза российских писателей;*

Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — *главный редактор
журнала «Чын мирас» («Наследие»);*

Ларионова Татьяна Петровна — *исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);*

Миннахметов Ирек Джаудатович — *руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*

Переверзин Иван Иванович — *председатель правления
Международного сообщества писательских союзов.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Николай Алешков (*Набережные Челны*)

Николай Беляев (*Владимирская область*)

Наталья Вердеревская (*Елабуга*)

Лилия Газизова (*Казань*)

Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)

Владимир Ермаков (*Орёл*)

Диана Кан (*Новокуйбышевск*)

Сергей Кузнечихин (*Красноярск*)

Сергей Михеенков (*Таруса*)

Николай Рачков (*Санкт-Петербург*)

Рамиль Сарчин (*Казань*)

Виктор Суворов (*Набережные Челны*)

Михаил Чванов (*Уфа*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Главный редактор Николай Алешков

Заместители главного редактора Александр Воронин,

Вера Хамидуллина

Редактор-корректор Ксения Ларина

Дизайнер-верстальщик Виталий Павлов

Художник Ольга Белова-Недовизий

Фото на обложке Михаил Медведев

События минувшей осени

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ БЕЛОЙ МЕЧЕТИ

В октябре Татарстан посетили эксперты Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест — доктор археологии, экс-президент Венгерской национальной комиссии ИКОМОС Виши Золт и доктор архитектуры, действующий президент Венгерской национальной комиссии ИКОМОС Гергели Надь. ИКОМОСы является консультативным органом Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО и осуществляет оценку объектов, предлагаемых к включению в список Всемирного наследия.

Виши Золт прибыл в РТ в качестве эксперта по Болгару, Гергели Надь — в качестве эксперта по Свияжску. Они познакомились с древним городом Болгар и островом-градом Свияжск в рамках начатой работы по продвижению данных исторических памятников в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. И посетили оба возрождающихся объекта повторно — уже в в сопровождении Государственного Советника РТ, председателя Попечительского совета Республиканского фонда «Возрождение» Минтимера Шаймиева. Во встрече гостей в Казанском Кремле также принял участие председатель Российского национального комитета всемирного культурного и природного наследия Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, президент Российского национального комитета ИКОМОС Игорь Маковецкий.

— Вы знаете, что мы занимаемся возрождением очень важных для нас и для России объектов — Болгара и Свияжска. Как патриоты своей страны, мы полагаем, что эти

объекты имеют всемирное значение, — подчеркнул Минтимер Шарипович. — Развернув такие масштабные работы, мы заявили соответствующие номинации и рассчитываем, что комитет ЮНЕСКО со временем рассмотрит эти объекты на предмет признания объектами всемирного значения. Нас, безусловно, вдохновила подготовка к включению Казанского Кремля в список ЮНЕСКО. Мы прониклись этой ответственностью, ведь задачей было не только добиться признания Кремля объектом всемирного наследия. Главное — обеспечить его сохранность. Сейчас появилась уверенность в том, что нам это удаётся.

Профессор Виши Золт в свою очередь отметил, что на нём и на его коллеге лежит большая ответственность перед мировым сообществом:

— Я прибыл сюда, чтобы обсудить номинацию Болгарского комплекса и основные вопросы со всеми коллегами, которые принимали участие в подготовке данной заявки. Сегодня я имел возможность посетить основные объекты в Болгаре, поговорить о них более детально. Я хотел бы отметить ту огромную работу, которая была проделана. У меня как археолога есть много информации об этом объекте, эта территория связана и с историей Венгрии, у нас много точек соприкосновения. Из документации, из тех дискуссий, которые у нас состоялись, я понял, какое огромное значение имеет этот объект для Татарстана и особенно для его народа. Я чувствую, что это связано с национальной идентичностью, духовными ценностями и традициями.

Он подчеркнул, что оценка, которую дадут эксперты по итогам знакомства с историческими памятниками Татарстана, — это их личное мнение. Окончательное решение в ходе рассмотрения заявки на включение Болгара и Свяжска в список Всемирного наследия будет приниматься Комитетом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Со своей стороны Виши Золт обещал сделать всё от него зависящее, а также выразил готовность поделиться с татарстанскими коллегами своими замечаниями и предложениями.

Профессор Гергели Надь также отметил огромную работу, проделанную фондом «Возрождение». По его словам, в ходе визита в Свяжск он смог убедиться в высоком

профессиональном уровне татарстанских учёных, а также в уровне сотрудничества, который существует между экспертами, представителями власти и церкви в деле возрождения острова-града, представляющего огромную историческую ценность.

— Как член ИКОМОС я могу сказать, что исторические памятники Свияжска представляют ценность для всего человечества, — высказал своё мнение г-н Надь.

С экспертами Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), консультативного органа Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО Виши Золтом и Гергели Надем встретился и Президент Татарстана Рустам Минниханов. Во встрече в Доме Правительства РТ также приняли участие Государственный Советник Татарстана Минтимер Шаймиев, министр культуры республики Айрат Сибягуллин, помощник Президента РТ по социальным вопросам Татьяна Ларионова, сообщает пресс-служба Президента РТ. Виши Золт и Гергели Надь в тот же день посетили древний город Болгар. Вначале они осмотрели Памятный знак в честь официального принятия ислама волжскими булгарами в 922 году, официальное открытие которого состоялось в мае этого года. Памятный знак представляет собой здание, выполненное в стиле строений древнего Болгара. В основном зале находится самый большой печатный Коран в мире, который был представлен экспертам. Гости также ознакомились с макетом карты Ибн Фадлана. Это объёмная карта маршрута посольства аббасидского халифа Аль-Муктадира. На цокольном этаже Памятного знака, где размещается музейно-выставочный комплекс, им продемонстрировали мозаичное панно «Принятие булгарами ислама», показали экспонаты, обнаруженные при раскопках. Далее эксперты осмотрели городские застройки (раскопки) и Ханский дворец. Эксперты ИКОМОС отметили, что защитные сооружения над Ханским дворцом — это хорошее решение для того, чтобы защитить исторический объект. Они оценили и то, что защитные сооружения построены за пределами объекта, а не на фундаменте.

Далее были осмотрены Восточный мавзолей — единственный мавзолей, в котором удалось выявить и сохранить несколько кирпичных и деревянных склепов с погребениями, а также Ханская баня. После этого эксперты осмотрели Малый городок, который представляет собой архитектурный комплекс, расположенный за пределами основного городища, у его Южных ворот, но всё же тесно связан с городским укреплением, а также Мавзолей. Профессор Виши Золт тщательно осматривал каждый объект, делая попутно фото и видеосъёмку. Он попросил передать ему также всю информацию о каждом объекте и о проведённой за два года масштабной восстановительной работе в Болгаре.

Напоследок гости посетили Белую мечеть — главный объект, построенный в рамках возрождения Болгара и расположенный недалеко от въезда в Болгар, у Южных ворот Болгарского музея-заповедника. Образцом для строительства мечети послужили лучшие произведения мировой исламской архитектуры. Профессор Виши Золт был столь впечатлён увиденным, что попросил также выслать фотографии и всю информацию о Белой мечети, несмотря на то, что она находится за пределами городища.

На следующий день Государственный Советник РТ, Председатель Попечительского Совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ Минтимер Шаймиев вместе с экспертами ИКОМОС посетил остров-град Свияжск. Начальным пунктом посещения стала Троицкая церковь, об истории которой рассказал гостям наместник Свияжского Успенского монастыря, игумен Силюан.

— Перед началом реставрационных работ объекты проходят специальные исследования, — пояснила Помощник Президента РТ по социальным вопросам, испол-

нительный директор Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры РТ Татьяна Ларионова. — На данный момент реставрация церкви подходит к завершению. Надо отметить, что к воссозданию привлекаются не только историки, служители церкви, но и соответствующие специалисты из Москвы. В здании храма «Всех Скорбящих радости» поменяли лишь отдельные элементы. Собирали, что называется, из того, что было. Аутентичная плитка была привезена из Германии. Цвет стен подбирали с максимальной точностью, что стало возможным благодаря сохранённым документам и фотографиям, именно по ним удалось воссоздать цвет.

Директор государственного историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свияжск» Артём Силкин обратил внимание экспертов на один из брусьев XVI века, сообщает «Татар-информ». Именно их сплавили из Углича по Волге для возведения обители на острове. «Впоследствии вы можете использовать этот материал в качестве эталона», — высказались венгерские эксперты, указывая на брус.

Президент Венгерского национального комитета ИКОМОС, доктор архитектуры Гергели Надь не только детально рассматривал архитектурные памятники, но и задавал вопросы о методах и ходе реставрационных работ. Так, поднимаясь по старинным лестницам Сергиевской церкви, Минтимер Шаймиев и эксперты ИКОМОС устремили взгляд вверх, внимательно разглядывая старинный потолок на предмет трещин. Специалисты, восстанавливающие здание, сообщили, что в результате реставрационных работ трещины стабилизировались и опасности их увеличения более не существует.

Затем гости осмотрели Успенский монастырь и Братский корпус — памятник культуры федерального значения. Наибольший интерес экспертов вызвал Успенский собор, ведь именно здесь можно воочию наблюдать фрагменты уникальных фресок середины XVI века, которые не имеют полных аналогов по манере написания и цветовому колориту ни в одной из древнерусских школ фресковой росписи. По словам игумена Силуана, по сюжетам этих фресок можно проследить Ветхий и Новый заветы. В своё время над их созданием трудились лучшие иконописцы из Патриаршего двора. До нашего времени сохранились и оригинальные полы собора.

Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев отметил, что во время восстановительных работ учитывались требования, которые предъявляет Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО. Он пояснил, что материалы по историческим объектам, располагающимся на острове-граде Свияжск и древнем городе Болгар, были переданы в ЮНЕСКО на рассмотрение ещё два года назад. «Сейчас эксперты оценят проделанную работу, — сказал он. — Каковы будут результаты — будем ждать».

После визита венгерских экспертов Государственный Советник РТ, председатель Попечительского Совета Республиканского Фонда «Возрождение» Минтимер Шаймиев принял эксперта и консультанта по сохранению природного наследия Международного Союза охраны природы, профессора Эстонского Университета Социальных наук, сохранения и управления природно-культурными ландшафтами и природным наследием Калева Сеппа. Внимание декана факультета «Экология и природопользование», прежде всего, привлёк остров-град Свияжск, поскольку он, в отличие от Болгара, заявлен в Комитет Всемирного наследия не только историко-культурным, но и ландшафтным комплексом. Поэтому, прежде чем рассматривать вопрос о включении Свияжска в список Всемирного наследия, Комитет должен получить заключение эксперта МСОП — консультативной организации при ЮНЕСКО.

Во время встречи Минтимер Шаймиев подробно рассказал Калеву Сеппу об истории Болгара и Свияжска, о деятельности Республиканского фонда «Возрождение» и о ходе реализации проекта «Культурное наследие Татарстана: древний город

Болгар и остров-град Свияжск» в целом. Во встрече приняли участие Помощник Президента РТ, исполнительный директор Республиканского Фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова и директор ФГУ «Волжско-Камский государственный заповедник» Юрий Горшков, сообщает пресс-служба Президента РТ. Эксперта МСОП Калева Сеппа заинтересовало то, что остров-град Свияжск, где много исторически значимых, уникальных православных храмов, заявлен ещё и в качестве объекта природного наследия. По словам Минтимера Шаймиева, во-первых, Свияжский историко-архитектурный и природно-ландшафтный комплекс представляет выдающийся ландшафтный феномен исключительной красоты и эстетического достоинства. Архитектурно-градостроительный ансамбль Свияжска находится в гармонии с уникальными по красоте обширными окружающими природными пространствами, с живописными рощами деревьев островов Куйбышевского водохранилища и берегов рек Волги и Свияги. Как считает Государственный Советник РТ, пребывание Свияжска под эгидой ЮНЕСКО будет способствовать сохранению природной самобытности острова в условиях нынешнего стремительного научно-технического прогресса. Во-вторых, крайне важно, чтобы Болгар и Свияжск — мусульманская и православная святыни — вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО одновременно. Но представление двух объектов по одной номинации «историко-культурный комплекс» противоречит правилам ЮНЕСКО. По рекомендации учёных, обосновавших уникальность природы Свияжска, решили выбрать для Свияжска номинацию «историко-культурный и ландшафтный комплекс». В случае включения в список ЮНЕСКО это будет первый историко-культурный и ландшафтный объект ЮНЕСКО на территории Российской Федерации.

В течение недели Калев Сепп изучал уникальную природу острова-града Свияжск, работал с проектными материалами на Кафедре ЮНЕСКО, встречался с представителями Министерства экологии и природных ресурсов РТ, Министерства лесного хозяйства РТ, Управления Росприроднадзора по РТ, Министерства культуры РТ, а также с архитекторами и археологами.

С эстонским профессором встретился и Президент Татарстана Рустам Минниханов. Во встрече в Доме Правительства приняли участие Государственный Советник РТ, председатель Попечительского совета Республиканского фонда «Возрождение» Минтимер Шаймиев, министр культуры РТ Айрат Сибгатуллин, министр экологии и природных ресурсов РТ Артём Сидоров, вице-премьер РТ — руководитель Аппарата Кабмина Шамиль Гафаров. Стороны обсудили вопросы экспертной оценки историко-культурного и ландшафтного комплекса острова-града Свяжск, проблемы обеспечения сохранности архитектурного и культурного наследия для настоящих и будущих поколений. Государственный советник РТ отметил, что Калев Сепп является уникальным специалистом в своей области, который даст свою экспертную оценку историко-культурному и ландшафтному комплексу острова-града Свяжск в Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО: «Красивых мест на земле много, но надо уметь их сравнить с тем, что уже есть в мире, — сказал Минтимер Шаймиев, — что уже изучено, представлено, признано, и вот на этом фоне обеспечить его сохранность для настоящих и будущих поколений — такова наша миссия. То, что первые впечатления эксперта положительные — это нас радует».

После отъезда гостей Президент Татарстана Рустам Минниханов и Государственный Советник Республики Татарстан Минтимер Шаймиев посетили древний город Болгар и приняли участие в церемонии открытия Дома лекаря и ремесленных мастерских.

Приветствуя собравшихся, Рустам Минниханов отметил, что за последние два года в древнем городе Болгар и на острове-граде Свяжск сделано очень много. «Но наши намерения серьёзные, — сказал глава республики. — Эти объекты должны войти в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО». Затем Рустам Минниханов и Минтимер Шаймиев вручили Благодарственное письмо Республиканского фонда «Возрождение» и Книгу благодетелей Рустаму Тарико — Президенту корпорации «Русский стандарт», председателю Совета директоров ЗАО «Банк «Русский стандарт», который является основным инвестором этих объектов. Также благодарственных писем удостоились генеральный директор ОАО «ТатСНРУ» Юрий Егорушкин, гендиректор ОАО «Стройдорсервис» Ильгиз Зайдаров и другие.

Далее Рустам Минниханов и Минтимер Шаймиев осмотрели Ханский дворец или Дом с башнями — вновь выявленный архитектурно-археологический памятник Болгарского городища. Он представляет собой остатки монументального кирпично-каменного сооружения второй половины XIII столетия: остатки кирпично-каменной постройки XIII — XIV веков прямоугольной формы, вытянутой с севера на юг с круглыми башнями по углам. Раскопками выявлено, что здание было построено на месте более древнего оборонительного рва, который проходит под зданием вдоль западной стены с севера на юг. Первоначально здание построено как мечеть, размеры, ориентация по сторонам света её схожа с Соборной мечетью. От этого периода сохранились стены: фундаменты, сложенные из мелкого бута, пролитого известковым раствором, цоколь — наружная часть стены сложена из хорошо подогнанных белокаменных блоков, внутренняя часть стен из кирпичной плинфы, центральная часть забутована кирпичным боем на известковом растворе. В следующий этап существования здания вместо михраба с южной стороны пристраивается входная группа из кирпича в виде большого тамбура.

Минтимер Шаймиев в своём выступлении подчеркнул, что значимость Ханского дворца заключается в том, что здесь впервые, благодаря специалистам, экспертам, историкам и современной науке, удалось сохранить обнаруженный древний фундамент. По его словам, это наглядный пример и учебная площадка для всех учёных

и исследователей. Также Государственный Советник РТ отметил, что Ханский дворец — это третье по величине древнее сооружение на территории Болгарского городища после Соборной мечети и Восточной палаты. «Претендентов в список Всемирного наследия ЮНЕСКО много, — подчеркнул Государственный Советник РТ, — но у нас хороший потенциал». В настоящее время над Ханским дворцом построено защитное сооружение из поликарбоната, оно сделано в соответствии с требованиями ЮНЕСКО по современным технологиям для защиты этого уникального памятника архитектуры от влияния погодных условий.

Затем гости посетили музей «Дом лекаря», экспозиция которого отражает роль древнего города Болгар и Волжской Булгарии как одного из центров развития науки, в частности, медицины, естествознания и фармакологии, а также развитых ремёсел, связанных с этими отраслями знания.

Надо признать, тема древнебулгарской медицины в России изучена недостаточно. В научных работах проблема врачевания в Волжской Булгарии и Золотой Орде не являлась самостоятельной темой исследования. Кроме того, в России нет опыта создания музеев восточной медицины. Поэтому при создании экспозиции музея «Дом лекаря» были изучены передовые достижения в существующих европейских музеях, расположенных в Лондоне, Франкфурте-на-Майне, Берлине, Париже, которые являются основными мировыми центрами исследования вклада арабо-мусульманской науки в развитие мировой цивилизации.

Центральной темой в экспозиции музея стали сочинения Таджаддина ал-Булгари, средневекового врача из Волжской Булгарии, который был хорошо известен в мусульманском мире. Он, наряду с Авиценной, является автором одного из двадцати трактатов выдающихся целителей Востока. В музейных коллекциях Казани и России его сочинения не сохранились. Копии рукописей Таджаддина ал-Булгари «Ат-Тирийак аль-кабир» (Большой тирьяк), «Аль-Адвия аль-муфрада» (Простые лекар-

ства) и «Мухтасар фи ма'рифа аль-адвийа» (Краткая книга для знания лекарства) получены из фондов и хранилищ музеев и библиотек Ирана и Турции.

В завершение визита в древний город Болгар Рустам Минниханов и Минтимер Шаймиев приняли участие в посадке деревьев возле Белой мечети в рамках Национального дня посадки леса. Они положили начало саду вокруг мечети. По замыслу создателей, в этом саду будут посажены деревья только с белыми цветами — под цвет Белой мечети. Как тут не вспомнить один из лучших романов в татарской литературе — «Белые цветы» Абдурахмана Абсалямова, посвящённого врачам...

И символично, что двумя неделями позже в Свяжске прошла презентация проекта по строительству на острове первого в России оздоровительного центра для детей, перенёсших онкологические и другие тяжёлые заболевания. В мероприятии приняли участие Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев, министр здравоохранения РТ Айрат Фаррахов, председатель фонда им.А.Вавиловой Владимир Вавилов, а также представители общественной организации «Свяжцы».

Специально на презентацию приехал президент Федерации хоккея России Владислав Третьяк, сообщает «Татар-информ». Напомним, легендарный хоккеист стал председателем попечительского совета благотворительного фонда «Остров», учреждённого инициативной группой жителей острова Свяжск и осуществляющего сбор средств на строительство оздоровительного центра. При содействии Минтимера Шаймиева Свяжское сельское поселение безвозмездно передало под него здание, расположенное в самом живописном и благоустроенном месте острова. Оздоровительный центр будет находиться в историческом комплексе зданий бывшего ремесленного училища XIX века. Сейчас эти здания находятся в аварийном состоянии. Представители общественной организации «Свяжцы» в сентябре провели субботник: вывезли оттуда мусор и подготовили здания к реконструкции. Работы по восстановлению зданий планируется начать уже этой зимой.

— На святой земле Свяжска будет создан «храм милосердия», который будет вне конфессий и будет решать важнейшую задачу, — сказал один из инициаторов проекта Артём Силкин. — Он позволит принципиально изменить ситуацию с рецидивами болезней у детей и их выживаемостью в случае тяжёлых заболеваний, в первую очередь, онкологических.

Он добавил также, что участием в проекте заинтересовались крупные международные и российские корпорации. Создан сайт проекта в Интернете, на нём будут размещаться новости и фотографии. Здесь же можно оставить свои мнения и предложения относительно его реализации. Этот проект получил одобрение и у жителей острова. Некоторые из них присутствовали на презентации и подтвердили сказанное главой их сельского поселения.

Министр здравоохранения РТ Айрат Фаррахов сообщил, что оздоровительный центр не будет напоминать больницу, но помощь больным будет эффективной. Сюда дети и их родители будут приезжать преимущественно для отдыха и восстановления после лечения.

Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев в заключение отметил, что фонд «Возрождение» поддержит этот проект: «Надо взяться за это дело. Это будет уютный дом, то есть дети не будут изолированы от жизни, наоборот, им здесь будет создана нормальная, домашняя атмосфера, чтобы они могли принять активное участие и в жизни острова наравне с его жителями. У меня нет сомнения, что задуманное будет сделано». Государственный Советник РТ подчеркнул, что идея создания такого центра признана профессиональным медицинским сообществом: экспертную поддержку проекту оказывают главный детский онколог РФ Владимир Поляков и дирек-

тор НИИ неотложной детской хирургии и травматологии Леонид Рошаль. К реализации проекта подключились авторитетные российские знаменитости и бизнесмены. На острове дети получают весь необходимый комплекс релаксационных и психотерапевтических процедур, включая специализированную психотерапию, гидромассаж, экскурсии по Свяжску, катание на лошадях. В здании центра будут игровая комната, кинозал, зал для проведения праздников, комната для сенсорных занятий и спортивных тренажёров. Ежегодно оздоровительный центр сможет принимать 170 детей. Для сравнения: в одном только Татарстане в такой реабилитации нуждаются 150 пациентов в возрасте до 25 лет.

В странах Европы, Азии, США и Африки давно действуют подобные центры. И данный проект отвечает мировому опыту. А теперь у первого в стране оздоровительного центра для детей с родителями появилось и своё название — «Островок». Планируется, что первых детей он примет уже в декабре 2013 года. Достигнута договорённость, что по окончании строительства «Островок» будет передан на содержание Министерства здравоохранения РТ. Решено также, что пребывание в центре маленьких посетителей и сопровождающих родственников будет бесплатным, по направлению лечащего врача.

В оздоровительном центре будет семь уютных номеров со всеми удобствами и прекрасным видом на реку Свяягу и Макарьевский монастырь.

Казанский обозреватель

«ДУХ — МОЙ СПОДВИЖНИК. И ДУХ — МОЙ ВОЖАТЫЙ»

Этими поэтическими строками Марины Цветаевой были озаглавлены VI Международные Цветаевские чтения, которые прошли 20–23 августа в Елабуге.

Незримо объединив собравшихся высоким духом цветаевской поэзии, это название, без всякого сомнения, задало тон дружественной и творческой атмосфере чтений. Ещё одной их особенностью стал приезд девяти литературных переводчиков из Великобритании, Франции, Италии, Финляндии, Швеции, Японии и Сербии. Стихи Цветаевой и других поэтов на языках названных стран звучали практически ежедневно. Но впервые это произошло утром 21 августа на Петропавловском кладбище возле могилы поэта.

С особым вниманием слушали собравшиеся приехавшую из Парижа Веронику Лосскую, прочитавшую на русском и французском языках стихотворение Цветаевой «Рас-стояние: вёрсты, мили...» Удивительно было, что перевод прозвучал даже более эмоционально и страстно, чем оригинал. Казалось, потомок первой волны русской эмиграции вложила в слова «По трупам земных широт Рассовали нас, как сирот...» всю тоску и горечь людей, лишившихся родины.

В Елабугу Вероника Константиновна приехала вместе с мужем — православным священником Николаем Лосским. Цветаева была знакома с его отцом (известным русским богословом Владимиром Лосским — авт.) и, несомненно, видела в раннем детстве самого о. Николая. И вот, восемь десятилетий спустя, ему довелось побывать на её могиле и вознести к Богу молитву: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, рабе твоей Марине и всем сродникам ея и сотвори им вечную память...» Вместе с о. Николаем троекратно «Вечную память» подхватили и пропели все причастные к православному вероисповеданию.

В это утро многие участники чтений впервые переступили порог дома, в котором прошли последние дни жизни Марины Цветаевой, побывали в Литературном музее,

где нашли отражение основные этапы её жизни и творчества.

В полдень в санатории-профилактории «Космос», в котором проживали все приезжие, состоялось открытие VI Международных Цветаевских чтений. «В год 120-летия со дня рождения, — сказала, начиная торжественную церемонию, генеральный директор Елабужского музея-заповедника Г. Р. Руденко, — нас собрала личность великого поэта. Здесь все мы в гостях

её бескрайнего таланта и творческого гения. На чтения приехали 14 участников из стран дальнего зарубежья и более 80 цветаеведов, поэтов, литераторов, учёных из различных городов и регионов России».

Ярким моментом открытия чтений стало вручение общероссийской Литературной премии имени Марины Цветаевой. Она была учреждена в 2007 году, а первые лауреаты получили награды в дни празднования 1000-летия Елабуги.

Ныне Литературной премии были удостоены два крупнейших, широко известных в мире цветаевода — Вероника Лосская и Анна Саакянц (посмертно). Первая родилась в Париже, в семье русских эмигрантов. Закончила университет в Сорбонне и в Оксфорде по отделениям русской средневековой классической литературы и славянской истории. Литературовед, специалист по творчеству М. Цветаевой и А. Ахматовой. Доктор наук, профессор кафедры славистики университета Сорбонны, в настоящее время — почётный профессор. Автор книг «Марина Цветаева в жизни», «Песни женщин: Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века», «Георгий Эфрон. Дневники» (в соавторстве с Е. Коркиной). Один из руководителей проекта по созданию биографического словаря, в котором опубликованы сведения о русских деятелях науки, культуры и общественной жизни во Франции за период с 1919 по 1975 годы. Недавно Вероника Лосская перевела подготовленный, но не допущенный к печати сборник стихов М. Цветаевой 1940 года. Он вышел в Париже на русском и французском языках.

Выступая после вручения награды с ответным словом, Вероника Лосская сказала, что очень долго Елабуга была для неё тёмным местом на географической карте нашей страны. Но, приехав сюда, она попала на светлый праздник большой цветаевской семьи, к которой оказалась причислена и она сама.

Имя Анны Саакянц занимает особое место в цветаевском мире. Закончив филологический факультет Московского университета, она получила распределение в Гослитиздат, где участвовала в подготовке собраний сочинений И. Бунина и А. Куприна. В 1960 г. была назначена соредактором первого посмертного сборника Марины Цветаевой, а затем стала ведущим биографом, исследователем её жизни и творчества. Была секретарём комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию поэта.

Памятная медаль и удостоверение Литературной премии, предназначенные Анне Саакянц, были переданы директору московского Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» Эсфирь Красовской. В адрес этого же центра будут перечислены 50 000 рублей для переиздания литературного наследия А. Саакянц.

Выразив слова благодарности за присуждение премии, Эсфирь Красовская сообщила, что в этом году исполнилось 80 лет со дня рождения Анны Саакянц и 10 лет со времени её смерти. В последние дни жизни она передала весь свой архив в Дом-музей Марины Цветаевой. «И теперь, — сказала Э. Красовская, — пришла пора нам хранить память о ней».

Номинация Литературной премии «Поэтический сборник» оказалась на этот раз очень популярной. 79 авторов из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Австрии, Израиля и Франции прислали в Елабугу 95 поэтических изданий. По единогласному решению жюри лучшим из них был признан сборник «Время любви» Лилии Юсуповой из Республики Алтай.

Цветаевскую премию получает Лилия Юсупова (слева)

Два года назад на предыдущих цветаевских чтениях ректор Казанского (Приволжского) федерального университета Ильшат Гафуров (вице-мэр Елабуги и учредитель Литературной премии) высказал пожелание, чтобы студенты К(П)ФУ также смогли принимать в них участие. В результате в этом году в университете был проведён конкурс студенческих научных работ, посвящённых творчеству Марины Цветаевой. Авторы четырёх лучших исследований — Марина Миронова, Мария Сарынина, Екатерина Мельникова и Фарида Ахметшина — получили дипломы и денежные премии от ректора, а их доклады были включены в программу чтений.

Настоящим подарком для всех присутствовавших на торжественной церемонии стало выступление народной артистки России, профессора Российской Академии театрального искусства Антонины Кузнецовой. В течение часа публика была буквально захвачена потоком цветаевской лирики в проникновенном исполнении выдающегося мастера художественного слова. В репертуаре Антонины Кузнецовой — четыре тематических сольных программы, посвящённых творчеству Марины Цветаевой, которые включают, кроме стихов, отрывки из прозы и эпистолярного наследия. На поэтическом часе в Елабуге прозвучали фрагменты каждой из них. Тончайшие любовные излияния сменялись сетованиями на своё вселенское одиночество, раздумьями о высоком предназначении поэта, потрясающими образами распятой на Голгофе революции России...

Символическим знаком присутствия в зале души самой Марины Цветаевой была бабочка, которая вела себя до невероятности странно. Она радостно порхала, безбоязненно садилась на присутствующих, а во время выступления Антонины Кузнецовой устроила на сцене такое крылатое шоу, что актриса не выдержала и сказала ей укоризненно: «Ты же меня переигрываешь! Явно!» И вразумлённая бабочка до конца поэтического часа, действительно, утихомирилась, исчезнув из поля общего зрения. Её удивительное присутствие послужило поводом для рождения стихотворения «Бабочка», автором которого является павлодарская поэтесса Ольга Григорьева — самый первый лауреат цветаевской премии в номинации «Поэтический сборник»:

*И, увидев воочию порхание крыльев двух,
Сразу стал разряжен насыщенный воздух сжатый.*

*Все мы поняли: это — душа и дух.
И одно крыло — сподвижник, а то — вожатый.*

*И касалась она лица, и волос, и плеч,
На ладонь садилась, меж нами легко летала,
Ведь звучали её стихи и живая речь,
Жил цветаевский голос в безмолвном дыханье зала.*

*Пусть порхает, радуется, в небо опять летит.
Осеньяет Елабугу вечным полётом дивным.
И никто, никогда, ни за что нас не убедит,
В том, что это была не душа Марины.*

Действительно, в греческой мифологии Психея, олицетворявшая человеческую душу, изображалась в виде бабочки или девушки.

Что же касается самого поэта, то «Марина Цветаева определила его как птицу — существо без пола, без возраста и без страны. У поэта есть только голос — его язык и крылья — его душа. Каждая его строчка — это взмах крыльями. Каждый стих — высокий полёт». Эта цитата взята из описания необычной выставки, развёрнутой на цветаевских чтениях. Вернее, там была даже не одна, а две выставки, показанных в рамках переводческого проекта под названием «Окрыления Марины Цветаевой». Автором его идеи и продюсером является Татьяна Новосёлова, а арт-директором Евгения Некрасова, живущие ныне в Великобритании.

«Концепция проекта, — рассказала Т. Новосёлова, — состоит в том, что мы представляем Цветаеву-поэта в качестве наблюдателя и мыслителя, то есть не стихами, а афоризмами, которые мы называем «окрыления» или «крылатые слова». Цветаева говорила о том, что у неё явно выражено стремление к сжатости, к формуле. Такой она была не только в стихотворной строке, но даже в своих записных книжках, где ощутимо сконцентрирована её мысль и видна работа над каждым словом.

Изречения Цветаевой на русском и немецком (в переводах Марии-Луизы Ботт) языках размещены на крыльях белых оригами, которые, как птицы, парят на фоне фотографий с улицами, вокзалами и площадями Берлина — города, в котором Цветаева провела первые месяцы эмиграции.

Следующая выставка — каллиграфии — была сделана специально для этого проекта художницей из Харькова Еленой Дербиловой. Каллиграфия, являясь искусством оформления знаков в экспрессивной и гармоничной манере, идеально отражает сжатость и выразительность цветаевской мысли. В качестве основы была выбрана фраза «О, Боже ты мой, как объяснить, что поэт прежде всего — СТРОЙ ДУШИ!» Она написана с учётом традиций каллиграфии разных народов на двадцати языках мира — английском, арабском, армянском, башкирском, грузинском, иврите, итальянском, китайском, литовском, молдавском, немецком, польском, русском, татарском, украинском, фарси, французском, шведском, эстонском и японском.

Кроме того, был подготовлен буклет, в котором на девяти языках переведены 36 изречений Марины Цветаевой. Многие из этих переводчиков —ANNELISA ALLEVA, Гульзада Ахтямова, Анна Барсегиан, Фиона Бьёрлинг, Анжела Ливингстон, Идзуми Маэда, Асията Тагирова — стали участниками VI Цветаевских чтений.

Нам хотелось представить Цветаеву нетрадиционно и сделать это именно в её духе, чтобы не было ничего лишнего. Думаем, это удалось. Проект получился новаторский: никогда в жизни никто ничего подобного ещё не делал. Он был подготовлен

в очень сжатые сроки, практически за 2–3 месяца. Его участники находились в разных странах, связь осуществлялась с помощью электронной почты и телефонов. Никакого финансирования не было, работали на энтузиазме. Я очень благодарна всем, кто поддержал эту идею, — переводчикам, художнице, московскому Дому-музею Марины Цветаевой, который предоставил фотовыставку Маргариты Кабаковой. На её снимках в основном запечатлены те места в Берлине, которые связаны с пребыванием поэта. И, конечно, огромное спасибо Елабужскому государственному музею-заповеднику, который выступил координатором проекта и взял на себя затраты по изготовлению печатной продукции, а также оформлению каллиграфических листов».

Несмотря на большое количество докладов, имеющих очень разную тематическую направленность, уже вторые цветаевские чтения подряд проходят в Елабуге в виде пленарных заседаний. Это даёт возможность желающим (а таковых, как правило, оказывается большинство) выслушивать практически все выступления.

Безусловно, исследовательские работы лингвистического характера не рассчитаны на широкую публику. Однако профессору ЕИ К(П)ФУ Т. А. Юлкиной всегда удаётся сделать свой доклад понятным и интересным не только для языковедов. Так было и на этот раз, когда она говорила о прагматической направленности метатекстовых структур в произведениях М. И. Цветаевой...

Поэзия Марины Цветаевой даёт неисчерпаемый материал для литературоведческих исследований. Ещё более расширяются его границы, когда происходит сопоставление её сочинений со стихами других авторов. Именно в таком ключе были рассмотрены: «Роль мифопоэтических образов в циклах «Разлука» М. Цветаевой и «После разлуки» А. Белого» (Ирина Маршлова, Ульяновск); «Стихотворение М. И. Цветаевой «Мне нравится, что Вы больны не мной...» в сопоставительном аспекте (В. Я. Брюсов «Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое...» (Фарида Ахметшина, студентка Института филологии и искусств К(П)ФУ); «Мотив Руси в поэтических циклах М. Цветаевой «Лебединый стан» и М. Волошина «Пути России» (Юлия Зотова, Ульяновск).

Последняя тема прозвучала с особой силой и глубиной, поскольку речь в ней шла не столько о личных переживаниях лирических героев, сколько о судьбе страны, стоящей «на пороге великой разрухи русской земли — нового Смутного времени». Раскрывая свою главную мысль на примерах стихотворения Волошина «Москва» и микроцикла Цветаевой «Москве», Ю. Зотова отмечает, что единым смысловым ядром мотива Руси является образ первопрестольной столицы как конкретного историко-географического и духовного центра России. Для Цветаевой Москва — святое, сакральное место, с которым она ощущает кровное родство. Персонифицируя образ столицы, она называет её ласково «княгинюшка», «красавица», «разумница». Делая акцент на узловых, трагических периодах истории Руси, Цветаева подчёркивает её стойкость и силу духа:

*Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил — ты не согнула плеч...*

*Как Пётр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.*

*Не позабыли огненного пойма
Бунопарта хладные уста.*

*Не в первый раз в твоих соборах – стояла
Всё вынесут кремлёвские бока.*

Произведения Марины Цветаевой перешагнули все разделяющие людей границы: государств и национальностей, языков и религиозных конфессий. Отчасти это связано с её довольно длительным пребыванием в эмиграции, которое продолжалось с мая 1922 по июнь 1939 года. Очень многое из того, что она тогда писала, выходило в свет.

По словам Любинки Милинчич (Белград), Цветаева давно уже «живёт в сербской культуре», где её творчество неизменно вызывает огромный интерес. Переводили всё — поэзию, драмы, письма, повести, эссе. Над этим работали лучшие сербские переводчики, писатели, поэты. И хотя большинство книг появилось в последние десятилетия, первый перевод (эссе о художнице Наталье Гончаровой) был осуществлён ещё в 1929 году, вскоре после того, как произведение было опубликовано в пражском русскоязычном журнале «Воля России». Примечательно, что с 1970 года стихи Цветаевой на сербском языке с помощью азбуки Брайля могли читать даже слепые. «Помню, когда появилась книга «Письма 1926 года» Рильке, Пастернака и Цветаевой, — рассказала Любинка Милинчич, — она стала культурным событием десятилетия: её читали, цитировали, пересказывали. О Цветаевой писали статьи, снимали фильмы. Почти ежегодно на факультете театрального искусства Белградского университета всё новые и новые молодые актрисы защищают дипломные работы, читая её стихи».

Первые цветаевские чтения в Елабуге прошли в 2002 году. Тогда было всего двое исследователей творчества поэта из-за рубежа. И среди них Идзуми Маэда, русист из Токийского университета, незадолго до того защитившая докторскую диссертацию на тему «Поэтика Марины Цветаевой». Через десять лет Идзуми Маэда вновь оказалась в Елабуге. Она привезла в подарок свою книгу «Биография Марины Цветаевой» на японском языке. А на чтениях продемонстрировала, каким образом в первый раз «по смыслу», а второй — «по звуку» перевела стихотворение Цветаевой «Маска — музыка... А третьё...» Завершая своё выступление, И. Маэда сказала, что совершенного перевода не может быть ни на каком языке. Но «... если музыкальная тема в музыкальном произведении обогащается разными вариациями, разными интерпретациями, то примерно то же самое происходит и с переводом. Множественность перевода — это не порок, а наоборот...»

Если Идзуми Маэда использовала музыкальную тематику для проведения аналогии с переводом, то Фиона Бьёрлинг (Швеция, Лунд) показала, каким образом поэзия Марины Цветаевой звучит в слиянии с музыкой Дмитрия Шостаковича. Написав в 1973 году сюиту для контральто и фортепиано, он использовал шесть стихотворений поэта. Ф. Бьёрлинг остановилась более подробно на одном из них — «Моим стихам, написанным так рано...»

«От начала до конца, — сказала она, — чувствуется увеличение напряжённости, поток нарастающей энергии. По моему мнению, это соответствует напряжённому синтаксису стихотворения.

Но у Шостаковича появляется и совершенно новое значение благодаря противопоставлению тихого, почти неуверенного, сокровенного начала и торжественного, прославляющего окончания. Это, пожалуй, особенно заметно в транскрипции для камерного оркестра, где начало исполняет виолончель. Постепенно вводится контрабас и потом плотная инструментовка всех смычковых. К концу песни слышны характерные, яркие тоны валторны и тимпана».

Известным переводчиком произведений Цветаевой на английский язык является Анжела Ливингстон (Великобритания, Колчестер). Благодаря ей англоязычные читатели смогли познакомиться с несколькими поэмами, множеством стихотворений, эссе, которые переводчица, как правило, снабжает обстоятельными вступительными статьями и комментариями. Какими именно? — об этом участники чтений могли судить по докладу Анжелы Ливингстон, который был основан на предисловии к её недавно опубликованному переводу трагедии «Федра».

«Когда я впервые читала «Федру», — пишет она, — мне казалось, что я слышу в голове слова: «Каждый персонаж — словно пылающий факел». До сих пор испытываю ощущение огня, пронизывающего всё произведение.

Отчего жаркий накал страстей ценен до такой степени, что им наполнена вся драма? Несомненно, оттого, что для Цветаевой это самая драгоценная грань человеческой жизни и уникальный путь к познанию. Сильное чувство и глубоко пережитое познание — это одно и то же».

Непросто давалось Цветаевой создание данного произведения. Во время работы над третьей сценой «Федры» она сообщает Б. Пастернаку: «Заметила одно, от меня ничего не зависит. Всё — дело ритма, в который попадаю. Как только не в тот ритм... кончено, ползу, три строки в день, не только бескрылость, безлапость. Словом, то несёт, то — ползу». Непросто было и Анжеле Ливингстон. «Почти каждое слово в пьесе, — призналась она, — поддавалось переводу с трудом. И не только из-за цветаевских неологизмов, архаизмов, просторечий, её изобретательной лёгкости рифмования и синтаксической ловкости, но и потому, что её превосходной поэзии трудно воздать должное. Впрочем, как и всякому произведению любого гения».

Надо сказать, что редко какой доклад на чтениях оставался без вопросов, реплик, замечаний или дополнений.

Например, после выступления Анжелы Ливингстон слово попросил директор Литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых в Александру Лев Готгельф.

«Для меня, — сказал он, — «Федра» — лучшее, что написала Цветаева. Виртуозная техника, ни одного случайного слова, пламя внутренней страсти — всё это, на мой взгляд, делает «Федру» вершиной творчества Марины Цветаевой. К сожалению, широкой публике это трудно понять. Она не имеет культуры чтения драматических произведений, поскольку привыкла их видеть и слышать со сцены.

Перевод такого сложного, невероятно мощного произведения на английский язык я считаю грандиозным подвигом».

В отличие от Анжелы Ливингстон финская писательница и поэтесса Марья-Леена Миккола-Пиринен (Хельсинки) только-только подступает к Цветаевой, хотя уже несколько десятилетий занимается переводами поэтов Серебряного века — Б. Пастернака, О. Мандельштама, А. Ахматовой. При этом стоит сказать, что русский язык она изучала самостоятельно. Благодаря её переводам Анна Ахматова стала очень популярной в Финляндии. Готовится уже четвёртое издание её стихов на финском языке. Теперь от М.-Л. Миккола-Пиринен ожидают сборник переводов поэзии Марины Цветаевой, но...

«Я всё ещё в раздумьях, — призналась она, — справлюсь ли я с переводом такого сложного поэта? Смогу ли ухватить этот страстный, бушующий поток её строчек, непослушных рифм, неожиданных пауз и резких изменений скорости, основой которых является ритм, неотторгающийся, как мне кажется, стук её собственного сердца.

Мне абсолютно ясно одно: если я намерена переводить Цветаеву, то должна создать новый поэтический язык. Даже перевод нескольких ранних её стихотворений

оказался трудным делом. Что же будет в процессе работы над «Поэмой Горы» или «Поэмой Конца», где стилистические, формальные, тематические элементы сливаются в бушующую, до боли личную и всё же очень универсальную песню об отверженности и смерти. Где разлука любящих получает вселенские масштабы и обнажает метафизическую пропасть между душой и телом, между духом и миром. Однако Цветаевой я уже заразилась и поэтому знаю, что не смогу остановить работу на полпути».

Наверное, финская переводчица уехала из Елабуги с ещё более твёрдым намерением взяться за Цветаеву. Ведь перед ней оказалось несколько примеров того, как люди в зрелом возрасте занимаются переводами поэта и делают это блестяще. Особенно показательной в данном отношении является Вероника Лосская, которую связывают с Цветаевой более полувека. Именно тогда она начала повсюду искать и переписывать её стихи, встречаться с людьми, знавшими поэта, что впоследствии переросло в биографические и литературоведческие исследования. Но стихов Цветаевой Вероника Лосская раньше не переводила. Боялась, считала, что не сможет. И вообще — не её это дело, есть специалисты, профессионалы. Но года два назад на каком-то официальном вечере нужно было прочитать стихи Цветаевой на французском языке. И она перевела их на скорую руку. Читала сама. В зале сидел сын Никиты Струве, который сказал ей: «Первый раз я слышу, что Цветаева ЗВУЧИТ по-французски. Переводите, пожалуйста».

И вот уже вышла из печати первая книга переводов. Будем надеяться, что не последняя, поскольку, по словам Вероники Лосской, «работа меня совершенно окрыляет, я это делаю с восторгом».

По контрасту с этими словами прозвучало её выступление на чтениях, в котором она рассказала о своих рабочих встречах с А. С. Эфрон. Они проходили в 1971 году на протяжении шести недель в московской квартире Ариадны Сергеевны, где в то время хранился весь архив Цветаевой. Вероника Лосская понимала, что А. С. Эфрон, как никто другой, знает о поэте всё. Однако оказалось, что у дочери было собственное представление о том, каким должен предстать образ матери перед читателями.

«Я очень быстро поняла, — сказала В. Лосская, — что Ариадна Сергеевна, пользуясь мной, надеясь на какой-то мой писательский талант, хочет построить памятник Цветаевой».

В частности, она строго соблюдала «запретные зоны», в число которых попало дело Рейса, «романы» матери. А, как известно, именно под впечатлением любовных увлечений Марина Ивановна создавала лучшие свои стихи, поэтические циклы и поэмы.

Конечно, Вероника Лосская на всю жизнь сохранила благодарность А. С. Эфрон за те встречи, предоставленные материалы, последующую переписку, продолжавшуюся до 1975 года, в котором Ариадна Сергеевна умерла. Но тогда, в 1971 году, она уехала от неё больной и в течение 10 лет не писала о Цветаевой ничего. Почему? На этот вопрос она ответила так: «Потому что у меня в голове была книга «Марина Цветаева — та тème». А какая она мне та тème? Никакая не та тème! Она — мать Ариадны Сергеевны. И я говорила ей: «Вы должны написать книгу». Но она отвечала: «Я не могу. Я не могу!» И потом, когда её книга всё-таки вышла, я узнавала те слова, выражения, образы, которые она употребляла в разговоре со мной. Поэтому скажу дерзновенно: я оказалась тем благодатным поводом, который подтолкнул её написать эту книгу».

Кстати, именно Ариадна Эфрон познакомилась в тот приезд Веронику Лосскую с Анной Саакянц. И с той поры их связали не только общие интересы, но и настоящая дружба.

«Поэт — издалека заводит речь. Поэта — далеко заводит речь», — напишет Цветаева в 1923 году, предпослав эти строки стихотворному циклу «Поэт». Обратим внимание на последнюю строку, свидетельствующую о том, что автор далеко не всегда волен в выборе выражений и словообразований. «Лёгкий огонь, над кудрями пляшущий, — Дуновение — вдохновения!» — диктует свои законы, ритмы, рифмы, слова. И, повинаясь именно этим законам, поэт напишет в 1939 году в цикле «Стихи к Чехии» вот такую «Колыбельную»:

*В оны дни певала дрёма
По всем сёлам-деревням:
— Спи, младенец! Не то злomu
Псу-татарину отдам!*

*Ночью чёрной, ночью лунной —
По Тюрингии холмам:
— Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!*

*Днесь — по всей стране богемской,
Да по всем её углам:
— Спи, богемец! Не то немцу
Пану Гитлеру отдам!*

Выступая на чтениях с темой «Мир поэзии М. И. Цветаевой в переводах на татарский язык», заведующая кафедрой русской литературы XX–XXI веков Института филологии и искусств К(П)ФУ Р. Ф. Мухаметшина (Казань) подняла проблему, о которой до сих пор не было принято говорить в широкой аудитории. Она сообщила, что долгое время существовало негласное табу на переводы Цветаевой на татарский язык. А камнем преткновения стала та самая «Колыбельная», в которой было усмотрено оскорбление, нанесённое татарскому народу.

«Из-за одной строфы этого маленького стихотворения, — сказала Р. Ф. Мухаметшина, — был создан миф о негативном отношении Цветаевой к татарам.

Между тем, в колыбельных песнях каждого народа присутствует образ врага. То есть существует такая оппозиция: свой — чужой, и этим чужим пугают ребёнка. В русском фольклоре это — татарин, ставший олицетворением татаро-монгольского ига. Но и в татарских колыбельных детей пугали русским воином, который может их забрать. Здесь отсылка ведёт к завоеванию Иваном Грозным Казанского ханства и насильственной христианизации татар.

То есть, благодаря историческому комментарию, всё становится понятным. И Марина Ивановна совершенно здесь ни при чём. Она всего лишь заимствует этот фольклорный образ из колыбельных песен и органично вписывает его в своё стихотворение».

Эта тема задела слушателей за живое и вызвала целое обсуждение. Была помянута схожая колыбельная М. Лермонтова, в которой «злой чечен ползёт на берег», другие русские фольклорные произведения, где под словом татарин подразумевался инорец. А большой знаток Цветаевой И. В. Кудрова авторитетно заявила: «Ни к одному народу мира у неё не могло быть предубеждения в принципе. Это не тот человек и не тот уровень культуры».

Печатью особой глубины были отмечены доклады тех, кто отдал служению Цветаевой десятилетия своей жизни. Среди них — доктор биологических наук Лилит Козлова (Ульяновск). Задавшись целью определить день, в который было написано опубликованное во втором сборнике «Волшебный фонарь» стихотворение «Итог дня», она провела блестящий анализ и убедительно доказала, что таким днём — переломным, определившим дальнейшую судьбу поэта, — могло быть только 5 мая 1911 года. Именно тогда, покинув добровольный затвор в Трёхпрудном переулке, юная Марина приехала в шумный, весёлый, многолюдный Коктебель, где встретила своего будущего мужа Сергея Эфрона. Здесь завершилось её «трагическое отрочество» и началась «блаженная юность».

Этот период жизни Цветаевой хорошо известен. А вот свидетельство о намерении самоубийства из-за предыдущей несчастной любви к Владимиру Нелендору долгое время было покрыто завесой тайны. Раскрыть эту тайну удалось после того, как в руки исследователей попала копия прощального письма М. Цветаевой к сестре Анастасии, датированного 4 января 1910 года. С полным текстом письма участников чтений познакомил научный сотрудник Российской публичной библиотеки Е. И. Лубяникова (Санкт-Петербург). Она же рассказала об удивительной истории находок и утрат этого послания, которое М. Цветаева в своё время не уничтожила. Оно осталось в доме Борисоглебского переулкa после её отъезда в эмиграцию. Было найдено и кем-то заботливо сохранено. Через 35 лет после его написания, отбывая срок в дальневосточном лагере, Анастасия Цветаева, зная к тому времени о самоубийстве сестры и горевавшая о том, что та не упомянула о ней ни в одной из предсмертных записок, вдруг неожиданно получила копию прощального письма, обращённого непосредственно к ней.

Переписав текст под копирку, она отправила первый экземпляр Ариадне Эфрон (которая его не получила), а второй — Борису Пастернаку. Именно последняя копия, почти слепая, плотно исписанная с двух сторон на тонкой кальке не слишком разборчивым почерком А. Цветаевой, была найдена и расшифрована, пролив свет на один из трагических эпизодов в жизни Марины Цветаевой.

знаком широкого посмертного признания поэта стало открытие в России семи музеев, связанных с её именем. Один из них находится в селе Усень-Ивановское Башкортостана, куда 18-летняя Цветаева приехала в 1911 году вместе с Сергеем Эфроном, лечившимся здесь кумысом. Возможно, близость одного из цветаевских мест стала причиной того, что в Стерлитамакском педагогическом институте Башкирского государственного университета ведётся целенаправленная работа по изучению литературного наследия поэта студентами и аспирантами. На филологическом факультете проводятся цветаевские чтения, конкурсы чтецов, творческих и исследовательских работ. Своё читательское восприятие поэзии и прозы Марины Цветаевой студенты выражают в цвете (рисунках, иллюстрациях, портретах), в звуке и слове (произведениях собственного литературного и музыкального творчества). Они пишут стихи по мотивам произведений поэта, составляют комментарии к поэтическим текстам, выполняют курсовые и дипломные работы.

Аспиранты защищают диссертации по творчеству Цветаевой и вместе с преподавателями вуза принимают участие в Международных Цветаевских чтениях, которые проходят в Москве и в Елабуге. Об этом рассказала профессор А. С. Акбашева (Стерлитамак), которая приехала в Елабугу вместе с двумя коллегами, а также с поэтессой, переводчицей М. Цветаевой на башкирский язык Анисой Тагировой.

Невозможно перечислить все интересные выступления, которые касались архивных находок последних лет, свидетельств о поэте её современников, «присутствия»

М. И. Цветаевой в Интернете, современных литературных процессов в России и многого другого. Однако просто нельзя умолчать о тех материалах, которые привезла на чтения лауреат второй Литературной премии имени Марины Цветаевой Ирма Кудрова.

Во-первых, она подготовила замечательный доклад «Обнажённое сердце», в котором раскрыла сложную тему взаимосвязи богатейшей эмоциональной природы поэта с умением выразить стихию собственных чувств в поэтической речи. В качестве иллюстрации был взят цикл «Провода», где, по словам И. Кудровой, «отрывочность, недоговорённость фраз, самоперебивы, звукопись — всё подчинено одной задаче: воплотить вихревой натиск душевной бури».

Но свой доклад Ирма Викторовна зачитывать не стала (он будет опубликован в сборнике материалов чтений). Вместо этого она решила порадовать слушателей отзывом о творчестве Марины Цветаевой, который дала Т. Ю. Хмельницкая — автор книг о Н. Некрасове и М. Пришвине, знаток Серебряного века, удостоенная золотой премии Шведской Академии наук. Этот небольшой по объёму текст, явившийся ответом на вопросы специальной анкеты, И. Кудрова обнаружила недавно в собственном архиве, где он пролежал 20 лет. Лаконичный и предельно ёмкий, он был по достоинству оценён всеми присутствующими. Вот что, в частности, написала Т. Ю. Хмельницкая:

«Марина Цветаева — любимейший мой поэт XX века. И для меня «равносильны» ей (каждый по-своему) только О. Мандельштам и Б. Пастернак. Даже Ахматова по масштабу не то, что меньше, но уже. Ахматова скульптурно безупречна. Это памятник с золотым сечением пропорций — монолитный и цельный. А Цветаева — взрыв, вихрь, накал, катастрофа. По атомному разрываясь, она и в осколках сохраняет главную суть жизни. Никто с такой силой не передал в слове катастрофичность и трагизм своей эпохи, при этом всегда оставаясь собой, безошибочно узнаваемой. Она противоречива и сложна. Амплитуда колебаний огромна — от крика до шёпота, от откровенности до откровения, от страстного гневного максимализма до нежнейшего приятия всех проявлений жизни, от вселенских масштабов до интимности домашнего тепла, от космоса и вечности до еле уловимой подробности мгновения.

Всё у неё горячо, страстно, предельно, и на этом предельном накале поразительных по напряжённости и глубине чувств — слово её — интонационно выразительно, а внутренняя форма прозрачна. Слово это разъято на мельчайшие его составные части, но при этом просматривается до самой глубины его корней. Слово это всегда неожиданно, но вступает с соседствующими с ним словами в неразрывную и органическую связь. И прочность этой связи — в ошеломительных образных и звуковых ассоциациях.

При всей виртуозности работы Цветаевой над словом её творения никогда не кажутся экспериментом, лабораторной пробой, самоцельными экзерсисами, эквилибристикой. Её слова — по крайней изощрённости и смелости их соединения — прежде всего, передают суть мысли, чувства, характера, состояния...

Возрастающий интерес к личности и творчеству Цветаевой объясняется прежде всего тем, что она действительно личность, ярко и сильно проявленная — то, чего так недостаёт современной нашей поэзии. Отвечаю одновременно и на вопрос, что меня больше всего привлекает в личности Цветаевой. Страстность, предельное неравнодушие к миру и людям. Цельность при редкой сложности и противоречивости. Горячий отклик на всю боль мира. Интенсивность проявления себя. Богатство ассоциаций. Полновесность и образность слова. Трагизм судьбы. Огромный диапазон культуры, не как энциклопедической оснащённости знаниями, а культуры пережи-

той, органически слившейся с биографией. Повышенный драматизм восприятия событий и внутренней жизни, и мирового масштаба. Смелость творческой позиции. Безоглядность и самозабвенность, вкладывающая всю себя в каждое сказанное слово. Высота и предельная искренность. Её поэзия сильна, неисчерпаема и трагедийна».

И ещё один краткий отзыв, который дала нам Ирма Кудрова, отвечая на вопрос, что она может сказать о прошедших чтениях: «Мне хочется плакать от радости за Марину. Я смотрела на сцене на её портрет и думала: «Господи! Там, где тебе было так невыносимо, слышишь, что о тебе говорят! Как тебя любят!»

Особенностью чтений в Елабуге является то, что они никогда не ограничиваются официальной и научной частью. На этот раз в их программу были включены сольные концертные выступления певицы Венеры Сибгатуллиной (Казань), актрисы Зорицы Йованович (Белград), автора-исполнителя Виктора Леонидова (Москва). А творческим завершением встречи российских и зарубежных цветаеведов стал поэтический час в Литературной беседке Мемориального комплекса Марины Цветаевой.

Такого созвездия поэтов и переводчиков здесь, пожалуй, не было ещё никогда. Кто-то читал свои посвящения Марине Ивановне, кто-то собственные стихи, отмеченные печатью сокровенности. И вновь стихотворения Цветаевой звучали на самых разных языках. Страстно, возвышенно и незабвенно:

*Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стёклах, –*

*И на стволах, которым сотни зим...
И, наконец, – чтоб было всем известно! –
Что ты любим! любим! любим! любим! –
Расписывалась радугой небесной...*

Людмила ПАХОМОВА

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Вот уже в третий раз награждение Цветаевской премией производится в номинации «Поэтический сборник», это вошло в традицию.

Каковы условия конкурса? В нём может участвовать любой автор поэтического сборника, вышедшего на русском языке в последние два года. Неважно, упоминается ли в стихах имя Марины Цветаевой, жюри на это внимания не обращает. Неважно также, где сборник издан, где живёт автор, в какой литературной организации он состоит или вообще не состоит, подданым какого государства является. Важны мастерство, искренность, душевность.

В 2008 году лауреатом Цветаевской премии стала Ольга Григорьева («Из семи тетрадей», 2007, Павлодар, Казахстан), в 2010 — Евгений Поспелов («Крылатый ковчег», 2010, Елабуга, Татарстан).

В 2012 году на конкурс прислали свои сборники 79 авторов как из России, так и из зарубежья. География весьма обширная: Белоруссия, Украина, Казахстан, Германия, Австрия, Израиль. А по самой России — самые разные города, края, области: Чеченская республика и Забайкальский край, Ленинградская область и Нижний Новгород, Абакан и Нижневартовск, Омск, Кострома, Саратов, Самара. И ещё многие другие.

Читать или даже просто просматривать все эти сборники — большой труд, но и большая радость. Русская провинция говорит множеством поэтических голосов.

Вот сборник Ирины Котельниковой «Отгорю я закатом багровым», изданный в Чите. Автор родилась, выросла и всю свою жизнь прожила в Забайкалье; в её стихах, полных светлой грусти, дышит есенинская и рубцовская Россия. Вот Святослав Михня («Отступление в небо», Тверь), журналист и краевед, автор книги «История тверской земли с древнейших времён до наших дней», и в стихах своих пишет о той же тверской земле:

*Вдали от железных и прочих дорог
Край этот негромкий — задумчив и строг.*

Вот Семён Эпштейн («Время печалиться», Санкт-Петербург), потомственный ленинградец, врач, в 1990 году уехавший в Израиль и живущий сейчас там. Его стихи строги, философичны и пронизаны болью за Россию, куда автор стремится, чтобы затеряться «среди народов её и оврагов». «Там не ждут ежечасно мессию, там не верят, но веруют в Бога». И эти стихи — возвращение.

Хороших сборников много. И уже можно определить, «нащупать» центры, где поэтическая жизнь живо пульсирует. Например, Омск был представлен двумя сборниками: Вероники Шелленберг «Сны на склоне вулкана» и Ивана Денисенко «Рубикон», оба очень интересные. Или Нижний Новгород, откуда свои сборники прислали трое, в том числе Евгений Эрастов. «После смерти я выйду к реке» — очень хорошие стихи, полные любви и боли. Любви к родной земле, к любимой реке — и боли за «тёмный край», где «я надеялся, чувствовал, верил».

В стихах, пришедших из разных концов России и зарубежья, живёт искреннее, трепетное внимание к Слову. Живёт, по выражению Семёна Эпштейна, верность языку. В них редко встретишь новомодные языковые изыски (у их авторов, видимо, свои приоритеты и свои адресаты), в них ориентация на русскую классику, на Блока, Есенина, Цветаеву, на «тихую поэзию» 70-х годов. И уверенность в могучей силе Слова. Вот какими стихами начинается свой сборник «Рубикон» Иван Денисенко:

*Вот человек. Он замер у стола.
В его груди, как птица, бьётся Слово,
и ручка, как острога иль стрела,
взметнулась в предвкушении улова.
И человек светлеет, словно свят.
Он может всё. Он целый мир поднимет
одним лишь Словом.
Ветры не галдят.
И ангелы, опомнившись, глядят
на мир, возникший там,
внизу,
под ними.*

В этом году Цветаевская премия в номинации «Поэтический сборник» присуждена Лилии Юсуповой, её сборнику «Время любви» (2010, Барнаул).

В сборнике представлены произведения разных жанров. Это лирические стихи, объединённые темой любви (в отдельный раздел выделены положенные на музыку), «четверостишия», драматические поэмы, переводы с татарского и «странички из дневника».

Сборник открывается поэтическим предисловием автора:

*Всё делят шар земной политики,
Ведя стратегию войны,
И чередой угроз и критики
Любые новости полны.*

*Летят враждебные послания,
Во все концы, во все края.
А я хочу, чтоб созиданием,
А не враждой жила Земля.*

*И, отвергая стиль агрессии,
Я повторяю вновь и вновь:
«Моя политика – поэзия,
Моя стратегия – любовь».*

Любовь в стихах Лилии Юсуповой – это любовь женщины, счастливая и тревожная. Счастливая, потому что сама любовь – счастье. Тревожная, потому что тревожен мир («весь мир вокруг идёт на слом»), потому что это чувство непредсказуемо («не хочу я просить подаяния, если кончилось время любви»), потому что слова любви необходимы, как воздух, как величайшее сокровище:

*Обветшает любое добро,
Лишь слова не подвержены тленю.*

Тематически и интонационно лирика продолжается в драматических поэмах.

Совершенно иное звучание имеет большой раздел «Четверостишия», в нём 132 лирических миниатюры, в каждой из которых – законченная мысль, раздумье, вывод. В них личность автора, взгляд на мир, ирония и самоирония, утверждение своего «я», своего места в жизни и поэзии:

*Хотя мои потребности просты,
Мне нужен стол и чистые листы.
И денег ровно столько в кошельке,
Чтоб думать не о них, а о стихе.*

* * *

*И я б могла писать витиевато,
Не «небо» говорить, а «эмпиреи»,
Но не хочу – чем вычурней цитаты,
Тем меньше различимы в них идеи.*

* * *

*По кабинетам ходят ходоки.
Кто слёзно просит орден за стихи,
Кто премию за повесть выбивает.
Теперь ногами славу добывают.*

* * *

*«Предав Христа, повесился Иуда», –
Предание, похожее на чудо.
Вокруг Иуд – что осенью оянт,
А вешаться Иуды не хотят.*

В сборниках, присланных на конкурс, иногда содержатся краткие сведения об авторе, иногда их нет. Из сборника «Время любви» можно узнать только, что это 14-я книга автора. Но мы (я имею в виду участников Цветаевских чтений, во время которых присуждалась премия) познакомились с Лилией Юсуповой ближе и убедились в том, что это очень интересный, неординарный человек.

Лилия Джигангеровна Юсупова родилась в Сибири, провела школьные годы в Ульяновске, закончила Казанский медицинский институт. В 1980 году она уехала по распределению в Алтайский край, в город Горно-Алтайск, где живёт и работает до сегодняшнего дня. Работает по специальности: она врач-эпидемиолог высшей квалификации, кандидат медицинских наук, отличник здравоохранения. В то же время находится в центре культурной жизни своего региона. Лилия Юсупова – член Союза писателей России. Она много работает в области поэтического перевода с болгарского, польского, татарского, имеет дипломы нескольких международных конкурсов. В 2003 году она стала лауреатом Шукшинской премии.

Казалось бы, такая интенсивная двойная работа: и медицина, требующая много сил и времени, и собственное творчество, и, наконец, семья (Лилия Джигангеровна – жена и мать) уже не должны оставлять времени ни на что другое. А между тем Лилия Юсупова ещё находит время, чтобы помогать другим поэтам, чтобы нести поэтическое слово людям: проводит мастер-классы в рамках республиканского фестиваля, организует музыкально-поэтические вечера и в своём городе, и в других городах: Барнауле, Новосибирске.

А ещё Лилия Джигангеровна – талантливый художник. Она показывала свои картины на многих коллективных и пяти персональных выставках. В сборнике «Время любви» тоже есть репродукции с нескольких её картин.

В своё время Евгений Евтушенко написал строки, ставшие общеизвестными: «Поэт в России больше, чем поэт». Евтушенко имел в виду общественно-политическую позицию поэта, его влияние на общество. С этим можно соглашаться или не соглашаться. Но несомненно: поэт в российской глубинке, в российской провинции сегодня действительно больше, чем поэт. Он – носитель культуры, ответственный перед современниками, перед Россией за культурное состояние нашего общества, а это значит – за судьбы страны. Яркий тому пример – новый лауреат Цветаевской премии, поэт Лилия Юсупова.

Наталья ВЕРДЕРЕВСКАЯ

Р. С. Стихи нового лауреата Цветаевской премии Лилии Юсуповой вы можете прочесть на стр. 41-45 нашего альманаха.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ПЛОДЫ

В Казани, в Доме Аксёнова состоялся литературный праздник «Осенины». Казанская городская организация Татарстанского отделения Союза российских писателей отмечает его по традиции в день осеннего равноденствия – 21 сентября. В народном календаре этот обрядовый праздник издавна связывался со сбором урожая, стано-

вился своеобразным подведением итогов сельской страды. Вот и наши писатели решили ежегодно собираться, чтобы представить коллегам свои новые книги, последние публикации, почитать написанные за лето стихи и просто поделиться размышлениями.

Первым выступил один из «старейшин» поэтического цеха — лауреат международной премии «Золотая строфа», член Союза российских писателей Михаил Тузов. И начал он не с новых стихов (а они тоже прозвучали), напомнив, что 16 сентября исполнилось три года со дня кончины Виля Салаховича Мустафина — создателя и первого председателя Казанской городской организации СРП, большого поэта и философа, близкого друга для многих собравшихся в аксёновском зале... Затем слово взял Геннадий Пронин — директор картинной галереи Константина Васильева, 70-летие которого отметили 3 сентября в Казани. Кстати, в предыдущем номере литературного альманаха «Аргамак», который издаёт Татарстанское отделение Союза российских писателей, цветная вклейка посвящена творчеству Константина Васильева, с которым Виля Мустафина познакомил именно Геннадий Васильевич. Помимо широко известных полотен с разрешения сестры художника в № 3 (12) публикуются и редко воспроизводимые картины живописца из московского собрания. Часть из них представлена на выставке, которая сейчас проходит в Национальном культурном центре «Казань», а потом украсит залы нового помещения Картинной галереи Константина Васильева на улице Баумана.

Нынешние «Осенины» во многом были посвящены выходу нового номера альманаха. Из опубликованных на этот раз в «Аргамак» поэтов на празднике в Доме Аксёнова выступили члены Союза российских писателей, заслуженные деятели искусств РТ Лилия Газизова и Борис Вайнер. Кстати, Борис Григорьевич пришёл на «Осенины» с гитарой и спел свои ироничные песни, почитал новые стихи.

А руководитель секции русской литературы и художественного перевода СП Татарстана, лауреат Державинской премии и премии имени Анны Ахматовой, дважды финалист Волошинского конкурса Лилия Газизова лишь накануне праздника вернулась из Коктебеля. И первой сообщила собравшимся, что лауреатом этого года стал казанский поэт Алексей Остудин.

На «Осенины» заглянула и сотрудник культурно-образовательного отдела музея-заповедника «Казанский Кремль» Регина Нуруллина, чтобы ближе познакомиться с творчеством казанских поэтов. Дело в том, что с приходом в музей нового директора, Зили Валеевой, в Казанском Кремле решили проводить поэтические вечера. Первые из них прошли на ежегодном фестивале KREMLIN LIVE 2012 в конце августа.

В Музее истории государственности татарского народа и РТ в рамках фестиваля Айрат Бикбулатов провёл литературно-музыкальный джем «Поэты под клавиш». Сотрудник культурно-образовательного отдела предложила членам Союза российских писателей поддержать их начинание и помочь музейщикам с организацией авторских вечеров казанских поэтов в Казанском Кремле. А пришедший на «Осенины» Айрат Бикбулатов подтвердил, что в кремлёвском музее государственности для этого имеются все условия.

А его коллега по Казанскому университету Алексей Кириллов напомнил собравшимся, что 23 сентября исполнилось 75 лет со дня рождения известного казанского поэта Николая Беляева, с именем которого многие годы было связано существование поэтической студии ARS при КГУ. Николай Николаевич составил сборник стихов своих студийцев, многих из них тогда приняли в Союз писателей СССР («Стихи казанских студентов. 1970–1990 гг.» Казань: Изд-во КГУ, 1991). В 1991 году Беляев принял активное участие в создании Союза российских писателей, вступил в его ряды

одним из первых. В 1993 году переехал в село Ворша Собинского района Владимирской области, но связи с Казанью не обрывал.

Напомним, в начале этого года депутат Госсовета РТ, вице-президент Академии наук РТ Наиль Валеев издал к юбилею поэта и друга (на личные средства) книгу Николая Беляева о художнике Алексее Аникеёнке «Поэма солнца». И обратился к Президенту Татарстана Рустаму Минниханову с просьбой содействовать возвращению поэта Николая Беляева, который оказался в бедственном положении и серьёзно болен, в Казань... Реакция последовала незамедлительно — Николаю Николаевичу выделили новую квартиру на улице Чистопольской. И вот совсем недавно Беляев с семьёй наконец-то перебрался в Казань.

И теперь его ждут в университете с надеждой, что слава ARS'a возродится. Дело в том, что последние годы университетским литобъединением руководил Тимур Алдошин. Однако прошедшим летом он попросил друзей помочь ему в работе. На последнем заседании студии «ARS-poetika» после долгих обсуждений было принято решение, что беляевское детище во что бы то ни стало необходимо сохранить. Семинары, мастер-классы и обсуждения молодых поэтов в аудитории 211 главного здания КФУ по средам сейчас проводит член Союза российских писателей Искандер Абдуллин совместно с Алексеем Кирилловым, Айратом Бикбулатовым и Наилем Ишмухаметовым. Кстати, все они также выступили на «Осенинах» со своими новыми стихами.

А заместитель главного редактора альманаха «Аргамак», поэт и переводчик из Набережных Челнов Вера Хамидуллина представила собравшимся свою новую книгу, где её стихи соседствуют с картинами Никаса Софронова — это необычное иллюстрированное издание минувшим летом получило гран-при престижного Берлинского конкурса «Лучшая книга года на русском языке».

Не обошлось и без «рояля в кустах»! В заключение Вера Хамидуллина порадовала публику ещё одним сюрпризом — именно в день праздника она получила из типографии новую книгу с детскими стихами Сергея Карпеева «Где спит рак?», и под аплодисменты она вручила сигнальные экземпляры ничего не подозревавшему автору! Серия «Садик» — один из самых значимых издательских проектов Веры Хамидуллиной, для этих ярких книжек-раскрасок для самых маленьких (на двух государственных языках республики) сама же Вера переводит стихи на татарский язык. На русский же язык стихи татарских поэтов переводят челнинцы Факиль Сафин и Альфия Ситдикова. А художник литературного альманаха «Аргамак» Ольга Белова-Недовизий выступила в проекте со своими рисунками.

Вот какой урожай принесли нам «Осенины». В завершение же, по сложившейся традиции, гости пили чай и угощались выращенными казанскими писателями красными яблоками и чёрным виноградом.

Сергей ТИМОФЕЕВ

«СВЕТ НЕГАСИМОЙ ЗВЕЗДЫ»

Литературно-музыкальный вечер с таким названием, посвящённый 125-летию со дня рождения классика татарской драматургии, видного актёра и режиссёра Карима Тинчурина (1887–1938), прошёл 14 сентября в Литературном музее Г. Тукая.

Мероприятие провёл филиал Национального музея РТ — Музей истории татарской литературы с мемориальной квартирой Шарифа Камала (в данный момент здание музея закрыто на реконструкцию). Место проведения мероприятия было выбрано неслучайно — именно в музее Г. Тукая в настоящий момент проходит выставка «В

поисках счастья», посвящённая жизни и творчеству Шарифа Камала, близкого друга и соратника Карима Тинчурина.

Драмы Карима Тинчурина — «Первые цветы», «Угасшие звезды», «Американец», «Без ветрил», «Казанское полотенце» — давно и прочно вошли в золотой фонд многонациональной театральной классики. Но самым известным и любимым народом произведением Тинчурина, ставшим своего рода визитной карточкой татарского театра, является «Голубая шаль». Этим спектаклем, который был впервые поставлен ещё в 1926 году, Татарский государственный академический театр имени Г. Камала вот уже много десятилетий подряд начинает и заканчивает театральный сезон.

Зрители, пришедшие на мероприятие, узнали немало интересных фактов о любимом спектакле. Порадовали их и актёры театра им. Г. Камала. В исполнении Ирека Кашапова (именно он играет сегодня на сцене театра роль главного героя «Голубой шали» — Булата) прозвучали песни из спектакля и монолог Булата, а Раиль Шамсиев исполнил песню шакирда.

Профессор кафедры татарской литературы Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) Федерального Университета Фоат Галимуллин познакомил собравшихся с биографией Тинчурина, а его коллега, д.ф.н. Альфят Закирзянов, рассказал об этапах творческого пути Карима Тинчурина.

Руководитель ЛИТО «Белая ворона», заслуженный работник культуры РТ Наиля Ахунова поделилась воспоминаниями о том, как в своё время Карим Тинчурин «благословил» на литературный путь её отца, народного писателя Татарстана Гарифа Ахунова.

В исполнении старшего научного сотрудника музея С. Сайдашева Раушании Зигангировой прозвучали песни «Сандугач», «На Кандре», «Песня Майсары» на музыку Салиха Сайдашева — именно он является автором музыки к спектаклям «Голубая шаль» и «Казанское полотенце».

В фонде архива деятелей татарской культуры Национального музея РТ содержится богатейший архив личных вещей и рукописей Карима Тинчурина. Благодаря мультимедийным средствам собравшиеся получили возможность прикоснуться к уникальному архиву. Рассказала о нём старший научный сотрудник Национального музея РТ Флюра Даминова.

Альбина АБСАЛЯМОВА

ЭКОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

1 ноября 2012 года в большом зале Администрации Президента России в Москве состоялось торжественное закрытие юбилейного X Международного детского экологического форума «Зелёная планета». Присутствовали более 1200 гостей и участников, представители 15 стран мира и 77 регионов России: региональные представительства «Зелёной планеты» и школьные кружки экологов и юннатов; крупнейшие промышленные корпорации, такие, как «Росатом», профессора, доктора наук, занимающиеся проблемами сохранения окружающей среды; учителя и студенты; исследователи Севера и писатели. Приветствие Президента В. В. Путина зачитала Марина Валентиновна Медведева, председатель правления Общероссийского общественного детского экологического движения «Зелёная планета», действительный член Международной академии наук, кандидат педагогических наук.

Внимание к детскому экологическому движению отнюдь не случайно. 40 лет назад был учреждён Всемирный день окружающей среды. Конвенция ООН по биоло-

гическому разнообразию (CBD) была создана 5 июня 1992 года в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по сохранению окружающей среды. Цель конвенции — призвать мировое сообщество обратиться в сторону устойчивого развития и разумного использования ресурсов планеты.

Спустя 10 лет после подписания конвенции 193 страны-участницы договорились к 2010 году достичь значительного сокращения скорости исчезновения видов в глобальном, региональном и местном масштабах. Однако в 2010 году, объявленном Международным годом биоразнообразия, ООН констатировала, что человечеству не удалось добиться этой цели.

Мир эквilibрирует на грани экологической катастрофы. Недра опустошаются, воздух и вода загрязняются, население Земли продолжает стремительно стареть и вымирать. Планету лихорадят землетрясения, наводнения, цунами, снегопады в Африке и таяние вечных льдов Арктики и Антарктиды.

Что могут сделать дети? «Талантливые, умные, равнодушные, с гиперактивной жизненной позицией, но это всего лишь дети», — скажут многие! А дети «Зелёной планеты» учредили ежегодный конкурс и присуждают премии взрослым начальникам в разных номинациях, как бы поощряя их за конкретные шаги в деле сохранения природы.

Кстати, мы можем гордиться, что живём в Татарстане!

В номинации «Зелёное достояние» Гран-При получил Артём Георгиевич Сидоров — министр экологии и природных ресурсов Республики Татарстан. По итогам конкурсной программы форума «Республики РФ» награждено Татарстанское республиканское отделение «Зелёной планеты».

А ещё всем участникам в подарок от писательницы-сказочницы Светланы Савицкой достались книги «Три лягушки» и «С Днём рождения, Магадан!», изданные в Татарстане по моему авторскому проекту и вышедшие в серии «Современные авторы детям» на русском и татарском языках. Не один год в рамках Форума проходит специальный конкурс рисунков по экологическим сказкам Светланы Савицкой. И вот Гран-При в этой номинации заслуженно вручён сразу двум художникам, оформлявшим книги новой серии: новосибирскому художнику-анималисту Виталию Павлушину и художнице из Набережных Челнов Ольге Беловой-Недовизий, являющейся членом редакции нашего литературного альманаха «Аргмак. Татарстан». Поздравляем Олю, а также других победителей, верим, что зелёное движение и красота спасут мир.

А защищать окружающую среду всё же придётся нам всем и не только на протяжении одного 2013 года!

На снимке (слева направо): Ольга Белова-Недовизий, Светлана Савицкая, Вера Хамидуллина

Вера ХАМИДУЛЛИНА

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» ДИАНЫ КАН

19 октября 2012 года в Оренбурге состоялась церемония награждения лауреата Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка». Учредителями премии выступили Правление Союза писателей России и губернатор Оренбургской области. Лауреатами Всероссийской номинации Пушкинской премии «Капитанская дочка» в разные годы становились такие известные писатели, как прозаик Пётр Краснов, профессор Московского литературного института Владимир Торопцев, поэтесса из Вятки Светлана Сырнева, московский поэт Геннадий Красников и т.д. На сей раз Секретариат Правления Союза писателей России единогласно утвердил в качестве лауреата поэтессу Диану Кан.

Когда-то Диана Кан жила в Оренбурге, посещала областное литобъединение, издала в Оренбурге свою первую книгу стихов, там же в 1994 году была принята в Союз писателей России. Оренбург стал творческой колыбелью Дианы Кан как поэтессы.

Помимо денежного вознаграждения и лауреатского диплома в этом году лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка» получила эксклюзивный подарок – бронзовую статуэтку с постаментом из знаменитой уральской малахитовой яшмы, которая водится только в Оренбуржье. Напомним, что повесть «Капитанская дочка», посвящённая восстанию Пугачёва в Волжско-Уральском регионе, стала результатом «творческой командировки» Александра Сергеевича Пушкина, когда Пушкин совершил свою знаменитую поездку в Оренбург. Ныне в Оренбурге в память о пушкинской поездке установлено два памятника Пушкину. Один «оренбургский Пушкин» расположен на оренбургской уральской белокаменной набережной, он вальяжно сидит на своём постаменте возле старинного здания с башней и часами. Второй «оренбургский Пушкин» находится в центре Оренбурга, будучи изваян народным скульптором России Надеждой Петиной стоящим рядом с Владимиром Далем.

Карина СЕЙДАМЕТОВА

Дюжина «Аргамак»

* * *

Поздравляю «Аргмак» с первой дюжиной! Журнал не только сам «сдюжил-выдюжил», не только выработал собственное неповторимое лицо, концепцию и прочие системные вещи, без которых настоящий журнал не может существовать в принципе. Он ещё открыл читателям много новых имён талантливых авторов, напомнил об уже известных в литературе именах. Радует, что «Аргмак» сделал главную ставку на тексты, на талант, который, по утверждению умных людей, один всегда и во все времена является новостью. Среди других сильных качеств «Аргмака» — крепкая опора на родную региональную почву, но при этом открытость всему позитивному, что создаётся в современной литературе России. «Аргмак» показывает литературу Татарстана в контексте всей России. И привлекает авторов не только по географическому, но и по литературному принципу. Потому что ни один, даже самый финансируемый журнал, даже при самой внимательной заботе власти, всё-таки не сможет долго и полноценно существовать, поддерживать высокий уровень, если уйдёт в областнический-региональный «затвор», поставив географию превыше литературы. Когда я даю «Аргмак» читателям и писателям в Самарской области, в Оренбургской области, в Воронежской области и др., то практически все они отмечают качественный уровень публикуемых в «Аргмаке» текстов. Это, конечно, заслуга взыскательности и тщательности отбора, т.е. главного редактора и сотрудников.

Однако о минусах журнала тоже всё-таки скажу, хотя Бальзак и говорил, что наши недостатки — суть продолжение наших достоинств. Я всё-таки думаю, что обложка журнала, красивая, красочная и полиграфически грамотная, но постоянная, могла бы быть разнообразнее. Нельзя не восхищаться поистине небесной красотой казанской мечети Кул-Шариф на обложке «Аргамак». Но при этом я (хотя ни разу в Татарстане побывать мне пока не удалось!) уверена, что в Татарстане вообще, в Казани и Набережных Челнах в частности, есть немалое множество других прекрасных архитектурных жемчужин — мечетей и храмов, красот природы, архитектуры совершенно неповторимой. Чтобы, беря журнал в руки, читатель из самых разных регионов России видел на обложке каждый раз разный Татарстан. К тому же разнообразие обложек будет соответствовать полифоничности текстов журнала, и такое лицо, столь разное, никак не войдёт в концептуальное противоречие с содержанием журнала. Возможно, это моё (чисто женское) мнение, но «одежда», в т. ч. и журнала, должна быть не только красивой, но и разнообразной. Чехов, говоря о человеке совершенном, утверждал, что в нём всё должно быть прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли. И эти чеховские слова полностью можно отнести к изданию. Только добавить при этом, что лицо (то есть обложка) может быть и прекрасным (прекрасной!), и разным (разной!).

Спасибо «Аргамак» за корректность по отношению к авторам. Впрочем, исходя из своего опыта общения с самыми разными журналами, скажу, что оригинального тут нет ничего, скорее закономерность: уважая своих авторов, издание фактически уважает себя. И тем самым показывает свой уровень. «Аргамак» себя уважает. Впрочем, ему есть за что себя уважать, а потому — так держать!

Вспоминаю шуточный стишок доперестроечного времени: *«Почему-то у толстых журналов, //Как у толстых девиц средних лет, //Слов и рыхлого мяса немало, //Но совсем темперамента нет».*

Харизма-темперамент «Аргамак» заложен уже в самом названии издания! Ой как непросто в наше смутное время, когда читатель устал от «свинцовых мерзостей бытия», аргументировано, чётко, но при этом политкорректно и, главное, с позитивным желанием сделать наш мир лучше, говорить о болях нашего непростого времени. Темперамент журнала (как, впрочем, и темперамент автора) — важнейший фактор талантливости и перспективности и того, и другого. Важно только помнить французскую поговорку: *«Темперамент — хороший конь, но плохой наездник».* Поэт и главный редактор Николай Алешков умеет направить темперамент «Аргамак» в позитив, чётко озвучивая свою патриотическую гражданскую позицию, свои нравственные и эстетические приоритеты. И при этом не впадает в обличительство, плавно переходящее в весьма прибыльные для иных авторов и изданий похороны России. Эта «похоронная литературная команда» и надрывный плач по Родине, увы, нынче очень часто выдаются якобы за патриотизм. А на самом деле литература, которая убивает в читателях своей якобы честностью последнее желание жить — не литература вовсе. *«То не поэзия, что не делает меня мужественнее и чище»*, — сказал поэт.

А ещё очень хотелось бы, чтобы у «Аргамак» появился свой сайт, который наверняка будет востребован читателями России и станет дополнительным источником информации раскрутки не только «Аргамак», но и всего талантливого и нового, что создаётся в современной литературе России вообще и Татарстана в частности.

Диана КАН
Евгений СЕМИЧЕВ

Р.С. К нам присоединяются члены народного коллектива «Литературно-творческое объединение «Отчий Дом», являющиеся поклонниками-почитателями «Аргамак»:

Члены Союза писателей России — поэт-фронтовик Илья Павлов, Андрей Хитёв, Карина Сейдаметова, Сергей Бударин, Мария Черняева, Иван Бардин.

Поэты Ольга Полухина, Валентина Соколова, Александр Мишарин, Юлия Ежова, Анастасия Устинова, Юрий Куликов, Надежда Забараускас, Ольга Богомолова, Алёна Богомолова, Анжела Богомолова, Неля Христосова, Лилия Егорова, Александр Карлов, Любовь Медведева, Людмила Корсунова (Самара), Надежда Ланина (Самара), Вера Беляева, Леонид Котов, Ольга Тутарова и др.

* * *

Произношу слово «Аргамак». В этом слове есть экспрессия, импульс. Ещё бы, ведь это — название журнала, который, подобно волшебному скакуну, преодолевает тысячи километров, чтобы попасть в руки читателей по всей России. В наше нелитературное, казалось бы, время каждый новый номер журнала «Аргамак» ждут с нетерпением в Москве, Кирове, Казани, Смоленске, Саратове, Волгограде, Калининграде, Владивостоке, в городах Сибири, ждут и за пределами России. Потому как именно здесь дышит живое слово.

Журнал, родившийся не в столице, а в Набережных Челнах, востребован и любим. Для меня это не новость, потому что я убеждена, что именно в провинции сохранилось всё самое настоящее, истинное. Истинная любовь к Родине, истинная литература. Люди, рождённые в глубинах России, не умеют лгать и лукавить. Литераторы, пишущие для «Аргамака», прекрасно владеют словом. Не зря на его страницах появилась рубрика «Тверской бульвар, 25». Здесь печатаются выпускники Литературного института, к слову сказать, единственного в мире. Все, кто окончил Литературный институт, на мой взгляд, люди уникальные, потому что решили посвятить себя работе со словом. Профессиональная работа со словом — это драгоценное золотое шитьё. Сделать доброе слово добрым делом не каждому под силу, но авторы «Аргамака» заняты именно этим. Им приходится долго учиться, а потом приберегать к случаю свои творения, чтобы напечатать. Таким случаем и стал журнал для литераторов.

Итак, журнал, рождённый в провинции. А где же ему ещё родиться? Ведь в последние годы именно провинция спасает Россию. Во всём. И в литературе в том числе. Авторы «Аргамака» — люди бескорыстные. Они публикуются там из любви к слову, а не к славе. Всякий раз меня радуют и поражают своей точностью рисунки журнального художника Ольги Беловой-Недовизий. Точность этих рисунков объясняется одним — Ольга добросовестно читает все произведения, которые иллюстрирует. Это вызывает только уважение. На апрельской презентации журнала в Национальной библиотеке Республики Татарстан была представлена выставка художницы. Я очень внимательно рассматривала каждый рисунок, проникаясь её настроением, пониманием темы. Эти рисунки искренни и талантливы. Жаль, что выставка работала в Казани так мало — ей были отведены только часы презентации. Возможно, художнице повезёт по-крупному — её работы выставят на всеобщее обозрение недели на две в каком-нибудь хорошем месте, где бывают истинные ценители книжной графики и литературы. Рядом с её работами, конечно же, должны лежать номера «Аргамака», чтобы читатели и зрители сравнили, захотели прочесть напечатанное, приобрести журнал. Бывают мастеровитые художники, набившие руку, но смотришь на их творения и понимаешь — всё мимо. Не пережил оформитель вместе с писателем его чувств: рисуночек хороший, но бездушный, существует будто отдельно, сам по себе. Ольга же в свои рисунки за-

ставляет вглядываться и постигать литературу. Только в таком синтезе возможно проникновение в слово.

Не могу не сказать о разнообразии жанров, которыми владеют авторы. Поэзия, проза, драматургия, критика, журналистика, фотография... И ведь всё это без провинциального налёта, потому что делается профессионалами высокого класса.

Ольга ЖУРАВЛЁВА
Казань, Киров

* * *

Всякий раз, когда беру в руки журнал «Аргамак», испытываю глубокую радость. Он как молитва укрепляет веру, даёт ощущение чего-то твердого, истинного, того, что в наше время всячески стремятся искоренить, обесценить. Спасибо Вам за это!

Дина САДЫКОВА

ТРИНАДЦАТЫЙ ЗАБЕГ

**(Комментарий
главного редактора)**

Не скрою, разговор на тему «Дюжина «Аргамаков» был организованной акцией. Я попросил некоторых уважаемых авторов нашего литературного альманаха порассуждать о его плюсах и минусах на фоне столичных журналов-«толстяков» и региональных изданий, которых появляется всё больше и больше. Откликнулись Диана Кан и Евгений Семичев, а также Ольга Журавлёва и Дина Садыкова. Я им чрезвычайно признателен за довольно высокую оценку альманаха, в котором и сами публикуются. Но, честно говоря, хотелось большего количества компетентных откликов. И мы готовы к дальнейшему обсуждению: всё ли благополучно на страницах «Аргамака», выдерживаем ли мы то, что называется хорошим литературным вкусом?

Предполагаю — для тех, кто считает, будто современный литературный процесс происходит, в основном, в пределах Садового кольца, «Аргамак», пожалуй, выглядит «белой вороной» из-за своей якобы излишней приверженности к отвергаемым ныне традициям, из-за своего принципиального дистанцирования от сетевых и групповых тусовок (мне вообще симпатична теория неучастия во всём постыдном и неприличном). Однако на сайте родного Татарстанского отделения Союза российских писателей (www.srpkn.ru) мы активно позиционируемся благодаря усилиям Александра Воронина (Казань) и Валерия Клячина (Иваново). Если же заострить вопрос о приверженностях, то в идеале кредо главного редактора может выглядеть так: «Аргамак» публикует художественную литературу. Так называемую «другую» литературу пусть публикуют другие издания.

В литературе не может быть ничего другого, кроме текста, отмеченного печатью таланта. Постоянное и назойливое сбрасывание традиции с «корабля современности» становится глупостью. На пустом месте вырастают только сорняки. Каждый литератор решает сам для себя, на кого и на что опираться: на русскую классику, на Шукшина и Рубцова или на перформанс, вечную издёвку, отрицание ради отрицания. Наш выбор очевиден.

Вот проводится в Казани фестиваль и ныне непонятого словотворца Велимира Хлебникова. Говорят, в самой столице республики очень интересно прошла научно-практическая конференция. Благое дело, ибо судьба великого футуриста накрепко связана и с Казанью. Но поэзию на фестивале представляли не «хорошие и разные», а, по определению Юрия Кузнецова, «люди узкого круга» — тусовочного. Прикатили они за аплодисментами и в дорогу моему сердцу Елабугу, представившись творцами сегодняшней зауми. В библиотеке Серебряного века читали свои «шедевры» долго, зычно и нудно. Аплодисменты были, но довольно жидкие. А в конце программы наша авторитетнейшая литературная бабушка, восьмидесятирёхлетняя, ясно мыслящая поэтесса, кандидат филологических наук (40 лет педагогического стажа) Наталья Александровна Вердеревская невинно спросила: «А стихи читать кто-нибудь будет? Или это всё?»

Увы, стихов (я верю Вердеревской) не последовало. Было обидно, что нынешние «молодчики-купчики» прикрыли собственную несостоятельность именем «председателя Земшара», оставившего потомкам среди прочих озарений гениальные по простоте образы: «Русь, ты вся — поцелуй на морозе!», «Песенка — лесенка в сердце другое». Как тут не вспомнить мысль Льва Николаевича Толстого: «Ясность — удовольствие ума».

Сегодняшнему литературному процессу не хватает ясности и глубины. «Аргамак» строит свою стратегию, осознавая это. Мы изначально (смотрите самый первый «Аргамак» за 2009 год) объявили себя вне политических пристрастий, пообещав публиковать и левых, и правых при соблюдении единственного критерия — качества текста. Это отнюдь не свидетельство нашей нейтральности или дурно понимаемой толерантности. Собственная гражданская позиция «Аргамака» в выпущенных двенадцати номерах выражена как раз ясно и прозрачно — наши авторы Диана Кан и Евгений Семичев считают её истинно патриотической. Просто от писательских войн между либералами и патриотами все давно устали — ведь можно грамотно, убедительно, даже непримиримо, но по возможности вежливо вести дискуссии и на одной издательской площадке. Пришла пора консолидировать литературный процесс, пришла пора собирать камни. Может быть, именно это поможет государеву оку прозреть и понять, что только футболом и шоу-бизнесом народ сыт не будет, что обнищавшему писательскому сообществу необходимо вернуть профессиональный статус, а уж за то, чтобы стать «властителями дум», сообщество повоюет само.

Нам несомненно повезло, что судьба «Аргамака» зависит не от Московского, а от Казанского Кремля. Мы радуемся, что русских литераторов услышали и поняли именно в Татарстане, находящемся в центре России. Здесь в течение веков Европа органично срасталась с Азией, здесь разноцветный ковёр языков и культур продолжает обогащать этносы. Кроме русских и татар, которых, конечно, большинство, в нашей республике живут и успешно развивают национальные традиции чуваша, кряшены, башкиры, марийцы, удмурты, мордва. Они не меньше, чем татары и русские, обеспокоены надвигающейся глобализацией, неостановимой тягой к потребительству, к безликим международным (а по сути дела корпоративным) стандартам. А ведь нация всегда вне стандартов. Мы интересны друг другу тем, что мы разные. Как сохранить собственное лицо, если тебя насильно хотят постричь под одну — англо-американскую — гребёнку? В Татарстане у нас есть право голоса. «Аргамак» — одно из свидетельств тому.

Да, «Аргамак» финансируется из республиканского бюджета. Но наши читатели давно убедились, что мы не подкаблучники чиновников. За качество издания, за его

объективность мы отвечаем перед налогоплательщиками и перед собственной совестью. Литературному альманаху ныне невозможно стать коммерчески успешным предприятием. Российский мужик современных ему Белинского и Гоголя с базара не скоро понесёт. Распространять альманах решено на бесплатной основе. Половина тиража (1000 экземпляров) через Национальную библиотеку РТ расходуется по всем библиотекам республики, а это гарантия сохранения наших трудов для потомков. 500 экземпляров мы рассылаем по городам и весям российским. Столько же оставляем себе для презентаций в Казани, в Набережных Челнах, в Елабуге, в Нижнекамске, в Альметьевске, где регулярно встречаемся с читателями. Альманах выходит один раз в три месяца, времени для общения между писателями и читателями хватает.

Дюжина «Аргамак» для редакции — всё-таки итог, тем более, что в нынешнем нестабильном мире трудно давать прогнозы на длительный срок. Приятно соглашаться с мнением наших корреспондентов — многое в «Аргамак» удалось. Помогла интуиция — выпускать не местечковое, а общероссийское издание. Это оценили и наши учредители, осознав, что влияние культурной политики Татарстана (чего стоит один грандиозный проект возрождения древнего Болгара и острова-града Свияжск, о котором мы рассказываем в каждом номере!) будет распространяться на просторах от Калининграда до Владивостока, как и лучшие переводы татарских писателей на русский язык, остающийся языком межнационального общения на всём постсоветском пространстве.

Не ошиблись мы и в том, что обратная связь с литературным сообществом будет обширной. Уверяю вас, как главный редактор, — редакционный портфель издания пополняется достойными, качественными материалами, в основном, не из столиц, а из городов и весей нашего Отечества, обнищавшего, но не сломленного, развращаемого попсой, но не потерявшего стремления к красоте и художественной правде. В «Аргамак» — очередь из авторов хороших и разных, и это несмотря на то, что у нас пока нет возможности выплачивать гонорар. В мае будущего года в рамках республиканского фестиваля СМИ «Алтын калян» («Хрустальное перо»), даст Бог, проведём круглый стол редакторов региональных литературных журналов.

Конечно, авторитет литературному изданию создают произведения, публикуемые в нём. Некоторые коллеги предостерегали меня — без так называемых звёздных имён альманаху не обойтись. Но мы рассчитывали не столько на «звёздность», сколько на художественную полноценность текстов, исходя из того, что открывать новые имена труднее, но достойнее, чем спекулировать чьей-то популярностью. А что касается литературных авторитетов и величин — и они к нам пожаловали: ректор Литинститута Борис Тарасов, другие сотрудники этого замечательного вуза, поэт, сопредседатель Союза российских писателей Юрий Кублановский, широко известные критики Лев Аннинский (Москва) и Вячеслав Лютый (Воронеж), поэт, председатель Международного сообщества писательских союзов Иван Переверзин, поэт и переводчик, секретарь Союза писателей России Николай Переяслов.

Сложился и круг постоянных авторов «Аргамак», публикации которых задают тон, заостряют полемику, определяют вектор дальнейшего развития. Это переводимые нами татарские классики Амирхан Еники, Туфан Миннуллин, ныне здравствующие поэты Разиль Валеев, Ренат Харис, Зиннур Мансуров. Памятно опубликованное нами интервью с Государственным Советником РТ Минтимером Шариповичем Шаймиевым, деятельность которого сегодня напрямую направлена на возрождение древнего Болгара и острова-града Свияжск. Не грех в очередной раз вспомнить, что именно Минтимер Шарипович в бытность свою первым Президентом Республики

Татарстан благословил «Аргамак» в добрый путь. Бик зур рэхмэт, Минтимер Шарипович, я горжусь, что и Вы — наш читатель!

Мировоззренческую погоду в альманахе нередко делают публикации прозаика, публициста Михаила Чванова (Уфа), прозаика, нашего земляка Александра Матвейчева (ныне Красноярск), эссеиста, автора рубрики «Неформат» Владимира Ермакова (Орёл), критика, издателя авторского альманаха «Солёная подкова» Петра Ткаченко (Москва), прозаика и драматурга Александра Воронина (Казань), поэтов Николая Рачкова (Ленинградская область), Дианы Кан и Евгения Семичева (Новокуйбышевск), Натальи Вердеревской (Елабуга), прозаика, поэта, священника о. Владимира Гофмана (Нижний Новгород), поэта и прозаика Сергея Кузнецихина (Красноярск), прозаика Сергея Михеенкова (Таруса), прозаика Валерия Клячина (Иваново). Это очень разные по своим убеждениям и пристрастиям люди, но каждое их слово звучит убедительно и талантливо. А на разность, различия мы как раз и уповаем, пытаемся заново связать, соединить литературное пространство России, разорванное тайными и явными недоброжелателями.

И, конечно, мы не забываем о литературной смене. Я не сторонник идеи левых номеров молодых авторов, в этом есть некоторая искусственность. Пусть лучше молодые конкурируют с мастерами в каждом номере, чем загонять их в резервацию отдельно выделяемой площадки. «Аргамак» использует несколько постоянных рубрик: «Первая публикация», «Дебют в «Аргамаке», «Проза двадцатилетних» и «Поэзия двадцатилетних». Иногда такая состязательность складывается, на мой взгляд, в пользу молодых, а не бывалых — помогает свежесть взгляда. Наиболее интересных дебютантов публикуем не единственный раз, следим за их дальнейшей судьбой (Алексей Карелин, Дмитрий Цыганков, Олег Лоншаков, Сергей Бударин, Василий Попов, Ирина Мигачёва, Ксения Ларина, Эдуард Нургатин).

В последнее время некоторые авторы и читатели «Аргамака» стали заострять вопрос о необходимости менять обложку каждого номера. Вот и наша дорогая помощница Диана Кан — о том же. И Лилия Газизова, тоже член редколлегии, давно говорит мне об этом. На мой взгляд, это женская точка зрения. Более того — дамская. Если вернуться к понятию традиции, то мне милее постоянство, к которому читатель не только привыкает, но и прикипает сердцем и душой. Таковы московские «Новый мир», «Наш современник», воронежский «Подъём». Обложка своего рода фирменный знак, узнаваемый и ожидаемый. Фрагмент Казанского Кремля на «Аргамак» (фото Михаила Медведева) символизирует не только межнациональное и межконфессиональное согласие, что и само по себе немаловажно, но и устремлённость Татарстана к евразийству, как к едва ли не главной особенности России.

Однако, мнение главного редактора — не истина в последней инстанции. Редакция и редколлегия «Аргамака» готовы выслушать разные мнения, рассмотреть их и принять решение.

Я не успел сказать обо всём. Пусть дискуссия о содержании и лице литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» продолжится. Как вам, например, наши цветные вклейки, вернисажи художников, бенефисы переводчиков, материалы рубрики «Поэты уходят, стихи остаются»? Пишите, нам нужны ваши письма. А пока мы отправляем «Аргамак» на издательский ипподром России в тринадцатый раз. Пожелайте ему победы!

Николай АЛЕШКОВ

ЛИТИНСТИТУТ: ЕГЭнахом всех побивахом*Памфлет*

В октябре стало известно о намерении российских чиновников закрыть Литературный институт имени Горького или присоединить его к какому-нибудь вузу...

К истории вопроса. Чиновный оговор Литинститута и других вузов вверх меня в состояние дежавю: полвека назад я, готовясь к утренней забастовке студентов Литинститута, писал плакат на рулоне обоев, что-де просим ЦК и правительство отменить решение о закрытии очного отделения. 23 мая 1963 года мы забастовали. Говорили, что Хрущёву напели, мол, в институте учатся барчуки. Пока просили, хотя были готовы перекрыть улицу Горького напротив памятника Пушкину... Избрали делегацию в СП СССР, впереди неё, посверкивая золотой звездой Героя Советского Союза, шёл «барчук» Пётр Брайко, бывший начальник разведки у С. Ковпака, а на ту пору — студент-первокурсник, поскольку подзадержался в сталинских лагерях.

И Хрущёв или его окружение пошли на уступки: разрешили студентам-очникам завершить учёбу на основном отделении. Но и призвали в армию с основного отделения, где на всех пяти курсах было больше 100 человек, всех, кто не служил в армии. В 1964 году Хрущёва вытерли из Кремля, на следующий год писательский съезд высказался за восстановление основного отделения.

Вообще незнание вопроса чиновной персоной опасно для подъярёмного пипла. Например, если бы Брежнев и К° знали, что англичане за 80 лет не сумели покорить Афганистан, то в него не сунулись бы. Вряд ли знают в департаменте имущества Минобразования, который якобы и судил-рядил про эффективность вузов, что вожак комсомола Н. Михайлов писал цидулы Г. Маленкову о необходимости прикрыть Литинститут. По причине того, что в нём обосновалась богема, расплодилось разные космополиты. М. Горький полагал, что в вузе будут учиться люди от станка и сохи, надеясь, видимо, что по причине владения такими инструментами Господь вынужден будет по классовым соображениям выделить таким студентам толику Дара Божьего...

Зажал Всевышний толику, и стали учить в вузе тех, кто с Даром от рождения... А Г. М. Маленков, вопреки Н. Михайлову и некоторым писателям, которые по инерции хулили Горького за литературный вуз, подписал постановление правительства в марте 1953 года (одно из первых после смерти Сталина) о создании при Литинституте Высших литературных курсов, куда принимали по рекомендации писательских организаций молодых членов Союза писателей, платили им приличную стипендию: 100 рублей для одиноких, 150 рублей для семейных. В деньгах после денежной реформы 1961 года.

На ВЛК прошло школу целое созвездие первоклассных писателей, в том числе и всемирно известных. Мне, как нынешнему руководителю семинара прозы на ВЛК, неуютно от мысли, что некоторые молодые авторы, пройдя творческий конкурс, не учатся, поскольку не могут заплатить за учёбу, что писательские организации не направляют литературный подрост на ВЛК. Состоятельных молодых писателей у нас нет и быть не может, поскольку литературное дело в стране в fullestем небрежении. Проект закона о творческих союзах, а он по содержанию своему должен стать правовым актом о свободе художественного творчества в России, видимо, настала пора передавать в петровскую кунсткамеру — его уже полтора десятилетия елозят в Госдуме. О том, что нужен закон о фондах для художественного творчества, в Госдуме наверняка также не ведают. Или опасаются нынешнего руководства Литфонда,

которое в последние десятилетия является не столько источником материальной поддержки писателей, сколько громких тяжб по разделу общей собственности.

Короче говоря, в России сложилась ситуация, когда писатели стали настоящими изгоями. Раньше главы нашего государства литературное дело считали одной из главных забот. Они понимали, что литература превращает население в нацию, на примерах конкретных героев показывает, что такое хорошо и что такое плохо. Что у нас это не fiction, то есть вымысел, выдумка, а важнейшее государственное дело. И чиновники, между прочим, в царской России сдавали экзамен и по словесности, если желали получить более высокий чин. Николай Первый, вспомним, считал себя редактором стихов Пушкина, но чтобы, скажем, Горбачёв или Ельцин редактировали Евтушенко — такое и в Белых Столбах присниться не может...

Ведомство образования, если вдуматься, ничего хорошего не образует и не создаёт. Последняя забота чиновников — это втиснуть отечественную систему образования в прокрустово ложе болонской системы. И ЕГЭ навязывается как некий чудодейственный флогистон или эликсир, способный навести порядок у школяров и бурсаков. Придумали даже показатели ЕГЭшной эффективности, чтобы приучить всех образованцев, что без ЕГЭ ни туды и ни сюды. Но методом «пришей кобыле второй хвост» нельзя руководствоваться в творческих вузах. Уровень способностей к профильной творческой специальности и средний бал придуманных ЕГЭшниками показателей не совпадают. Вот и стремятся те своим ЕГЭнахом Литинститут и другие вузы побивахом... Но их здесь поджидает афронт — в Лите нынче был конкурс 8 человек на место, и ЕГЭшный показатель здесь один из самых высоких в стране. Хотя преподаватели других вузов за голову хватаются, когда убеждаются, каким багажом знаний располагают представители без вины виноватого ЕГЭнутого поколения... Выходит, что впереди нас поджидает вторая волна борьбы с безграмотностью и развёртывание сети изб-читален?

Настала пора задать вопрос: а судьи кто? То есть пристально присмотреться к эффективности самого ведомства. Кто выдавал лицензии университетов вчерашним ПТУ? Ещё в советские времена оно отличилось в создании так называемых перспективных сёл и деревень путем закрытия в них малокомплектных школ. Не стай стерхов надо поднимать в воздух, а высаживать со всех видов транспорта чиновников этого ведомства с заданием возродить на пепелищах исчезнувшие населённые пункты. Я видел по берегам Лены бесконечные чёрные остовы разрушенных жилищ, они до сих пор перед моими глазами, хотя прошло уже много лет. Закрывая школы, чиновники от лжеобразования отправляли детей за сотни километров в школы-интернаты, откуда они в родные места не возвращались. Под видом борьбы за эффективность совершено гигантское преступление — депопуляция сельской местности, особенно в Сибири, где уничтожен многовековой труд по освоению бескрайних просторов. Так что это ведомство вполне резонно сократить до размеров одного департамента, назвать его «по восстановлению начальных и средних школ в России» и включить в состав Министерства регионального развития. А с остальными проблемами справятся профильные ведомства, совет ректоров, соответствующий департамент Минфина и управления просвещения в региональных администрациях. Без ЕГЭшников предостаточно тех, кто готов с усердием свой лоб расколотить.

Чиновники посеяли ветер, а будут пожинать бурю. Профсоюз студентов ставит вопрос о том, чтобы нынешний министр последовал по пятам маршала Табуреткина. С организованными студентами шутки плохи: из искры может вспыхнуть пламя, как это случилось в Европе в 1968 году. ЕГЭшные дестабилизаторы России не соображают, что творят. А они собрались воевать со студентами и их родителями, с выпускниками вузов. Конфликт надо гасить, пока это можно сделать.

Особенно возмутительно то, что в список «неэффективных» попали те вузы, которые расположены в самых престижных местах. Это не только Архитектурный институт или РГГУ, который работает чуть не под кремлёвской стеной, но это и бывшие престижнейшие угодья Высшей комсомольской школы, Высшей партийной школы, Высшей школы профдвижения... Заказ в видах получения огромной mzды? Что касается Литинститута, то поговаривают, что одному олигарху так хочется заиметь особняк Герцена, что у него от необладания им даже поднимается температура по вечерам. Должно быть, ЕГЭшники решили излечить бедолагу от спецнедомогания? Витает в воздухе угроза слияния Литинститута с другим вузом. Как можно соединять воедино какого-нибудь бульдога и трепетную лань? Любым путём, но ублажить «бедолагу»?

В связи с этим вспоминают здание библиотеки имени Н. Некрасова, которая неприкаянно стоит в зелёной сетке от кровососущих уже много лет. Здание в 50 метрах от дома Герцена, в 150 метрах от рабочего кресла московского мэра. Недосуг прогуляться С. Собянину? А надо бы...

Пушкинская площадь стала почему-то ристалищем для всяких политических или околополитических сил. Идешь к метро, а по кустам сотни, если не тысячи полицейских и омоновцев. На весь микрорайон гремит какой-то политбред. По чьей злой воле историческое литературное место поменяло свой профиль?..

Что же касается мероприятий студенческого профсоюза, то я, как старый строевой конь, заслышав звук полковой трубы, напишу вновь плакат, на этот раз со стихами Лермонтова: «Не мог щадить он нашей славы, Не мог понять в сей миг кровавый, На что он руку поднимал?..» И присоединюсь к молодежи...

Александр ОЛЬШАНСКИЙ

От редакции. Номер альманаха был уже сверстан, когда на сайте Литературного института появился официальный материал (статья «К итогам мониторинга деятельности вузов России»), в котором убедительно опровергнуты претензии Минобразования и науки к вузу. Они вызвали возмущение не только у нас в стране, но и за рубежом. «По мнению заместителя министра образования и науки РФ А. А. Климова, высказанного им на Советании ректоров 8 ноября 2012 г., такой богатый традициями и достижениями, авторитетный и единственный в мире вуз, как Литературный институт им. А. М. Горького, не должен быть присоединён ни к какому другому, а отмеченные выше содержательно-предметные особенности его специфической деятельности, не входящие в обозначенные в самом начале параметры и критерии, будут обязательно учтены в ближайшее время при дальнейшем рассмотрении вопроса о «признаках неэффективности», — так заканчивается этот материал.

Война против Литинститута длится практически с первого дня его существования. Поэтому мы не можем рассматривать первые признаки здравомыслия чиновников как победу вуза над своими недоброжелателями. Исходя из этого, мы решили оставить в номере памфлет Александра Ольшанского.

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ЛИЛИЯ ЮСУПОВА

ГЛУБОКИЕ РЕКИ

ВОДА

Шумит и бурлит только мелкий ручей,
Который вбирает всю муть из канавы.
Глубокие реки не знают страстей –
Глубокие реки текут величаво.

В поэзии та же царит правота,
И я проверяла её не однажды:
Чем глубже, и тише, и чище вода –
Тем ею быстрее утоляется жажда.

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ?

«Ни дня без строчки», – Плиний призывал.
Для многих этот клич девизом стал:
Так, Брюсов, вдохновенью вопреки,
Слагал не сердцем – разумом – стихи.

Так, Пастернак однажды дал зарок –
В любой из дней писать по двадцать строк.
Так, каждый день Цветаева ждала
Прихода рифм у своего стола...

А я в уздечке Музу не держу:
Когда придёт – тогда стихи пишу.
По мне, стихотворенье, как вино –
Перебродив, созреть оно должно.

ДОЛЯ

Ах, выдумки всё это
Для красного словца –
Про «тяжкий крест» поэта,
Про «горький путь» певца:

Легка моя дорога
И сладостен полёт,
Когда под скрипку Бога
Душа моя поёт.

И нам пеняť негоже
На лёгкие крыла –
Ведь тот летать не может,
Чья ноша тяжела.

И ты за радость воли
Молись Творцу, поэт –
Такой счастливой доли
На свете больше нет...

ИГРА

Пока всё это баловство:
Сойдясь в словесном поединке,
Искать различье и родство,
Сличая наши половинки.

Ещё ни звука о любви,
Ещё ни слова об измене,
Но всё сильнее азарт в крови,
Всё больше тяга к перемене...

А между тем, над головой
Покрылось небо облаками,
И крепнет ветер штормовой,
Качая землю под ногами.

И ангел, глядя с высоты,
Грехи грядущие итожит:
Он точно знает, что судьбы
Переиграть никто не сможет...

ЗАКОН ТЯГОТЕНЬЯ

Мы в школе учили, что мудрый Ньютон,
На яблоко глядя, придумал закон –
В паденьи плода Исаак разглядел
Всемирный секрет притяжения тел.
Повсюду мы видим ньютоновский след –
Привязаны к звёздам орбиты планет,
И падает свет в горло чёрной дыры,
И тайная сила вращает миры...

Из райского сада изъят реквизит –
И спелым плодом на тарелке лежит,
Но символ познания ответ не даёт –
Зачем нас упрямо друг к другу влечёт?
Зачем, не взирая на сотню путей,
Я тихо кружусь по орбите твоей?
И сможет ли кто-то открыть, наконец,
Всемирный закон тяготенья сердец?..

* * *

Пускай сильнее пламя мечется
И жаром судьбы обдаёт,
Пускай подольше не излечится
Душа, которая поёт.

Я всё приму – не злясь, не сетуя,
Не обижаясь на судьбу –
И нашу песню недопетую,
И боль, и вечную борьбу.

Пока мы любим – сердце молодо:
Вся жизнь – как с чистого листа.
Уж лучше жар, чем скука холода.
Уж лучше боль, чем пустота.

Я НЕ БЫЛА В ПАРИЖЕ

Я у тебя – ты слышишь? –
Вроде домашней мыши:
Мышки, всегда спешившей
Снова в свою нору.

Только под этой крышей
Было светло от вспышек,
Было тепло от книжек,
Было легко перу.

Вечер тоскою вышит.
Дух мой до капли выжат.
Есть только Голос свыше –
Тот, что зовёт к добру.

Солнце всё ниже, ниже.
Темень всё ближе, ближе.
Я не была в Париже,
Значит, я не умру?

ВОСЬМИСТИШЬЯ

* * *

О, время... От рожденья до кончины
Оно плетёт тугую паутину,
Где я, застряв, как бабочка в тенётах,
Борюсь и бьюсь, мечтая о полётах.

Летят мои секунды и минуты —
Чем больше трепет — тем сильнее пути.
И плачу я от боли и бессилья,
Стирая в кровь распахнутые крылья...

* * *

Уж так, мой друг, моя душа устроена —
Я различаю крайние тона:
Тон чёрный — если чем-нибудь расстроена,
Тон белый — если радости полна.

То чёрная отметина, то белая —
И перехода между ними нет...
А мне твердят, что видеть не умела я,
Не признавая серое за цвет.

* * *

Стары как мир библейские сюжеты,
Но на чужих ошибках не учась,
Всё так же, не взирая на запреты,
Срывает Ева яблоко, смеясь;

Как будто не последует расплата,
Как будто не свершится Высший суд.
Всё так же Каин убивает брата,
И нового Христа на казнь ведут...

* * *

Освоен космос. Атом расщеплён.
На смену лошадям пришли машины.
И лампочкою яркой освещён
Сегодня каждый дом, а не лучиной.

А человек остался сам собой —
При случае предаст или обманет...
Зажги хоть сотню ламп над головой —
Светлей в душе от этого не станет.

* * *

На степных и таёжных зверей
Перестала быть модной охота:
Убивают сегодня людей,
Предъявляя нелепые счёты.

О, я знаю: тюрьма, да сума,
Да терновый венец наша доля.
Только как не сойти здесь с ума —
Среди тех, кто безумием болен?

* * *

Когда душа так жаждет чистоты,
Любая ложь ужасна, как проказа.
Но слышу я среди будней суеты
То здесь, то там неискренние фразы.

Не стал с годами лучше белый свет.
За что его называли белым люди,
Когда в нём чистоты в помине нет?
И не было. И, кажется, не будет.

* * *

Когда меня в крутой водоворот
Бросает рок, не знающий сомненья,
Когда меня, как щепочку, несёт,
И неизвестно — будет ли спасенье,

Шепчу я тихо с верой и тоской,
С какою только Бога тайно просят:
«Спаси. И сохрани. И успокой.
И не бросай, когда другие бросят...»

* * *

В моём стенном шкафу, набитом туго,
Стоят стихи поэтов, что при жизни
Не мыслили руки подать друг другу
Ни на пирушке шумной, ни на тризне.

Но у меня другие к ним мерила:
Мне чужды их земные заморочки,
Я всех врагов давно перемирила —
Своей любовью к их бессмертным строчкам.

* * *

Когда всё сказано в веках,
Всё многократно перепето
В чужих романах и стихах,
В чужих рассказах и сонетах,

Мне остаётся, милый друг,
Одно стремление в итоге –
Петь так, чтоб был рождённый звук
Сильней и чище, чем у многих.

* * *

Новому времени – новые песни.
Будешь ли помнить меня ты, потомок?
Канет ли голос мой в сумрачной бездне
Или вернётся к тебе из потёмков?

Впрочем, зачем я гадаю у рока –
Чёт или нечет, останусь иль кану?
Ведь всё равно до последнего срока
Петь и надеяться не перестану...

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

НЕБЕСНОЙ СОГРЕТЫЕ ДЛАНЬЮ

ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу...
Литерный в небе идёт эшелон —
Павшие воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи
Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
«За боевые заслуги».

Головы воинов снежно белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они — русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон –
Павшие воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы!

* * *

Как из дикого смертного боя
Уцелевший усталый боец,
Выходил из крутого запоя
Почерневший Серёжкин отец.

И, терпя непосильную муку,
Паренёк, не окрепший ещё,
Под шальную отцовскую руку
Подставлял неумело плечо.

Шли глухим коридором барака
На ступеньки родного крыльца...
И упрямо Серёжка не плакал,
Чтоб в беде не обидеть отца.

И Отечества светлые дали
Открывались мальцу впереди.
И – рыдали, рыдали медали
На широкой отцовской груди.

* * *

Ему бы жить в железном веке –
Несовременный человек!
Железа столько в человеке –
На весь железный хватит век!

Он и во сне, скрипя протезом,
Штурмует вражью высоту,
Примкнувший всем своим железом
К железорудному пласту.

Не вышел он из боя толком.
Не понят он ни там, ни тут.
Его блуждающим осколком
Друзья погибшие зовут.

Ему, земному самородку,
Оплавленному там на треть,
Судьбой положено пить водку,
Чтоб на ветру не заржаветь.

Когда погибшие солдаты
Его возьмут к себе – всего,
Сломает клык свой экскаватор,
Окопчик роя для него.

* * *

– Почто сховал печаль свою
В пустой рукав, солдат?
– Моя рука давно в раю,
А сам иду я в ад.

Когда огня железный вой
Рванулся через край,
Рука рванулась за братвой,
А угодила в рай.

Теперь сам Бог ей – политрук.
А мне-то что с того?
Как видно, не хватает рук
У воинства Его.

Слова «Век воли не видать»
Я выколочил на ней.
А рядом «Не забуду мать...»,
Чтоб поняли верней.

Архангелы на свой манер
Мой бред переведут...
Держись, собака Люцифер!
То русские идут!

ОТЦЫ И ДЕТИ

В небесах ревели истребители.
В подворотнях шастали каратели.
Ваше поколение – победители.
Наше поколение – предатели.

С вами лозунг: «Люди, будьте бдительны!»
С нами – «Будьте, граждане, внимательны!»
И не все вы были победители,
Да и среди нас не все предатели.

Но гореть, гореть нам синим пламенем —
Общая судьба всем уготована.
И плевать мне, под которым знаменем
Русь моя безвинно замордована!

* * *

Сосед уехал на войну.
Там ближе к раю.
Все знают, как спасти страну.
А я не знаю.

Сосед пришёл с войны с клюкой.
Отважно дрался.
Он был в раю одной ногой.
Не удержался.

Пока тащил второй сапог
Из брэнной грязи,
Споткнулся о родной порог
И рухнул наземь.

Перевалился через край.
Отвоевался!
«В гробу я видел этот рай! —
Сосед признался.—

Когда я ехал на войну,
Был ближе к раю
И знал, как мне спасти страну...
Теперь — не знаю...»

* * *

А росы на рассвете — капли крови
На гимнастёрках утренних полей.
И горизонт, прерывист и неровен,
Как бинт, алеет в кронах тополей.

И никуда от памяти не деться.
Среди кричащей этой тишины
Всплывает солнце — огненное сердце
Солдата, не пришедшего с войны.

* * *

День соткан из солнечных сот
Пчелиного воска.

Таких достигает высот,
Что жутко немножко.

Небесная крыша светла,
Как ангела песня.
И солнце, как мама-пчела,
Гудит в поднебесье.

В лучах утопает земля
Дождя золотого.
Гостюю на пасеке я
У дядьки родного.

Медовая пьяная хмарь
Кольшет пространство.
А дядька — наместник и царь
Пчелиного царства.

Резные поют терема
Пчелиной державы.
И как не сойти тут с ума —
О, Господи правый?!

Рассудок меня не спасёт
От дерзкой оплошки.
А дядька мне мёду несёт
В берёзовой плошке.

Всего два глоточка отпил
Пчелиного солнца —
И рухнул в траву, и поплыл...
А дядька смеётся.

И катится с Божьих высот
От этого смеха
Из солнечных соткано сот
Гранёное эхо.

А дядечка мой — сатана! —
Мне шепчет на ухо:
«Как девка шальная стройна
Моя медовуха!..»

Искрящийся солнечный свет
Туманит мой разум...
А мне-то всего десять лет...
И — небо в алмазах!

* * *

Окошка сумрачный квадратик
Небесный преломляет свет...
Я был отчаянный лунатик
В свои пятнадцать юных лет.

Об этом знали все соседи
Из нашенского курмыша.
Я по ночам о звёздах бредил.
Блуждала в небесах душа.

Пока ровесники метались
В снах эротических своих,
Я не испытывал к ним зависть
И был для них – «кошмарный псих».

Мои ночные похождения
Меня прославили сполна.
Ко мне имела снисхождение
Вся наша местная шпана.

Я был на сырых не в обиде,
Но замечал издалика,
Когда они, меня завидев,
Крутили пальцем у виска...

Я стал седым и сплю нормально,
В ночной не странствую глуши.
Из всех явлений аномальных
Я признаю полёт души.

Небесным светом облучённый,
Я понял через много лет,
Что был с рожденья обречённый
На кличку звонкую – «Поэт!»

* * *

На крестный престол, на небесный простор
Господь расстелил полотенце.
Два ангела в небе ведут разговор.
Услышать их может лишь сердце.

Когда Млечный путь упирается в грудь,
Сердца открываются чуду.
Друг другу они говорят: «Не забудь!»
И вторят в ответ: «Не забуду!»

И свет не вечерний звезды вновь и вновь
Простор озаряет небесный.
И всё, что вложили мы в слово Любовь,
И есть млечный путь этот крестный.

* * *

Под церковной гулкой крышей,
Обустраиваясь на ночлег,
Спит поэт Трофимов Миша –
Кроткий Божий человек.

Он обрёл в церковной келье
Тёплый райский уголок.
А когда встаёт с постели –
Задевает потолок.

На башке отметин много
Потолочный свод творит.
«То отметины от Бога», –
Миша скромно говорит.

Он о славе не мечтает.
Он с Рубцовым был знаком!
Но когда стихи читает –
Подступает к горлу ком.

В приходской воскресной школе
Миша учит детвору
По небесной Божьей воле
Милосердью и добру.

Лепит Божий раб Трофимов,
Как Господь лепил людей,
Лучезарных херувимов
И крылатых лошадей.

А однажды утром рано,
Упрекая мою спесь,
Подарил он мне барана,
Чтобы знал я, кто я есть.

Тот баран из глины рыжей
На столе моём стоит
И моим сознанием движет –
Зазнаваться не велит.

* * *

Привет вам, цветы полевые,
В мой отчий влюблённые край.
Когда вас увидел впервые,
Проснулся в душе моей рай.

Я понял, что рай ещё помню.
И поля шатровый овал,
Как щедрю руку Господню,
Создавшую вас, целовал.

Простите, анютины глазки,
Татарник, шалфей, иван-чай,
Что прежде без дружеской ласки
Я вас оставлял невзначай.

Поклон вам мой самый сердечный.
В родимой моей стороне
Своей красотой безупречной
Вы сердце утешили мне.

Я вас заключаю в объятия,
Когда на коленях стою.
Мои молчаливые братья,
Мы встретимся в Божьем раю.

Небесной согретье дланью,
Цветущие каждой весной,
Не вы ли земное признание
Всем сущим в любви неземной?

Я плачу по Родине отчей,
А вы благодарно в ответ,
Склоняясь, целуете очи
И сердцу даруете свет.

* * *

Завариваю чай с малиной.
Вдыхаю ягод аромат..
Иду дорогой узкой, длинной
На сорок с лишним лет назад.

Сидит старуха на крылечке.
А рядом с ней – согбенный дед.
Иду домой вдоль тихой речки
Через страну, которой нет.

Родных полей льняная скатерть
Зовёт и манит на постой.
А на малиновом закате
Горит малинник золотой.

За покосившимся сараем,
Где солнце гасит ясный свет,
«А я другой страны не знаю...» —
Поёт навзрыд сопливый шкет.

Вздыхает жалобно калитка
Неумолимо на закат.
Ползёт садовая улитка,
Как сорок с лишним лет назад.

Растёт крапива у крылечка.
К забору никнет бересклет.
Бежит в мои объятия речка
Через страну, которой нет.

Глаза мои слеза туманит.
Иду я, голову склонив.
И сердце с болью скорбной ранит
Знакомый с детства мне мотив.

Душа моя во мгле стенает
И песня вторит ей в ответ.
Поёт мальчишка и не знает,
Что это плачет в нём поэт.

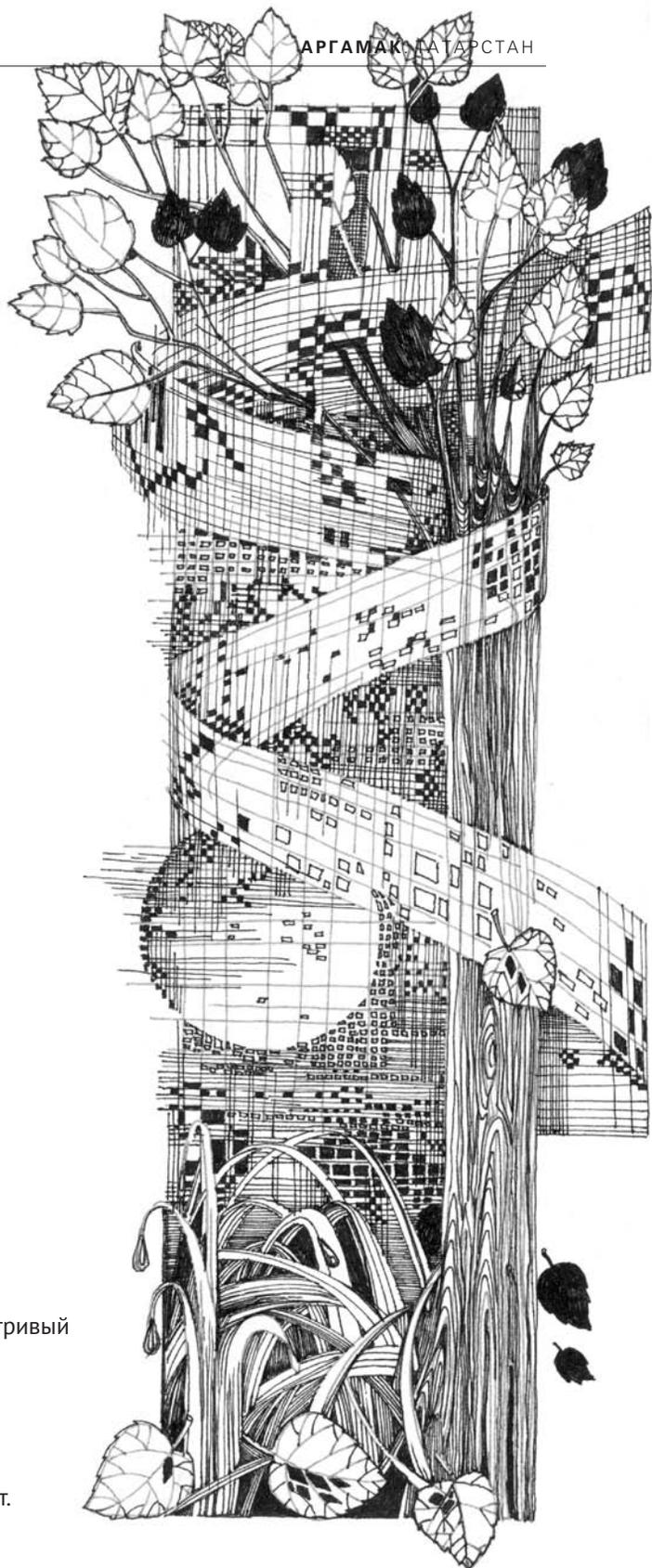
Я подойду к нему украдкой,
Не потревожив гладь и тишь,
Не беспокоя деда с бабкой,
Скажу ему: «Привет, малыш!»

Он ничего мне не ответит.
А в золотом его саду
Во мгле таинственной засветит
Господь высокую звезду.

* * *

Август — конь в яблоках, конь синегривый
Дробно о землю копытами бьёт,
Жёлтое око вращает игриво,
Стыльную воду из озера пьёт.

Небо, луга в жгучих росах купает.
Яблоком спелым всплывает рассвет.

Там, где конь-Август на землю ступает,
Звёзды ложатся в серебряный след.

* * *

На берег речки Кондурчи
Шагнула женщина в ночи.
И, наготой своей светя,
Она стояла, как свеча.

И пламя вскинутых волос
Над нею в темноту рвалось.
А всё же есть на свете Бог.
Река протяжная, как вздох.

И свет воды. И всплеск воды.
Свет чистоты. Всплеск наготы.
Туман искристый на лугу.
И женщина на берегу.

Спасибо, речка Кондурча.
И мне горит твоя свеча...

* * *

Меня придумала родня —
Ей было скучно без меня.

Меня придумала семья —
Хотела, чтоб был умным я.

Меня придумала жена —
Сильна на выдумку она.

Дочь, верность матери храня,
Перепридумала меня.

Меня придумали друзья...
Но жить придуманным нельзя!

Встав поутру не с той ноги,
Меня придумали враги...

Меня не выдумала мать.
Но что с неё, старухи, взять?

Меня не выдумал Господь,
Когда облёк в живую плоть,

Вдохнув в меня небесный вдох...
А, значит, я не так и плох.

А, значит, я вам всем — родня.
Зачем придумывать меня?..

* * *

Человек-простолюдин
Одинок и в людном храме...
Змей Горыныч триедин —
Суд, правительство, парламент.

В одиночку на веку
Человек судьбу пытается:
Отшибёт врагу башку —
Вмиг другая вырастает.

Нескончаем вечный бой.
Затуманен взгляд кручиной...
«Что ты, милый? Бог с тобой —
Он ведь тоже триединый».

От редакции. Недавно мы узнали такую историю. Заслуженная артистка России, выдающаяся певица Татьяна Петрова, услышав со сцены стихотворение Евгения Семичева «Литерный эшелон», не выдержала и со слезами на глазах выбежала из зала. Стихи прозвучали столь проникновенно, что Татьяна Юрьевна не смогла не вспомнить рассказы своего отца-фронтовика, железнодорожника. А потом в её репертуаре появилась песня «Литерный эшелон».

Это было и есть свидетельство подлинного таланта автора стихов. Мы гордимся, что русский поэт Евгений Семичев — постоянный званный гость на страницах литературного альманаха «Аргамак. Татарстан». Мы поздравляем его с шестидесятилетним юбилеем, желаем творческого долголетия и с особым удовольствием публикуем рядом с его стихами статью Юрия Перминова о его Божьем даре.

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

ОТ ХРИСТОВОЙ РОСЫ

Так бывает. Редко, но — случается...

Чуть более трёх дней общения с Евгением Семичевым, а такое ощущение, что знаешь его всю жизнь. Сколько людей мне знакомы? Сотни... Но о многих вспоминаешь лишь при встрече, зачастую — случайной. Это хорошие, по-своему замечательные люди, но — за гранью ощущения родства между нами. Слишком в себя они, в личные заботы свои погружены, но сам-то — чем пример? Тем, что не только о своей семье радеешь? Впрочем, об этом судить не мне... Кстати, «суд» — это часть слова «судьба». Вспомним: «Не судьба крестьянскому сыну калачи есть», «От судьбы не уйдёшь», «Такая судьба!..» Не случайно слово «судьба» в словаре Даля помещено в словарной статье к слову «судить» со значениями — участь, жребий, доля, рок, предопределение, неминуемое в быту земном и др. Всё, что делается судьбою, что суждено провидением, исключает свободную волю человека и, кстати, случай. Судьба — совершенно не христианское понятие: в судьбе есть насилие, деспотизм.

Итак — не случай, не судьба... Что же тогда? Божий промысел, дающий, в том числе, и возможность знакомств с такими людьми, как поэт Евгений Семичев.

*Те за Россию. И те — за Россию.
Все за Россию... Кто против? Никто!
Только Россию опять не спросили,
Хоть бы спросили: «А ты-то за что?»*

*Как про другую страну голосили.
Дышло им в глотку! Туды — растуды!
Те за Россию. И те — за Россию.
Но — за другую! А нашу — куды?*

Те три дня — это выездной пленум Союза писателей России в Липецке. Понятное дело, что все там были за Россию. Некоторые — «и за Россию». Ну или «за Россию и...» В смысле, «здесь играем, здесь не играем, здесь — рыбу заворачивали...»

*Не обижайся Ты, Господи-Сыне!
Что-то никак я умом не пойму,
Где ТА Россия? В какой Палестине?
Энта, другая. А наша — кому?*

Наша. Где «... под землёй в гнилом колодце // Спят малолетние бомжи».

Наша. Где «... у бабушки Маруси // Удивлённые глаза. // Сколько лет в их тёплой грусти проживают небеса».

Наша. Где «Инженер Егоров под забором // Плачет... А в сиреновой дали, // Проплывающая над осенним бором, // Инженеру вторят журавли».

Наша. Где «По тебе слёзно плачет тюремный барак...», и, тем не менее:

*Покуда на родной земле
Такие светлы,
Не бросят Родину во мгле
Её поэты.*

Такие, как Семичев. Потому что естественная потребность его сердца — взойти на небо, соединяясь с Богом, «Чтобы восстала из праха Россия //...Всё остальное — мирская тщица».

Такое чувствуется сразу.

Во многих — чувствовалось. А потянуло к Евгению. Слушать. Внимать. А после, по возвращении домой — перечитывать:

*Все мы подвластны житейскому блюду.
Грех омываем озёрами слёз.
Но и продавшего веру Иуду
На растерзанье не выдал Христос.*

*Или погибнем в разборках кровавых,
Или из пепла воспрянет страна.
Бог не делил нас на левых и правых.
Всех меж собой разделил сатана.*

Русские мы, русские!.. А «левые» и «правые» — все прочие. Только они-то есть, потому что и мы — там. Не все мы, так многие.

Потому и наступила «цивилизация душевной лени», морально-этической опустошённости, а либерал-культурники считают себя равными олигархам, которым они расчищали дорогу в общественном сознании. И перед ними, столь исправно десятилетиями проклиная советское равенство и братство, обязаны расступаться те, кто был народом, но стал быдлом. Элитой — «звёздами!» — называет себя гомосексуальная тупая попса и эстрадные хохмачи, за чьим «юмором» для дебилов, скабрёзной иронией скрывается ненависть к России и ко всему русскому. Впрочем, и не скрывается уже, а всю афишируется...

Но кто такие — «мы», и почему лучше «их»? Русскому человеку — к левым «пристанет» или к правым «забрёт» — всё равно, что на суд нечестивых попасть, а дьявол-то платит разбитыми черепками, разделяя нас. И эта, по слову Бахтина, бесовская карнавальность вытягивает из каждого, пошедшего туда, русского человека. Вот и надо прислушаться к поэту:

*Или утонем мы в дьявольских сквернах,
Или на грешной земле устоим...
Бог не делил нас на красных и белых.
Милостив Он ко всем чадам своим.*

*Что же молчите вы, добрые люди?
Или опять покоримся беде?
Все мы повинны. Безгрешных не будет
Перед Всевышним на Страшном Суде.*

Мы повинны перед Родиной, перед нашими предками, друг перед другом, но никак не перед «либерал-культурниками»... Только вот инженеру Егорову журавли вторят, и каждому из нас — вторят, песни ли поём, плачем... И плачем-то, как некоторые, не потому, что русские, поскольку не только по слову Александра Васильевича Суворова, а по кровной сути своей «Мы — русские! Какой восторг!», а вот так надо бы, как Христос у гроба Лазаря, но сказав при этом сёстрам его: «Если веруете, паки жив будет». Молился потом Христос, и слёзы, капля за каплей, как будто бы капли росы благодатной, из очей Его пречистых струились. То есть, не оплакивал даже — не в мирском значении этого глагола, ибо, как пишет преподобный Андрей, Христос «пришёл воскресить Лазаря, и потому бесполезно было бы плакать о том, кто должен воскреснуть».

«Иисус прослезился» (Ин. 11: 35), образы нам предлагая «сердечныя любве»¹. Вот об иудеях поистине и плакал Христос², поскольку предвидел, что и по соделании чуда они останутся в своём неверии: диаволом движимые, взбесились книжники иудейские на Христа и на Лазаря, совет свой несправедный собрали и на нём порешили убить их обоих...

Святое Евангелие свидетельствует, что Христос за время Своей земной жизни трижды плакал. Плакал Он над другом Своим Лазарем, плакал через несколько дней в Гефсиманском саду, молясь до кровавого пота о Чаше и прося Отца Небесного: «Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф.26,39). Плакал Христос в день торжественного входа в Иерусалим — над его жестокостью, заблуждением и нераскаянностью, над его жителями, которые сами себя обрекли на осуждение. Плакал потому, что люди не познают времени своего спасения: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих» (Лк. 19,42). И потому «... окружат тебя и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19,43–44).

А слово, благодарное, любящее слово русского поэта — от Христовой росы идёт, из Гефсиманского сада:

*Ставлю свечи и плачу,
Жизнь иначу свою.
В долг даю без отдачи —
Разочтёмся в раю.*

Нам, смертным, воскрешать-то никого не дано, но словом памятным и любящим, да и слезой очистительной разве дадим умереть Родине нашей здесь и сейчас, её поэтам, её праведникам и грешникам в памяти сердечной и скрижальной, матери нашей — в нас самих:

1 Андрей Критский, преподобный. Канон на повечерии пятка седмицы ваий. Песнь 7.

2 Василий Великий, святитель. О скорби и слезах Иисуса Христа перед воскрешением Лазаря. Цит. по: Барсов М. Толкование // Сб. ст. по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия, с библиографическим указателем. СПб.: Синодальная типография. 1893. Т. 2. С. 300. Репринт.

*Предки мольбы к небесам возносили,
Слёзно кропили луга и поля...
И ни к чему нам другая Россия!
Нами намолена крепко своя.*

И слёзы предков, народа нашего — от Христовой росы благодатной...

Так что вирши известного стихотворца, где «Бог заплакал вместе с ним» (русским — Ю. П.) — есть богохульство и клевета на русского человека... И не стал бы я вспоминать сейчас его, если бы не говорил здесь о действительно русском поэте, для которого Родина — есть образ и символ Божественного поприща русского народа, его вселенского призвания, неизъяснимый в своей красоте и тайне земной мир, говорящий о ещё более великой тайне, о жизни вечной, о Родине Небесной, которая светится и предвосхищается в дорогах чертах материнского лика земной Родины. Отсюда и выдох сыновний:

*Небес взыскующее пламя.
Высь, отражённая в реке.
Русь разговаривает с нами
На материнском языке.*

*Так разговаривает млеком
Кормящая младенца мать...
И надо быть не человеком,
Чтобы её не понимать.*

*Дождями, облаками, снами...
Про наше кровное житьё
Русь разговаривает с нами...
Почто не слушаем её?*

Здесь, на родной земле начинает человек учиться Небесному жительству, здесь, на Родине находит он уготованные для него «Врата Сионя» — сущие на земле «Дворы Божии, Господни» — святые Церкви с их таинствами и праздниками, с их молитвами и Хлебом Небесным — Словом Божиим... И так день от дня, век от века просвещается и крепнет духовно, восходит народ (и капля его — человек) от силы в силу, в «мужа совершенна». Так исполняется Родиной и народом его священное призвание и спасение:

*Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастет будет русский народ.*

Потому-то и необходима так поэзия Евгения Семичева в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали меряться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, что, кстати, охарактеризовано ещё Достоевским в романе «Бесы»: «Точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул».

И вот уже Россия сама представляется «Булгарией», ещё не затонувшей, но уже ушедшей в своё последнее плавание... Довелось пройти по Иртышу на теплоходе «Чернышевский» — аналог утонувшей «Булгарии»: сделан в 1955 г. в ГДР, две установки по 420 л.с., 16–17 км/час по воде. О, реликт, но и таких — 4–5 штук на всю Сибирь. В Усть-Ишиме много народу село, и всяк тащит 5–10 мешков картошки. На Севере мешок по 2 тыс. руб. уходит, продашь с десятков и зарплата в кармане. Когда швартовались к дебаркадеру, капитан в рупор назидал — не боле двух мешков на пассажира, иначе не посажу, корабль перегружен. Точно — на двух палубах ящики с картошкой, арбузами, перцами, апельсинами и прочей снедью. И что? Всех посадил, загрузив верхнюю палубу картошкой. Так и тоном по доброте, нарушая устав... А, живя не по совести, во злобе? Долго ли протянем? Да и куда — протянем...

«Куда ты, Родина, куда // Спешись день ото дня, // Когда сквозь пальцы, как вода, // Уходишь от меня?..» Не было бы этого вопроса, если бы в самом начале пути не пронзил сердце другой: как увижу, как узнаю, как постигну святое лицо моей Родины-Матери, как охвачу взором её пространства и дали, её великий и таинственный путь, как смогу почувствовать себя её малой частицей и каплей, и понять, что же ждёт от меня моя Родина? Но достаточно ли только любить Родину, хотя «узлы кровавых жил» на руках разве не от каждодневного труда? Так почему же она молчит в ответ? Почему тишина?

Уходящая Родина — это исчезающий народ? Очень на то похоже, но всё-таки — только похоже. Родина перестаёт ею быть для своего народа, теряющего Веру, а, значит, и своё Божественное призвание. Хотя и помнится ещё, что народ подобен древу, «насаждённому при исходищах вод», которое «плод свой даст во время своё: и лист его не отпадёт» (Пс. 1: 3). На Родине вырастает это великое древо — народ Божий, и если он сохраняет верность своему призванию, то не только долго плодоносит, а постепенно превращается из древа земного — по слову святителя Филарета (Дроздова) — в «древо вечное, плодоносное, в древо райское».

Не напитают и не напоят его живой водой чужие воды. Не привьётся на земле нашей чужой сад... *«Забыли о русской сноровке, // Пленились нерусской судьбой...// И нас на поганой верёвке // Ведут мясники на убой...»*

Кто мы, зачем и почему? Никто и зовут каждого никак — наёмники на базаре мирового порядка. Не нравится — будь россиянин. Многие о сказанном здесь проедят: «Ну, знаю я, тоже мне — удивил». А что ты сделал, чтобы уменьшить это знание? Блаженно хмыкнет, и потопает восвояси. Моя хата с краю. Мы начисто разобщены, и поговорка «дружба дружбой, а табачок врозь» — как пророческий приговор из прошлого. Так-то все свои, но на соседа фиолетово. Который год вместе по одному. Всех возлюби, но обмани ближнего своего, из огня да в полымя, и как ошпаренный по судьбе. До злобы постыдно, но факт. Зато какой год *«Колдуны и скоморохи — // Злое сонмище невежд — // Саранчой летят на крохи // наших радужных надежд»*. («Бесы».) Когда, не ровён час, да и напишет мне Евгений, умеющий в обычном общении пошутить серьёзно, словно почувствовав тревоги мои:

«Здравствуй, Юра! Как там тебе, в Сибири, среди китайцев?..»

И, слава Богу, если я отвечу:

«Здравствуй, Женя! У нас всё как было: сугробы до головы, розовое небо и свежий ветер... Нет, никто не возьмёт нас в оборот...»

И не только потому, что Господь не позволит, а потому что держимся за исконное: *«На Бога надейся да на себя не плошай»*. За веру в то, что *«И пребудет Россия во все времена, // Потому что на вечные лета // Светом Божьим вселенским омыта она // И дыханьем Господним согрета»*.

А рок, фатум, судьба и т.п. — не наше. Есть такие религиозные учения, которые утверждают, что Господь всё за нас решит. Но не Православие! Оно учит: надо всегда, при всех обстоятельствах жизни делать максимум того, на что ты способен. А вот дальше Бог откроет твои пути. Однажды прославленный полководец Александр Суворов поинтересовался: «Лошади кормлены?», а ему в ответ: «Ваше сиятельство, никак нет. Господь соломки не послал». Суворов возмутился: «Господь Бог мне не конюх. Тебе поручили лошадей кормить. Иди и, пожалуйста, изволь это сделать».

Ещё раз повторим: идеи кармы, фатума, рока, судьбы чужды христианству. Чтобы понять насколько, прежде вспомним, что у каждого языческого народа был и есть божок, чья область занятий — человеческие судьбы: Фатум, Мойры, Парки и т.д. А теперь вопрос: какое имя носил бог Судьбы у хананеян? Как свидетельствует Библия, — простое русское имя «Гад». Господь в гневе Своём говорит израильтянам: «А вы, которые оставили Господа, забыли и святую гору Мою, приготовляете трапезу для Гада и растворяете полную чашу для Мени (богини плодородия) — вас обрекаю Я мечу, потому что Я звал — и вы не отвечали, говорил — и вы не слушали» (Ис. 65, 11–12). Карма — синоним слова «гад», представляете?

Совсем другое — Премудрый и Благый Промысл Божий — Божественная деятельность, сохраняющая мир и направляющая его к предначначенной цели бытия. И если ситуации, с которыми мы сталкиваемся, определяются Божьим Промыслом, то поступки — нашей свободной волей. По сути, об этом и говорит нам Евгений Семичев:

*Дождичек — калика перехожий —
Под моим окошком семенит.
Не иначе, как по воле Божьей,
Жизнь мою печалью осенит.*

*Образ русской доли ненавязчивый,
Под окно сошедший с небеси...
Но сквозит меж струями знобящими
Горнее дыхание Руси.*

*Суждено и мне, однако, вскорости
Собирать дорожную суму.
Родины моей печали-хворости...
Разве же доверишь их кому?*

*И однажды светлым днём погожим
В Гефсиманском радужном саду
Я, как этот дождик перехожий,
Под окошком Господа пройду.*

*Бог мне скажет: «Не за-ради корысти
Ты явился... А в суме чего?..»
— Родины моей печали-хворости.
Разве их оставишь на кого?*

Вопрос-то — по глубине своей — тютчевский. Тайное сияние русской души не заметит «гордый взор иноплеменный», но оно видно тому, кто, подобно «Царю небесному», исходил и познал русскую землю. Стезю русского народа Тютчев называ-

ет «ношей крестной» и связывает испытания, выпавшие на его долю, с причастностью к деяниям Христовым. И вот уже поэт «иных времён» решает взять на себя все печали-хворости Родины — это его «ноша крестная»... И что поэту — смерть, если «Трепещет, как юный подснежник, // Обретшая небо душа». «Иудеи требуют чудес, и Эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Эллинов безумие», — восклицает апостол Павел (1 Кор. 1. 22–23). Такова Благая весть, которая была и остаётся безумием для всех, кто пребывает в плену у «ветхой» религии или атеизма. Но мир смеётся над христианами, а христиане смеются над смертью. Да, нам, смертным, не дано воскрешать, но в день Светлого Христова Воскресения мы повторяем слова святителя Иоанна Златоуста: «Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа? ... Воскрес Христос — и ни одного мёртвого в гробу. Ибо Христос, воскресши из мёртвых, положил начало воскресению умерших».

Владыка Антоний Сурожский, который так часто сталкивался со смертью и как врач на войне, и как священник, служивший более пятидесяти лет, говорил: «Воплощением, крестной смертью, сошествием в ад и воскресением Спасителя любовь — уже не наша, человеческая, хрупкая любовь, но непобедимая Божия любовь — сразилась со смертью, и смерть была побеждена. Она побеждена не в том смысле, что её больше нет, что никто из нас не умрёт — мы все умрём; любимые наши умерли, любимые наши умрут. Она побеждена в том смысле, что вместо того, чтобы быть преградой и безнадёжным, безвозвратным концом, смерть стала дверью в вечность».

О победе над смертью, о всеобщем воскресении, о грядущем Царстве мы, христиане, узнаём не только из Священного Писания, это знание рождается в нас от личного опыта присутствия Христа в нас, от радости Его пришествия к нам, от переживания любви как Царствия Божьего внутри нас:

*Месяц плывёт молодой
Мимо окошка доверчиво...
Каждая лужа звездой
Высшей небесной увенчана.*

*Каждый земной водоём
Орденом высшим пожалован.
Сколько брильянтов на нём —
Бог сыпанул — не пожадовал.*

*В наших краях и чужих
Видел картину я схожую.
Щедрость правительств земных
Меркнет пред милостью Божью.*

*Реки, деревья, поля,
Не пропадём мы в безвестии.
Наша планета Земля
В Божие входит созвездие.*

*Где бы я ни был — везде
Жизнь принимаю с отрадою:
К Божьей представлен звезде,
Высшей отмечен наградою.*

* * *

А потом был Иркутск... Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Честно говоря, в Липецке наше с Евгением общение свелось лишь к нескольким непродолжительным разговорам — без представления друг другу. Так что, получается, свёл нас, дал окрепнуть узам нашего товарищества классик русской литературы Валентин Григорьевич Распутин, пригласивший меня и Семичева в Иркутск осенью 2010 года... В Кутулик — на родину Вампилова, в Усть-Уду — на свою малую родину... Весело общались, шумно, как будто и молодо, отражаясь «в полный рост в байкальском солнечном зеркале...»

*В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит сквозь народной судьбины пласты...
Прости нас, дурных, Валентин наш Григорьч,
Пути твоей отчины шибко круты!*

О гении следует говорить гениально... Семичев так и сказал.

До того рубежа, который политики назвали перестройкой и реформами, до расчленения огромной страны в 1991-м и последующие годы, невозможно было встретить взрослого или взрослеющего человека, не интересовавшегося написанным словом Валентина Распутина. Миллионы читателей жадно передавали друг другу журналы «Наш современник» или «Москву» с повестью ли, с подборкой ли рассказов писателя, ещё в журнальном варианте обсуждая «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Деньги для Марии», «Век живи, век люби».

Иные наступили времена, нынче и преданному русской литературе читателю не удаётся подержать в руках новинки подлинной литературы; то, что обеспечивалось «Союзпечатью», лопнуло, киосков прибавилось, да только не увидишь в них толстых всероссийских журналов. И спрашивают порой удивлённо: «Распутин ещё пишет?» А однажды было даже так, что школьник при встрече с Распутиным простодушно воскликнул: «А разве вы ещё живы?» — об этом он сам, грустно посмеиваясь, рассказывал.

Миф о том, что Валентин Распутин много лет ничего не пишет, глубоко проник в сознание не только читателей, которым недоступны новые рассказы, очерки Распутина, но и в среду профессиональных ценителей литературы. Не замечали профессионалы шедевров: «В ту же землю», «Нежданно-негаданно» — почти повестей по насыщенности сюжетных поворотов, психологической напряжённости, языковой бездонности.

Но я-то помню, не могу не помнить, что рассказ «В ту же землю» впервые был опубликован в патриотической газете «Омское время» по желанию самого Валентина Григорьевича, а я тогда трудился там в должности заместителя редактора (позднее стал и редактором), и мы каждый день получали десятки писем со словами благодарности. Затем учителя нескольких школ Омска по своей инициативе провели «открытые уроки» по рассказу Распутина, а потом ещё около года мы публиковали школьные сочинения...

Можно, конечно, без усталости винить в снижении планки культуры, в утрате культурой национального лица телевидение. Разумеется, есть в чём винить, если на сотни дебили-

зирующих молодёжных программ приходится одна об «умницах и умниках», побуждающая школьников к осмысленности, да редкие вкрапления чего-то подлинного.

Пока журналы спорили, какой из них нужнее читателям, подросло поколение, а потом ещё одно, и ещё, которое вовсе перестало читать литературные журналы, а заодно и всю классику: русскую, советскую. Литература умирает не от того, что писатели перестают писать, а от того, что читатели перестают читать.

Получается, не писатель Распутин исписался, а читатель нынешний исчитался. По инерции держат в электричках, в метро изделия, похожие на книгу, на журнал, но это не русская книга и не русский журнал. Подобно тому, как не имеет никакого отношения к священному слову «Любовь» блудливое словосочетание «они занимаются любовью», так и чтение чтиву рознь.

Растрлители — они во всём растрлители, в литературе в том числе. Тех, что поумнее и честлюбивее, заманивают модернистской элитарностью, тех, что попроще, подоверчивее — завлекают поделками раскованной и рискованной жизни, но и тех и других — подальше от традиции, от глубины чувств, от трудного пути культуры, приближавшей человека к Абсолюту, к Богу. Дух — слово всемирное, духовность — слово русское, именно как противоположность бездуховности, пустоте, бесчеловечности.

Русский человек, русская культура тем и держались, тем и интересны были и остаются человечеству, что несли в себе духовность и душевность. Разума хватало многим, и в Европе, и в Америке, и в Японии, а душа мельчала. «Вы богаты, у вас есть Распутин», — сказал в сердцах один американец.

У нас действительно есть Распутин, есть Семичев как восприемники духовной традиции, имеющей десятки, сотни имён в литературе, философии, музыке, живописи, у нас есть святые, без которых не было бы русской духовной культуры, ибо духовность только там и держится, где душа очищается божественным, где она возносится к небесам, где любить — значит боготворить, открывать в человеке ли, в природе ли высоту неба. По Семичеву:

*Воздух Родины — воздух весны —
Словно тайну люблю и приемлю,
Когда дивные райские сны,
Словно ангелы сходят на землю.*

*Он огнём закипает в крови
И сердца разрывает осколки.
И о нём, как о первой любви,
Воят самые лютые волки.*

*Не оставишь его на потом...
С ним легко и прощать, и прощаться.
И до смерти обугленным ртом
Им никто не сумел надыхаться!*

«Литература — это надежда», — обронил Валентин Распутин в почти уже родном для меня Тобольске, среди руин бывшей улицы Пеляцкой, обозначенной ныне как улица Мира. И вера наша, и литература, и история — это надежда на неиссякаемость духовного материка, именуемого Россией... Такую надежду даёт и поэзия Евгения Семичева:

*Покуда вертятся планеты,
Взбивая пенный Млечный Путь,
Небесной милостью поэты
Во мгле не смогут утонуть.*

*Покуда солнце не погасло
Над миром, над землёю, над...
Свет заливает нас, как масло,
Из млечных падая лампад.*

*Покуда в круговерти вечной
Земля вращается во мгле,
Мы все — молитвенные свечи
На Божьем праздничном столе.*

Литургист XV века, блаженный Симеон, архиепископ Солунский, так объясняет символическое значение свечи: чистый воск означает чистоту и нескверность людей, его приносящих. Мягкость и податливость воска показывают нашу готовность к послушанию Богу, а горение свечи символизирует обожение человека, его превращение в новую тварь и очищение огнём Божественной любви.

Словно о русских поэтах сказано. Или о русских поэтах — тоже...

«Огонь горящих... свечей и лампад, как и само кадило с горячими углями и благоуханным фимиамом, служат для нас образом огня духовного — Духа Святого, сшедшего в огненных языках на апостолов, попадающего греховные наши скверны, просвещающего умы и сердца наши, воспламеняющего души наши пламенем любви к Богу и друг к другу: огонь пред святыми иконами напоминает нам о пламенной любви святых к Богу, из-за которой они возненавидели мир и все его прелести, всякую неправду; напоминает нам и о том, что мы должны служить Богу, молиться Богу пламенным духом, чего у нас большею частью и нет, ибо имеем охладевшие сердца. Так в храме всё поучительно и нет ничего праздного, ненужного» (св. прав. Иоанн Кронштадтский).

Нет ничего праздного и ненужного и в поэзии Евгения Семичева, даже если это «лучшие дурочки мира», гуляющие в его дворе. Поэт пишет, что им ни к чему его лира, но здесь он ошибается: погоди чуток, брат мой, вот они её услышат и... Если уже не услышали — в твоём любимом, «самом удивительном ТВОРИТЕЛЬНОМ падеже»...

От сумы и от тюрьмы

1

На свете есть люди, при взгляде на которых можно тотчас определить среду их обитания. Так, например, вовсе не шуточной является поговорка «Рыбак рыбака видит издалека», и всякий, кому доводилось встречать настоящих рыбаков, скажет, что, действительно, их трудно не отличить в толпе от прочего населения, хотя бы оно и жило на берегу моря, и питалось исключительно одной рыбой. Само собой разумеется, что и вся жизнь рыбака от рождения до гроба связана с морем и только с морем, и если на старости лет он спрячется от моря в какой-нибудь среднеазиатской пустыне, то и тут всякий взглянувший на него увидит в самом его внешнем облике и волны, и чаек, и сети, и акул... То же относится и к лётчикам, и к военным, и к офисным клеркам, и к ворам, — короче, ко всем тем, кому Бог на роду написал носить на себе печать своего образа жизни и классовой принадлежности. И если посторонним без особого труда удаётся узнать в них эти образ и принадлежность, то сами они и впрямь примечают друг друга издалека даже и с закрытыми глазами.

Когда я первый раз увидел Мишу Острова, то, ещё не зная его фамилии, догадался, что он полностью принадлежит природе, и не просто природе, а лесам, тайге, дремучим рекам, а в наш город попал как-то случайно, помимо своей воли. Фамилия же, какую он назвал, сделав ударение на первом слогe, полностью подтвердила мою догадку,

ибо, подумал я, здесь он будет чувствовать себя как на необитаемом острове, несмотря на то, что нашего народу с лихвой достанет, чтобы закидать шапками население всей его тайги. Он рассказывал о том, что приехал из Сибири, где долго жил в каком-то посёлке на берегу то ли Верхней, то ли Нижней Тунгуски и работал там в районной газете фотокорреспондентом, а я смотрел на его похожее на наш родной берёзовый пенёк лицо и думал: «Нет, брат, шалишь! Твой фотоаппарат — всего лишь прикрытые, и если ты и впрямь кого-то снимал, то этими кем-то были только медведи, рыси и волки, с которыми ты стоял более чем на дружеской ноге».

— Как же ты тут жить-то будешь? — в лоб спросил я его.

— Однако, надо как-то, — вздохнул он и густо покраснел, что придавало его корявым щекам совершенно неприличный вид, тогда как глаза сделались светло-голубыми, как у какого-нибудь очарованного странника.

Он и был странником, причём в самом буквальном смысле этого слова, то есть до мозга костей, что в нынешние времена вряд ли случается и с рыбаками. Да ведь и что им, рыбакам? Они на палубах своих живут, как дома, а дома, как на палубе, и хоть трава не расти. Миша же не находил себе места нигде и, при всей его замшелости и схожести с растрёпанной кедровой шишкой, даже на Нижней Тунгуске не нашёл, решив попытаться счастья в средней полосе России, прямо-таки на самой Волге, от которой, впрочем, тоже через год сбежал. Правда, справедливости ради следует подчеркнуть, что сбежал он не по своей воле и места не находил не потому, что был слишком привередлив или требователен по отношению к земле-матушке, а исключительно по причине не уживчивости с местными властями, особенно с милицейскими, которые шагу не давали ему ступить, находя в его внешности абсолютное сходство с фотороботом, скроенным как безразмерный чулок на любого правонарушителя. А поскольку культурно выражаться у него, как он ни старался, не получалось, то в любой точке мира, хоть на Луне, ему для получения прописки было суждено провести ночь-другую в «обезьяннике». А там, как известно, стоит лишь разок побывать, и, считай, что именно дощатый настил с решёткой вместо двери и заспанным часовым под тусклой лампочкой над столом и есть твоё постоянное место жительства.

В первую нашу встречу, разговорившись, он заметил, что больше всего ему не хочется просить подавания на церковной паперти.

— Нет, я человек верующий, православный, — говорил он, выпотрошив две сигареты на свою мозолистую ладонь и ловко свернув из обрывка газеты «козью ножку», в которую весь табак и ссыпал. — Однако в церкви-то нельзя ходить, как в райсобес. У Бога другая милостыня просится.

— Ну, — возразил я. — Это не нами заведено, и не нам ломать. А от сумы и от тюрьмы, сказано, не зарекайся.

— Да мне ведь, — засмеялся он, показав на редкость белые и от того бессмысленные для его физиономии зубы, — хоть зарекайся, хоть не зарекайся — один хрен! И сума, и тюрьма у меня всегда вот тут, в кармане!

— Как это? — посмотрел я с удивлением на оттопыренный карман его изрядно потрёпанной куртки.

— А так, однако, — был его суровый ответ, — что где бы я ни поселился, кем бы ни работал, с какой бы женой ни жил — всё к одному приходит: сперва сума, а следом за ней тюрьма...

И, действительно, недавно мне довелось убедиться в правдивости его признания, и всё, случившееся с Мишей в наших краях, настолько меня потрясло, что грехом было бы не написать об этом.

С Тунгуски он привёз ровно столько денег, чтобы купить небольшой домик на берегу Волги и жениться. Конечно, невеста, как и дом, оставляла желать лучшего, но он по этому поводу не очень-то и переживал, ибо главным для него было осуществить созревший в сибирском посёлке после ухода от третьей жены и выпестованный бессонными ночами в таёжных дебрях план. Замечательно, что, приехав к нам, Миша ничуть не сомневался ни в приобретении дома, ни во встрече с суженой, а Бог настолько ему благоволил, что даже и географическую карту ему мусолить не пришлось. Придя на автовокзал в областном центре, он купил билет на первый же уезжавший к Волге автобус, а, оказавшись в N, спустился к набережной, прошёлся по первому ряду береговых улиц, поднялся во второй и тут же свой домик увидел, а увидев, сразу и подписал с его продавцом все необходимые бумаги. Вечером же, выйдя покурить к пристани, заметил сидевшую на камушке возле воды отставшую от парохода пассажирку и без лишних слов привёл её в свой дом, расписавшись с ней уже на следующий день. С поиском работы также никаких препон не возникло: устроился ночным сторожем в один из местных магазинов так скоро, что когда его остановил на улице участковый — кроме внешности, придираться ему было уже не к чему.

— Ну, Остров, — только и мог пригрозить он, — смотри у меня! Тюрьма по тебе давно, я вижу, плачет, так что, случай чего, не обессудь.

— Ладно, — кивнул Миша и смиренно улыбнулся. — Учту.

— А ты не скалься тут у нас! — был ему строгий приказ. — Я ещё домой к тебе загляну: посмотрю, чем ты там занимаешься!..

И верно, в тот же вечер он к Мише заглянул и был весьма разочарован, увидев в единственной комнате только стол с обшарпанным буфетом, кровать и жену возле растопленной печи. Да ещё стопку фотографий на том столе, вырезанных из сибирской районки, на которых смутно темнели фигуры лесорубов, охотников, начальников в больших собачьих шапках да пробегающих под кедрами медведей.

— А это кто? — спросил участковый, вертя один из снимков и так и этак. — Что за зверь?

— А это я, однако, — гордо признался Миша.

— Ну и рожа! — плюнул лейтенант и, ещё раз сказав «Смотри!», ушёл.

И, хотя ничего противозаконного приятель мой не совершал, хоть старался жить тихо и незаметно, однако прожил там не больше года и лишился как жены, так и дома. Это случилось в конце сентября, когда Волга уже сменила цвет своей волны с пепельного на синий, и купаться в ней не отваживались даже самые отчаянные мальчишки. Один Миша плавал и нырял в этих волнах каждое утро, вызывая восторг и уважение даже у нынешней детворы, которую, как известно, ничем не удивишь и не привяжешь. Плавать он любил и умел, как никто другой. С первых же дней поселения в N взял себе за правило переплывать Волгу туда и обратно и переплывал, несмотря на капризы погоды, до той поры, пока река не начала подёргиваться ледяной ряской.

Жена к такому его увлечению относилась благосклонно и часто сопровождала его к берегу, смотрела с завистливым любопытством на его небольшое, но мускулистое и смуглое тело, которое после купания и растирания вафельным полотенцем становилось красным, как у сваренного живьём рака. Он и бывал в такие минуты похож на рака, так что мальчишки скоро Раком его и прозвали. Жене, услышавшей однажды это прозвище, оно тоже понравилось, и она перестала звать его по имени. «Рак! — восклицала она порой, когда хмурыми осенними или светлыми зимними вечерами Миша уходил на работу. — Ты утром домой-то не торопись. Дождись, когда Верка

магазин откроет...» Или днём, уже похмелившись принесённой Мишей водкой, стонала, валяясь в кровати: «Ох, Рачище, и плохо же мне! А ты совсем меня не любишь...»

Как правило, Миша на её восклицания, стоны и обвинения отвечал глухим молчанием. После дремучего житья на Тунгуске, после осуществления своей мечты о Волге он стал молчалив, как будто боялся ненароком выдать нечто сокровенное в его душе, чего никто не смог бы понять. И если молчаливость делала Мишу ещё более непонятным для жены, соседей и продавщицы Верки, то он не обращал на это никакого внимания, словно знал, что окружающие его здесь люди скоро исчезнут из его жизни навсегда и бесследно, и ни в нём не останется ни малейшей памяти о них, ни им никогда не придёт охота вспоминать этого некрасивого, задумчивого и чудаковатого мужичка. Про любовь же он имел свои соображения, которые вряд ли понравились бы кому-нибудь из живущих ныне на этом свете, ибо Миша был уверен, что её в мире нет. Совсем нет, никакой, ни между мужчинами и женщинами, ни между родителями и детьми, ни между братьями и сёстрами, ни даже между людьми и Богом.

— Не знаю, может быть, она и была на земле когда-то, — поведал он мне в один из своих внезапных приездов в наш город, — но теперь её всю истребили. Людям кажется, что они ещё могут любить, однако то, что они чувствуют друг к другу — не любовь, а... не знаю, как назвать.

— А сам-то ты, что же, — удивился я, — никого не любишь и не любил?

— Нет, — уверенно покачал он заросшей нечёсаными патлами головой и столь же неухоженной бородою. — По молодости, правда, мне казалось... Однако, нет. И тогда о себе старался. А настоящая-то любовь — это когда самого тебя уже нет.

— Ну, а мать-то свою, — начал было я, но Миша не дал мне договорить.

— Мать меня не любила, — было его печальное признание. — А я... не любил, а только жалел её...

Жалел ли он тогда, в N, и свою жену — трудно сказать. Впервые увидев её несчастной на пристани, возможно, и пожалел, иначе зачем бы ему было вводить её в свой купленный для себя одного дом, да ещё и жениться на ней? Может быть, и за её алкоголизм — жалел, и из одной только жалости покупал ей водку, тогда как сам никогда, ни при каких обстоятельствах не употреблял даже пива. И спал с ней, терпя перегарную вонь и истеричные вопли, тоже, похоже, жалеючи, ибо не имел к животному блюду ни малейшей душевной симпатии и всякий раз потом презирал себя и думал, что прозвище своё заслужил по праву, что так ему, сластолюбцу, и надо, и ещё поганее клички он достоин.

В такие минуты он выходил из дома на крыльцо и долго сидел, куря свои «козьи ножки» и сквозь слёзную пелену глядя на Волгу, текущую как бы над крышами первого ряда городских строений и прибрежными тополями. Крылечко, собственноручно прирубленное Мишей к дому, было очень уютным и просторным, с широкой лавкой от угла и крутыми ступенями во двор и в вишнёвый садик. И крышу над ним он размахнул такую, что зимой только при сильном ветре слегка заметало снегом порог, так что и в лютые морозы можно было, теплее одевшись, сидеть под ней и глядеть на реку, словно из окна в жарко натопленной избе. А уж летом — и уходить с этого крыльца не хотелось, и Миша придумал даже спать прямо на лавке, не стесняясь изредка проходивших по улице соседей или случайных приезжих, которым низкий забор не мог помешать любоваться столь роскошным, по сравнению с покосившейся избушкой, крыльцом.

Какие сны ему там снились — Бог весть, но, просыпаясь, он всякий раз тревожно взглядывал из-под крыши в небо, усердно крестился и даже протирали глаза от мешавших им смотреть на это небо, на сад и Волгу слёз. Что виделось ему в этом небе? Позд-

нее в письмах ко мне Миша часто писал о том, что он всю жизнь ждал и продолжает ждать какого-то знамения для себя. Но мысли его, изложенные в полученных мною по Интернету вордовских файлах, были и остаются столь туманными, что можно лишь догадываться о состоянии его мятущейся души, для которой телесная оболочка всегда была в тягость. Очевидно, в тягость был и дом на Волге, хотя и ставший воплощением его мечты о счастье, но почему-то не доставлявший Мише чаемой радости, словно он чувствовал, что жизнь его в этом доме продлится недолго, что дом — это всего лишь рубеж, разделявший его жизнь на две ни в чём не схожие половины.

Пройденным этот рубеж оказался ровно через год после появления Миши Острова в N. В то утро, придя с работы и опохмелив стонущую жену свою, он попросил её сварить щи из принесённого им с работы супового набора и кочана капусты, а сам отправился, захватив полотенце, на Волгу. Был сильный ветер, и стоявший у пристани трёхпалубный белый пароход только покачивался в силках швартовых канатов, но не подавал никаких признаков жизни, словно пассажиры и вся команда покинули его, подобно крысам, напуганным угрюмостью вздымавшихся под ветром волн.

— Штормит, однако! — крикнул Миша двум спустившимся к воде и лениво наблюдавшим за ним мальчишкам.

— Утонешь, Рак, — предположил один из них, ковыряя в носу.

— Не! — возразил другой, подобрав брошенный Мишей на камни окуроч, и вдруг оживился: — Спорим?!

И они, действительно, хлопнули по рукам, а заходившему в Волгу Мише стало вдруг отчего-то тревожно. Он ничуть не сомневался в своих силах, будучи, как всегда, уверенным, что перемахнёт реку и на тот берег, и обратно, но что-то в душе его было не так, словно зачислился ей какой-то ещё не осознанный им грешок. Разумнее было бы отложить в этот раз свой заплыв, но мальчишки уже сощурились и затаили дыхание, а на корме парохода появилась парочка любопытных туристов с камерой, прицелившейся в нежданного на их пути сорвиголову.

На этот раз плыть ему было тяжело, как будто не по своей воле взмахивал он руками над вспененными волнами и отталкивался от их гребней ногами, а по чьему-то приказу, неисполнение которого грозило ему если не смертью, то очень большими неприятностями. И, только достигнув другого берега и посмотрев на сжавшийся до размеров почтовой открытки городок, Миша понял, что непростительно обманулся, и именно исполнение приказа влекло за собой большие неприятности для всей его неприкаянной жизни.

Городок был объят пожаром. Чёрный дым, не имея сил подняться под ветром в хмурое небо, стелился по земле и над самою Волгой, скрыв собой и белый пароход, и первый ряд домов, и мальчишек. Однако за этой дымовой завесой он ясно видел, что горит не что иное, как его собственный дом, со всем нажитым в нём добром и пьяной женою в раскалённых пожаром окошках, поспеть на помощь к которой у него не было никакой возможности.

Но ещё более поразило его внезапное сознание того, что и желания поспеть также не ощущалось в душе, словно Волга навсегда разделила не только свои берега, а и всю Мишину судьбу, и даже самую эту душу, одна половина которой сгорала на его глазах, но при этом ни треском, ни дымом другой половины не касалась.

Он сидел в одних плавках на приволоченном кем-то к берегу бревне и приучал себя к сознанию того, что, кроме этих мокрых плавков, ничего у него не осталось.

Тому, кто хоть однажды в жизни оказывался в столь плачевном положении, могут быть понятны его чувства... Впрочем, вряд ли. Даже праотец наш Адам после изгнания из Рая не был так одинок, и имел в собственности не только Еву, но и целую планету, богатую и плодами, и зверями, и рыбой. Миша же был лишён возможности и укрыть себя какими-либо листьями, и прокормить, и даже покурить с горя, а холодный волжский ветер, леденящий не только его кожу, но и всё нутро до мозга костей, так настойчиво призывал погрузиться в спасительные волны, чтобы навсегда под ними и поселиться, что он пару раз приподнялся на своём бревне, однако шагнуть к этим волнам так и не решился.

— Не смерти я боялся, — признался он мне потом. — А Бога. Прямо чувствовал, что Он внимательно глядит на меня и чего-то ждёт. А чего ждать-то было?..

Скоро поняв, что рассудок ему здесь не товарищ, что думать о чём-то значит предавать себя во власть отчаяния, тенью которого на земле является неотвратимая смерть, Миша целиком обратился к небу. Он не просил помощи или какого-нибудь совета, а просто передал свою душу в Его власть, как Христос на кресте, и закрыл глаза. У самых его ног холодно скрипели по прибрежному песку равнодушные волны, монотонно гудел, изредка срываясь на свист, ветер, вскрикивали чайки в хмуром неласковом небе, и весь этот созданный за шесть дней творения мир казался Мише обманом, словно он смотрел на тёмном экране скучное и давно ему надоевшее кино, которое не могло вызвать ничего, кроме зевоты. И может быть Миша и впрямь бы заснул, если б не стужа, всё настойчивей сковывающая рачьим панцирем его голое тело, заставляющая стучать друг о дружку зубы и выворачивающая с треском мослы.

— А ведь ты замёрз! — услышал он вдруг звонкий женский голос. — Вона, как посинел, что покойник! Неужто обратно поплывёшь?

С трудом разодрав кулаками слипшиеся веки, Миша оглянулся и увидел стоявшего за его спиной... ангела. Был он невысок ростом и похож на пожилую деревенскую бабу, одетую в мужские штаны и заношенную овчинную телогрейку поверх вязаной кофты, однако Миша и под её нахлобученным на глаза платком без труда разглядел святящийся нимб и обрадовался.

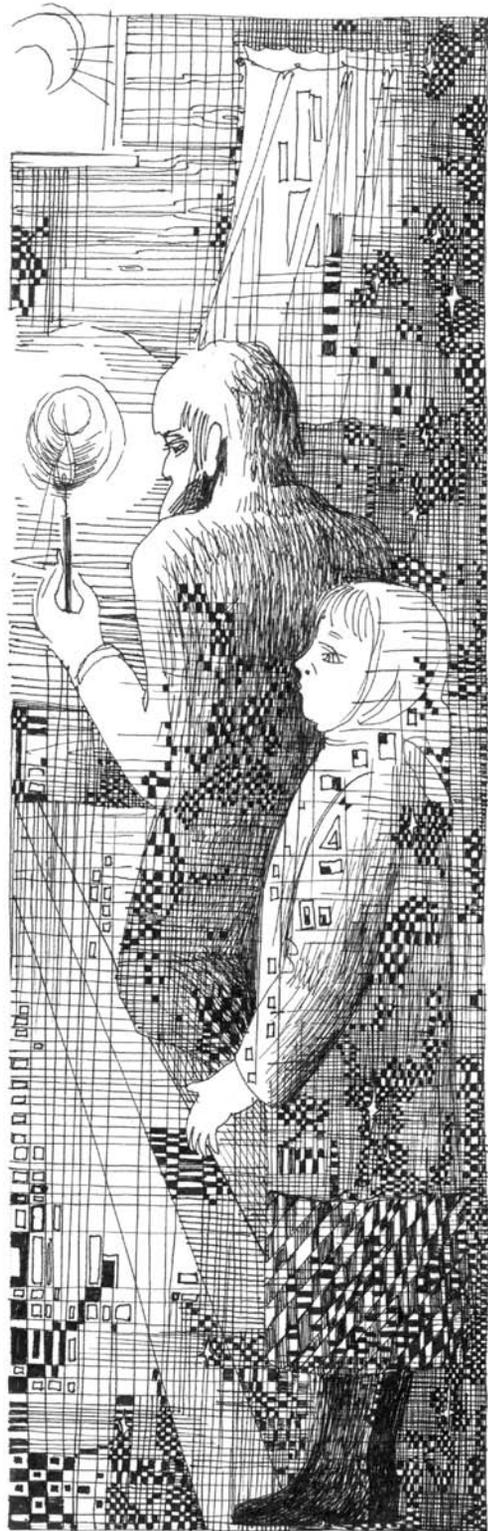
— Тебя Бог послал, однако?! — простодушно воскликнул он и вдруг застеснялся своих бесстыжих ног и ввалившегося пупыристого живота.

— На вот, накинь! — вместо ответа предложил ангел и, стащив со своих плеч шушунок, подал его Мише. — Накинь и ступай со мной. Да прыгай! Трясись, чтобы кровь-то не стыла!..

Конечно, прыгать он не стал, но, последний раз оглянувшись на берег с догорающим домом, пошёл следом за своей спасительницей беспрекословно. А трястись заставлять себя и не нужно было: уже весь он был подобен отбойному молотку, так что казалось, сама земля дрожит под его пятками, не чувствующими ни острых камешков, ни колючих осотов. Даже тройка коз, сопровождавших хозяйку, не решалась приблизиться к нему и испуганно с печальным блеяньем бежала к недалёному лесочку, где была видна среди кустов и ёлок тропинка в гору с деревенькой наверху. Весь год своего проживания в N Миша вглядывался в это едва различимое с крыльца селенье и порой даже думал, что в нём ему было бы уютнее, чем в городе, но, ежедневно приплывая сюда, почему-то об этих думах забывал и, передохнув, спешил вернуться, не рассматрив даже растущие среди песка одуванчики. Зимой же, когда Волгу сковывало льдом и заметало снегом, не видать было и этой деревеньки, напоминавшей о себе лишь изредка появлявшимися на волжской постели фигурками ходоков за продуктами в N-ские магазины, но Миша, уходивший

домой после ночных дежурств, ни разу с ними не встречался. Между тем жизнь на том берегу, часто сокрытом туманами, представлялась ему едва ли ни райской, и, может быть, поэтому он не решился вмешиваться в неё, понимая себя всего лишь случайно оказавшимся там нарушителем границы. Когда же взгляд его с крыльца блуждал по холмам и лесам этой безлюдной страны, она представлялась ему необитаемым островом, и сердце Миши замирало от непонятной тоски и тайного предчувствия того, что когда-нибудь судьба его завершится именно на этом острове, столь похожим на рай. Это было сродни видениям о загробной жизни, и такой она виделась ему задолго до поселения в N, с самого раннего детства, когда он впервые услышал о смерти, обитающих в её пределах ангелах и спасённых от ада душах.

И вот время его пришло, и, ступая босыми ногами по едва приметной в лесных травах тропинке, Миша не сомневался в том, что пробирается через райские кущи к одной из обителей Отца Небесного. Спокойствие похожего на простую деревенскую бабу ангела, окружённого белыми, как пушинки майских облаков, козами, всё более укрепляло его уверенность, и он даже усмехался в душе наивности N-ских жителей, сообщавших друг другу небылицы о скрытом в лесах на том берегу монастыре, в каком никто из них не бывал и ни одного монаха не видел даже в бинокль. При этом почему-то ни один из них не решался сплавить туда на моторке, а на бывавшего там каждое утро Мишу поглядывали с таким подозрением, будто он и был одним из тех таинственных пустынников, какого они предпочитали сторониться, ибо лицо его внушало им больше бессознательного страха, чем благоговения. Если бы он знал, что станут говорить о нём и таинственном монастыре после пожара, обуглившего сразу три дома, и рассказа мальчишек, так и не узнавших, кто из них выиграл

столь не по-детски жестокий спор, то, конечно, заставил бы себя вернуться, даже рискуя жизнью. Но знание это настигло его лишь через неделю, когда возвращаться было и поздно, и губительно не только для него одного.

4

Ангела звали Тасей, и она ни в какую не хотела признаваться в своём внезапном происхождении. Сказала только, когда он надоел ей с расспросами: «Да Тася я. Просто Тася. А ангелы на небе живут, а не в таких хоромах, как мои...»

Жилище её стояло на самом краю деревни, так что и огород спускался с горы прямо в лес, и плетень казался от этого игрушечным, как детская железная дорога, какую Миша помнил со времён своего детства. Это-то сразу и показалось ему странным: деревня, в которую он вошёл следом за провожатой, всем своим видом походила на его родину, хотя родился и вырос он в центре русской столицы в середине двадцатого века, когда ни на Москве-реке, ни на Яузе никаких деревень уже не было. Между тем, вспоминая окружавшие его в те далёкие времена дома и деревья, дороги и заборы, Миша видел тёмные бревенчатые стены среди густой зелени, ничем не загороженное высокое небо над ржавыми крышами и огородные грядки, скользящие по крутому склону в заросли прибрежных ив, к каким вела едва приметная в густой траве дорога. Как это могло быть у стен Зачатьевского монастыря, где в ту пору жила Мишина семья, он додуматься не мог, как не мог ясно представить себе всю Москву его детства и отрочества. Всякий раз перед мысленным его взором в прошлое возникали одни и те же картины с низкими домиками в снегу или тополином пухе, с козами в провонявших луком и самогоном двориках, с кирпичной стеной полуразрушенной обители и с проплывающими по широкой реке баржами.

В Тасиной деревне не пахло не то что самогоном, но даже и квасом, и не было кирпичной стены, какую Миша приготовился увидеть, вспомнив про слухи о монастыре, да и деревней-то её трудно было назвать: всего три избы окружали заросшую молодыми берёзками поляну с колодцем посреди неё. Жилой же оставалась лишь одна из этих почерневших от времени избышек, в которой Миша и оказался неожиданным гостем.

— А где все? — спросил он, надевая положенные перед ним на длинную дощатую скамью штаны и рубашку невесть какого покойника, то ли мужа, то ли отца его спасительницы.

— Все давно примерли, — тихо ответила она, глядя в покосившееся окно с трещинами по стеклу, за которым козы затевали драку с лежащей в лопухах собакой, не обратившей ни на гостя, ни на хозяйку никакого внимания.

— Однако зимой по реке ходили... — начал было Миша, но Тася перебила его:

— Это никольские. До них три километра вверх отсюда.

— Так ты одна здесь живёшь?! — удивился он.

— Теперь, видать, не одна буду, — спокойно сказала она и с надеждой, как показалось Мише, посмотрела на него. — Ты, чай, не скоро поплывёшь обратно?..

Чуден был её взгляд. Никогда ещё ему не доводилось чувствовать на себе такого проникновенного взгляда, и понятно, что Миша вновь подумал об ангеле, воплощённом в хозяйке не только этой избы, но и всей убогой деревушки, назвав которую так, он вдруг будто протрел и себя самого увидел в гостях если ни у Бога, то где-то в одном из многих Его чертогов. «Может, я умер?» — подумал он, но ничуть не опечалился, а напротив, обрадовался, что может теперь ощущать себя здесь не странником в чужом владении, а законным его постояльцем. А этот дивный взгляд тёмных, но

излучающих нескончаемый свет Тасиных глаз понятней всяких слов подтверждал истинность его прозрения, и Миша улыбнулся так добродушно, что Тася ответила ему не только улыбкой, но и ласковым словом.

— Вижу, ты мужик хороший, добрый, — сказала она, продолжая всё так же пронзительно смотреть на него, смущённо надевающего штаны. — Живи тут, где хочешь. Любую избу выбирай...

— А если мне твоя больше всех глянется? — робко проговорил он, потупив глаза.

— И хорошо, — был ему готовый ответ. — Тогда я перейду в свою бывшую...

— Что ты, Тася! — воскликнул Миша с облегчением. — Я же не оккупант какой! Мне теперь и сарай дворцом покажется. Мой-то дом на том берегу того... сгорел, пока я купался. Нет у меня теперь ни угла, ни паспорта, ни денег. Если б не ты...

— Чай, не сам его поджёг? — остановила Тася напор его признаний.

— Не я, — уверенно мотнул он головой.

— Ну и... на то, знать, Божья воля, — вздохнула она и, крестясь, низко поклонилась висящим в углу над кроватью образам.

5

Оттаяв в сухой одежде и принесённых Тасей из чулана валенках, разогрев своё нутро горячим чаем, вскипячённым в самоваре и настоящим на малиновых листочках, Миша разомлел и уже не помнил, как уснул под тёплым одеялом на жарко протопленной печи. Пробудившись под вечер, он ни болезни, ни усталости в себе не обнаружил и даже почувствовал себя способным уплыть обратно в N, однако не обнаружил он ни в доме, ни на дворе и Таси. Козы спокойно пощипывали пожухлую траву в невысоком загоне перед огородом, собака равнодушно поглядывала на него то одним, то другим поблёскивающим в густой шерсти на морде глазом, встревоженные им куры поспешили занырнуть в щель под закрытыми воротами двора, а их хозяйка как в воду канула. Негромко позвав её, но не дождавшись ответа, он побрёл к деревенскому колодцу, пытаясь разглядеть за макушками осин и елей под горой Волгу, но и Волги не было. Только густой туман стелился по горизонту, к которому спускался из лилового облака бледно-жёлтый огрызок солнца, и деревенские избы с сараями и теплушками, погружаясь в сумерки, казались живыми существами, наблюдающими за Мишей из зарослей шиповника и сирени..

Решив, что Тася ушла в соседнюю деревню («три километра отсель»), чтобы узнать что-нибудь о случившемся в N пожаре, он вспомнил о своём доме и оставшейся в нём жене, однако опять ощутил в душе пустоту и безразличие к судьбе вечно пьяной своей сожительницы. В том, что дом сгорел по её вине, он ничуть не сомневался, однако не винил её и даже жалел. Надежды на то, что ей удалось спастись от огня, было мало, и он уличил себя в мысли о смерти, как лучшей доли для неё. «Да и я бы, — признался он в первом своём письме ко мне, — не обиделся, если бы Господь прибрал меня вместе с ней. Впрочем, так я думал, пока поближе не узнал мою Тасю...»

Он увидел её в ту минуту, когда разглядывал установленную на ветхой крыше одной из изб спутниковую антенну, совершенно чуждую окружающему миру. О наличии в этой заброшенной деревне электричества Миша догадался не столько по натянутым между двумя столбами проводам, сколько по свежему блеску этих проводов, подведённых ко всем трём домам, словно они ждали прибытия целой оравы молодых и суетливых жильцов. Такое ему случалось видеть в таёжных посёлках, построенных для нефтяников, когда отработавшая вахта улетала на отдых в тёплые края, а засту-

пившая разъезжалась по буровым. Эти бурильщики ничуть не заботились о своих жилищах, называемых ими «временками», но свет в них казался им чуть ли ни святыней, так что они, как невесть какое сокровище, берегли каждую лампочку и всякий подведённый к ней проводок. И теперь, ощутив дуновение своего прошлого, Миша даже растерялся, и, если бы не мелькнувший в одном из окон силуэт Тази, решил бы, что сходит с ума.

Когда она вышла на крылечко этой довольно крепкой и даже не скрипучей избы, он смог лишь заметить: «Тут и свет есть, однако!» — и был обескуражен, услышав о том, что не только свет, но и связь с Интернетом деревне не в диковинку. Весёлый и звонкий голос Тази заставил его внимательней взглянуться в черты её лица, и тут он с удивлением понял, что перед ним вовсе не старушка (как показалось ему во время знакомства с ней на берегу и за чаем), а ещё довольно молодая и даже по-своему красивая женщина, какие нечасто встречались ему на долгом жизненном пути. Миша подошёл к ней, присевшей на дощатую завалинку, поближе, но в тот же миг солнце полностью погрузилось в туман, который поднялся от Волги к деревне, придав наступившим сумеркам безпроглядной таинственности.

— А на что тебе связь с Интернетом? — невольно сорвалось с его повлажневших губ. — Я вот, хоть и в городе жил, да знать не знаю, что оно такое...

— Это от Сергия Иваныча осталось, — сообщила Тася. — Он тут вроде дачника жил, но постоянно. Пока не умер. Он и меня научил с компьютером управляться. Теперича, вот, я тут одна хозяйничаю.

— А он, случаем, не курящим был? — спросил вдруг с надеждой Миша, всё ещё пытаясь не потерять в темноте Тасин образ.

— Вот что! — догадалась Тася. — А мне подумалось, ты спортсмен и... священник. Вон бородачи-то какая! И плаваешь, как «Метеор»!

— Ни тот и ни другой, — потупившись, признался Миша. — Ладно, хоть вина не пью, однако.

— Поди уж! — чему-то усмехнулась она. — Там на боровке целая коробка с папиросами лежит. Я тут протопила — тут и живи. А чай пить пока у меня будем. Не стесняйся, сибиряк!

— Да как ты поняла, что я сибиряк? — удивился он.

— Так я сама чалдонка, и тамошний говор знаю!

— Однако я в Москве от рождения жил, пока мы в Казань не уехали. А уж отсюда меня в солдаты забрали...

— Да ты что?! — воскликнула Тася и дотронулась до его руки своей мозолистой, но мягкой ладонью. — Я тоже в Казани-то жила какое-то время. Потом уж мы досюдова с мужем добрались. Он тут лесником был. Тут я его и схоронила...

Незаметно разговорившись, они прошли уже в темноте мимо колодца к её избе, и потом долго ещё рассказывали всяк о себе, сидя за столом, перебивая друг друга и хватая за руки. Пачка сигарет, оставшаяся от мужа, нашлась на боровке Тасиной печи, и Миша часто курил, выпуская дым в открытую над вьюшками дверцу, а хозяйка подливала ему кипятку из неохотно остывающего самовара, разбавляя его постоянной на травах заваркой. Между тем окутавший деревню туман развеиваться не спешил, но, напротив, густел и, подобно морозу, вползал в избу, когда Миша выбежал на двор по нужде, и видеть это было им обоим почему-то весело и, вместе с тем, грустно. Уже далеко за полночь они догадались, что идти устраиваться в незнакомую избу Мише поздно, и он улёгся, как днём, на печи, с которой, засыпая, слушал то смолкающий, то вновь звенящий в тишине ласковый Тасин голос.

Только спустя неделю до него вдруг дошло, что живёт он в Тасиной деревне иждивенцем, пользуясь добротой одинокой женщины и ничем не отплачивая ей ни за кров, ни за харч, ни за одежду, которой она не только прикрыла его наготу, но и нарядила его и в зиму, и в лето, и в мир, и в пир. В эти первые дни своей новой жизни Миша учился сознать себя умершим для всего того, что верующие люди называют миром, и почему-то был уверен, что мир этот никаким боком деревни не касается, словно она ему неизвестна, невидима и не нужна. И, действительно, в течение этой недели в деревню не заглянул ни один чужой человек, а окутавший её вместе с появлением здесь Миши густой туман рассеиваться не спешил, так что Тася даже предложила, что его привлёк за собой Миша.

— Может, ты не человек, а самый этот туман и есть? — пристально глядя на него, пошутила она однажды. — Уж не американский ли ты шпион?

— Почему американский? — тоже в шутку обиделся Миша. — Бери выше!

— Ага! — всплеснула руками Тася. — Значит, ты меня ангелом-то с издёвкой называешь, зная, что взаправдашний ангел — это ты сам?! На облачке сюда спустился и не расстаёшься с ним, чтобы на нём же и улететь от меня...

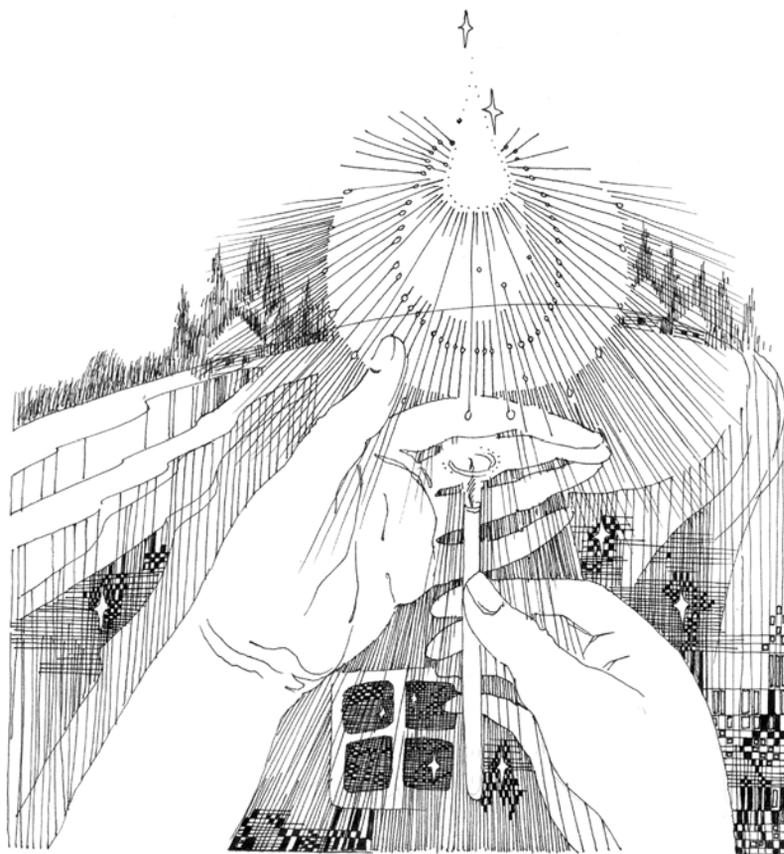
Никогда и ни от кого не слышал Миша столь ласковых слов. Так могла разговаривать со своим дитячком только любящая мать, и ему сперва было приятно сознавать, что Тася вернула его во времена самого раннего детства, какие, впрочем, он помнил очень смутно. Как выяснилось, она была старше его почти на двадцать лет, и вполне годилась ему в матери. Но так выходило по мирскому счёту, тогда как здесь, в этой напрочь отрешённой от мира деревне, счёт был иной, и Мише часто казалось, что это он годится в отцы Тасе, слушавшей рассказы о его приключениях на Тунгуске с открытым ртом и радостно хлопавшей в ладоши, когда Миша получался в этих байках героем. В такие минуты она становилась похожей на озорную девчонку, надевшую бабушкино платье со старомодным шушуном и повязавшую голову до самых бровей выцветшей шалью. А подсмотрев однажды за нею в бане, он уже не верил своим глазам, когда видел Тасю то у печи с чугунами, то на деревенской улице с козами: юная красавица с упругой грудью и подтянутыми ягодицами предстала перед ним, и скоро Миша перестал обращать внимание на её повседневные одежды. Когда же она показала ему свои фотографии, сделанные два года назад её мужем и запечатлевшие Тасю в лёгком платьице, с распущенными по плечам русыми волосами и в белых туфельках на стройных загорелых ножках, он окончательно утвердился в мысли, что шестьдесят лет она себе приписала нарочно, чтобы не вводить его в соблазн. Может быть, и одевалась она так по-старушечьи из боязни сделаться предметом его вожделения, тогда как сам он с его безобразной рожей не мог быть желанным даже для сорокалетних алкоголичек, каковыми являлись все его жёны.

Между тем в конце первой недели своей беззаботной жизни на другом берегу Миша стал свидетелем сборов Таси в соседнее село Никольское — за пенсией.

— И продуктов куплю, — сказала она, вывозя со двора старенький велосипед, но брать себе в помощники Мишу отказалась наотрез.

— Ещё чего! — был её суровый приговор. — Что люди-то скажут? Нет уж, я сама управлюсь. А ты протопил бы печку в моей избе. И козочек попаси, пока я езжу...

В словах её Миша услышал укор своему безделью и не осмелился попросить её о куреве, которое у него уже кончалось. Проводив Тасю тяжёлым взглядом, до тех пор, пока она не скрылась в лесу позади дома, где начиналась едва приметная в засыхающей траве дорожная колея, он запечалился и впервые всерьёз задумался о своей

жизни под Тасиным кровом и на Тасиных харчах. Долго ещё звучали в окружавшем Мишу тумане её слова, в которых ему отчётливо слышался упрёк в тунеядстве, так как он действительно ни разу не удосужился предложить Тасе свою помощь: не принёс ей ни дров, ни воды, не погулял с козами и не починил висевшую на одной петле калитку. Жил на всём готовом, как вернувшийся с войны раненый солдат, и без стыда приходил к ней на завтрак, обед и ужин, а по ночам попивал чаёк с принесённым Тасей вареньем, покуривая не свои папиросы.

Такими думами он довёл себя до совершенного отчаяния и не нашёл ничего лучшего, чем вернуться к Волге, оставить не свою одежду на берегу и уплыть обратно в N, где — представилось ему — ещё лежали на камнях его брюки с рубашкой и недавно купленные ботинки. Однако, спустившись по знакомой тропинке к реке, он не увидел ни Волги, ни города на противоположном её берегу — только туман стелился над поймой во все стороны и до самого неба, в котором невозможно было разглядеть ни солнца, ни чаек, вскрикивающих над невидимыми волнами.

Вновь осознал он себя потерявшим всякую связь и с прежней своей жизнью, и с привечавшим его долгих сорок лет миром, от которого Миша уплыл навеки, как какой-нибудь «Летучий Голландец», вряд ли оставив в ком-нибудь даже и память о себе. Вдруг он вспомнил о стоявшем в его нынешнем жилище на маленьком столике за печкой компьютере с подключённым к нему Интернетом, в который Тася выходила по вечерам, чтобы узнать о событиях в мире и «пообщаться» (как она говорила)

с какими-то живущими в разных концах страны подругами и друзьями. Он успел научиться и включать этот агрегат, и пользоваться почтой, в паутине которой Тася отыскала для него мой адрес, и скоро написал мне первое своё письмо, в котором после краткого рассказа о пожаре и размышлений о смерти признался мне в своей любви к Тасе.

«Теперь я знаю, зачем мне нужно жить, — читал я довольно грамотный текст. — Помнишь, я говорил тебе, что любить значит перестать заботиться о себе? Вот теперь я и есть такой. Покуда не помру, буду, как верный пёс, служить моей девочке, даже если она возьмётся пинать меня и гнать от порога...»

7

Когда Тася вернулась из Никольского с сумками на велосипедном багажнике и обоих ручках руля, Миша навешивал на новые столбы добротной, по-сибирски сколоченную и пахнущую сосновой смолой калитку. Увидев Тасю издали, он бросил молоток на землю и побежал ей навстречу, готовый пасть к её ногам и просить прощения за свою глупость. Однако лицо её выражало такую тревогу, что Миша в неопределённости остановился перед ней и только и смог принять тяжёлый велосипед из её рук.

— Такого мне про тебя наговорили, что и не знаю, — без предисловия сказала она. — Слух прошёл, что ты жену задушил, дом спалил, а сам утопился. Как мне это понимать?

— Никого я не душил и дом не поджигал, однако, — просто и даже с улыбкой ответил Миша, но тут же и насунился, прямо посмотрел на Тасю и твёрдо произнёс: — Только скажи — я нырну в реку, и всё, что ты услышала, станет правдой.

— Ладно, — кивнула Тася, утопив (как Волга — солнце) его взгляд в своих отягощённых туманом, но тёплых глазах. — Искать ведь тебя не будут. А там — как Бог даст...

— Я, пока шла, всё продумала, — говорила она, идя рядом с везущим велосипед Мишей и привычно положив ладонь на его руку. — От Сергея Ивановича осталась пенсионная книжка, а ты на него чем-то похож. С бородой-то и вовсе не отличишь. Если что, скажешь, что паспорт дома в Костроме забыл...

— Однако, сомневаюсь, что я могу быть на кого-то похож с такой мордой! — с горькой усмешкой возразил Миша.

— С какой? — не поняла Тася. — Морда как морда. У наших монахов и страшнее есть.

— А ты их видела? — вдруг насторожился он, ощутив непонятную тревогу в душе.

— Приезжали пару раз, — вздохнула она. — Да ты не волнуйся: до весны им тут делать нечего. А мы к тому времени что-нибудь придумаем.

— Послушай, Тася, — решил Миша, остановившись у калитки и доставая папиросы. — Я больше не могу сидеть на твоей шее, как больной какой...

— А ты и не будешь просто сидеть! — весело перебила его Тася. — Вот, уже начал трудиться! Представь себе, что ты ходишь по деревьям...

— С сумой? — снова задумчиво ухмыльнулся он.

— Ну, почти, — согласилась вдруг она. — С сумой и с руками. Только не просто подавание в эту суму кладёшь, а даденное тебе за работу. Как в прежние времена ходили всякие «точу ножи-ножницы» или лудильщики, или бондари... Тут тебе работы на всю зиму хватит! Не только снег чистить да дрова рубить — надо избушку мою утеплить, крылечко новое сделать, двор поправить...

— Это я со всем удовольствием! — чуть не заплакал Миша от внезапно наполнившей его радости. — Это мне в самый раз! В тайге-то немало топором помахал, однако; не один посёлок срубил! А в N на моё крыльцо из Москвы приплывали глядеть!

— Вижу-вижу! — засмеялась и Тася, снимая сумки с руля. — Калитка сибирская получилась, как ворота!..

«Я же говорил тебе, что сума и тюрьма неразлучны со мной! — писал он мне на следующий день. — Так опять и выходит. Только теперь эта сума для меня счастье, а тюрьма хоть и рядом дожидается, да авось пронесёт. Вроде как и не Михаил Остров я теперь, а Сергей Иванович Потапов. Хотя оба мы в живых не значимся...»

Сходство Миши с покойным пенсионером и впрямь казалось бесспорным. Только нужно было представлять в воображении не Мишу без бороды, а бывшего Тасино соседа заросшим от глаз до груди кучерявыми русыми волосами, в каких пробивалась и убедительная седина. Так что если бы даже в деревню приплыл участковый из N, то и он бы не догадался, что видит не пожилого костромского дачника, а живого N-ского утопленника. Разве что плотницкое мастерство могло бы выдать Мишу, но мало ли издревле бродит по Руси искусных плотников, умеющих не только гвоздь забить, но и табуретку, и даже оконную раму топором и стамеской выточить!

Оконными рамами Миша сперва и занялся, предварительно напилив из сухих брёвен, лежавших у занятого им дома, брусьев найденной в сарае двуручной пилой, один конец которой он соединил пружиной с прикреплённым к основанию верстака бревном. На радость Тасе брусья получились ровными, а гладкость им Миша придал не рубанком, а остро наточенным топором. Когда же в руках его засверкала стамеска, вырезавшая аккуратные лунки и откосики по краям этих брусков, он даже покраснел от целого урагана похвал и принялся расчерчивать детали рам с таким азартом, что не прошло и суток, как новое окно для Тасиной кухни было готово. К концу недели избушка её стала светлой, а ещё через неделю и вовсе неузнаваемой.

«Сам не знаю, откуда чего во мне берётся! — сообщал он мне. — Прямо чудо какое-то: руки сами, без ума, делают что надо. Знать бы об этом раньше — я бы не лавочным сторожем в N-то стал, а мебельщиком. Глядишь, скоро и из своего дома терем бы сделал. Вот только навряд ли встретил бы Тасю...»

8

Насчёт монахов Тася ошиблась: они появились не весной, как ожидала она, а в самом начале зимы, после Введенья, когда Волгу уже сковало ледком, а лес, земля и крыши домов под покровом первых снегов преобразили деревню в сказочную декорацию. К тому времени Миша уже отремонтировал и украсил резными наличниками не только Тасину избу, ставшую похожей на невысокий чистенький теремок с новорубленным двором и широким крыльчком, но и два других дома, и колодец, принявший вид надкладезной часоушки. Образцы для своего зодчества он научился выуживать из Интернета, а в строительных материалах недостатка не было, так что забор, каким он начал обносить деревню, должен был воплотить точную копию монастырского частокола времён Сергия Радонежского или Раифского Амвросия.

Преобразился и сам Миша, как-то незаметно даже для себя самого бросив курить и просветлев лицом до сходства с древнерусским монахом-отшельником, которому не хватало только медведя в помощники. Вместо медведей в деревню стали прибегать зайцы, а однажды, выйдя в полночь на улицу, он увидел стоявшего у Тасиной калитки лося с большими рогами, на которых лежала полная луна. Шугать его Миша не стал, но, любовавшись на лесного красавца, подумал, что если он сбросит своё головное

украшение в деревне — быть беде. Утром Тася разбудила его радостным известием о найденных у калитки рогах, и сердце Миши защемило от недоброго предчувствия. Даже смотреть на эту находку он не пошёл и весь день был молчалив, работая остервенело, как работал в тайге после ухода от третьей жены, сколачивая деньги на будущую жизнь на Волге.

— Ты чего такой бешеный? — удивилась Тася, понаблюдав за ним. — Хочешь — возьми эти рога себе. Мне они ни к чему.

— И возьму! — громко крикнул он, стукнув по загудевшему столбу обухом топора. — Что ты думаешь? Что они нам счастье принесут?..

— Мотать надо отсюда, — сказал он, успокоившись и приобняв загрустившую и напуганную Тасю со спины.

— Чего это вдруг? — насторожилась она. — Вон какую красоту ты в нашей деревне навёл — живи только и радуйся.

— Боком нам выйдет, однако, эта красота, — уткнулся Миша в заячий воротник её шубейки. — Чует моё сердце... Надо за зиму построить большую лодку и уплыть отсюда в казанские края. Возьмём с собой всё, что нужно и уплывём, чтобы спастись.

— Ты прямо как Ной! — усмехнулась она. — Ковчег Спасения удумал сострогать? И чего мы будем в этих казанских краях делать?

— Новое место найдём, где поглуже, и дом себе поставим. Хватит нам и одного дома, однако. Я ещё в молодости такое место приметил...

— Ой ли, Миша! — возразила Тася, повернувшись к нему, и, несмотря на улыбку, с грустью опустила глаза. — Скоро по всей Волге такого места не отыщется. Богатенькие москвичи и всякие проныры скупают все деревни по берегам. Так что если уж мотать отсюда, то на наш Енисей или — лучше — на твою Тунгуску.

Но Мише нужна была только Волга, на которой прошла его ранняя юность и которая так чудесно изменила всю его жизнь, даровав и эту деревню, и Тасю. Он по-прежнему видел в ней воплощённого в хрупкую и нестареющую женщину ангела и искренне верил, что её послал к нему сам Бог, сделав его не только счастливым, но чистым и душой, и телом. Подглядывать за Тасей в бане он больше не помышлял, а начав по её примеру ежедневно молиться в своей келье (так называли теперь они все три деревенских избушки), ежедневно каялся в том, что однажды поддался искушению и увидел то, чего ему видеть не следовало. Между тем он часто даже удивлялся, что никаких блудных помыслов Тася в нём не пробуждала, тогда как нежность к ней день ото дня всё более переполняла его сердце. Он уже готов был без колебания вырвать его из своей груди и положить к её ногам, если бы она о том попросила, и ничуть не сомневался, что любит её по-настоящему, как и представлял себе в течение всей жизни истинную любовь. Уже сам он будто и не существовал, растворившись в земле под Тасиными ногами, в небе над её головой, в природе и всякой вещи, отражённой в её глазах. О её и своём возрасте ему не было нужды и вспоминать. Они были молоды как никогда. И если Тася виделась ему не по-земному прекрасной, то мог ли он задумываться о своей неблагоприятной внешности, зная, что от него осталась в этом мире только душа, навеки слившаяся с трепетной душою Таси.

И теперь он обеспокоился не своею судьбой, но почувствовал, что опасность угрожает Тасе, и оградить её от неминуемой беды может только он. Бог не дал ей детей, и после смерти мужа она осталась одна-одинёшенька на этом свете, лишь по милости Божией хранящая для неё нетронутым духом времени клочок деревенской земли. Однако, благодаря Интернету, оба они ясно видели, как уничтожает этот дух их родную страну, как безжалостно губит и её природу, и её народ, становящийся похожим на разбредующееся по бесплодным полям стадо. А на такое полуголодное, лишённое

пастырской заботы и жизненной цели стадо непременно набрасываются волки, издревле таящиеся в тёмных и смрадных норах в ожидании своего часа. Было очевидно, что час сей пришёл, и скоро в их деревню нагрянут из леса или из волжских волн бездушные и злобные хищники, не обязательно и в овечьих шкурах. Но, как гласит русская пословица, «пока не грянет гром, мужик не перекрестится», и Тася всё ещё надеялась, что её жизнь это лихо обойдёт стороной, тогда как битый-перебитый судьбою Миша давно знал: не пронесётся громовая туча, как не пронеслась она, когда он спокойно жил в N, никому не мешая и никого не задевая. Если даже лесной великан освободился от мешающих ему в беге по лесным чащобам рогов возле Тасиной калитки, значит и им нужно не жалеть своё имение, а быть готовыми сбросить его с плеч и отправиться на поиски припасённого им Богом нового клочка родимой земли.

9

К счастью, как решили они, в деревне появились не нувориши с мёртвыми глазами и на крутых джипах, а трое монахов, хотя и верхом на резвых, бьющих землю копытами вороных конях, но в рясах и скуфейках. Самый старший из них с большим медным крестом на животе под распахнутой стёганой телогрейкой имел кругло постриженную густую бороду, тогда как двое его ординарцев были ещё так юны, что лица их покрывал только паробразный пушок, какой Миша поначалу принял за морозное дыхание, вырывавшееся из разгорячённых лошадиных ноздрей.

— Мир вам, люди добрые! — воскликнул, поклонившись, старшой, когда Миша с Тасей, попивавшие в этот ранний час чаёк с сухарями, вышли на крыльцо. — Не найдётся чем погреться Божьим холопам?!

— Ну и Кремль тут у вас построился! — радовался он, спрыгнув с коня и привязывая его уздечку к слеге забора. — Слезайте, братья! — приказал он всё ещё гарцующим во взрыхлённом копытами снегу инокам. — Любезные хозяева зовут нас к столу!

И хотя ни Тася, ни Миша не успели сказать ни слова, гости уверенно вошли через калитку во двор и направились к крыльцу.

— Кто вы такие будете, однако? — нашёлся, наконец, спросить Миша.

— А разве не видно? — нахмурился бородатый и даже остановился возле ступенек. — Мы люди Божии, из Михайло-Архангельской обители. Слыхали про такую?

— Слыхали, — кивнула Тася. — Соседи, значит? Это вы летом здесь были? Я вас признала.

— Ну, вот видишь, брат, с хозяйкой мы старые знакомые. А вы чьих будете? — устался он на Мишу.

— Это сосед! — поспешила воскликнуть покрасневшая вдруг хозяйка.

— И много ли у тебя тут соседей появилось? — хитро усмехнувшись, спросил монах. — Когда мы были, ты, кажись, одна жила.

— А вам-то какое до этого дело?! — взорвался вдруг Миша. — Езжайте своей дорогой! Никто вас тут не ждал!

— Ах, как нехорошо ты, брат, с отцом-игуменом разговариваешь, — был ему суровый и многозначительный укор. — А ведь меж тем мне-то как раз и есть дело. Земля эта теперечи монастырская, и не вы мне, а я вам имею право объявить, что вас тут не ждал...

Это было страшнее, чем гром. Всего ожидал Миша, даже представлял себя, увозимого от Таси в наручниках, однако там он, в конце концов, возвращался к ней оправданный справедливым судом. Так и со скупщиками домов ему казалось нетрудно разойтись, попросту послав их подальше, выстрелив на всякий случай из висевшей

у Тася в чулане двустволки и пригрозив рассказом об их наглости патриотически настроенной публике в Интернете. Но увидеть в их роли молитвенников за землю Русскую, какими он привык мыслить монахов, обитающих в спрятавшихся вдали от соблазнов мира и кое-как выживающих трудами смиренных насельников обителях, он и в жутких снах не ожидал. Поэтому первой его мыслью была мысль о том, что, если они не ряженые бандиты, то, значит, всё, что бы они ни делали, угодно Богу, против воли Которого идти было грешно и чревато потерей души для Царства Небесного, где он мечтал коротать вечность вместе с Тасей.

Как ни странно, но набега на деревню бандитов он не боялся и часто говорил Тасе, что смерть им не может быть страшна.

— Однако и убивать нас им нет никакой необходимости, — рассуждал он, нежно поглаживая её руки за обеденным столом или у своей печки перед компьютером. — Что с нас взять, чтобы переться в этакую даль? Если дома, так ведь при оформлении без твоей подписи никак не обойтись...

— Это для них не препон, — возражала она. — Надо будет, любого нотариуса купят, а то и самого Архипова — главу-то нашей администрации.

— Ну и ладно! — соглашался Миша. — Пусть хоть и убьют — разве смерть нас разлучит? Наоборот! Избавит от житейских хлопот и переселит в те места, о которых мы и мечтаем! Ты только представь себе! И муж твой, и мамка с папкой, и Сергей Иваныч... Ну и я, само собой, будем все рядышком с тобой, живые, и счастливые, и любящие друг друга так, что всяк станет стараться всего себя посвятить другому, а все вместе — Богу! Это ж счастье-то, Тася, какое! Нет, смерти от бандитов нам нечего страшиться, однако. А я бы так и рад был ей, чтобы вместе с тобой в одночасье пред Богом предстать, как Пётр и Февронья...

— И кто же вам наши халупы продал? — спросила Тася у игумена. — Без нашего согласия?

— Что ты! Что ты, милая! — замахал тот обеими руками. — Господь с тобой! О продаже-то как раз я и приехал договориться. Мне эту землю выделили с условием, что я предоставлю тебе другое жильё. И с Божьей помощью такое нашлось в Никольском. Ладный домик, с краю... Да ты, поди, его видела! Хоть сейчас можешь туда перебираться...

— А вот про соседей мне сказали, что они все преставились, и наследников не осталось, — прищурившись, посмотрел он на Мишу.

— Да не сосед он! — неожиданно объявила Тася. — Живу я с ним. Он мне тут и помогает.

— Невенчанные, как я понимаю, — укоризненно покачал головой игумен.

— Мы как раз собирались к вам с этим обратиться, — смутилась она, продолжая на ходу придумывать защиту для Миши.

— Что ж, как переберётесь в Никольское — милости просим. Повенчаем вас, хоть вы и не расписаны. Дело Божеское...

— Никуда я отсюда перебираться не буду, — вдруг тихо, но решительно объявила Тася. — Нет у вас такого права. Это мой дом, и земля моя. Все бумаги имеются, и я могу в суд на вас подать.

— А вот эдак ты зря, голубушка, — сдвинув брови, проговорил игумен. — Против Бога идти негоже. Не ровён час, Он и разгневаться может...

Но тут всерьёз разгневался доселе молчавший и только настороженно следивший за происходящим Тасин пёс, голос которого Миша услышал впервые. Он буквально зашёлся в злобном лае, пытаясь разорвать туго натянутую цепь и броситься с обнажёнными зубами на непрошенных гостей. Двое молодых монахов стремглав выскочи-

ли со двора за калитку и оказались верхом на своих конях, а игумен зачем-то осенил собаку своим медным крестом и, повторив ещё пару раз «Негоже», также скоро залез в седло. Под неумолкающий лай они проехали по деревне, строго оглядев и обновлённые Мишей дома, и нарядный оклад колодца, и даже столбы частокола, особенно отмеченного ими, судя по их оживлённому разговору возле него, и, наконец, дали шпоры под бока своим жеребцам и скоро исчезли с глаз, словно их и не было.

10

В тот же день к вечеру начался сильный снегопад с ветром и такими крупными хлопьями, что, казалось, деревню забрасывают снежными комьями расположившиеся на льду Волги бесчисленные полчища басурманского войска. Из окна Тасиной кухни не видно было ничего, кроме белой в наступившей ночи стены, готовой вот-вот продавить стекло и снести сам дом с лица земли. Когда Миша собрался вернуться в свою келью и вышел на крыльцо, сугробы намело такие, что и дверь этого крыльца оказалась заметённой до половины, так что дойти хотя бы до калитки не представлялось возможным.

— Придётся мне у тебя на печи ночевать, — сказал он, поспешив вернуться в дом.

— Зато теперь монахи нескоро к нам проберутся, — заметила Тася, убирая посуду со стола.

— Нескоро, но всё равно надо их ждать, — тяжело вздохнул Миша, в нерешительности застыв у порога. — Так что хоть верть-круть, хоть круть-верть, но надо мне, однако, перебираться к тебе и всё барахло с собой тащить. Завтра полезу снимать «тарелку». Но сперва надо бы письмо в город написать. Может, есть против этих монахов какой-нибудь закон...

— Нет, Мишенька, — вздохнула Тася. — Закон на их стороне. И мы уж решили, что обороняться можем только в моей избе...

Так решили они, проведя в беспокойной беседе весь день. Поначалу взялись было корить себя за то, что не оказали монастырским положенного гостеприимства, не пустили погреться и даже не попоили их коней. Семь километров от их обители до деревни был неблизкий путь по зимнему свею, большая часть которого пролегалла через поля с припорошенными снегом ухабами. Уставшими были кони. И надо было дать им сенца из козких запасов. Почему-то лошадок Миша с Тасей жалели больше, чем седоков, а лишь только речь зашла о намерении игумена прибрать к рукам деревенскую землю — не только жалости, но и добрых слов не находилось.

Между тем они хорошо понимали, что райская жизнь для них здесь кончилась, и вряд ли их оставят в покое хотя бы до весны.

— Эх, я уж и ковчег построить не успею! — в отчаянии воскликнул Миша.

— А ты строй! — резко возразила ему Тася. — Без суда меня никто отсюда не выселит, какую бы бумагу Архипов ни сочинил. Слава Богу, Сергей Иванович оставил нам Интернет: будем писать, куда следует. Не убьют же они нас — монахи ведь!

— Кто знает, какие они монахи? — всерьёз встревожился вдруг Миша. — Мы тут одни. А у них, я гляжу, Бог-то не на первом месте, однако...

Мысль о том, что «Божьи холопы», как окрестил себя игумен, могут и не побояться Бога, не казалась ему такой уж и нелепой. Слыхивал и читывал он о том, что в нынешнее время многие служители церкви не имеют сил противостоять соблазнам, будучи озабочены устройением своего житья, а не души. Вместе с украшением восстанавливаемых храмов украшалась и жизнь церковных чинов, и как трудно уже было сыскать попа без иномарки в гараже, так и равнодушные к деньгам монахи

почти перевелись на Руси. Вроде бы, зачем понадобилась игумену эта земля вдали от монастыря, вовсе не пригодная для пашни, с которой и должны кормиться эти трудники? Однако, ещё живя в N, Миша слышал о том, что вовсе не землю они пашут на своих лошадях, а устроили такой бизнес, что к ним приезжают и даже прилетают на вертолётах богатые туристы со всей страны, чтобы погонять по заволжским лесам и взгорьям на породистых жеребцах, будто бы завезённых в монастырские конюшни с самого Дона. Значит, и подворье на берегу Волги задумано для бизнеса, и Бог знает, что они тут сотворят: может, какую турбазу для любителей рыбной ловли, а может, и пристань с рестораном и ночным баром.

Ясно было, что от деревни они не откажутся, и, если потребуется убрать помеху со своего пути, то, кто знает! У Таси наследников нет, и после её смерти изба с огородом станут собственностью сельской администрации, которая вправе делать с ней всё, что захочет. А Миша и вовсе тут не клин: разнохают, что он живёт на белом свете незаконно, и сдадут N-скому участковому, который с радостью повесит на него и убийство жены с сожжёнными домами, и все «висяки» двухлетней давности. Впрочем, Мишина судьба волновала лишь Тасю, столь решительно объявившую его своим гражданским мужем, но сам он после её слов о возможной смерти от рук монахов встревожился так, что всю ночь не сомкнул глаз и ворочался на печи, мучимый сочинением планов по защите своей любимой девочки, как понравилось ему звать Тасю. Вот только планов-то никаких и не являлось ему, и под утро он уже был готов уговорить Тасю смириться и переехать от беды подальше в Никольское.

— Зиму проживём, а там видно будет, — говорил он ей за чаем. — До Казани-то можно отсюда и посуху добраться...

— Нет, Мишенька, — твёрдо заявила она. — Никуда я отсюда подаваться не стану. Тут муж мой на кладбище спит. Как я его оставляю? Обещала ему не оставлять и вместе с ним в одной могиле упокоиться.

— А я... — начал было Миша, но Тася, догадавшись, что он скажет, не дала ему договорить.

— И тебя я не оставлю, родной мой, — произнесла она таким нежным голосом, что он вдруг зарыдал, как младенец, уронив голову в её ласково подставленные ладони...

«Люблю! Люблю я её, голубушку, так, — читал я в тот день на экране своего компьютера, — что вовсе не знаю себя! Оттого и ещё мучительней мне думать о ней. Ведь это уже не моя, а её душа возрыдала во мне...»

Увы, это прилетевшее ко мне от Миши, словно с самого неба, письмо было последним. Должно быть, он, перетащив «тарелку» на Тасину крышу, так и не сумел направить её на затерянный в этом небе спутник. Так что обо всём происходившем в его жизни после столь проникновенно описанного рыдания я узнал спустя год, когда получил конверт с тюремным штампом.

Назвав Мишу родным, Тася не оговорила и не слукавила. Именно в то утро она вдруг отчётливо поняла и ясно почувствовала, что нет у неё более близкой души ни на земле, ни в тех пределах, где скрылась душа её мужа, с которым она счастливо прожила почти сорок лет, ни там, где вся её родня терпеливо дожидается всеобщего воскресенья. Однако Миша стал для Таси ещё и частью её самой, причём той, которая даёт всё больше и больше сил для жизни. И выходило так, что он, стараясь уберечь свою девочку от всяких бед и облегчить её существование на земле, укреплял её в готовности пожертвовать собой ради него. Миша рыдал от переполненности счастьем, и Тася

переживала в душе то же счастье, вот только взгляд на это счастье был у них разный, и когда пришла к ним беда — оба они встретили её с жадной отдачей своей жизни друг за друга, и сознавать это сделалось для них обоим сущим мучением.

Казалось бы, чего проще: не принимать происходившие в деревне перемены так близко к сердцу, не обращать внимания ни на слова, ни на дела монахов и поживать себе в своей избе, любя друг друга и не допуская к себе никаких веяний времени. Изба эта находилась с краю, и монахи, в конце концов, оставили бы их в покое, отгородившись от них высоким забором. Может быть, даже они бы со временем и подружились, так что нашли бы и какие-нибудь общие интересы... Хотя вряд ли. Уже с того момента, когда монастырский бульдозер разворотил сугробы возле Тасиной калитки и превратил в стройплощадку всю землю и вокруг колодца, и под окнами доставшихся игумену «келий», стало очевидным, что никакой дружбы меж ними быть не может.

— Ну почему так? — сокрушалась Тася. — Вроде бы мы на одной земле живём и одному Богу молимся.

— Может, мы им кажемся такими грешниками, с которыми и разговаривать-то противно? — предположил Миша. — Мне это знакомо...

И тут он рассказал Тасе о себе такое, что она окончательно поняла: забота о Мише — это назначенное ей Богом послушание. Только в этом и ни в чём ином, сказало в её душе, состоит весь смысл её жизни, сколько бы ни было отпущено ей лет прожить рядом с ним, прежде чем он сложит её коченеющие руки на груди и закроет своей мозолистой ладонью остекленевшие глаза.

— Всю жизнь люди глядят на меня как на каторжанина, — говорил Миша, равнодушно уставившись в окно на творящееся за ним безобразие. — Даже и когда ещё ребячёнком был, соседи своим детишкам запрещали со мной водиться. А чего, однако? Я был тихим, не озорничал, учился хорошо. Что рылом вышел ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца с большой дороги, так не всем же Бог дал красавцами быть. Да только рыло-то моё, видать, такое свойство имеет, что люди от меня шарахаются. Но не все, однако. А кто не шарахается, то о тех я так приметил: добрые они. Ты не подумай, что я людей на свой аршин меряю. Нет. Добрые они не только ко мне, а вообще, по природе. Но как-то так выходит, что я вроде этой... лакмусовой бумажки, которую нам на уроках химии показывали. Я даже и привык уже это примечать. Если кто на меня поглядит и сморщится, то прямо всех людей хочется предупредить: это злой и подлый человек, опасайтесь его. И знаешь, каково мне стало, когда я это понял! Оттого и стараюсь всю жизнь поменьше людям глаза мозолить. Даже бояться стал после того, как пришёл из армии домой. А когда мать моя... В общем, пожалела, что на свет меня родила, что я ей своей рожей всю жизнь испортил, так что и её все соседи сторонятся. И в Москве, когда я ещё маленьким был, сторонились, и в Казани... Тогда я и уехал в тайгу, на Тунгуску эту, — продолжил он после долгого тяжёлого молчания. — Я там служил под Турой, а когда в посёлке бывал, то никто на меня не плевался, однако. Наоборот, все приглашали рядом с ними поселиться. Да и в Казани соседи добрые в основном были, жалели меня. Особенно татары, которые меня за своего признавали, и думали даже, что отец у меня татарин был. А я его и не помню. Всегда мы с матерью вдвоём жили, и она на него только злилась. Однако он русским был — это я точно знаю. Стихи писал, за что его и посадили, а то бы он меня к себе забрал. Это мне в детстве, в Москве одна старушка из Зачатьева сказала. В ту пору в Зачатьевском-то монастыре были жилые квартиры, и с внучком этой бабы Клавы я дружил. «Потерпи, — говорила

она. — Скоро папка твой приедет и заберёт тебя у этой...» Нехорошо она о маме отзывалась, однако...

Тут Миша опять тяжело вздохнул, и, поскольку Тася молчала, не сводя с него сочувственного, понимающего взгляда, продолжил свой рассказ, уже стоя и даже шагая по кухне до печки и обратно.

— Это я всё к тому, девочка моя, что всю жизнь на мне этот крест: узнавать плохих людей. Почти двадцать лет прожил я в Туре, среди эвенков и якутов. И какие поначалу это были хорошие люди! Как дети! А потом и там, и даже в тайге стали появляться себе на уме, у бурильщиков за Енисеем начальство поменялось, а за ним и мастера стали прилетать хитрые и жадные. Скоро все хорошие-то, кто смог, оттуда стали собираться. Вот и я в здешние края подался. Зря! Надо было к татарам или чувашам, которые вообще как телята. А русский народ, Тася, как подменили...

— Где ж ты плавать-то наловчился? — вдруг ни с того, ни с сего спросила Тася, но Миша тотчас понял, что хочет услышать она.

— Так наш дом на берегу Казанки стоял! Там я и в секцию ходил, хотел чемпионать. А потом в Сибири нас целый отряд «моржей» составил. Плавали, пока река не вставала, на другой берег, где тайга. Однако я, видно, знал, что к тебе приплыву. То есть всегда думал, что смогу от кого-то удалиться по воде. Вроде недалёко кажется от берега до берега, но это ж как из одного мира в другой попасть. Так и на Казанке от дома отплывал и чувствовал себя свободным. Так и из Туры, бывало, на неделю скрывался. Складывал в целлофановый пакет одежду с консервами и фотоаппаратом, прицеплял к спине и бывал таков! Я там в районке работал, пока было кого фотографировать, а как перевелись хорошие люди — плюнул и стал стерлядкой промышленной. Но это тебе неинтересно, однако. Главное, что я нашёл-таки своё место. И тебя. И если бы к нам поселились настоящие монахи — и горевать бы было не о чем. Но эти, девочка моя, ненастоящие — уж поверь мне. Да ты и сама, чай, видишь...

И тут, словно в доказательство его слов, пёс на дворе зашёл в отчаянном лае, и они увидели стоявших по ту сторону калитки двоих монахов в камуфляжных фуфайках поверх подрясников, но без скуфеек.

— Бабку позови! — крикнул один из них, увидев Мишу на крыльце.

— Какую ещё бабушку вам? — едва удержавшись от гнева, спросил он.

— Твою бабушку! — послышался нечистый смех. — С которой ты блудишь, хоть вам обоим помирать уж пора!..

— Постой, постой, леший! — увидев Мишу, уходящим в избу, обеспокоились монахи. — Мы хотим самогонки у неё купить! Скажи ей, что нам бы хоть литровую баночку! Сто рублей дадим!..

12

На следующее утро, когда ещё не рассвело, Тася собралась ехать в Никольское к Архипову. Вчерашняя выходка монахов убедила её в правоте Мишиных слов, но вместо того, чтобы смириться и, оставив свою избу монастырю, переехать в село, она была полна решимости бороться за свои права. Каким-то чужим и тупым казалась Мише это слово — «права», часто слетавшее с Тасиных губ, становившихся при этом сухими и тонкими, словно слово это высасывало из Таси все её жизненные соки. Тогда она даже и внешне изменялась, делаясь если не бабкой, то похожей на состарившуюся Мишину мать.

— Не надо, Тася, — робко просил он, опуская глаза. — Разве ты не знаешь, что нет у нас никаких таких прав?

— Как это нет?! — возмущалась она. — Вон, даже весь Интернет только и пишет о правах человека!

— И Интернета нет, однако, — напоминал он. — Может, когда мы в него выходили, он и был, а теперь нет. Значит, и прав нет...

— Вот я и узнаю, есть они или нет, — был её решительный ответ. — Не добьюсь их у Архипова — в саму Кострому поеду. А то и в Москву.

— Выходит, долго мне придётся тебя ждать, — не спросил, а как бы сам себе ответил Миша и уже не взгляд опустил, а голову свою бессильно уронил на грудь.

— Родной мой, — ласково проговорила Тася и нежно обняла эту лохматую голову ладонями, прижала к своему животу. — Подожди — не бойся. Вишь, они тебя лешим прозвали — вот и покажи им, что ты не леший, а святой. Молись. Бог-то на нашей стороне...

И она уехала. Надела у крыльца приготовленные с вечера лыжи, зачем-то потрепала морду тихонько проскулившего пса, поцеловала печального Мишу в лоб и заскользила по припорошенным ночным снежком тракторным колеям. Долго ещё смотрел он ей вслед, мысленно благословляя её, но не имея сил остановить текущие из глаз слёзы. Ему очень хотелось, чтобы Тася остановилась и повернула назад или хотя бы только обернулась и помахала ему на прощание рукой. Однако и думать о прощании он боялся, и когда не видно стало на фоне тёмного, с посеребрёнными снегом верхушками елей и сосен леса даже и туманной тени от дорогой его сердцу лыжницы с лёгким рюкзачком за плечами, Миша понял, что ненавистным стало ему, наряду с «правами», и «прощание».

Вернувшись в избу, он включил компьютер и принялся писать мне письмо, которое так в его компьютере и осталось, хотя он весь день пытался отправить мне его, несмотря на отсутствие связи с равнодушно вращающимся вокруг Земли спутником. И уже поздно вечером, когда деревня стала остывать после криков работавших монахов, рокота бульдозера и визга бензопил, до Миши дошло, что подобной этому спутнику является и сама земля с устроенным на ней людьми миром, и любимая им страна Россия, и весь живущий в ней народ. Не получилось у него установить надёжную связь с этим миром, с Россией и народом, и только с Тасей ещё не пропал контакт, хотя она и не вернулась из Никольского, и уже он ощущал такую тревогу в душе, будто кто-то разрывал в эти вечерние, а потом и полуночные часы их единство, безжалостно ломая подаренную Богом и установленную на казавшейся прочной крыше антенну.

Он вспоминал свою жизнь с Тасей, но ни разу не задумался о том, что он с ней и не жил, как принято у всех на свете людей, что они просто всегда были рядом, даже в те ночные часы, когда он уходил в свою келью. Рядом была она, и Миша, засыпая, ощущал её дыхание и тепло её бархатных рук. При этом даже сама мысль об их плотской близости выглядела какой-то кощунственной, словно не имели они никакой плоти, а то, что составляло их тела, являлось чем-то вроде скафандров, в какие запикивают себя водолазы, чтобы остаться сухими и чистыми во время пребывания в толще донного ила. Какое может иметь значение, старые эти скафандры или ещё ни разу не одёванные? Разве что старые имели больше шансов прохруститься, впустив в себя весь этот ил, который вытолкнет настоящее, духовное тело прочь и из скафандра, и из самого материального мира. Думать так было Мише приятно, ибо думая так, он мечтал о том, чтобы его настоящее тело стало не просто сухим и чистым, но чтоб и никакого пятнышка на нём не обнаружилось, когда он явится на Божий суд. При этом он был

почти уверен, что пятна эти остались на нём от жизни там — на том берегу Волги, что после того, как он приплыл сюда и остался здесь наедине с Тасей, ничего грязного уже не прилипло к нему и даже не касалось его.

Но вот уехала Тася, и скоро он понял себя оказавшимся как бы в болоте, грозящем засосать это его духовное тело в такую трясику, что уж и Бог-то побрезгует взглянуть на него. Оставалась надежда лишь на молитву, и он молился всю следующую ночь чуть ли не до кровавого пота, и ещё две ночи молился он, ибо Тася не вернулась ни на следующий день, ни на третий.

А в четвёртую ночь было ему во время молитвы видение. Почудилось, что Тася как-то неслышно вошла в избу и встала позади него, коленапреклонённого перед иконами. Так близко встала она, что Миша почувствовал её тепло и ощутил знакомый запах её рук. Однако она не обняла ладонями его голову и не поцеловала его в макушку, как делала всегда, когда хотела приласкать его, но оставалась недвижимой за его спиной, а когда Миша попытался обернуться к ней — проговорила своим звонким голосом:

— Не смотри на меня. Тебе нельзя меня видеть.

— Почему? — испуганно проговорил Миша.

— Так надо, — услышал он уже её шёпот. — Ты только поверь, что я теперь всегда буду с тобой. Что бы с тобой ни случилось — я буду оберегать тебя, чтобы никакая грязь не пристала к тебе.

— То есть ты хочешь сказать, что тебя уже нет в этом мире? — догадался Миша, однако столь страшная догадка ничуть его не огорчила, хотя уже он всё чаще просил в молитвах, чтобы Господь не попустил Тасиной гибели.

— Я пришла проститься с тобой. До встречи там, где уже ничто нас не разлучит во веки. Не печалься обо мне. Мне сейчас хорошо. Помни об этом и принимай все свои страдания с благодарностью...

Она не договорила, ибо в эту минуту вдруг громко залаял пёс на дворе, скоро, впрочем, сменив свой лай на протяжный мучительный вой. Невольно прислушавшись к этому вою, Миша на какое-то время забыл о Тасе, а когда вспомнил — тотчас понял, что она ушла. Он внимательно осмотрел каждый уголок в избе, заглянув даже и на печь, потом вышел со свечою в сени, распахнул дверь на крыльцо... И тут случилось чудо. Свеча в его руке стала гаснуть, но пламя её отделилось от фитилька и осветило тихим светом крыльцо, потом весь двор, всю деревню, всю землю, сколько мог её видеть Миша, пока этот чудесный свет не погас в чёрном небе, подобно промелькнувшей звезде, на которую он не успел загадать желание.

Впрочем, он подумал, что и загадывать-то ему нечего, потому что то, чего жаждет его душа, уже сбылось. И сколько бы лет ему ни выпало прожить на земле — он покинул этот мир вместе с Тасей.

13

Днём его разбудил громopodobный стук в дверь. Одновременно с дверью дрожали и оконные стёкла, готовые разбиться от ударов по ним чем-то тяжёлым и неизбежным. Миша не сразу и понял, что происходит, ибо спал так крепко и сладко, что никакая сила не могла бы разбудить его. И только услышанное им сквозь этот сон имя Таси заставило его сначала вздрогнуть, а потом и вскочить с её кровати, на которой он спал впервые за всё время жизни в деревне, правда, одетый и поверх заправленного хозяйкой одеяла.

— Открывай, леший! Открывай, а то мы сейчас окна высадим!..

То был голос игумена, и Миша подумал, что это очень странно, так как настоятель монастыря ни разу не появился здесь после первого приезда сюда верхом на коне. Станным было услышать от него и Тасино имя, какое он мог узнать лишь от кого-нибудь в Никольском, потому что в документах она звалась Татьяной, а не Таисией или Антониной, как сперва предположил и сам Миша. Вспомнив о своём ночном видении, он решил, что оно было обманным, что ничего ужасного с девочкой его не случилось, потому что Бог услышал его молитвы о ней.

Однако, когда он открыл перед игуменом дверь, несколько монахов вбежали в избу и набросились на него, как на преступника.

— Вяжите его! — приказал игумен. — Да не бейте так! Его будут судить по закону...

— За что же меня судить, однако? — спросил Миша, когда руки его оказались чем-то скрученными за спиной, и монахи посадили его на табуретку возле кровати.

— А то не знаешь! — ухмыльнулся, перекрестившись с низким поклоном на образа, игумен. — Зарезал свою сожительницу и думаешь, что всё шито-крыто? А мы вот её нашли. Теперь тебя, брат, ждёт тюрьма...

— Вот оно как! — усмехнулся Миша и сам себе кивнул. — Конечно, после суммы должна быть тюрьма.

— Зачем же ты её убил, коли знал, что наказания не миновать? — услышал он как бы даже сострадательный по отношению к нему вопрос. — Ведь теперь, когда твоей Таси нет в живых, её дом переходит в монастырское владение. Наследников-то у покойницы нет, а ты тут никто. А ведь она возвращалась с намерением переехать в новый дом на селе, и ты бы с ней там поселился, а не в казённой хате. И жил бы себе припеваючи на её харчах, а не на баланде...

Игумен говорил спокойно и уверенно, и это сразу насторожило Мишу. Не тем насторожило, что в его словах о Тасе не было ни слова правды, но именно уверенностью в своей власти над Мишей. Когда же в речь игумена сами собой вплелись тюремные словечки, Миша понял, что перед ним стоит, зажав в ладонях нагрудный крест, отнюдь не святой человек. Уж кого-кого, а бывших-то зёков Мише довелось послушать немало на своём веку. И точно так же, как Тася по одному только разговору сразу признала в нём самом сибиряка, так и он теперь видел перед собой старого знакомого: из тех, кто оседал по глухим сибирским посёлкам, не имея возможности добраться после отсидки на таёжных зонах до своих родных мест в центральной России. Между тем, хорошо зная их повадки и интонации, Миша догадался, что этот лже-игумен ведёт с ним беседу вовсе не для того, чтобы уяснить для себя мотив убийства, которого Миша не совершал. Верно, он что-то придумал, какую-то подлость, равнозначную той, что лишила жизни Тасю.

— Что тебе стоит убить и меня? — прямо посмотрел он в тёмные игуменские глаза. — Как Тасю, так и меня искать никто не станет, однако. Закопаете наши скафандры в лесу, и концы в воду.

Долго. Очень долго и пристально изучали Мишу эти немигающие тёмные глаза, пока другие монахи ждали указаний от своего пастыря.

— Так. Скафандры, говоришь? — спросил он, наконец. — Значит, ни признаваться, ни каяться в содеянном ты не будешь? А я-то думал предоставить тебе возможность искупить свой смертный грех. Не сдать тебя ментам, которые окончательно погубят твою душу, а оставить при монастыре. Поначалу послушником, чтобы усердным трудом на благо Божьей обители душа твоя очистилась. А там, глядишь, и иноческого пострига мог бы сподобиться, сменил бы свой скафандр убийцы на рясу. «Остров» — кино такое смотрел? Там как раз про тебя...

— Я сам Остров, с рождения, — зачем-то признался Миша и пояснил: — Фамилия моя такая — Остров. Слышал?

— Больше на кличку похоже, — задумчиво проговорил игумен, и ещё пронзительнее сделался его взгляд. — Сидел, что ли?

— Ладно. Я согласен, — сказалось вдруг Мишей, и даже сам он удивился сказанному им. Словно и не он произнёс эти слова, а кто-то в его плоть вселившийся, но не постаравшийся подстроиться под Мишин голос, так что игумену пришлось покрутить головой, ища вспыхнувшими тревожным светом глазами того, кто вмешался в их непрямую беседу.

— Только дайте мне самому похоронить её. Я и могилку выкопаю, и помолюсь за её упокой, — были следующие сказавшиеся Мишей слова, и тут до него дошло, что этого хочет не только сам он, но и посетившая его ночью Тася.

«Это она стала говорить во мне, — писал он мне позднее на вырванных из простой ученической тетрадки листках. — Однако не только говорить, но и советовать, как себя вести. Сначала я удивлялся, но потом привык к тому, что во мне помещены сразу две души, но не так, как бывает у душевнобольных с раздвоенной личности. Нет. У нас с Тасей было полное согласие во всём, и я всегда хоть и с небольшим опозданием, да понимал, что её советы самые правильные. Вот и тогда. Если бы я не согласился на игуменские условия, меня бы убили и утопили вместе с девочкой моей в болоте. А так я и её похоронил рядом с мужем, и сам остался жив для того, чтобы до конца очистить свою душу страданиями...»

14

Писать о том, как хоронил он Тасю, тяжело. Но нелегко описывать и его жизнь в деревне, ставшей монастырским подворьем, на котором Миша трудился как каторжник, выполняя не только плотницкое послушание, но и много других работ, ибо среди молодых монахов послушник был только он один, и они использовали его нещадно, когда игумен отъезжал в монастырь. Миша мог бы ему пожаловаться на скорби от братии, и тот, относясь к Мише почти как к равному себе, не преминул бы наказать обидчиков, но Миша не жаловался и даже виду не подавал, что скорбит. Не роптал он и о том, что братия не допускала его на службы в им же самим срубленную на месте Тасинога огорода церквушку, торжественно освящённую приезжавшим на подворье владыкой в Благовещение. Всякий раз, когда собиравшийся войти в свою церковь Миша слышал: «Куда ты прѣшься, леший! Твоё дело сторожить нас, а не соваться со свиным рылом в калашный ряд!» — он вспоминал недоумѣнные слова Таси о том, что вроде бы они одному Богу молятся, однако заповеди Его понимают по-разному.

Теперь Миша молился не так, как с Тасей или в своей келье, но всё равно рядом с ней, когда и иконы перед собой видел, и лампадку зажигал, и даже молитвослов на табуретке раскрывал. Теперь молитва его творилась лишь в душе, но ему казалось, что возносится он во время неё на небо, где Тася обнимает его и подсказывает ему нужные слова. При этом не имело значения, чем был он занят во время молитвы: таскал ли кирпичи для строившейся длинной и широкой лестницы к Волге, копал ли траншею для водопроводных труб, сидел ли с также смирившимся с новой жизнью псом возле ворот, в то время как монахи веселились в своих жарко натопленных кельях, оглашая лес громкой музыкой и пьяными воплями, или спал на топчане за печью в переделанной под игуменские покои Тасиной избе. Всюду ему было и уютно, и тепло, даже если весенние морозы случались лютее зимних.

Но однажды, когда уже вскрылась и с шумом пронесла свои льды по России до самой Казани и дальше — к морю Волга, этот уют был разрушен, и Миша пережил те же чувства, что обнаружили в нём в день погибельного для его последней законной жены пожара. Сделавшийся к тому времени архимандритом игумен, приехав в старинной, но блестящей позолотой карете после Пасхи, позвал его в свои покои, чтобы посоветоваться о «ниспосланной Господом идее», и Миша не смог противостоять охватившему его унынию.

— Надо нам сделать большой корабль у пристани! — радостно сообщил архимандрит, приглашая Мишу полакомиться диковинным для него виноградом, крупные сочные ягоды которого так и просились в рот. — Сможешь корабль построить? Этак, знаешь, как древнерусская новгородская ладья, в какой Садко изображают!

— И куда же вы плыть собрались? — насторожился Миша. — В Новгород? Или на случай великого потопа надеетесь?

— Дурачок! — весело рассмеялся пастырь. — Зачем нам отсюда куда-то плыть? А великий потоп не повторится — в огне весь грешный мир сгорит!..

Тут он рассказал, что ладья должна быть приспособлена под трапезную для паломников, которые будут приплывать сюда по Волге, однако Миша сразу понял, что это будет за трапезная. Вид на расположенный на высоком холме N с этого берега великолепный, Волга здесь даже в ветреную погоду спокойная — значит, в любителях романтического кайфа недостатка не случится. А уж здешние монахи, как понял Миша за полгода жизни с ними, сумеют устроить такой кайф, что и деньги в их карманы потекут не менее Волги просторные и могучие. Вот только и с ладьёй, которую он построит, воплотив свою мечту, произойдёт то же, что и с церковью. Кто бы её ни освятил — Божья благодать туда не сойдёт, и будет она служить не Богу и не добрым людям, а тому самому миру, который однажды сгорит в огне. Горше всего было Мише сознавать, что и он, трудясь для Бога, вносил свою лепту в умножение мирских грехов, тогда как Тася ждала от него ничем не запятнанной душевной чистоты. И пока настоятель развивал свои фантазии о будущей сытой жизни, проча в ней уютное местечко и для Миши, его слова об огне всё глубже проникали в Мишину душу, так что скоро он уже точно знал, что ему нужно делать.

Когда монахи после Всенощной службы и пьяного, по случаю приезда наместника, ужина разошлись по своим тотчас огласившимся безумною музыкой кельям, он отправился на кладбище, чтобы проститься с Тасиной могилкой. Было уже темно, но Миша и очистил от молодой травы пересаженные им из палисадника пионы, и помолился перед собственноручно соструганным дубовым крестом, казавшимся таким великим, что вершина его с верхней перекладиной возвышалась и над лесом, и над куполом чернеющей на фоне мутно-серого неба церкви. Скоро, подойдя к ней с канистрой солярки, Миша обнял её, как обнимал когда-то Тасю, нежно и сочувственно, прижался щекой к её тёплым и ещё пахнувшим свежей смолой брёвнам и принялся решительно обливать жалостно вздрагивающие стены, стараясь не брызнуть случайно на вертящегося под ногами пса. В ту минуту, когда резвое пламя охватило всю её от земли до накупольного распятия, он уже входил в принявшую его с лёгким трепетом реку, и скоро поплыл по ней к тому самому берегу, с которым когда-то расстался навеки.

Миша не видел, что происходит за его спиной, и не слышал ни испуганных криков монахов, ни треска горящих брёвен, и, хотя в одежде плыть было ему неловко, он видел сопровождавшего его в этом плавании пса и больше беспокоился за него, чем за себя, ясно сознавая, что оба они уже не принадлежат ни тому, ни другому берегу...

«Как я и думал, — писал мне Миша, — следователи в N долго со мной разбираться не стали. Навешали на меня все, какие только знали статьи, но судья оказалась женщиной доброй и назначила мне наказание всего лишь на восемь лет. Однако, надеюсь, мне и этого срока хватит, чтобы предстать перед Богом и Тасей вполне готовым к Высшему суду над грешной моей душой. Здесь, на зоне, народ подобрался понимающий. Никто надо мной не потешается и не издевается, так что я даже стал думать, что тут место больше подходит для монастыря. Вот и церковку уже начал рубить для этой зоны. Только мне в ней вряд ли удастся помолиться, хотя все говорят, что я могу стать в ней батюшкой. Нет у меня интереса ни к чему земному, стало быть, скоро навеки избавлюсь и от сумы, и от тюрьмы...»

Когда я забрал его тело из тюремного морга, чтобы похоронить по-человечески на свободном от надзирательских взглядов кладбище, мне показалось, что везу я не человеческие останки, а пустой, отслуживший свой срок скафандр. Даже называть его Мишей Островым не поворачивался язык. Однако думать о том, что он прожил бессмысленную и никому не нужную жизнь, тоже не получалось. Напротив, чем дальше продвигается по нашей грешной земле время, тем чаще я завидую Мише, сумевшему остаться по-младенчески чистым в этом житейском болоте.

ПЕЧАТЬ СВИЯЖСКА НА СУДЬБЕ

(История художника Геннадия Архиреева)

Гена всю жизнь обижался на свою мать за то, что она так и не ответила на два его главных вопроса: почему он родился в Свияжске (так написано в метрике о рождении), и кто был его отцом? Каждый раз она уходила от ответа, обещая: «Когда-нибудь расскажу...» Но так и ушла в мир иной, ничего не рассказав. Лишь через два года после её смерти тётушка Наденька, единственная к тому времени хранительница семейных тайн, поведала о том, что сестру репрессировали по оговору, обвинив в контрреволюционной деятельности в 1948 году. А на самом деле она была просто честной комсомолкой, заметившей в хищениях на своём молокозаводе собственных начальников. И это в то время, когда её семья, где единственный «братенька» Лёня, солдатом прошедший полстраны и Европу, и весь народ, многой кровью и тяжким трудом победивший фашизм, голодал, получая продукты по скудным послевоенным карточкам. В её крестьянской семье честность была абсолютной нормой, что перешло и Гене. Иногда его честность казалась мне невыносимой.

Остров-град Свияжск с его монастырём в то время был превращён в концлагерь Гулага. Настя (Генина мать) была очень скрытной во всём, что касалось её тюремного заключения. В те времена, несмотря на массовость репрессий, тюремное прошлое считалось позором, о нём старались помалкивать, даже в узком семейном кругу не принято было обсуждать всякие несправедливости жизни. После Победы действительно казалось, что «жить стало легче и веселей». Однако, когда Наденька была у следователя «на беседе», она отметила, какой он «интересный мужчина — чернявый, как цыган. И Гена родился, как цыганёнок. А в роду Архиреевых все были светловолосыми и голубоглазыми». Поэтому тётушка предположила, что отцом Гены мог быть этот следователь. Тем более, он старался, чтобы Настю оправдали, нашёл оговорщиков, которых всё же осудили за хищения, но вероятно и он не мог сделать так, чтоб Настю поскорей освободили. Она пробыла в тюрьме почти пять лет, заболела открытой формой туберкулёза и вышла на свободу в двадцать четыре года с заметной поседевшей головой. На семнадцатый день рождения Гены бывший следователь приехал к ним домой, надеясь повидать именинника. Но Настя категорически исключила такую возможность. Гена родился 4 июня 1949 года, а 10 июня Наденьке и их маме разрешили свидание с Настей. Им даже позволили подержать на руках младенца, после чего отправили его в детский дом для детей арестантов, где он жил до

четырёх лет. Все хлопоты тётушки с бабушкой с просьбой отдать им младенца, пока мать в заключении, оказались напрасны.

В детдоме к Гене очень привязалась вольнонаёмная, врач Рива Борисовна, и Гена называл её мамой, так как свою родную он не знал вовсе. Когда освободившаяся Настя пришла забирать сына, он отталкивал её и никак не хотел с ней ехать, не прельщаясь ни конфетами, ни уговорами. Да и Рива Борисовна слёзно просила Настю отдать ей Гену на усыновление: «Ведь Вы молодая, незамужняя и очень больная женщина. Вам будет не до него с Вашим долгим лечением. Вы не сможете дать ему нужного образования, а он очень талантливый мальчик. Но Настя взяла в охапку брыкающегося малыша и увезла домой. Дома ему очень понравились дед с бабушкой, тётя Наденька, и её муж — весь израненный фронтовик — и их младшая дочка, малышка Люся. Сам Гена раннего детства в детдоме совсем не помнил и не понимал, откуда у него такое трепетное отношение к еврейским бабушкам. Он любил наблюдать за ними в детском саду, куда водил уже свою дочь.

Однако Насте действительно приходилось по полгода лежать в больницах и санаториях, и рос он с бабушкой, овдовевшей к его шестилетию.

Когда ему исполнилось семь лет, бабушке ампутировали обе ноги, обмороженные сначала на колхозных полях, а потом в стоянии за продуктами в резиновых ботах. О тёплой обуви она и не мечтала, ведь жили, как и большинство народа, в бедности, хотя и в каждодневных трудах. Она была искренне благодарна за заботу советской власти, устроившей Гену в школу-интернат. В тринадцать лет после седьмого класса Гена оставил школьную учёбу и начал работать расклейщиком афиш в клубе Урицкого, где его мама, выздоровев, уже работала кассиром, и её все очень уважали за добросовестность. Гена ценил возможность бесплатно (из будки киномеханика) смотреть кино и безотказно помогал таскать тяжеленные круглые коробки с фильмами, а иногда и заменял киномеханика во время показов. А ещё ему бесконечно нравилось бывать в мастерской у художников клуба, где муж тётки Наденьки Володя работал над созданием рисованных афиш, которые Гена потом расклеивал в разных точках тогдашнего Ленинского района Казани, постоянно прираставшего целыми кварталами новостроек. А вскоре в клубе Урицкого открылась бесплатная изостудия, которой руководил замечательный художник Николай Индюхов. И Гена каждодневно стал у него учиться. Однако слишком независимый по характеру Цыган, как прозвали Гену студийцы, доставлял немало хлопот учителю. Он без конца экспериментировал на уроках, пытаясь понять, почему не принято писать картины так или эдак. Ильдар Зарипов, молодой друг Николая Индюхова, заметил Цыгана и взял под своё покровительство, а затем и переманил в свою только что открывшуюся изостудию во Дворце Ленина в соцгороде. Потом Ильдар рассказывал мне, что Гену учить было нечему — он был прирождённый художник и при этом постоянно занимался самообразованием, читая хорошие книги и по многу раз бывая на выставках в Москве и Ленинграде, куда Ильдар брал его с собой.

В 1967 году в Казани открылся Государственный музей изобразительного искусства. И в 1970 году в нём организовывалась первая выставка современных художников «Казанский натюрморт». Только что вернушемуся после службы в армии Архирееву Ильдар приказал отнести две работы в музей на выставку. И обе работы удостоились чести быть экспонатами. В то время без серьёзного отбора выставочным комитетом, куда избирались уважаемые художники и искусствоведы, ни одна работа не могла быть допущена в музейную экспозицию. Старенькая смотрительница рассказывала мне, как художник Харис Якупов водил по музею московских гостей и, показывая на картины Гены, сказал: «Вот, восходящая звезда современной живописи!» Обе работы после той выставки были куплены искусствоведами музея. Гену приняли

ХУДОЖНИК ГЕННАДИЙ АРХИРЕЕВ

Автопортрет. 1995 г.

Апрель на Подлужной

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Вороний вальс. Левая часть триптиха

Вороний вальс. Правая часть триптиха

Буртаская церковь

Керосиновая лампа

Натюрморт с арбузом

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Осень

Пейзаж с красным велосипедом

Праздничный натюрморт

Сбор картошки

Светлана

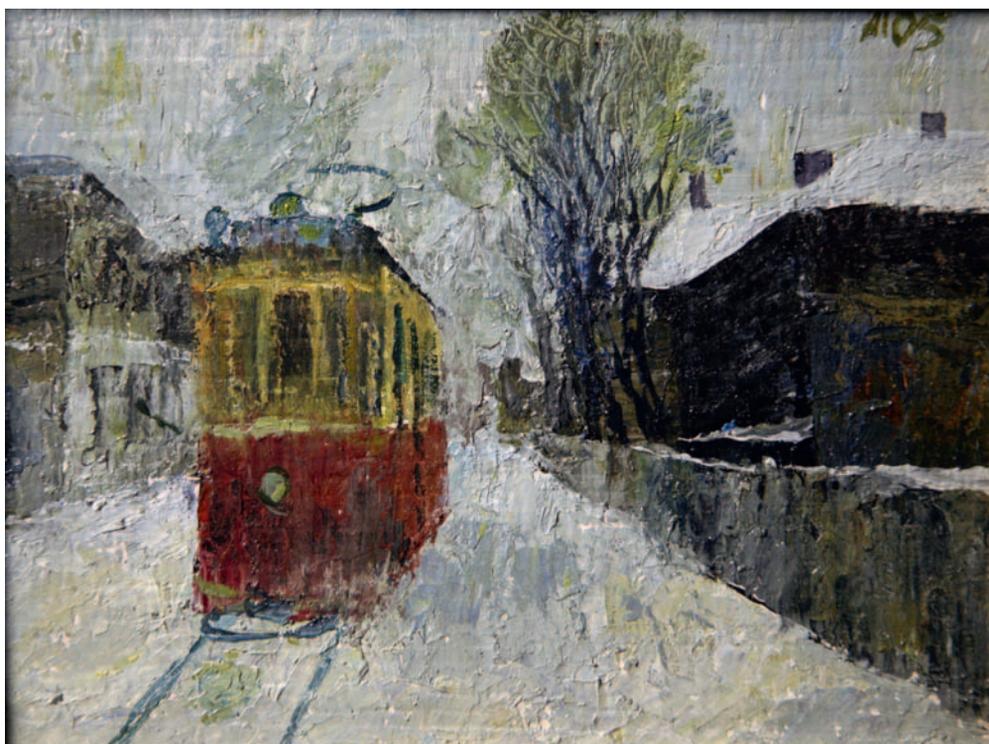

Утренняя Подлужная

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Федосеевская

Трамвай на Волкова

Шалунья

Профессионалка

Белые пионы

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Провинция

Садовый самовар

в молодёжную секцию Союза художников. И всё бы хорошо... Но характер, не признающий никаких партийных линий, идеологических догм, не поддавался дрессировке. И руководство республиканского отделения Союза художников всё сильнее разочаровывалось в Архирееве. В Союз художников (для взрослых) его не принимали четыре раза, мотивируя отказ недостатком образования. Республиканские выставкомы отвергали его работы, но всероссийские и всесоюзные комитеты, куда Гена вместе с Ильдаром сам привозил свои картины, единогласно допускали их на крупнейшие выставки в центральных выставочных залах Москвы, Ленинграда и других городов. Учитель Ильдара Зарипова по Суриковскому институту, академик Дмитрий Константинович Мочальский, был очень расположен к Архирееву, не раз приглашал его к себе домой, и Гена иногда звонил ему в Москву, советуясь по разным вопросам. Однажды на московской выставке «Слава труду!» Дмитрий Константинович, желая поддержать Гену, обойдённого лауреатским званием и премиями, принародно сказал ему: «Тяжкий крест — творчество! Будешь падать под тяжестью, будут смеяться над тобой незнающие. Но ты вставай и неси этот крест дальше. Потому что изведавший силу цвета не примет бесцветной судьбы».

Многие позавидовали тогда Архирееву. Однако судьба не баловала его милосердием. Он довольно рано женился, потому что вскоре должен был родиться его ребёнок. Студентка университета, вероятно, думала, что самый молодой участник всесоюзных выставок обеспечит ей вполне приличную светскую жизнь. А получилась нелёгкая жизнь с фактически опальным художником на грани нищеты. И она полюбила другого. Гена сильно переживал её откровенную измену, пытаясь забыться алкоголем. И погибал, то пьяный на морозе, то тонул в Казанке, то подыхал от прободения язвы желудка... Но каждый раз его спасали добрые люди. В конце концов, жена уехала на много дней к другому на дачу, оставив Гену голодать с шестилетней дочерью. Тогда я их и приютила. О чём не пожалела ни одной минуты. С любовником у его жены что-то не заладилось, она возвратилась. Но обратно вернуть смогла только дочь. Гена уже почувствовал себя счастливым без неё.

Наша с ним двадцатипятилетняя совместная жизнь вовсе не была безоблачной. Нелегко жить с человеком, честным, как гильотина. Но я понимала, что ему-то, не умеющему врать даже из деликатности, ещё труднее. И, кроме того, я понимала, что самая лучшая помощь художнику состоит в том, чтобы не мешать ему думать, смотреть, соскабливать готовые работы, за которые его поклонники заплатили бы немалые деньги... Не мешать ему быть самим собой и при этом не быть виноватой. Я не ждала от него денег, потому что привыкла быть главной добытчицей в семье. И до сих пор я с недоумением смотрю на женщин, здоровых, образованных, не обременённых детьми, однако неработающих. Они словно на ишаке едут по жизни на шее своего мужа, изобретая новые развлечения и новые расходы. Мне с ними скучно.

Гена сильно изменил мои взгляды на то, что хорошо и что плохо.

Поддавшись массовому гипнозу, я стремилась к успеху, к известности, к большим заработкам. И однажды «порадовала» Гену желанием телекомпании «Эфир» снять о нём фильм у нас дома.

— Не пущу! — жёстко ответил он.

— Почему! Что плохого в том, чтобы стремиться к известности, успеху? Слава — это же деньги в квадрате!

— Не суети меня. И запомни! Моя жизнь не соревнование. Моя жизнь — танец, в котором я сам выбираю с кем и что танцевать.

Первые годы нашей жизни, когда мои статьи о художниках уже публиковались в газетах и журналах, Гена категорически запретил мне писать о нём. Он сказал: «Я

боюсь, что ты сделаешь из меня уютю, как в том анекдоте... Товарищ пришёл на работу в мятых брюках и объясняет начальнику, почему он их не погладил: радио включил — там Брежнев, телевизор включил — опять Брежнев... Уютю уже не рискнул включить».

От предложений разных галеристов сделать персональную выставку Гена тоже упорно отказывался, объясняя, что ему это уже не интересно.

Конечно, я злилась... И как мне всё-таки удалось сподвигнуть его на первую и единственную персональную выставку в Изомузее... Об этом я честно и подробно пишу в романе «Богема и нувориши», который публиковался в журнале «Казань». По моим «Буртасским рассказам», опубликованным в том же журнале в 2001 году, Сергей Ольденбург-Свинцов снял художественный фильм «Голубка». Интересно, что фильм снимался на острове Свяжск, а не в Буртасах. Гена пожил там несколько дней во время съёмок у наших друзей Голубцовых, замечательных художников. Это был его второй и последний приезд на остров-град.

Тяжко больной (месяца за три до смерти) Гена успел посмотреть этот фильм в черновом варианте, только что смонтированный, ещё с рабочим звуком, без музыки. И сказал: «Хорошее кино, если забыть, что оно про нас. Кое-что наврано в отличие от твоих честных рассказов. Но это уже не твоё и не моё искусство. Пусть за него режиссёр отдувается».

Во время съёмок к нам приходили артисты, и Гену друзья иногда привозили на съёмки. Ему это было интересно. А когда кто-то из съёмочной группы заявил, что впервые в истории изобразительного искусства снимается художественный фильм при живом художнике, на это Гена, вздохнув, ответил: «Да уж, кого получше не могли найти, кроме нас с пауком, с которым я вовсе не дружил, и ни разу не выпил, потому что при Светлане завязал с питьём напрочь. Я просто наблюдал за ним. Интереснейшее же существо!»

Премьера «Голубки» в Москве, фестивали и всё остальное проходили уже без него...

Мне плохо без него, как будто не стало вдруг оси, вокруг которой я вращалась, и всё стояло на своих местах. Он снится мне, говорит потрясающие вещи, приказал выйти из сумерек и радоваться каждому мгновению жизни. Я стараюсь. Я всё-таки счастлива, потому что он был в моей жизни. А ведь могло и не быть. И я благодарна ему за каждое мгновение нашей жизни.

ПОЭТЫ ТАТАРСТАНА

ЗИННУР МАНСУРОВ

ЖИВУ НЕ ВПЕРВЫЕ

В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ СУДЬБЫ

Если б сам Аллах, кому Земля
и судьба живущих всех подвластны,
жизнь другую дал бы мне негласно —
я б хотел начать её с нуля.

Только как узнать мне, для чего
небо жизнь мне новую подарит?
Осчастливит или измытарит
в искупленье милости Его?

Как пророк, сквозь толщу вечной зги
вижу — ждёт меня после успенья
всё, что в этой жизни не успел я —
довершить дела, раздать долги.

Как любой, кто в горние сады
метит путь, судьбу не прокляну я.
Если даст Аллах мне жизнь иную —
никому не причину беды.

Даже мать избавлю женских мук,
сам себе обрезав пуповину.
Знаю, хватит сил во мне былинных,
чтоб осилить жизни новый круг!

Ради строчек вычурных стихов
измарал я столько тонн бумаги!..
Но весомей написал мой ангел —
тот, что вёл учёт моих грехов.

Слишком поздно я услышал гул
древней крови, славой предков гордый.

Хорошо, что был я духом твёрдый
и не дал согнуть себя в дугу.

Нас народом делает язык,
что Аллахом свыше нам подарен.
Я б на целый Космос: «Я – татарин!» –
прокричал, да, жаль, молчать привык.

И готов ли кто-то в наши дни
к разговору – трудному, большому?
Всем сегодня нужно только шоу.
Утомили мир лихие дни.

Я и сам не ведал, что во мне
есть такие залежи терпенья,
когда шёл за правду, как в сраженья,
весь изранен, точно на войне.

Каждый раз, лишь вспомню эту жуть,
выступает пот на лбу, как зёрна.
Если даст Аллах мне жить повторно –
ни за что не повторю тот путь.

Всё былое – напрочь отрублю,
изменив себя не ради моды.
Ту, что тайно я любил все годы,
в этот раз – открыто полюблю!

Если даст по милости Аллах
мне вторично в этот мир явиться,
я смогу судьбой распорядиться,
прошлый опыт свой учтя в делах.

«Жизнь прожить – не поле перейти», –
мудрецы сказали нам весомо.
Отчего ж мне всё вокруг знакомо,
будто я изведал все пути?

И встаёт в сознании вопрос:
вдруг давно живу я – *не впервые?*..

Сердце рвётся ввысь в немом порыве,
а душа – кипит, как море слёз.

ХОРОШО, ЧТО НЕ ДАЛ

*«... Я лёг спать с твёрдым намерением
попросить завтра с утра у соседа револьвер».*

Габдулла Тукай

Ты подумай, мой друг, что б случилось, когда, например,
тот сосед бы поэту действительно дал револьвер?

Он ведь столько мерзавцев позором в стихах заклеимил!
Был бы он с пистолетом — им быстро бы свет стал не мил.

Он пытался сдержать себя, гнев зажимая в кулак,
но злодеев вокруг было больше, чем диких собак.

Если б выстрелил он — царский пристав бы ночь ликовал! —
и в наручники тяжкие руки его заковал.

Но пристало ль поэту, что мучим вселенской судьбой,
воевать с мелюзгой, что ведёт у дороги разбой?

Неужели и правда кого-то хотел он сразить?
Уж скорее — доносчикам подлым для вида грозить.

Ну, а вдруг бы помял ему рёбра силач Карахмет?
Вот тогда бы поэт и припомнил про свой пистолет...

Соплеменники дружно вскричали со всех бы сторон:
«Это он своей дикой стрельбой нарушил наш сон!..»

Тот, кто душу народа умеет в стихах воплотить, —
своим даром священным не должен опасно шутить.

Что бы стало с Тукаем, нажми он и вправду курок?
Каторжанин, убийца... А нужен народу — пророк!

Вот такая картина могла бы явиться на свет,
если б кто-то Тукаю дал в руки тогда пистолет...

НАСЛЕДСТВО

Отголосок каждого поступка
в поколениях тянется, как звон.
Если кто из предков был преступник —
на потомков ляжет тёмный фон.

Горьким соком, что течёт по венам,
льётся память прошлого в веках.
Если деды знали бремя плена,
то и внуки носят в душах страх.

Не избыть печальные примеры,
что с годами стали всё новей:
пил всю жизнь отец вино без меры,
а похмелье — мучит сыновей.

До сих пор мои татары-братья
бьют друг друга, не боясь грешить...
О, Аллах! Раскрой нам всем объятья,
чтоб в тиши молитву совершить!

КОРАН-ХАФИЗ¹

Благословенье свыше испросив,
Коран мальчишка учит дотемна,
себе восторгом душу оросив,
что стала светлой радости полна.

(Когда наш разум защитят собой
суры Корана от мирских проблем,
тогда все беды мира стороной
идут, не в силах захватить нас в плен.)

И всё, что раньше парню сердце жгло,
теперь светлеет, как в окне рассвет.
И с каждым словом, что в него вошло,
на всё в душе находится ответ.

Как скорлупа ореха, голова
трещит от содержащих мудрость строк.
Читает мальчик вещие слова,
не сокрушаясь, что тяжёл урок.

Вникая в суть, запоминает он
священный текст и что стоит за ним.
И расцветает, как цветка бутон,
восторг от встречи с чудом неземным.

Запомнив твёрдо новых строчек сто,
малыш хвалу возносит небесам.
Тогда ясней становится всё то,
что он успел осмыслить в мире сам.

Он только начал жизнь свою учить,
словно раскрытый на столе Коран.
За это сам Аллах его лечить
отныне будет, исцелив от ран.

¹ *Коран-хафиз* — человек, выучивающий и помнящий Коран наизусть, толкователь и хранитель заповедей Корана.

Когда все тридцать книг заучит он,
 страницы взглядом источив до дыр,
 тогда пред ним, закрыв весь небосклон,
 взойдёт вопрос: куда несётся мир?

В Коране сущность жизни нам дана.
 Он – как тропа через дремучий лес.
 Как солнце в полдень, как в ночи луна,
 так Откровенье светит нам с Небес.

Коран мальчишка учит день и ночь...

ИЗГНАНИЕ БЕСА

Ну как же мне в судьбе не повезло!
 Мне кто-то злой подбросил в душу зло.
 И вот теперь лихие колдуны
 его из сердца мне изгнать должны.

О, сколько же теперь вариться мне
 на адском обжигающем огне?
 Глотать отраву, на костре гореть...
 Способно ль сердце это всё стерпеть?

Меня колдуньи пичкают травой.
 Вещуньи в уши напускают вой.
 Я стал ронять тетрадку и перо.
 Где взять мне силы, чтоб творить добро?

Они хотят мне душу излечить
 и на свой лад меня переучить,
 чтоб дар поэта, что мне свыше дан,
 я спрятал в душу, словно в чемодан.

Так и живу до нынешнего дня.
 А чародеи гонят из меня
 поэзию, как беса из ворот...

Ну что ж, посмотрим – чья тут верх возьмёт.

АЛЛЕГРО

*Композиторше, которая узнает
 себя в этих стихах*

Ну кто в тебя вселился в этот раз,
 всё буйство мира направляя в русло
 искрящегося радостью искусства,
 где всё – восторг, причуда и экстаз?

Язык судьбы – тяжёл, как жернова,
слова знобящи, словно ветер в поле.
И всё вокруг идёт по Высшей воле –
восходит солнце и растёт трава.

Ты столько людям радости дала,
рассыпав в мире ягодами ноты!
Не успевают ангелы в блокноты
вносить твои поступки и дела.

Тебя гнетёт, что похоронный марш
всегда играют грустно и протяжно.
В тебе живут сто бесенят отважных,
творя в душе отчаянный кошмар.

Жаль, не дано бессмертными нам стать,
хотя тебе – блистать в веках нетрудно...
Когда пророки дунут в свои трубы –
ты будешь нот странички им листать.

ВСТРЕЧИ СО СКАЗКОЙ

Знойный июль разморил всех, как сон.
Солнцем залита земля во всю ширь.
Запахом скошенных трав опьянён,
лёг возле стога Алып-богатырь.

Сказочным зеркалом аж до небес
высится воздух в оправе берёз.
В шапочке красной, пройдя через лес,
девушка вышла на свежий покос.

Видя красавицу, издалека
крикнул Алып ей: «Тебя я люблю!
Ты так сладка... Но уж очень хрупка!
Вдруг я в объятьях тебя раздавлю?»

Встал перед ней он – огромный, как Бог.
Ну, а девчонке не страшно шутить:
«Может ли сена душистого стог
юркую мышку собой раздавить?..»

Знойный июль, как воздушный дворец,
вырос над лугом. Того и гляди –
Кот-Говорун иль Малец-Удалец
выйдут навстречу тебе впереди.

ПРИМЕТЫ

В саду, загремев, покатилося ведёрко
на радость дурачившейся детворе.
И яблоч бокастых румяная груда
рассыпалась тут же у нас во дворе.

Чуть позже, обедая прямо под небом,
я вновь удивлён был картиной одной,
когда горка ломтиков белого хлеба
рассыпалась вдруг на столе предо мной.

Вот дождик сентябрьский явился, как милость,
омыв нам окно, что глядит на мечеть.
И понял я — мама давно мне не снилась...
Хотя бы во сне на неё поглядеть...

СБОР ЯБЛОК

Ручей течёт с горы к желтеющим садам,
где сладкий дух, и груды белого налива
старик спускает по наклонным желобам,
а внуки ловят их внизу нетерпеливо.

Дед сыплет яблоки в звенящую струю,
их отпуская, как цепочку лет, на волю.
А внуки бойко возле жёлоба снуют,
боясь случайно проворонить свою долю.

Старик, молитву непрерывную творя,
пускает яблоки, крича мальчикам: «Ловите!»
А внуки злятся, нетерпением горя:
«Ну где ж они? Быстрее их вниз гоните!..»

Дед снова ночью не сомкнёт своих очей,
листая дни, словно прочитанные были,
да молча сетуя, что так спешит ручей,
и так стремительно все яблоки уплыли...

ПОДАРКИ АЛЛАХА

Я у небес прошу, чтобы они,
мой сон и явь сплетя в едином миге,
меня вернули в детство, дав мне дни
перелистать, словно страницы книги.

Как в кинозале выключают свет,
так я глаза в волнении закрою —

и, как из вьюги, из минувших лет
вплывут возы со скошенной травой.

Передо мной – знакомые луга,
где детвора, в разбойников играя,
увидев эти тучные стога,
из них траву пучками выдирает.

Как не представить то, что ты – герой,
а на возах – купец, что убегает?
Тогда и кнут, достав тебя порой,
почти совсем не больно обжигает.

Вокруг кипит игры и боя смесь,
мои друзья телеги атакуют.
Я телом – с ними. Но душой – не здесь.
Себе судьбу хотел я – не такую.

И, отступив в сторонку, я шепчу,
как заклинанье от разбойной доли:
«Хватать и грабить? Я так не хочу!
И без того на свете много боли».

И слышу вдруг, как будто сам Пророк
мне говорит печально и нестрого:
«На перекрёстке двух больших дорог
твоя судьба сама слетит со стога».

Я не пойму – то правда или нет,
иль где-то просто прокричала птаха?
Но слышу снова: «И на склоне лет
ты будешь вновь с подарками Аллаха...»

И вот промчали годы и мечты,
а я всё слышу эхо слов Пророка.
Упали с воза в снег мои цветы.
Но жизнь, как речку, не вернуть к истоку.

ЧЁРНЫЕ КЛАВИШИ РОЯЛЯ

Бессонной ночью я припомнил вдруг,
как мне сказал один далёкий друг:
«Сядь за рояль – и ты легко восславишь
свой край, касаясь только чёрных клавиш...»

Гляжу на тучи, что затмили даль –
они, как чёрный сумрачный рояль.
Скажи, мой друг, как горечь чёрных клавиш
ты в свет аккордов белых переплавишь?

Я говорю себе: «Ты стал поэтом —
и должен думать каждый день об этом!»
(Ну как сказать — мол, весело сыграй
про годы горя, что познал мой край?..)

Открой окно, мой друг. И вишен цвет,
как белый снег, влетит в твой кабинет,
внеся в него дух молодого лета...
Мой край знал тьму. Но не утратил света.

СЛЁЗЫ ВСЕВЫШНЕГО

Вы только представьте (давно это знать всем пора!),
что есть во Вселенной народных страданий гора,
и слёзы Аллаха, не в силах уменьшить печаль,
текут на неё, превращаясь в застывший хрусталь.

Увидев ту гору, не мог я вопрос не задать:
«Кто плакать заставил Аллаха, дав повод страдать?»
(Коль грех в моих мыслях — то каюсь. Но давит мне грудь
гора твёрдых слёз, перекрывшая к радости путь.)

Ну как мне не думать об этом и жить в мире грёз,
когда придавила мне душу гора Божьих слёз?
Как горько представить, что это пролил их Аллах,
печалась о нас и неправедных наших делах...

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Давиду Кугультинову

Пролетел я птицей над Иделью,
глядя сверху на бескрайний вид.
И в полях, расстеленных постелью,
мне навстречу вышел сам Давид.

У Давида есть своя планета,
свой небесный дом и свой причал.
Но милее юрта для поэта,
где меня он чаем привечал.

К моему приезду заалели
все тюльпаны на десятки миль.
А виски поэта — побелели,
будто вплёлся в них седой ковыль.

Будто степь, что так ему знакома,
от себя не хочет отпускать.

Власть ему построила хоромы –
есть, где думать, мыслить и писать.

В дни, когда калмыков выселяли
с их обжитых за столетья мест,
он услышал, как ему сказали:
«Дикой птице есть везде насест».

«С детских лет оставшись без Отчизны,
я доверил душу небесам», –
произнёс он накануне тризны
те слова, что чувствовал я сам.

Если горе, вопреки поэту,
вновь придёт калмыков испытать,
ты возьми их на свою планету,
чтобы здесь им вечно не страдать.

Что тебя тревожит, мудрый старец,
отчего, застыв на три часа,
ты, как вечный мытарь и скиталец,
грустным взглядом смотришь в небеса?

Всё тебе на этом свете мило,
и ты шлешь стихи-мольбы в века,
чтобы вдруг гроза не поглотила,
как барашков белых, облака.

«Ты не верь, что я переселился,
я на миг всего лишь уходил...»
И чтоб я к Идели возвратился,
сам меня по небу проводил.

*Перевод с татарского –
Николая ПЕРЕЯСЛОВА*

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ

ДВА РОДНИКА

Два родника моей родной земли,
Два древних языка, татарский, русский,
Венок над головой моей сплели
Из добрых слов, простых и безыскусных.

Я жажду утолю одним из них,
Теченьем налюбуюсь я другого...
На них я говорю, слагаю стих,
В них нахожу я точность рифм и слова.

Им Мать-Земля все силы отдала.
В них мир и дружба льются сквозь столетья.
Народа золотая голова
Их сохранила в бурях лихолетья.

Вот где народной мудрости исток!
Они питают корни двух деревьев,
Чтоб не засох побег, листок, цветок
Двух мировых культур, как мир наш, древних.

Не дай иссякнуть, Бог мой и Аллах,
Тем силам, что хранятся в родниках.

ВЕСЬ ЭТОТ МИР, КАК НА ЛАДОНИ

*Весь этот мир, как на ладони,
Но мне обратно не идти...
С. Маршак*

Весь этот мир, как на ладони —
От догонялок до погони.
Кто гончая, а кто в загоне?
Вопрос взмывает вверх и тонет.

Мир зол, безумен, безмятежен.
 Я в нём обласкан и отвержен.
 Короткий путь сквозь мрак безбрежный
 Пройду «канатным» и «манежным».

Внутри него или на фоне,
 То в тонусе, то в полутоне,
 Хриплю от скачек и агоний
 В венцах из тёрна и бегоний.

Под листопадом и снегами
 Его я меряю шагами,
 И прозу жизни лью стихами —
 Космополит и моногамий.

Кружу на лоне и в притоне,
 То раб плантаций, то на троне,
 В апартаментах и на зоне,
 В малиново-кандальном звоне...
 Жучок в янтарном медальоне,
 Чья жизнь в миру, как на ладони...

СОГЛАСНО ЭККЛЕЗИАСТУ

Мы наскально свой жизненный путь высеканием корчим:
 полуштрих, полустих, полувзмах, полубег, полупрочерк...
 Лишь слегка изменили за годы повадки и почерк...
 И не помним на память, где отчая вотчина... Отче...
 Немо смотрит он с неба, как пятимся мы вдоль обочин.

Множкратно взвивалось, катилось и меркло светило:
 освещало наш путь, затмевало умы и слепило,
 увлекало в кисельную жизнь беспросветного ила...
 Это всё до тебя, до меня поступенчато было.

Мы любимых коньков оседлали — не кони, а пони:
 разговоры пустые и потные мысли в попоне.
 И трусим мы ни шатко ни валко за ветром в погоне —
 расшибать круторогие лбы, муроваться в бетоне.
 Только тщетно всё это, мой мальчик, ты крепко запомни!

А волшебные сказки, что в детстве тебе я читала,
 оплетают муар паутины и плесень подвала.
 Я давала советы, учила тебя, наставляла:
 торопись, успевай, — всё, что сделал, окажется мало!

В перестуке секунд отпульсирует время надежды:
 то в промасленной робе, а то в карнавальной одежде.

На мгновенье покажется — истины лучик забрезжит...
 Обольщение оставь! Не заденет прозренья невежду!
 Это ветер летит сквозь века...
 Но разжата рука...
 И проходит всё между...

ДОРОЖНОЕ

«Осторожно! Двери закрываются!..»
 Втиснусь в жизнь, как в поезд переполненный,
 Жажущая остановки странница,
 Чей проезд оценен в грошик ломаный.

В тесноте не различаю лица я...
 Всё слилось в одно сплошное месиво:
 Шелест шёлка, пот рубахи ситцевой,
 Там рыдают, здесь кому-то весело.

Мой багаж, пожалуйста, не трогайте!
 Уж по швам трещит сума дорожная.
 В ней псалмы, попса и свежий рок идей —
 Долгих лет полифония сложная...

Станции мелькают. Поезд катится.
 Еду дальше с умыслом намеренным.
 Выйду, где надежда в старом платице
 Мирно хороводит с ветром северным.

Там, на полустанке без названия,
 Мы с судьбой ещё пройдемся гоголем
 Вдоль перрона к залу ожидания...
 «Осторожно!..» Значит, дальше трогаем?

Стук колёс зовёт грешить и каяться...
 Но не буду пассажиром вечно я...
 «Осторожно! Двери закрываются!..
 Следующая станция — конечная!»

О ПОЭТЕ

Поэт от сердца пишет и в сердцах...
 Он сердцевед, принявший близко к сердцу
 Сердцебиенье старца и младенца
 И средоточье мира в их глазах.

Воспеты возрождение и крах
 Эпох и городов. Через скрижали
 От таинства рожденья к горней дали
 Мироточит душа его в стихах.

Его благословили небеса,
 Чтоб тонкая словесная фреза
 Снимала лыко липовое с будней.

Он развязал повязку на глазах,
 Он видеть образа нас обяжал,
 И в храме Музы стало многолюдней.

* * *

Я, возможно, ошиблась при выборе уровня сложности...
 Перепутала время, возможности, кнопки, названия...
 И теперь вот, с разбега, втыкаюсь в бетонные подлости,
 И в зыбучих песках увязую недопонимания.

Мне и заново эту бродилку в судьбу не начать...
 Остаётся колени сбивать и стихами ворчать!

* * *

Руку протяну:
 – Ну, здравствуй, детство!
 Нос в веснушках, платьице в горошек...
 Дай налюбоваться!
 Дай взглядеться
 В каждый день безоблачно-хороший!

Руку протяну:
 – Ну, здравствуй, юность!
 Ветреная чёлка, юбка мини...
 Это кто, красой своей любуясь,
 Обладать пытался взглядом синим?..

Руку протяну:
 – Ну, здравствуй, зрелость!
 Глупая степенность, умудрённость
 И не занозила, и не въелась...
 На душе и солнечность, и звёздность!

Руку протяну:
 – Ну, где ты, старость?!
 Мне сейчас забыть свою беспечность?
 Погоди! Всего-то и осталось –
 Седину свою сменить на млечность...

ПИРАМИДКА

Пирамидка – разноцветные колечки...
 По порядку их сложу – авось похвалят!

Жаль, процесс их составления не вечен
И уж точно составителя не славят.

Тех колечек относительно немного:
Детство, юность, зрелость, старость — всё, пожалуй.
Всё окружности короче, и дорога
К небу вверх устремлена спиралью сжатой.

Я на память каждый шрам на теле знаю.
Я тактильно узнаю колец диаметр.
Пирамидку скоро я дособираю
Без автографов и вспышек фотокамер...

* * *

Ходить по воде так сложно...
А если над ней парить
и чувствовать тонкой кожей
соединенья нить?..
Парить над водой возможно,
не глядя при этом вниз,
где тёмная правда с ложью
прозрачной переплелись.
Вниз никогда не поздно,
Спутав, где сон, где явь.
Падают даже звёзды,
руки небес разжав.
Явь — мой ангел небесный,
вышедший из глубин:
в глубинах темно и тесно
ангелу чистой воды.
Из глубины в синезорье
на ниточке голубой
ведёт он моё подспорье —
чистой воды любовь.

* * *

Ангел вчера подарил мне своё крыло:
«На, — говорит, — шальная душа, пари!»
Я бы с любым заключила любое пари,
что и с одним взлечу! Только что потом?

Монокрыло — бесполезная, в общем, вещь!
Таинства неба оно не даёт постичь.
Что мне с ним делать? В лопатку впилось, как клещ,
встану-пойду — принимается пыль мести...

Лебеди, пролетая, курлычут вслед,
будто жалеют, подранка видят во мне.
Сколько крыло мне доставит хлопот и бед
Видно, им, сердобольным, видней извне.

Ангел и я горюем на берегу –
Лодки, и те бесполезны с одним веслом...
Ангел, ты знаешь, я без крыла смогу!
Мне и бескрылой с крылатым тобой везло!

ПЕТРОГРАДСКАЯ ОСЕНЬ

Петроградская осень застыла в мерцающем свете:
Вспышки выстрелов, блики костров и печальность луны...
Милый друг, я прошу Вас, на письма хоть строчкой ответьте,
Где мы встретимся вновь. Или мы уже обречены?

Пролетарская осень поставила нас на колени.
Рассыпается в прах патриарший монарший устой.
И каналы темны от воды, будто вскрытые вены.
Да и Спас на Крови к расстриженью смиренно пустой.

Одичалая осень, она пониманья не просит...
Странно Каина след наблюдать в наших светлых краях.
И всё чаще она друг от друга нас порознь уносит,
Я иду большаком в никуда, Вы – с отрядом на шлях.

Подрасстрельная осень наряд примеряет конечный.
Оркестровая медь продолжает звенеть в вышине.
И последние листья, пробитые насмерть картечью,
Оседают страницами были под ноги стране.

Петербургская осень застыла в мерцающем свете:
Вспышки выстрелов, блики костров и печальность луны...
Милый друг, не прошу ни о чём. Мы, бесспорно, в ответе,
Что не встретимся вновь... Что, как Родина, обречены...

* * *

К Денежкину Камню прижмусь щекой:
«Ну, давай, рассказывай, как дела!»
Пращура рукой пущена пращей...
Снова траектория нас свела.

У кедровых шишек особый шик.
Смоляные чучелки вы мои!
Влипла так, что незачем тормозить,
Сок орехов досыта выдою.

Вдоль Бажовых сказов тропой пройду:
 Кокованя где-то вот здесь живёт,
 Ящерка заветная на виду,
 И по крыше козлик копытцем бьёт.

Самоцветы детства несусь в горстях —
 Всё боюсь растратить их до поры.
 И нет-нет, душа моя вновь в гостях,
 Припозднившись, кается у горы.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Лета полярного разве что ночь длинней...
 Стаду оленьему брюхо-то подвело!
 Пара теней в остывающей тундре: по ней
 с юной волчицей вожак бежит тяжело.
 — Не промахнись, Акела, не промахнись!
 Если бежать от утренних звёзд на закат,
 можно прочесть по следу всю твою жизнь —
 с первой строки была она нелегка.

Морда сама задирается в небеса:
 воеет не воеет, молит не молит луну.
 Нынче не просто волчья судьба на весах...
 стая готова пряник сменить на кнут.
 — Не промахнись, Акела, не промахнись!
 Поторопись — эти сутки решают всё!
 Если не прыгнешь вверх — опрокинут вниз,
 где не один до тебя в снегах занесён...

Завтра наступит день, налетит мошка,
 ласково солнце погладит сопку хребты...
 Будет ли завтра, если кишка тонка,
 если на волчьи законы равнялся ты?
 — Не промахнись, Акела, не промахнись!
 Перепроверь траекторию для броска!
 Знаешь, звериным богам молись не молись,
 лишь на себя надейся, бежишь пока!

* * *

Деревенский домик с палисадником
 В золотых шарах,
 Приюти, прости пропавших странников
 Твоего «вчера»!

У ворот, с годами покосившихся,
 Там, где лебеда,
 Посидят, когда-то здесь гостившие,
 Юности года.

Дом поддакнет – ставенками впалыми
Скрипнет в такт речам:
«Что с них взять! Они ж, как дети малые,
Виснут на плечах...»

* * *

Завтра мой путь пройдёт по таким отрогам,
Что и во сне себе не могла представить...
Вот бы набраться ловкости бандерлогов!
И, не моргнув, по-лисьи суметь лукавить!
Или менять обличье хамелеоном,
И научиться хвост распускать павлином...
Манипуляций техника мне знакома.
Утром, как говорится, всё будет видно...

Утром составлю карту атаки, планы.
Между домов в каньонах пустынных улиц
Хищно блещут расставленные капканы
Вот на таких, как я, беззаботных куриц.
Часто играть приходится в кошки-мышки.
И проплывать под носом акульей стаи.
И говорить себе: «Всё пройдёт, малышка!
Над зоопарком я ещё летаю!»

* * *

Подарите любимой весну!
Пусть оттаёт замёрзшее сердце.
Отворите хрустальную дверцу,
Что знакома лишь Вам одному.

Подарите любимой весну!
Постучите в сердечко капелью.
Соберите весенние трели
И подбросьте любимой к окну.

Подарите любимой весну!
И сплетите ковёр в одночасье.
Из цветов под названием: «Счастье!»
И раскройте любви глубину.

Подарите любимой весну!

ДО СЕРДЦЕВИНЫ

(о лирике Зиннура Мансурова)

Будучи зрелым поэтом, Зиннур Мансуров давно привлёк внимание критики и литературоведов. Но лучше, точнее, масштабнее всех о его творчестве выразился, пожалуй, близкий по духу и творческим исканиям русскоязычный, но столь же татарский (вслед за З. Мансуровым возвожу этот признак в качество, в степень) поэт Рустем Кутуй. А именно он писал: «Традиционность абсолютно в стороне, следование лучшим традициям — в центре: и Тукай, и Туфан, и Джалиль в соседстве, рядом. Интерес ко всему народному, священному в своём прочтении необходим, как рука, как воздух. Птица живёт в отдалённой высоте и в близости к земной простоте гнёзда. Охват философски значителен. Пожалуй, это акцентированные черты стиля жизни и поэтики Зиннура Мансурова без какого-либо преувеличения». На мой взгляд, в этом сопряжении земли и неба — типологическая особенность всей татарской поэзии, авторы которой, порой кажется, из гнезда-избы ещё не вырвались, но уже устремлены к постижению горних высей общечеловеческой культуры.

Ещё цитата из Кутуя, в которой ёмко подмечена одна из определяющих особенностей лирики Зиннура Мансурова: «Поэзия всегда в глубинах». Рустем Адельшевич указывает и на такую важную стилевую черту её, как конкретность, и связывает её с нравственно-философскими исканиями поэта: «... никакой конъюнктурной сообразительности — честное прямотушие. Поэзия без конкретности легко скатывается к пустозвонству». Эта конкретность есть ничто иное, как искренность поэта, что и позволяет его образам обретать масштабность, давая поэту столь необходимую для художника широту творческого дыхания и исполнения.

И ещё — о философичности лирики поэта: «Поэт Зиннур Мансуров счастливо избегает очевидностей, тяготея к философской основе. К основательности. Он возводит Символы Судьбы. Вот отдельные названия этих символов — «Колокол», «Наковальня», «Ворота», «Туфан чинит часы», «Холод. Тукай», «Погреба» и т.д.»

Традиционность, устремлённость к постижению глубин человеческого духа и связанная с этим философичность, явленная вместе с тем в конкретных образах, вырастающих в символы, — по сути, здесь абсолютно верно выделены ключевые черты лирики Зиннура Мансурова, единством и взаимосвязью которых определяется её своеобразие. Вся прелесть поэзии в том и состоит, как это общее реализуется в отдельно взятом стихотворении. Об этом я и хочу поговорить.

Начну с «Колокола», зачинающего сборник переводов стихотворений Зиннура Мансурова «Срез». Читая его звучные («дин-дон, дин-дон») строки, я всё же слышу не звуки колокола, а стоны души поэта — по человечности, по «живой душе».

Масштабность этого образа аллюзийно отсылает к заглавному образу романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол», где этот образ оказывается тем, что напоминает человеку о его человеческой сущности. Своим стихотворением З. Мансуров, вслед за великим американским предшественником, как бы отвечает на вопрос: «По ком звонит колокол?» «Он звонит по тебе». По каждому из нас, призывая сохранить в себе человеческую сущность, данную нам Богом. Колокол поэта словно отгоняет злых духов, следуя своему изначальному, культовому значению.

Своеобразную дилогию со стихотворением «Колокол» составляет «Наковальня». Заглавный образ здесь — символ мира и свободы. Символичность образов в стихотворении, как и в лирике Зиннура Мансурова в целом, зиждется на сопряжении их конкретики с глубиной мысли, заключённой в них, — в сопряжении-напряжении душевных усилий поэта, в его раздумьях о душах и судьбах человеческих.

То же самое наблюдаем, например, и в стихотворении «Раздумье на остановке». Здесь выражена целая философия человеческой жизни. Раздумья свойственны большинству творений Зиннура Мансурова, они исполнены в форме лирико-философской медитации, в которой лучше всего звучит его поэтический голос.

К раздумьям, к медитации тяготеют при всей эпичности, масштабности, многоплановости и поэмы автора. Например, «Тоньше струны, острее меча» иначе как нравственно-философской не назовёшь, со всеми вытекающими из этого определения принципами организации стихового материала, лирическими по своей сути: внимание сосредотачивается на познании духовной жизни отдельного субъекта, но понятой в свете общих закономерностей бытия вообще. Этим объясняются все остальные качества поэм З. Мансурова, их художественная структура и жанрово-стилевые особенности.

Думается, литературоведу здесь есть над чем поработать. Помимо названной, поэма-рулада «Огонь, или Страницы из летописи войны Хайрутдина Музая», поэма «Два плача», поэма «Поиски пророка» дают богатую и разнообразную пищу для размышлений. Например, каким по силе лиризмом окрашена в одной из них метафора льда — структурообразующего образа: от одной части к другой «кочует» он, обогащаясь всё новыми смыслами, становясь в итоге символом жизни персонажа, судьбы народа, человеческой истории, выражая их страшную суть и жёсткую логику.

Мало кому из современных поэтов удаётся лепить образ так, как это подвластно Зиннуру Мансурову, — органично, зримо, обнажая самую суть, «глубину» образа, вырывая из его пластов сокрытые для рядового взгляда смыслы. Образ играет всеми своими радужными цветами-смыслами. Думаю, именно умение Зиннура Мансурова художественно оперировать образами симпатизировало в первую очередь Рустему Кутую, мастеру и ценителю метафор и символов, раз уж он с такой охотой переводил его произведения. И Сергею Мальшеву тоже — в силу общей для поэтов приверженности к образотворчеству, густой ассоциативности.

Для образов Зиннура Мансурова характерна полная органичность, слитость значений в целостное смысловое единство, где одно в другое перетекает, дополняя, углубляя его, но не теряя и своего первоначального, «картинного» содержания. В общем, в образах Зиннура Мансурова воплощено главное качество символа как такового: внешне — его предметность, внутренне — нравственно-философская глубина. Отсюда их органичность, чем выгодно отличается вообще лирика поэта, а не только его поэмы.

Взаимосвязь конкретности и философичности в лирике Зиннура Мансурова — это не что иное, как отражение глубинно-высокой связи *земли и неба* — тоже немаловажных образов в творчестве поэта. Она реализована, например, в «Башне Сююмбеки»

(символе грусти и скорби народной), где и слова о «фундаменте башни», и непосредственно строки «От Сююмбеки лестница идёт — // с землёй связала башня небеса» (пер. Н. Ишмухаметова), и многое другое указывает на это.

Другое стихотворение — «С высоты птичьего полёта». В нём поэт признаётся, что ему и «высота по нраву», но поёт он, как и его кузнецы в «Наковальне», «о земном». Здесь — в творческом смысле — воплощён всё тот же мотив «земли-неба»: «Я, с птицей наравне взлетевший человек, // над полем белого листа смыкаю руки». И как поэтично, в переводе Р. Кутуя, о земле: «Земля — рисунок детский под крылом — // ромашками качает луговыми». Так может писать только поэт, душе которого с «высоты птичьего полёта» открыта вся красота и ценность жизни. А полёт этот — творчество, дающее возможность воспарить над «житейской тщетою», которая всё же таки «цепляет за полу и тянет книзу». В сопряжении земли и неба выражается формула поэтического творчества. «Визитной» карточкой мотива «земли-неба» мне представляется стихотворение «Корни Солнца», исповедующее ту же поэтическую установку, которую декларировал Борис Пастернак: «До оснований, до корней, // До сердцевины...»

Сосредоточенностью взгляда художника на поиске «корней» я объясняю появление в его творчестве и такого стихотворения, как «Посудные черепки». Здесь мысли о глине, вызванные образом посудных черепков, приводят к утверждению ещё одной истины-«корня»: «Ведь глину так легко крушить — // почти беззвучно покорится» (пер. М. Авакумовой). С учётом того, что именно из глины создан человек, эти строки вообще выражают мысль о бесчеловечности кровавого XX века.

Мотив «вглубь земли» очень характерен для Зиннура Мансурова, у него даже стихотворение есть с таким названием «Глубина» — о глубине человеческой. А там, в самых глубинных пластах не только земли как одной из субстанций бытия, но и в пластах человеческого сознания, прозреваются истоки сущего, к постижению которых и устремлены искания поэта.

Эти искания у Зиннура Мансурова связуются, прежде всего, с творческими поисками, с белым листом бумаги, который в стихотворении «Предчувствие знамения» становится «белым листом судьбы» (пер. Н. Ишмухаметова). Уж коли я упомянул об этом стихотворении, подчеркну немаловажную особенность стиля мансуровской лирики — высоту слога, одичность, которая вообще в целом характерна для татарской поэзии, но для Зиннура Мансурова — особенно. Эта высота стиля определяется, конечно же, и высотой тематики (в данном стихотворении — о судьбе), и осознанием высоты предназначения творца, равного Пророку. Кстати, здесь «пророческое» понимание поэта — традиция, закреплённая в отечественной поэтической культуре Пушкиным, что поддержано и явной отсылкой к нему в строке «Нет, я умру не весь!» Эта вера — самое высокое небо поэта. А самым высоким мерилем творчества является всё тот же Пушкин, аллюзии с произведениями которого нет-нет да и встретятся в стихах Зиннура Мансурова.

Например, как не вспомнить, читая его стихотворение «Глядя на старую арбу» (пер. Г. Фролова), пушкинскую «Телегу жизни». Но Мансуров не копирует, в связи с общим образом, тему и её решение, а словно продолжает её, предлагая иное решение. Стихотворение Пушкина, при всём его умиротворённо-спокойном финале, пессимистично: оно о смерти как о непреложном законе жизни: «И дремля, едем до ночлега, // А время гонит лошадей». Начало мансуровского стихотворения тоже начинается на подобное течение и концовку: «Ах, сколько скакунов // твоих // в дороге пало!» Но ведь старая арба не остановилась, «всё та же вроде» — здесь выражена непреложная для поэта истина о вечности жизни (к слову, эта мысль, при всём «пес-

симиристическом» финале, составляет основу и стихотворения Пушкина, только в её утверждении он как бы идёт от обратного). Отсюда иной эмоциональный строй, выраженный прежде всего в словах, обращённых к арбе, как к живому существу (в свете утверждаемой идеи жизни очень уместное олицетворение): «Сумела превозмочь // ты дней минувших // беды», «Как и в былые дни // готова ты // в дорогу!..» Таким же образом идея бессмертия венчает лучшие стихи Зиннура Мансурова.

«Вкусом жизни» (так называется одно из стихотворений поэта) он наделён сполна. И кому, как не ему, утверждать её абсолютную ценность и непреходящий характер, когда даже в строках о смерти утверждается всесилье жизни!

В продолжение же темы «телеги жизни» замечу, что она обозначена и в начале стихотворения о судьбе Габдуллы Тукая — «Великий Мёрзнуший»: «Я будто слышу, как поскрипывает тонко // телега под склон недалеко» (пер. Р. Кутуя). Так связываются великие имена Пушкина и Тукая, сводятся в единое пространство отечественной поэтической культуры русская и татарская поэзия. Великое это дело, и не каждому оно по силам! С острым состраданием пишет Зиннур Мансуров и о нелёгкой доле Тукая, и о трагической кончине Льва Толстого...

Вообще, тема творчества обретает особое звучание в лирике Зиннура Мансурова. Решает она её часто в разрезе проблемы «поэт и время». Наиболее показательны в этом смысле стихотворение «Туфан чинит часы». В свойственной Мансурову связи конкретно-предметного и философски-глубинного, он воспроизводит сюжет починки часов, чем на досуге, как известно, любил заняться аксакал татарской поэзии Хасан Туфан. Практически каждая строфа имеет эпитетическую концовку: «Чинит время Туфан», «Лечит время Туфан», «Греет время Туфан», «Нежит время Туфан», «Гладит время Туфан», «Провожает время Туфан». Время одухотворено, с ним обращаются как с живым созданием, более того — по-человечески! В этом оживлении времени — залог вечности жизни, а в человечности — её основа. Такова, на мой взгляд, глубинная мысль стихотворения, составляющая в то же время смысл творчества вообще, в том числе и поэзии Зиннура Мансурова.

В утверждении этой мысли он, пользуясь словами Рустема Кутуя, процитированными в начале этой работы, «следует лучшим традициям» не только татарской поэзии — Тукая, Туфана, Джалиля. Он продолжает развивать традицию, завещанную ещё А. С. Пушкиным, глубинное родство с которым установлено в программном стихотворении «Шипы в бокале». Ему предпосланы в качестве эпиграфа пушкинские строки из стихотворения «Мансуров»: «Мансуров, закадычный друг, // Надень венчик терновый!..» Конечно же, поэтическое послание Пушкина адресовано не Зиннуру Мансурову (смерть одного и рождение другого разделено более чем столетием), а некоему знакомому офицеру П. Б. Мансурову. Но, отталкиваясь от упоминания об однофамильце в пушкинском стихотворении, первые его строки Зиннур Мансуров примеряет именно к себе и создаёт одно из лучших своих стихотворений, в котором готовность служить делу поэзии возводится в жизненный принцип и связывается со смыслом жизни вообще: «Я каждый шип из колкой чарки проглочу // и схороню в глубинах раненой души...»; «Кем был бы в этой жизни я, когда бы вдруг, // тебя послушавшись, избрал бы путь другой?!» (пер. Н. Ишмухаметова). Читая органичные в свете судьбы и творчества стихи Зиннура Мансурова, неизменно убеждаешься в искренности этих строк.

ПО-СВОЙСКИ С ЖИЗНЬЮ И СУДЬБОЙ

(Штрихи к портрету Веры Хамидуллиной)

Свою книгу «Корабль времени, или Воспоминания» Вера Хамидуллина открывает стихотворением «Я маринист...», которое в некотором смысле можно назвать «визитной карточкой» поэтессы. Напомню: маринист — художник, предметом изображения которого становится морской пейзаж. Каков же он у Хамидуллиной? Это «плаванье души», отражающееся на «белой глади» (читай: бумаге); «волненье светлых чувств // Полётом брызг» на «холсте сомненья». Практически ни слова о реальном морском пейзаже, сплошь — пейзаж души, её «стихий пережат» и «девятый вал», души, плаванье которой связывается «морским узлом» в «пейзаж души». Таким образом, море, как у Марины Цветаевой становится, точнее — изначально является символом жизни и поэзии. И устремлено «плаванье» к постижению глубин бытия и души человека.

Но не надо думать, что Хамидуллина при этом отрывается от реальности, как это свойственно некоторым экзальтированным творческим личностям. Её поэзия по сути своей очень земная. Оттого даже высокие поэтические символы, такие, например, как традиционный образ Пегаса в стихотворении «Пегасиха», как бы намеренно «снижаются», лишаются своей мифической «масти». Художественный образ от этого выигрывает, становится более зримым и более понятным, близким, родным: «Мой ангел чистит крылья на шестке».

Поэзия Хамидуллиной, словно море, текуча и полна динамизма. В этом я усматриваю следование правде жизни, чувствование которой у поэта — всей кожей, каждой клеточкой тела, души, стиха. Отсюда жизнь предстаёт при всей её калейдоскопичности целостной. Частным отражением этой целостности является тот факт, что автор не разбивает стихи на циклы. Поэт будто прозревает жизнь в её первоначалье. Это даже возведено в некий поэтический и жизненный принцип: «Живи сначала! И да будет только так!»

Стихи поэтессы до предела информативны — до звука, до слова, до фразы. Её душа всецело настроена на чувствование малейших проявлений жизни, каждое из которых может стать источником вдохновения, источником познания мира. Но, поскольку информация о мире безгранична, поэт на ограниченном поэтическом пространстве, в котором, как известно, словам должно быть тесно, а мыслям просторно, сжимает её до предельной экспрессии, возводит до притчи («Снежный ком»), выражает в густой метафоричности. Всё это — неотъемлемые качества поэзии Веры Хамидуллиной. Особенно славна она яркими, запоминающимися, смыслоёмкими метафорами, которых у неё целая кладёшь. Ряд стихов просто поражает глубиной образности: «*Руку протяну: // — Ну, где ты, старость?! // Мне сейчас забыть свою беспечность? // Погоди! Всего-то и осталось — // Седину свою сменить на млечность...*» Так вечно и в то же время по-земному зримо-сиюминутно выражена философская тема Смерти.

Прямо-таки стихийной устремлённостью поэтессы к постижению глубин человеческой души и бытия мотивированы постоянные «оглядки» на традиции классической поэзии, усвоение её уроков. Например, ахматовская интонация ясно слышится мне в «Ярко-алой турецкой гвоздике...» и в «Зацепилось кружево любви...» Она прежде всего в умении передать нюансы душевных движений, настроений в зримых, пластичных образах. Лермонтовский мотив сквозит в стихах «Мольбы»: «*Подайте подданной своей любовь, // Как нищим подавали хлеб насыщенный*». Дело здесь, конеч-

но же, не во всеядности Хамидуллинной, а в стремлении самообразоваться, дабы не выдумывать велосипедов, как это свойственно некоторым авторам. В любом случае, у Хамидуллинной та или иная традиция служит лишь отправной точкой и преобразуется с учётом собственных творческих установок и велений души и времени.

Поэту Вере Хамидуллинной, как спортсмену, всегда требуются для поддержания себя в «поэтической» форме упражнения в технике стиха. Она не боится пробовать себя в самых разнообразных жанрах. Поражает, что поэт строго до скрупулёзности следует жанровым традициям, в отличие от некоторых наших «умельцев», «мастеров» доморощенных хокку и выхолощенных верлибров, каковые напрочь лишены поэзии. При всём при этом Хамидуллину не «зашкаливает» в слепом следовании законам формы. Она «уравновешивает» её с содержанием, как, например, в однословном многорифме «Укачай меня словами». Здесь и содержание, и сама форма, создающая «укачивающий» ритм, как бы погружают в состояние сна, оттого органичны по отношению друг к другу. А ведь чем меньше зазор между формой и содержанием, тем безупречнее выполнено произведение.

Следуя той или иной жанровой традиции, Вера Хамидуллина не копирует её, а преобразует в соответствии с творческим заданием. Так в форме игры она производит «эксперимент» с сонетом, который у неё игриво назван «Сон... нет». К слову сказать, Хамидуллинной вообще свойствен здоровый юмор, игра (почитайте хотя бы её «Сказку про красную шапочку в стиле модерн»). Это касается и манеры исполнения поэтом собственных сочинений. Помню, как она читала в Лаишево своего «Жучка в янтарном медальоне», давшем название одной из её книг. Артистично, бесподобно, зажигательно! Она и сама по натуре такой человек. И её творчество — прямой, органичный отголосок её натуры, игра с жизнью и судьбой, попытка установить с ними совершенно своикие отношения. В одном из стихотворений поэт так и пишет: «пинка судьбе поддай».

Не бояться идти на эксперименты со стихом — верный признак большого таланта и мастерства. На такое идут только умелые версификаторы и маститые поэты. Речь, конечно, об экспериментаторстве не ради него самого, а ради новых открытий и обогащения арсенала выразительных средств поэзии. Вера Хамидуллина не чужда поисков в области строфики, ритмики. Эта смелость поэта обусловлена похвальным для поэта стремлением к преодолению материала, что есть преодоление себя нынешнего в устремлённости к открытию неизведанных возможностей, в желании каждый раз встать на более высокий уровень. Это ведь и есть творческий рост. Придумываются и свои жанры: «Разнодумья», «Стихоплётки». Откуда такая пестрота? Думаю, от многокрасочности, многоцветности души, богатства её чувствований, переживаний, эмоций. Она настолько пестра, что каждый узор требует *своего* воплощения в новых «одеждах», в новой информации, в новом коде. И каждый раз поэтическая мысль воплощается по-новому, оригинально, но во всём этом чувствуется не свойственный новичкам выпендрёж, не оригинальничанье, а органичность в воплощении поэтической мысли.

Много открытий у Веры Хамидуллинной и в детской поэзии. Детским стихам посвящена целая книга «Воспоминания моей бабушки...» Стихи для детей — это всегда игра, в которой мир предстаёт в многокрасочности и полноте, в чудесности, которой всё меньше в мире. Детские стихи Веры Хамидуллинной содержат мощный воспитательный заряд: «Если мама детям не поёт, // Как добросердечие привьёт? // Если с песней вырастет дитя, // То и светлый путь пройдёт шутя». Настоящая детская поэзия — это ведь всегда и нравственный урок взрослым.

Внимание к детским стихам — признак несомненной зрелости поэтессы. Пусть будет комплиментом ей тот факт, что одна из её детских книг, подаренной моему

трёхлетнему сын Амилю, стала его «сонником», в том смысле, что он с ней и засыпает. Это ли не лучшее признание её таланта?

Многогранность поэтического таланта Веры Хамидуллиной выражается и в её переводческом деле. Её перу принадлежат многочисленные переводы татарской и зарубежной поэзии. В ряде из них поэту удаётся достичь той же глубины самовыражения, что явлена в произведениях авторов переводимых первоисточников, таких, например, как «Звуки» Каролины фон Гюндероде, «Двое» Гуго фон Гофманстала. Хотя некоторые из переводов блестящими не назовёшь. Так, неудачным мне кажется перевод стихотворения Гёте, который в своё время гениально переложил М. Ю. Лермонтов («Горные вершины...»). Не смогла поэтесса передать главного — романтического, томящегося духа, его полноты. А не удался перевод потому, что Вера Хамидуллина — не романтик по сути своей, скорее, реалист, правда, хорошо усвоивший опыт всей предшествующей литературы.

Не состоялся, на мой взгляд, и перевод стихотворения Чингиза Мусина «Пылинка» из его сборника «Дорога жизни». Подобные стихи — общее место, потому банальны. К тому же безобразны, а значит — безобразны. А безобразность противоречит характеру таланта Хамидуллиной, её поэтическому почерку. Потому и перевод, на мой взгляд, получился несостоятельным. Но вина ли в том поэтессы, когда подобные банальности в татарской поэзии — не редкость? И являются фактами творческого бессилия авторов, которые часто лишь перепевают, повторяют по-татарски то, что уже давно и несравнимо талантливо сказано на других языках. И Вере Хамидуллиной мой совет: браться за переводы только тех поэтов, которых в силу таланта действительно можно считать таковыми, и которые ей «по плечу» и по духу. Тогда и перевод будет органичным, как, к слову, переводы стихотворений Рима Идиятуллина, Роберта Ахметзяна, Шамиля Маннапова, Дамира Шарафутдинова, Айдара Халима, Гакиля Сагирова, Танчулпан и др.

Порой недостатки есть продолжение достоинств. Душа поэтессы жадна до жизни и выхватывает из неё всё, порой и сорное. Торопясь впитать в себя как можно больше, она не замечает некоторых «огрехов», в виде, например, неточных рифм, которые художественно не мотивированы, да и в целом, по-моему, не свойственны поэтической поступи Веры Хамидуллиной: небо-кедо, года-судьба... Нет, я не против ассонансной рифмы, которая держится на одной только гласной. Но ведь поэтесса *настроена на волну жизни*. Откуда тогда такие звуковые неточности? Ведь чем-то же перебивается этот безупречный настрой? Но вот чем — в стихах не проясняется.

Нет-нет, и мысль не совсем ясна или же неточно выражена: «*В России путь всегда смешон — через острожье он*» (почему смешон?); «*Там, скинув груз своих забот, // Я обрету покой и счастье. // Они в мой дом давно стучатся, // Как молнии в громоотвод*» (полно, могут ли молнии стучаться?).

Но всё это лишь частности и дело техники. В целом же поэзия Веры Хамидуллиной не оставляет сомнений в явлении в отечественной поэзии самобытной творческой личности.

МЕЛАНХОЛИЧЕСКАЯ СЕРЕНАДА

Рассказ

*А скрипач не думал обижаться,
Не просил ни денег, ни овец.
К боку скрипки лишь щекой прижаться
И смычком по струнам — только так!
И в его объятьях скрипка пела,
А душа сжималась и пустела,
Музыка надрывная летела
В серых туч свинцовый полумрак.*

Майк Зиновкин

«Здравствуй, Натан!

Искупался я, наконец, в Красном море, поплавал на яхте, покатался по Нилу на древнем «колёсном» пароходе, прижался лбом к великим пирамидам, полетал на планёре над пустыней. Э-э-эх! А до чего ж хороши молоденькие египтянки — прямо тебе Нефертити с Клеопатрой в одном флаконе, — Аркадий Борисович мечтательно поднял глаза к лазурно-голубому небу, полюбовался похожим на овечку полупрозрачным облачком, опустил взгляд на толстый гляцевый журнал, служивший подставкой для его письма, и вернулся к своим впечатлениям. — Так вот, Натан, побывал я на Восточном базаре. Мама родная, чего там только нет! Там есть всё: шёлковые ткани, маски чудовищ, ароматические масла, золотые и серебряные украшения, специи, покрывала и скатерти, папирусные закладки для книг, целые караваны кожаных верблюдов всевозможных размеров... Кстати, о верблюдах. Произошла там со мной одна хохма: захотел я сфотографироваться в одежде бедуина верхом на двугорбом. Договорился с погонщиком — тот головой затряс, мол, не вопрос и посадил меня на животное. Сам же и снимки сделал моим фотоаппаратом. А когда я возжелал слезть, бедуин мне помочь отказался и фотоаппарат мой себе за пазуху положил. В общем, пришлось ему десять евро дать. Такая же скотина, как и его верблюд. Фотик-то он отдал, но его у меня потом на базаре украли. Поэтому, Натан, не смогу тебе выслать себя на верблюде. Уж не обессудь».

Аркадий Борисович снял очки, протёр их бумажной салфеткой, водрузил на макушку. День был хороший. До обеда оставалось минут сорок. Так что, письмо он закончит и даже успеет опустить его в почтовый ящик, желтеющий у соседней скамейки.

«Сейчас, Натан, отдыхаю я в санатории, — продолжил Аркадий Борисович свою эпистолу. — В нашем с тобой возрасте дальние перелёты уже не рекомендованы. Так что, после одного отпуска потребовался следующий. Но я не жалею, нет. Помнишь, как на гастролях в Болгарии мы мечтали с тобой о «настоящей загранице». Ты страсть как хотел увидеть Париж. А я тогда бредил Египтом. Мечтал снять на видеокамеру каменных сфинксов и знаменитую маску Тутанхамона, спуститься по длинному лазу в пирамиды, «Аиду» Верди посмотреть в оригинальных декорациях. Так вот, я её посмотрел. И в пирамиды проник. И в каирском музее маску эту сфотографировал. Правда, фотик у меня украли. Но я тебе, кажется, об этом уже писал. В общем, теперь и умереть можно, раз всё уже сбылось. Да шучу я, шучу. Ещё не всё. Вот выйду «на волю», куплю новый Мерседес. Уже присмотрел один подходящий».

Аркадий Борисович зашелестел страницами журнала. Рекламу курортов сменила автомобильная. На глянцевого развороте полуголая девица возлегала на капоте супер-машины. Внизу кроваво-красными буквами было набрано: «Mercedes Benz ML55 — это серьёзно!»

— Самое то, — потёр руки Аркадий Борисович и углубился в чтение, лишь иногда отвлекаясь на новенькую медсестричку, торчащую в раскрытом настежь окне второго этажа.

Девушку звали Грета. Она с аппетитом поглощала круассан, не сводя глаз с пожилого господина в растянутых тренировочных брюках с широкими белыми лампасами. Тот уже больше часа, покачивая на весу выдавшим виды шлёпанцем, сосредоточенно конспектировал на измятый листок содержание какого-то толстого журнала.

— Герр Крюгер, — обратилась медсестра к толстому лысому доктору, набирающему на компьютере мудрёный текст, — а правда, что герр Кацман был когда-то известным музыкантом?

— Погоди, Гретхен, сейчас закончу, — пробасил тот. — Сооруди-ка нам кофейку.

Когда девушка вернулась из подсобки, психиатр уже стоял у окна и наблюдал за пациентом.

— Шизофрения. Депрессивный синдром, — почесал он за ухом остро отточенным карандашом. — Перенёс сильнейший стресс. К нам поступил из травматологии... Его, деточка, сильно избил в подземном переходе, где господин Кацман в последнее время играл на скрипке.

Глаза девушки расширились от ужаса:

— Кто избил?

— Может, хулиганы, может, фашики. А, может, и конкуренты, в чей огород он залез по неведению. Преступников так и не нашли. Свидетелей не было. Сам пострадавший ничего не помнит, — Крюгер повертел пластиковой ложечкой в стакане, потянулся к розетке с печеньем. — Били жестоко, его же скрипкой. От инструмента остались одни щепки. Сам же маэстро получил закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение мозга, множественные ушибы. М-да...

На глазах Греты появились слёзы:

— Его часто навещают?

— Из полиции дважды приходили... А так... нет у него никого. Семьёй не обзавёлся, друзьями тоже... Одно слово — иммигрант.

— А коллеги?

— Какие там коллеги, — хмыкнул доктор. — Социальщик он. Ему на бирже предложили место копателя могил. Отказался. Затем направили убирать туалет на автотобане. Тоже не пошёл. Сказал, что не дворник он, а музыкант. Ну те и урезали ему

социальное пособие, пригрозив совсем лишиться материальной поддержки. Тогда-то у бедного Кацмана и случился первый «задвиг»...

Девушка покачала головой:

— Кошмар! А почему его в театр не направят или там...

Хриплый смех психиатра прервал её тираду:

— Ну ты даёшь! У него же штучная специальность. А рынок труда предельно узок. Сколько, по-твоему, скрипачей требуется одному театру? — Грета растерянно молчала. — То-то же! Я вообще удивляюсь иммигрантам, так рискующим на закате лет. Старое дерево не пересаживают, — Крюгер уселся на подоконник, продолжая наблюдать за Кацманом. Помолчав, вернулся к оборванной мысли. — Одна из аксиом гласит: чем выше у человека интеллект и культура, тем тоньше его душевная организация и выше риск возникновения психозов. Под грузом навалившихся проблем многие из них ломаются, впадают в депрессию, пытаются перенестись в вымышленный мир. Этот, — толстяк кивнул на склонившегося над письмом пациента, — относится к последним.

«Так вот, Натан, Мерс я беру ML55 AMG, — писал Кацман. — А что? Конёк толковый. Имеет четыре воздушных подушки безопасности и мощный двигатель. Легко развивает двести тридцать два километра в час. Не всякий полицейский автомобиль за ним угонится. Задние сиденья складываются, освобожда место под грузовой отсек. Приборная доска — пальчики оближешь: кондиционер, телефончик, аудиосистема, навигатор. Стоит это чудо сто пятьдесят тысяч. Согласен, немало. Так что, придётся мне согласиться вести по выходным секцию юных скрипачей.

Ну что ещё? Живу я, Натан, в богатом квартале. Соседи мои, в основном, врачи, адвокаты, финансисты. К русским относятся очень доброжелательно. Знаю, ты сейчас улыбнулся. Да, здесь я русский. Помнишь, как у Губермана:

*Евреи эмигрируют в Израиль,
Чтобы русскими почувствовать себя.*

Так вот, соседи мои просто обожают, когда я по вечерам музицирую на балконе. Верись, стоят под моими окнами и плачут», — Аркадий Борисович так живо представил себе эту картину, что глаза его непроизвольно увлажнились.

Он высморкался в бумажную салфетку, незнамо кому погрозил пальцем, посмотрел на часы и продолжил: «Ты спрашиваешь, Натан, много ли у нас в оркестре евреев? Да почитай все. Прямо, как в анекдоте: «Конферансье торжественно объявляет: «Дорогие зрители! Начинаем эстрадный концерт. Перед вами выступают именитые певцы, знаменитые скрипачи, замечательные танцоры, лучшие юмористы!» Голос из зала: «А можно хоть сегодня без евреев?» «Можно. Концерт окончен!»

Так вот, еврей-то все, но русский — я один. Остальные — польские, чешские, голландские. Есть парочка-тройка местного разлива, но они не вредные, без амбиций. И дисциплинированы, как... — Аркадий Борисович задумался, — ... как цирковые собачки. Не то что наши. Помнишь, как Хайкин с Брумелем ставили на партитуру Берлиоза «Спортивную газету» и читали её в паузе между своими партиями? А как Гайсин умудрялся за концерт сборник кроссвордов разгадать? Здесь о таком даже подумать страшно...

В общем и целом, живу я, как в раю: ем здоровую пищу, пью высококачественные напитки, хожу по вылизанным улицам, которые здесь не только пылесосят, но и моют шампунем. Я не волнуюсь за свою жизнь, имущество, сбережения. Есть у меня и поклонницы, всегда готовые со мной поужинать и наутро позавтракать.

Чувствую, Натан, ты сейчас издевательски хмыкнул. Не хмыкай. Это вы там в шестьдесят уже пенсионеры, а здесь это — самый кавалерский возраст. И до пенсии нам, как до китайской границы. На отдых здесь отпускают в шестьдесят семь, в пер-

спективе же грозятся поднять планку до семидесяти семи. Так что, покой мне только снится: репетиции, выступления, гастролы, овации, цветы... Ложусь спать, а в ушах звенит: «Браво! Бис!»

Аркадий Борисович шмыгнул носом, смахивая рукавом набежавшую на глаза слезу. Нет, с письмом надо заканчивать, а то сейчас совсем расстроится и толстяк Крюгер начнёт его донимать своими душеспасительными беседами. Как он там говорит? «Оглянись вокруг повнимательней: мир прекрасен! Вспомни всё хорошее, что произошло с тобой за день».

Кацман повертел головой: мир вокруг него, действительно, был гармоничным. Вдоль аллеи, ведущей от больничного корпуса к фонтанчику, выстроились псевдо-античные скульптуры. По периметру высокого забора из полированного горбыля тянулись кусты, постриженные в виде различных зверушек. На лужайке с густой ярко-зелёной травкой был вкопан увитый цветами старенький велосипед. Красиво!

По территории лечебницы разгуливали несколько павлинов. Чем не райские кущи? На завтрак сегодня давали чудную творожную запеканку. На обед обещали индейку в апельсиновом соусе. Проснулся он сегодня от запаха цветущего сада. Это уборщица Ванда помыла коридор душистым фруктовым раствором...

Настроение у Кацмана заметно поднялось. Он откинулся на спинку скамейки, достал из заднего кармана спортивок маленький клеёнчатый альбомчик — подарок эмигрировавшей в Израиль дочери.

Они давно не виделись. Может, потому, что выбрали для эмиграции разные страны. Или потому, что дочь считала его виновным в разводе с матерью. А, может, и потому, что к себе он её не приглашал, а на собственный визит на Землю Обетованную денег не было.

Последнее письмо от Риты пришло месяца три назад. «Здравствуй, отец! — писала она. — Почему не отвечаешь? Мамино здоровье ухудшается, а с операцией всё тянут. Здесь это длится бесконечно долго. Только через месяц будут делать биопсию, потом недели три нужно будет ждать результата. На то, что у неё сильные боли, внимания никто не обращает. Завтра иду скандалить, ведь это по их вине маму пичкали антибиотиками, вместо того, чтобы сразу прооперировать. Когда она впервые пришла к врачу, в груди у неё была «горошинка», сейчас же опухоль уже не умещается в ладонь. Одно слово, Израиль. Пока не попадешь в реанимацию, ты никому не интересен. Сплошной пофигизм! Чувствуешь себя идиотом, отнимающим у них драгоценное время. В который раз убеждаюсь, что израильская медицина — такой же миф, как и многие другие.

Ты знаешь, как сюда народ заманивали после войны? Здесь, в Ришоне, был фотограф, у которого имелась своя костюмерная с энным количеством модных добротных нарядов. Приходили иммигрантские семьи, переодевались, фотографировались, а затем отправляли снимки родственникам в Союз, Америку и прочие страны, мол, посмотрите, как мы тут круто живём. Эти понты работают у них и по сей день — Израиль нуждается в пушечном мясе. Мы с мамой жутко жалеем, что для эмиграции выбрали именно эту страну.

Папа! Ты же там уважаемый человек: известный, состоятельный, со связями. Неужели не можешь поспособствовать нашему переезду в Германию? Поручиться за нас перед общиной, временно прописать у себя, помочь с работой. Я на первых порах даже билетёром готово работать в твоём театре. Язык я быстро выучу, выйду замуж за какого-нибудь твоего коллегу поприличней, и всё встанет на свои места. Немецкая медицина внушает доверие. Наши, кто побогаче, к вам лечиться летят. Возвращаются, если и не до конца здоровыми, то уж живыми точно. Извини, пишу сумбурно, просто

я очень устала, сил больше нет. А ты всё молчишь и молчишь. С нетерпением жду ответа. Рита».

Кацман вздохнул. Он, в отличие от бывшей супруги, никому нужен не был. Вопросы о его здоровье дочь никогда не задавала. Будет умирать, никто и не узнает. Ну да ладно. Он скоро найдёт работу и тогда купит Мерседес, дом, наймёт прислугу, съезжает в Египет... Или нет, лучше в Израиль. Предстанет во всей красе перед Риткой и своей бывшей... Пусть посмотрит, какого она мужика похерила.

Когда разводились, Сонька кричала, что это он её толкнул на измену. Что семья для него всегда была на втором месте. Что женат он на своей музыке — на гастролях, конкурсах, репетициях и концертах, и что жизнь его за это ещё накажет...

Мда... Никогда его жена не понимала. Мещанка. А ведь он — скрипач от Бога: в пятилетнем возрасте поступил в музыкальную школу, преодолев сумасшедший конкурс. В музучилище всегда был лучшим. А как им гордились в консерватории! Кого посылали на престижные конкурсы? Кацмана! И в театре носились с ним, как с писаной торбой. А он, испугавшись голодной старости, взял и поперся в Германию. Уж если было эмигрировать, так в Израиль. Играл бы там сейчас в Симфоническом оркестре Ришон-ле-Циона. Ходил бы во фракной паре с атласной бабочкой и в чёрных лаковых штиблетах. Принимал бы цветы и поздравления, раздавал бы автографы, читал бы в прессе рецензии: «Но особо присутствующих впечатлила самобытная игра скрипача Аркадия Кацмана. Сверхиндивидуальная трактовка музыканта заставила по-новому взглянуть на хорошо известное классическое произведение...»

Аркадий Борисович раскрыл свой альбомчик. На первой странице был снимок кудрявого большеглазого семилетнего мальчонки в тёмно-синем бархатном костюмчике с белой манишкой. Короткие штаны с пуговками пониже колен переходили в белые гольфы, а гольфы — в синие лакированные туфельки с пряжками. Мальчик сосредоточенно играл на скрипке, казавшейся слишком огромной для столь мелкого создания. Кацман вынул фото из клеёнчатого кармана. Перевернул снимок. На тыльной стороне рукой его покойной матери, Стеллы Наумовны, было написано: «Замрите, ангелы! Смотрите: я играю!»

Следующее фото относилось уже к периоду музучилища. Здесь Аркаша стоит за кулисами в ожидании своего выхода. На нём — первый в его жизни «настоящий» чёрный фрак с крахмальными фалдами на пухлой шёлковой подкладке и рукавами чуть ли не до ногтей. Сзади снимка была надпись:

*Я не хотел ничего разрушить...
Это был смерч моего восторга:
Скрипкой владеть — всё равно,
что слушать
Мысли и песни Господа Бога.*

Кацман бегло пролистал ещё несколько страниц. Его взгляд остановился на студенческой фотографии. Высокий юноша с бакенбардами, в брюках-клёш и футболке с Эйфелевой башней на груди наигрывал на скрипке что-то малозажигательное. Стоял музыкант не на сцене, а в чистом поле, на грузовике с открытыми бортами. Это же — шефский концерт для работников сельского хозяйства. В кадр попало несколько уставших лиц хлеборобов, равнодушно вззирающих на юное дарование. Надпись на снимке гласила: «Были дешёвые билеты — будут дешёвые куплеты!»

А вот и выступление на Конкурсе имени Чайковского. На освещённой сцене кудрявый молодой человек вдохновенно исполняет сонатину «Арпеджионе» Шуберта. Глаза его закрыты. Красиво вылепленные кисти с длинными пальцами легко управ-

ляются со струнами и порхающим смычком. На этом снимке Стелла Наумовна написала:

*Моих грехов разбор оставьте до поры,
Вы оцените красоту игры...*

Кацман закрыл глаза. Как хорошо, что мать умерла на пике его успеха и не видит сейчас своего сына, жалкого, беспомощного, загнанного жизнью в угол.

Вот фото, на котором Стелла Наумовна с открытым ртом внимает его выступлению. С высокой причёской, в английском костюме из коричневого «чемберлена» она мысленно проигрывает каждый издаваемый Аркашей звук. А он, в бордовом фраке на лиловом шёлке, с фиалковой бабочкой на шее, самозабвенно чертит смычком в воздухе свои загадочные параболы. И снова чернильная надпись:

Как умеют эти руки эти звуки извлекать?

Да, если б не мать, эти руки никогда бы не дотронулись до скрипки. Аркадий не раз слышал байку о знаменитом музыкальном педагоге Столярском, который на прослушивании всегда спрашивал детей:

- Малыш, ты хочешь стать скрипачом?
- Нет.
- А мама твоя хочет?
- Мама хочет.
- Тогда, детка, ты обязательно будешь музыкантом.

И ведь был прав старик. Ой как был прав.

Кацман, нагнув палец, перевернул несколько страниц. С интересом посмотрел на совсем недавний снимок, сделанный в сквере, рядом с биржей труда. Его тогда щёлкнул своим мобильником сосед по лестничной клетке, многодетный турок Али, такой же, как и он, получатель социальной помощи.

На фото Аркадий Борисович, в выданном «Каритасом» почти новом спортивном костюме сидит на скамейке, озабоченно изучая веер полученных у чиновника документов. Вид у него растерянный и тупой, как у грызуна, неожиданно попавшего в мышеловку.

Кацман тяжело вздохнул, перевернул фотографию и написал на её тыльной стороне когда-то услышанные и почему-то хорошо запомнившиеся ему строки:

*Порваны струны, разбита скрипка.
Руки сложив, не творит маэстро.
В серых глазах замерла улыбка.
Смолкла сюита его оркестра.*

От печальных размышлений Аркадия Борисовича отвлѣк гомон шумной ватаги. Это пациенты его отделения возвращались с занятий по эрготерапии.

Сам он занятия игнорировал. Делать ему больше нечего, как мастерить всякие поделки, чай не в детском саду. Он же не debil, в отличие от вечно улыбающегося Маркуса, который уже всё отделение «задолбал» собственноручно слепленной глиняной пепельницей.

Или взять несостоявшегося самоубийцу Бруно, нажравшегося барбитуратов из-за неразделѣнной любви. Сорок лет мужику, а такой идиот. Этот после реанимации должен восстанавливать свою нервную систему. Ему сам Бог велел мастерить чѣтки и брелки.

Компьютерному гению Клаусу Дибке, ушедшему в мир нервных галлюцинаций, тоже не помещает поковыряться в лоскутах, предназначенных для шитья табачных кисетов, как и художнику Гюнтеру Драйнеру, слетевшему с катушек на почве злоу-

потребления амфетамином. Но причём тут он, Кацман, совершенно нормальный человек?

Коллеги, поравнявшись со скамейкой, окружили Аркадия Борисовича. Маркус, как обычно, скалил зубы, будто только что получил известие о смерти своей тётушки-миллионерши. В руках у него была декоративная разделочная доска, расписанная масляными красками. Он вертел ею перед носом Кацмана, напрашиваясь на похвалу. Доски разных форм и расцветок были и у других пациентов. И только у депрессивного поляка Анджея в руках была свежепокрытая лаком длинная деревянная палочка. Сидя на корточках, он чертил ею на асфальте непонятные иероглифы. Кацман прищелкнул: нет, это была не указка, а длинная тонкая декоративная ложка. Такой помещивают в чане джем или, как говорят немцы, конфитюр.

Наблюдая за продвижением толпы к столовой, в стороне покуривали два дюжих санитары. Устав ждать замешкавшихся пациентов, они взяли поляка за руку, Маркуса за капюшон и повели их на обед. Остальные потянулись следом.

Вскочил на ноги и Аркадий Борисович. Забыв попрощаться с Натаном, он втрое свернул листок с недописанным письмом, вложил его в длинный узкий конверт и, слюнявая на ходу клейкую полоску, потрусил к почтовому ящику.

В столовую он вошёл последним. На мгновение задержался у стенда, на котором были приклеены рисунки пациентов. Каждый раз Кацман останавливался перед ними, как вкопанный. Вот огромное ухо работы Анджея. Вот рисунок Клауса в манере компьютерной графики, изображающий замок с торчащим из него ключом. А это — диковинные цветы кисти старого опытного камикадзе Фолькера Штауба, шесть раз вскрывавшего себе вены. Рядом — серия портретов инопланетян, над которыми несколько дней кряду трудился зубоскал Маркус. Покажи этих уродов детям — те на всю жизнь заиками останутся.

В верхнем ряду висели чудовищные каляки-маляки двадцатилетнего Эрвина Ноя. Добиться подобного результата можно было лишь суматошным наложением всех имеющихся в наличии красок. Если бы эти «шедевры» мог видеть покойный Дали, он бы просто удавился от зависти.

Справа висела работа Гюнтера Драйнера «Кот с человеческими глазами». Животное было выписано столь мастерски, что Кацман всё не мог на него наглядеться. С какой точки он не изучал Кота, тот, подобно Джоконде, всегда смотрел ему прямо в глаза.

Аркадий Борисович в очередной раз одобрительно поцокал языком, подморгнул коту и засеменил на обед.

В просторной столовой, размером с хороший спортзал, уже приступили к трапезе. Правда, не все. Анджей, как водится, подвывал, подпирая простенок. Клаус, с вечно растрёпанными волосами и слезящимися глазами, «провозглашал» одному ему понятную речь. Маркус, с несходящей с губ стеклянной улыбкой, что-то лопотал, ковыряясь в своей тарелке. Страдающий усложнённой шизофренией наркоман Вальтер сновал по столовой с влажной тряпкой, вытирая ею все, что попадалось под руку. Остальные спокойно обедали, не обращая внимания ни на Анджея с Клаусом, ни на Маркуса с Вальтером.

Аркадий Борисович сел на своё место и, в ожидании обещанной индюшатины, воззрился на стену, где под плакатом с афоризмом Шекспира: «Ничто не является хорошим или плохим. Всё зависит от того, как мы смотрим на вещи» уже разместилась новая экспозиция — разнокалиберные разделочные доски и декоративные ложки.

Вдруг его взгляд выхватил из нижнего ряда «царицу музыки» — скрипку, удивительно похожую на его собственную. Такой же блестящий корпус цвета осеннего кле-

нового листа, такая же душка, такой же гриф, такая же шейка с завитком в виде улитки. В голове у Кацмана что-то щёлкнуло. Он ощутил знакомое покалывание в области солнечного сплетения. Почувствовал, как внизу его живота поднимается, заполняя всё тело, горячая волна. Аркадий Борисович встал и, ничего не замечая вокруг, как бабочка на свет, пошёл на скрипку. Снял доску с гвоздика, прижал её к щеке. Затем, пошарив по стене взглядом, ухватился за длинную тонкую ложку, ту самую, которой Анджей десять минут назад калякал на асфальте какие-то знаки.

Спустя мгновение он уже переворачивал на бок стоявший у стены мусорный бак. Санитары дёрнулись было к нарушителю, но доктор Крюгер, вошедший в этот момент в столовую, резким жестом остановил их.

Аркадий Борисович взгромоздился на бак. Поклонился публике, «подтянул» первую струну, прижал доску к подбородку, занёс над ней ложку-смычок и ... заиграл.

В помещении установилась звенящая тишина. Даже Анджей перестал подвывать. Никто не стучал вилками, никто не чавкал. У всех перехватило дыхание.

Скрипач начал «играть», спокойно, элегически, немного холодновато. Постепенно темп стал убыстряться и наконец «игра» стала мощной, экспрессивной. Это была не какая-нибудь мелодия из трёх нот. «Звучала» изумительная «Меланхолическая серенада» Чайковского. Что это была за музыка! Она то накатывала волной, то возносилась вверх к потолку, то растекалась паводком по всему залу.

Палец на «струне» перекатывался на мягкой подушечке, кисть трепетно покачивалась, разливая вокруг себя благотворную энергию. Сам музыкант видоизменился, как амёба: морщины на его лице разгладились, ноздри завибрировали, глаза стали излучать сияние. Светясь изнутри, как китайский бумажный фонарик, он «играл». Вдохновенно, самозабвенно, вкладывая в исполнение всего себя.

И спустя несколько мгновений чьи-то незримые руки подхватили присутствующих и унесли их в заоблачную высь. Зрители с трепетом внимали услышанному. Да-да, они СЛЫШАЛИ «Меланхолическую серенаду», исполняемую черенком от ложки на разделочной доске!

Анджей вдруг вышел из состояния растительной прострации и, превратившись в натянутую струну, кивал головой в такт музыке.

На одухотворённом лице Бруно, сменяя друг друга, отражалась целая гамма чувств: обида, разочарование, отчаяние, боль, надежда... В его обычно пустых и безразличных глазах стояли слёзы.

Шизофреник Вальтер бросил под ноги свою любимую тряпку и беззвучно аплодировал скрипачу.

Озарённый проблеском утраченного сознания, зубоскал Маркус дирижировал Кацману вилкой с наколотым на неё куском индюшатины.

Даже доктор Крюгер, с интересом наблюдавший за импровизированным «концертом», пальцами отбивал о столешницу ритм «звучавшей» в столовой мелодии.

Немудрено — перед публикой священнодействовал Творец! Он был вовсе не в растянутых спортивных штанах. И музицировал не на мусорном баке. Скрипач снова стоял посреди сцены. В лучах прожекторов. Во фраке с бабочкой. Он снова был волшебником, по взмаху палочки которого рождается неземная мелодия. Музыкантом, которому рукоплескали Болгария и Южная Корея, Венгрия и Польша, Румыния и Испания. Он снова наполнял окружающее пространство божественной материей, тончайшей, как паутина, и подвижной, как ртуть.

Его скрипка пела и вздыхала, стонала и плакала. Сердце билось в такт музыке. На шее вздувались вены. Веки смеживались в пленительной истоме. По щекам текли тёплые слёзы радости.

Маэстро Кацман был самым счастливым человеком во всём обозримом Космосе!

ЮРИЙ МАНУСОВ

Я ШАГАЮ ПО БРОДВЕЮ

Очерк

*«Разве истина дана для того,
чтобы скрывать её под спудом?»*

А. С. Пушкин «Путешествие в Арзрум»

Уже в Шереметьево я вдруг обнаружил, что в моём сознании нет образа Америки. Образа устойчивого, осязаемого. Как, к примеру, существует во мне образ поэзии Блока. Или образ Набережных Челнов, в которых я прожил много лет. Америка представляла коллаж. Индейцы, скальпы, негры, цепи, ковбои, шерифы, гангстеры, толстосумы, полуголые девицы, канкан. Да, скачут кони, да, мчатся лимузины, да, льют неон небоскрёбы. И всё это под оглушительный джаз. Таковы детские впечатления. Картину расширили фильмы и чтение книг. Одна из первых — «Хижина дяди Тома». Дальше роман за романом. Фенимор Купер, Марк Твен, Джек Лондон. За ними Драйзер, Сэлинджер, Хемингуэй. Позже Фолкнер, Стейнбек, Фицджеральд. А ещё Лонгфелло и Мелвилл, Андерсон и Льюис, Вулф и Колдуэлл, Беллоу и Воннегут, Апдайк и Миллер. Перечисление займёт страницу. Художественную литературу дополнили книги по истории, политике, экономике. Но, как ни странно, цельный образ Америки не сложился. И я понял, почему. Не хватило переживаний. Именно таких, которые возникали, к примеру, при погружении во времена древних Афин. Я аплодировал Еврипиду; затаив дыхание, наблюдал за работой Фидия; размышляя, прогуливался по саду с эпикурейцами; сходил с ума от любви Перикла и Аспазии. Афины — праздник духа. А что Америка? Бизнес, бренд, биржа, баррель, банкир... Не ласкают слух эти слова. Чахну. Не из-за буквы «б». Пожалуйста, на «к»: конкуренция. Хоть и закон природы, не принимаю. Изворотливость, хитрость, подкуп, обман. Ради чего? Чтобы полулежать в шезлонге с сигарой и виски? Да, в окружении прелестниц? Да, с нескрываемым чувством превосходства? Такое возможно. Но не как смысл жизни. Говорю о себе. С детства стремился, пусть это звучит и пафосно, к божественному. Не только в творчестве. Брал кусок последним. Держал слово. Любую работу делал ответственно. Не умел одно — считать деньги. Что в Америке — главное. Но, как ни суди, заокеанская страна манила. Манила недостижимостью. Подобно Зурбагану или Полярной звезде, например. Я не сетовал. Мало ли где не суждено побывать. Прошли годы. И вот поступило предложение от сокурсника по ВГИКУ, эмигрировавшего в США ещё во времена СССР. Михаил, так его имя, работал режиссёром на Бостонской телестудии и готов был организовать мою встречу со студентами, обучающимися кино. Приятель не сомневался, что моим арт-хаусным (его слова) фильмом они

будут поражены, как и он в своё время. К предложению Миши отнёсся спокойно, став взвешивать все «за» и «против». «За» первое: интересна реакция американских студентов на фильм, снятый сто лет назад. К тому же имелась копия на английском. «За» второе: с радостью пообщаюсь с другим моим сокурсником по техническому вузу, профессором Нью-Йоркского университета, Геннадием. «За» третье: встречу, наконец, с двоюродной сестрой Людмилой, давно уехавшей в Нью-Йорк и периодически приглашавшей в гости. Увы, каждый раз перевешивали «против». Решающее слово сказала жена: «Должен ехать!» Начал подготовку. Загранпаспорт имелся. Заполнив ворох бумаг, отправился в столицу. Отстоял очередь в консульство. Пройдя контроль и сдав отпечатки пальцев, приготовился к каверзным вопросам. Ответил удачно. Получив визу, купил путеводитель по Нью-Йорку и русско-американский разговорник. Английский учил в школе, потом в двух вузах, но так и не выучил. Уже в Челнах оформил медицинскую страховку и приобрёл билеты: «туда» и через месяц «обратно». Если за океан летел впервые, то в Западной Европе бывал не раз. Поездки снимал на видео. И теперь брал камеру.

Итак, конец сентября, аэропорт Шереметьево, рейс Москва — Нью-Йорк. До вылета оставалось пять часов.

Приехав на аэропоезде с Белорусского вокзала, двинулся искать терминал «D», указанный в электронном билете. На мне костюм — дни стояли тёплые. Ни сумок, ни чемоданов — камера через плечо. С кассетами — две пары носков и туалетные принадлежности. Повседневное решил купить в Америке. В первую очередь джинсы: «Levi's» или «Wrangler». Устал от поддельных. В молодости одевался у фарцовщиков. Пусть цены и кусались, зато и ботинки из натуральной кожи, и куртка с настоящим мехом, и джинсы с тройной строчкой по обеим сторонам штанины.

К терминалу «D» добирался через длинные переходы с плывущими «тротуарами». Вошёл в огромный холл. В центре «Справочная». Узнал, ждать не требуется, регистрация идёт сразу на все рейсы. Стоек не сосчитать. Направился к ближней. Минут через пять встретил приветливый взгляд девушки в безупречной аэрофлотской форме. Протянул загранпаспорт и компьютерную распечатку билета. Девушка взяла только паспорт. Открыла и провела «кодом» через электронную щель. Глянув на монитор, спросила: «Вас какое место устроит?» Понятия не имел о расположении мест. Знал только, что лечу на французском аэробусе. Пожал плечами: «Вы какое посоветуете?» Улыбнулась: «У окна». «Согласен!» Я был в отличном расположении духа. Девушка, щёлкнув по клавишам, подняла глаза: «Багаж есть?» «Нет». Через пять секунд, держа в руке посадочный талон, зашагал к месту прохождения контроля. Миновал вход в «Красный коридор», направился к «Зелёному». Декларировать было нечего. Снял пиджак, обувь, вынул пояс из брюк. Положил в пластмассовые поддоны. Пустил по ленте вместе с камерой. Сам прошёл через магнитную рамку. Никаких вопросов. Одевшись, глянул на штампик в паспорте. Сердце подпрыгнуло. Неужели всё?! Неужели впереди Нью-Йорк?! Шагнул в нейтральную зону. Гуляй — не хочу. Достав телефон, позвонил домой. К полёту готов!

Через «пристёгнутый» к зданию аэропорта коридор-гармошку прошёл в аэробус. Слеплённый улыбками бортпроводниц, направился по одному из двух проходов к указанному в посадочном талоне месту. Лайнер огромный. Сунув камеру в нишу над головой, сел, как и было обещано, у окна. На спинке переднего кресла увидел монитор. Рядом пульт управления. Когда посадка закончилась, на экране появился ролик по технике безопасности. Узнал немало интересного. Если салон вдруг герметизируется, сверху выпадут кислородные маски. В случае посадки аэробуса на воду, автоматически откроются аварийные люки, через них выедет ряд кресел, дно

надуется и, пожалуйста, вам плоты. Ролик закончился, на экране взлётная полоса. Увидел разгон самолёта и его отрыв от земли. Режим прямого показа можно было включать в любой момент полёта и, меняя масштаб, проследить путь лайнера. Это часть программы. Основное меню предлагало развлечения: фильмы, музыку, игры, аудиокнижки. Столько всего, что, когда стюардесса принесла наушники, потерялся в выборе. Был приятно удивлён наличием дипломной работы Тарковского. Поразился, найдя в разделе комедий свою картину. Просмотрев каталог, остановился на книге Довлатова «Иностранка», в которой рассказывалось об эмигрантах третьей волны, живущих на Брайтон-Бич. Прочсть эту вещь не доходили руки. Теперь она была как нельзя кстати. Настроив громкость в наушниках, откинулся на спинку кресла. Слушал книгу более семи часов с двумя перерывами на еду. Оставшееся время отдал джазу. Не предполагал, что десятичасовой полёт окажется столь лёгким. Вместе с пассажирами восторженно аплодировал экипажу.

Нью-Йорк. Аэропорт имени Джорджа Вашингтона. Время пять вечера. Температура плюс двадцать девять по Цельсию. Не имея багажа, контроль прошёл практически первым. Чернокожий мужчина, сверив моё лицо с фотографией в паспорте, уверенно поставил печать. Добро пожаловать в Америку!

Двинулся по узкому проходу. Поворот, ещё поворот. Ослепил ярко освещённый зал. Полукругом заградительная лента. За лентой встречающие. Все взоры на меня. Растерялся. Внезапно голос: «Юра». Повернул голову — Люда! Узнала, хотя не виделись пятнадцать лет. Правда, не раз обменивались фото. Нырнул под ленту. Обнялись, поцеловались. Сестра удивилась, что я без вещей. Пока шли к машине, не закрывал рта. Автомобиль оценил, хотя в иномарках не разбирался. Поехали. Жадно смотрел по сторонам. Ничего примечательного. Спросил: «Будем проезжать Бродвей?» Сестра усмехнулась: «Нет. Мы в Бруклине, Бродвей в Манхэттене». «Сколько до него?» «В зависимости от трафика. Без пробок до получаса».

Остановились у двухэтажного дома. Поднялись на крыльцо. Сестра набрала код. Дверь открылась, вошли. Навстречу пёс. Люда погладила его. По лестнице — вверх. Сестра показала на одну из дверей: «Твоя комната».

Стол ломился от яств. Тосты, разговоры. Как это знакомо каждому. Одно отличие. Кто бы мог подумать во времена фильма «Кавказская пленница», что советская комсомолка станет «электрифицировать» нью-йоркское метро. Здесь требуется отступление. Исповедь сестры оказалась подобна триллеру.

Мои встречи с кузиной можно было пересчитать по пальцам. Люда жила в Риге, я на Украине, потом в Набережных Челнах. Умница, красавица — мужчины не давали ей прохода. Парня, с которым у неё был роман, забирали в армию. Девушка обещала ждать. Люда училась в строительном институте и была секретарём комсомольской организации. На городской конференции на неё положил глаз секретарь горкома. Обхаживал год, но девушка оставалась верна своему слову. У секретаря кооперативная квартира, дача, машина. И сам он хорош собой. Настойчивый молодой человек явился к матери девушки. Очарованная потенциальным женихом, мама взялась за дело. Взялась так, как это умеют делать только матери. Девушка сломалась. Сыграна свадьба. Люда рождает дочь. Со службы возвращается парень. Не в силах смириться с потерей, околачивается у дома любимой и пьёт, пьёт, пьёт. Любимая в смятении. Забрав ребёнка, сбегает от мужа. Позже оформляет развод. Окончив институт с красным дипломом, Люда работает инженером. А парень, который уже давно не парень, продолжает пить. Запой учащаются — любви конец. Сняв комнатушку, Люда ни от кого не ждёт помощи. Днём работает, по ночам вяжет кофточки. На вырученные деньги скупает золотые украшения и продаёт их в Польше. Средств хватает на коопе-

ративную квартиру. Вступает в третий брак. Мужчина намного старше её, зато предприимчив. Распадается Советский Союз. Муж перегоняет иномарки из Германии. При невыясненных обстоятельствах гибнет. Делом мужа продолжает заниматься жена. И за ней охота. Не желая рисковать, Люда открывает туристическое агентство. Закупает автобусы, строит офис. Наняв персонал, организовывает туры по Европе. Но «крыша» оказывается ненадёжной. Офис разграблен, деньги похищены. Сама хозяйка, изнасилованная бандитами, чудом остаётся жива. Беда не приходит одна. Её дочь, недавно родившая девочку, насмерть сбита грузовиком. Горе. Но растёт внучка и надо жить. Продав фирму, Люда эмигрирует в США. Язык знает. Купив дом, начинает поиск работы. Ищет по специальности, обивая пороги многочисленных фирм. Чудом находит. Причём в крупной строительной корпорации. Работает в ней и по сей день, занимаясь разработкой телекоммуникационных систем для новых станций метро. Но проблемы не кончились. Выросшая внучка отбилась от рук. Бросила колледж, часто не ночует дома, заявляя, что она уже взрослая и сама решает, как ей жить.

Внизу стукнула дверь. Дремавший в углу пёс пулей вылетел из кухни. Шаги. Увидел взрослую девушку с длинными волосами. Поздоровались. Внучка Люды села за стол. Русский знала неплохо. Поговорили. Типичный конфликт матерей и дочек. Не сомневался, разрешится сам собой.

Утром встал рано, решив выйти из дому вместе с сестрой. Узнал от неё, что на работу в Манхэттен бруклинцы едут на метро. Паркинги в центре дорогие, а больше ставить машину некуда.

На дворе осень, но парило как летом. Люда в костюмчике, я в футболке. Шёл и никак не мог поверить, что это Нью-Йорк. Дома двухэтажные, витрины неброские. При переходе улицы обратил внимание на светофор. Изображение не человечка, как у нас, а ладони. До станции дошли быстро. Метро наземное. Поднявшись на эстакаду, направились к билетному автомату. Люда объяснила, как им пользоваться. Ничего сложного. Отправив в щель сорок долларов, получил пластиковую карточку сроком на месяц. Проведя ею по электронной прорези, прошёл через турникет вслед за сестрой. Повернули к выходу с надписью «Manhattan». Запутаться в метро невозможно. Направления-линии обозначались буквами или цифрами. Название станции соответствовало названию улицы, причём каждая «street» имела порядковый номер. Найти какую-либо достопримечательность не составляло труда.

Вышли с сестрой на платформу. Осмотрелся. Темнокожий в курточке с капюшоном, блондинка с рюкзачком за спиной, еврей в широкополой шляпе, китаец в пиджаке со стойкой, негритянка в обтягивающем платье.

Подъехала электричка. Шагнув в вагон, почувствовал прохладу. Работал кондиционер. Свободных мест не было, встал рядом с сестрой. Справа и слева высвечивался маршрут. Станцию проезжали, лампочка гасла. Удобно для незнающих языка. Сравнил с московским метро. Иностранец бы запаниковал.

Подавляющее число пассажиров читало. У половины в руках планшетки. Перевёл взгляд в окно. Неширокие улицы, невысокие дома. Казалось, едем через какой-нибудь российский городок. Эта мысль заставила с улыбкой посмотреть на тарихтевских рядом девушек. Надо же, такие простушки, а знают английский.

Въехали под землю. Вот теперь метро как метро. В Америке так и пишется: «Subway» («подземка»). Сестре через остановку выходить, мне дальше. Условились созвониться и встретиться во второй половине дня.

Когда Люда вышла, по спине пробежал холодок. Я один, в чужом городе, с незнанием языка. Заучил единственную фразу: «I don't speak English» («Я не говорю по-английски»). Чтоб никаких вопросов.

Сосредоточился. Были свободные места, не садился. Смотрел в окно и на табло. Проехали «23 St», «28 St», «34 St». Следующая «42 St». Моя. Поезд остановился. Двери открылись. Шагнул на платформу. Быстро сориентировался, где выход. Никаких эскалаторов. Двадцать ступенек и я на поверхности. Шагнул на тротуар. Небоскрёбы!

Второпях достал камеру. Направил объектив на фасад ближайшего здания. Стоп! Если снимать всё подряд, кассет не напасёшься. Повёл камерой, не записывая. Вплывла зелёная табличка с белыми буквами. Отстроив фокус, прочёл: «BROADWAY». Внутри кольнуло. Неужели не сон, неужели Бродвей? Выступили слёзы. Выступили оттого, что произошло несбыточное. В молодости прохаживался с друзьями по улочке провинциального городка. Называли её «Бродвеем». Но пройтись по Бродвею заокеанскому даже мечтать не могли. Полететь на Марс — да. Америка же представлялась неким островом Буяном, существовавшим только на картинке.

Включил «REC» и сделал отъезд. Есть первый кадр! За ним последовал второй, третий, четвёртый... Через объектив взгляд особый. По-другому видишь и здания, и людей. На одном месте можно протоптаться час. Выскидываешь детали, выбираешь ракурс. Тем более, если стоишь на самом известном перекрёстке Нью-Йорка, Таймсквере, где всё переливается, сверкает, бурлит, и где за полцены продаются билеты на бродвейские мюзиклы. В какую сторону не пойдешь, везде театры. Более полусотни на прилегающих улицах. Квартал так и называется — театральный. Здесь же находятся знаменитые Рокфеллер-центр и Карнеги-холл, публичная библиотека и международный центр фотографии, аллея Шуберта и городской центр музыки.

Театральный квартал я собирался обойти до полудня. Потом предстояла прогулка с сестрой. Вечером наметил съёмки «огней большого города». Расписание составил заранее. По дням и даже часам. Нью-Йорком не ограничился. Грех не поехать по Америке. Хотелось увидеть Ниагару и Миссисипи, озеро Онтарио и Большой Каньон. Посетить Вашингтон и Филадельфию, Лас-Вегас и Гарвард. Планы разработал грандиозные, включая общение с приятелями и показ своего фильма. Не ведал только, что из задуманного осуществится. Повезло, осуществилось всё. Подробную запись опускаю. Длинно, скучно, да и ни к чему. Поделюсь отдельными впечатлениями, не придерживаясь последовательности.

Бостонский университет. Просмотровый зал полон. Михаил представил меня и остался на сцене в роли переводчика. Начал я с того, что с детства мне не даёт покоя загадка человека. Почему он создан именно таким? Способным мир сотворить, и способным его разрушить. Кому это нужно? Создателю? Создателям? И что после смерти? Всю жизнь я мучительно ищу истину. Вчитываюсь в философские трактаты, в религиозные каноны, в многочисленные труды психологов. Но как не знаешь ответа, так и не знаю. Именно в этом трагедия моего героя. Он не может верить в то, чего не знает, а без веры в бессмертие души, по словам Достоевского, жизнь человека неестественна, невыносима, невыносима. Герой считает веру иллюзией, а земное существование абсурдным. Не состоявшись ни в творчестве, ни в любви, он расстаётся с жизнью. После просмотра фильма я увидел потрясённые лица. Многим картина оказалась понятна и близка. Разговор зашёл о постмодернистском искусстве. Звучали имена Дерриды, Барта, Делёза, Лиотара, Гваттари. Термины — ризома, симуляр, деконструкция, трансгрессия. Спасибо Михаилу, легко и быстро переводил. Потом уже у него дома проговорили до утра.

Что меня восхищает? Человеческий дух и человеческий подвиг, человеческое озарение и человеческая щедрость, творческий порыв и преодоление себя.

Бруклинский мост. Мало кто не видел это поражающее взгляд сооружение в кино. Но мало кто знает об участии в строительстве моста семьи Реблингов. Вопрос встал

остро ещё в начале девятнадцатого века. Как соединить два района Нью-Йорка: Бруклин и Манхэттен? Подземный тоннель для того времени был слишком дорог. Решили строить мост. Инженер Джон Реблинг предложил революционный проект по прочности и красоте. Строительство началось в 1870 году. Джон трудился над своим детищем и как инженер, и как рабочий. Сорвалась балка. Джон погиб. Дело отца продолжил сын Вашингтон. Не щадя себя, опускался под воду для установки свай. Кессонная болезнь. Смерть. Строительство завершила жена Вашингтона — Эмиль. Мост, потрясший современников, был открыт в 1883 году. Сегодня это Национальная Историческая достопримечательность.

Известная американская поговорка гласит: «Бог создал людей неравными. Мистер Кольт уравнивал их». В 1818 году четырёхлетний Сэмюэл стащил из охотничьего рога отца горстку пороха. Набив им курительную трубку, поджёг. Это был первый пиротехнический опыт будущего изобретателя скоростного револьвера. За ним последовали другие опыты. Сэмюэл чудом оставался жив. Став старше, молодой человек устроился матросом на торговое судно. Однажды, наблюдая за работой механизма в виде большого барабана для подъёма якорных канатов с гнёздами для ступора, инженер-самоучка хлопнул себя по лбу. В голову пришла идея заменить ружейный замок вращающимся барабаном. 25 февраля 1836 года двадцатидвухлетний Сэмюэл Кольт получил патент на свой первый револьвер. Пять выстрелов за четыре секунды. Изобретение признали гениальным.

Ниагарский водопад. Через двадцать лет после изобретения Кольта француз Жан Гравеле по прозвищу Блондин отправляется в Америку с идеей перейти Ниагару по канату. Трюк смертельный. Длина ущелья треть километра, высота над бешено несущейся водой пятьдесят метров. Зрителей собралось несметное количество. Канатоходец, одарённый от природы фантастическим чувством равновесия, начинает пересекать Ниагару. Последний шаг — твердь. Среди зрителей была молодая пара из близлежащего Онтарио. Девушка без конца толкала своего друга: «Смотри, смотри!» Бурное восхищение подруги не понравилось молодому человеку. Он презрительно усмехнулся: «Подумаешь, и я так могу». «Обиделся?» «Ты увидишь это своими глазами». С этого момента никогда не ступавший на канат Уильям Хант начинает упорные тренировки. Через два года он повторяет трюк француза. Для Блондина это вызов. Он переходит Ниагару с завязанными глазами. Переходит и Хант. Блондин, став на ходули, катит перед собой тачку. Хант не остаётся в долгу. Француз, усевшись на середину каната, готовит омлет и съедает его. Съедает омлет и Хант. Блондин обращается к многочисленному зевакам: «Найдётся ли среди вас человек, который согласится, чтобы я перенёс его через водопад?». Не находится смельчаков. И вдруг вызывается мальчик. Блондин усаживает его на плечи и ступает на канат. Зрители замирают. Начинается самый безумный переход в истории канатоходцев. Француз завершает его абсолютно седым. Мальчик — сын Блондина. Хант сдаётся. А Жан Гравеле забывает канат. На мировых сценах до сих пор идёт пьеса Алонсо Алегрия «Пересечение Ниагары». Главный герой в спектакле — канатоходец с ребёнком на плечах.

Эти и множество других историй, рассказанных гидами, наверняка есть в Сети. Но одно дело прочесть их, другое — самому прошагать по тому же Бруклискому мосту, любуясь его конструкцией; или, находясь у подножья грохочущего водопада, представить натянутый над бездной канат. Ниагара оказалась мало похожей на ту, что я видел в кино. Ревущая, громыхающая, она сбрасывала воду с такой силой, что, казалось, пробьёт землю насквозь. Я носился с камерой, как угорелый. Вверх, вниз; снимал с одной стороны реки, обежав, снимал с другой. Лез за ограждения, подбирался к самой стремнине. Меня принимали за сумасшедшего. За отдельную плату на

маленьком катере подплывал к бурлящему водовороту. Тряслась палуба, оглушал грохот, окатывал ливень брызг. А крики чаек, круживших у падающей воды, походили на крики грешников, смываемых апокалиптическим потопом. Группа давно уехала в гостиницу, а я всё снимал и снимал, не в силах поверить, что передо мной Ниагара.

Экскурсионные туры по Америке с русскоязычными гидами я приобрёл в туристическом агентстве на Брайтон-Бич. Наслышанный об этой улице, представлял увидеть нечто невиданное и не увидел. По центру тянулась ветка метро, по сторонам двухэтажные здания. Вывески на русском. «Гастроном», «Кулинария», «Аптека», «Украинское сало», «Доктор Копелевич-Мирошниченко вылечит...» Зато неожиданное открытие. В пяти минутах ходьбы от Брайтон-Бич — океан. Открытый Атлантический океан. В голове я больше связывал Нью-Йорк с Гудзоном. Океан оставался где-то на периферии памяти. Поэтому, увидев бесконечную водную гладь, пришёл в восторг. Работая вожатым, я провёл на море лучшие годы. Восходы, закаты, солнечные и лунные дорожки. И сейчас вода играла бликами. Пляж был почти пуст. Не мог не испугаться. Раздевшись, укрепил на песке камеру. Включив её, вошёл в океан.

В одну из суббот сестра повезла меня на вечерний моцион, сказав, что по набережной будет прогуливаться весь Брайтон-Бич. И правда, по широченному деревянному настилу встречными потоками двигались мужчины и женщины, старики и дети, коляски с младенцами и коляски с инвалидами, собаки и собачонки. Внезапно пьянящая свежесть океана, музыка, летящая из открытых кафе, неразборчивый говор окунули меня в детство. Я иду с бабушкой по родному проспекту Руставели, в витринах отражается иллюминация, вижу празднично одетую публику, вижу обращённые ко мне улыбки, и меня охватывает восторг, и мне кажется, что жизнь прекрасна, и что так будет всегда. И теперь, на этой набережной, я увидел людей, лишённых напряжения, любезно кланявшихся, беседовавших о ерунде, и подумал, что это и есть, наверное, вершина человеческого благоденствия.

От сестры постоянно слышал — основным достижением американцев является человеколюбие. Три его кита: защита, помощь и доверие. Можно позвонить в полицию по пустячному поводу, и стражи порядка придут через пару минут. К примеру, если рядом громко играет музыка, человек, превысивший разрешённые децибелы будет немедленно оштрафован. Что я видел сам? Лифт для инвалидов-колясочников, который спускался в метро прямо с проспекта. Мостик в автобусе, он выдвигался, и по нему катилась коляска. Пандусы и повсеместные въезды на тротуар. Не видел курящих, не видел выпивших. Видел множество спортивных площадок, где играли люди пожилого возраста. Килограмм отборного винограда купил за один доллар, бутылку французского вина — за шесть, букет из десяти роз — за десять. Геннадий рассказывал, что, если молодой человек одарён, но не в силах оплатить учёбу, спонсором выступало государство, причём оплачивало и полноценное проживание.

Сестра зарабатывала в год сто тридцать тысяч долларов. Снимал её на рабочем месте. Она разворачивала схемы, а я, имея за плечами заводской опыт, непроизвольно сравнивал. В советское время её работу выполняли бы три отдела. Один проектировал бы, второй внедрял, третий осуществлял контроль. Когда мы ехали в метро, сестра с гордостью показывала «свои» коммуникации. Профессионалы не боялись оказаться на улице. С Людой работал инженер, которому за восемьдесят. В Америке нет понятия — замещение вакантных должностей. Любой уверенный в себе человек мог послать резюме в интересующую его фирму. Если он устраивал работодателя, с ним заключался контракт. Пример — Геннадий. Своими знаниями, своим интеллектом он поражал ещё в вузе. Позже, владея несколькими языками, писал научные статьи и книги. Гену пригласили читать лекции. Оценив уровень, взяли в штат. Сейчас

он профессор не только Нью-Йоркского университета, но и Оксфордского. Другой пример — дочь Михаила, Ксения. Когда она была студенткой Высшей школы бизнеса, к ним был приглашён Бил Гейтс. Заранее объявили конкурс на лучший вопрос гостю. Победила Ксения. Она и задала его: «В какой отрасли появится следующий Бил Гейтс? Именно в этой отрасли я бы хотела работать». Гейтс ответил: «Для того, чтобы реализовать себя, ты сама должна определить, какая отрасль тебе подходит. Никогда ни у кого не спрашивай, что делать. Решения принимай самостоятельно». Встреча транслировалась по одному из центральных телеканалов США. Перед показом неделю крутился рекламный ролик, в котором девушка задавала свой вопрос. Ксению запомнили. К тому же, она с блеском училась. Когда выпускница Высшей школы бизнеса Колумбийского университета отправила резюме в одну из престижных фирм, её взяли без проволочек с годовым доходом девяносто тысяч долларов. Михаил показал мне эту передачу, которая и сейчас в Сети.

Забавный случай произошёл со мной.

Эмпайр-стейт-билдинг — самый высокий небоскрёб в Нью-Йорке. Нет лучшего места для съёмки. Со сто второго этажа виден не только Манхэттен, но и остров Свободы с одноимённой статуей. На посещение обзорной площадки всегда выстраивается очередь. Отстояв в ней, я вошёл в здание. Контроль, как в аэропорту. Пройдя проверку, двинулся к кассам. Их порядка десяти. Протянул в окошко сорок долларов. Получив два доллара сдачи и глянцевую книжицу, влился в общий поток. Путь — к скоростным лифтам. Просеменив по неширокому коридору, увидел контрольный пункт. Охранники проверяли билеты. Вдруг обнаружил, что у меня в руке только буклет. Развернул его. Где же билет? Не дали в кассе или выскользнул по дороге? Прошиб пот. Как объяснить, ведь языком не владею? Покрутив перед контролёром буклет, развёл руками. Тот вежливо показал на кассы. Делать нечего, пошёл в обратную сторону. Протискиваясь сквозь поток, понимал, придётся платить снова. Вдруг осенило. Надо сказать всего одно предложение: «Я потерял билет». Два слова мне известны: «I» и «ticket». Как же будет «потерял»? Откуда-то из подсознания выпрыгнуло: «lose». Уверен не был, но решил попробовать. Добрался до касс. К той, где платил, не подойти. Придвинулся к крайней. Просунув в окошко буклет, постучал по нему: «I lose ticket! I lose ticket!» Потом узнал у сестры, правильно: «I've lost my ticket!» Почти угадал. Девушка встала. Не сказав ни слова, исчезла. Прошла минута. Вдруг увидел кассира. Появились из-за угла с мужчиной. Приблизились. Мужчина показал, чтоб я шёл за ним. Проследовал. Оказались у служебного лифта. Вошли, поехали. На бейджике у мужчины прочёл: «manager». Когда двери раскрылись, менеджер любезно произнёс: «Please». Я оказался на 102-м этаже. Сестра не удивилась, сказав, что американцы верят на слово. Схитрить или возвести на человека напраслину для них невозможно.

Снимая людей, не мог не заметить разнообразия цветов кожи. Но поразило вот что. Американцы не видят этого. Не видят различий между собой. Все они одной крови.

Думаю, что главным завоеванием Америки являются не равные возможности, а толерантность. Чего нет у нас. А что есть? Нетерпимость. Нетерпимость к чужому образу жизни, к чужому поведению, к чужому мнению. Считаю её основным корнем зла. Причина нетерпимости, мне кажется, в многолетнем насаждении «истины». Сейчас уже забыли, что, если на каком-нибудь даже самом низовом собрании человек высказывал мнение, шедшее вразрез с мнением коллектива, его начинали прорабатывать, воспитывать, направлять. А если, не дай Бог, он бросал пятно на власть, его просто съедали. И кто? Его же одноклассники, его же сокурсники, его же товарищи по

работе. Однажды я написал письмо в Правительство, заявив, что прописка является оковами советского человека. Письмо вернулось в наш городок. Все о нём узнали. На меня смотрели как на чумного, и каждый считал врагом. Мол, как я посмел замахнуться на строй. В горком вызвали отца. Отчитав за нерадивого сына, исключили из партии. Ладно, горком. Возмущались просто рабочие, просто служащие, просто учителя. И они никуда не делись, они сегодня здесь. Бывшие комсомольцы, бывшие пионеры, бывшие октябрята. Именно поэтому я позволил себе отступление. Нынешнее большинство со знамённых времён запрограммировано считать власть правой, что бы она ни вытворяла. Запрограммированы все, включая начальников, чиновников, прокуроров, судей. Несогласный — враг. На любом уровне. Ни одно ток-шоу не обходится без агрессии. Спорящий оскорбляет собеседника, перебивает, кричит, считая только своё мнение истинным. Спорящий — это и политик, и домохозяйка, и деятель культуры. Невольно вспоминаются «Диалоги» Платона. Какой такт, какая аргументация, какое уважение к собеседнику. Отсутствие толерантности печалит. И, думаю, приди к власти сам Создатель, лучше в России не станет. Не станет до тех пор, пока не умрёт последний внук последнего октябрёнка. Но я не настаиваю, могу ошибаться. Поэтому вглядывался и вслушивался во всё, что происходило в Америке.

Целый день я снимал протестующих на Уолл-Стрите. Узнал их требования. С богатых надо брать больше, всем молодым — рабочие места. На Уолл-Стрите и была молодёжь. Небольшой сквер своей пестротой напоминал московский вокзал не столь давних времён. Здесь сидели, спали, ели. В палатках, на матрацах, на тентах. Но больше бурлили. Девушка раскрашивала парню лицо под вампира. Чернокожий в длинном зелёном парике играл на гитаре. Пышногрудая девица прямо на дорожке расписывала плакат. Девушка-тростинка крутила обруч под ритм барабана. Барабанщику, выплясывая, подыгрывал гитарист. Человек двадцать уселись в круг и о чём-то страстно спорили. Но больше было празднующихся. Они пристраивались к тем или иным группам, подходили к столикам с бутербродами и напитками. Здесь были чёрные, белые, бритые, волосатые, по-разному одетые, но все с одухотворёнными лицами. Это напоминало мне комсомольский слёт на тему «Роль молодёжи в строительстве коммунизма». Скверик не один месяц находился под пристальным оком, нет, не полицейских, мировых телекомпаний. У мальчиков и девочек брали интервью, снимали крупным планом. А полицейские, прохаживаясь в стороне, лениво взирали на зрелые плоды демократии. Но если без иронии, то это человеческое, слишком человеческое. Так сказал не я, Ницше. Нереализованная энергия, честолюбие, желание приобщиться, найти спутника жизни, да мало ли. Молодёжь одинакова во все времена. Разве я не был таким? Ох, как ещё был. Но попробую дифференцировать. Не раз беседовал с внучкой Люды, расспрашивая об её уличных сверстниках. Каковы их интересы, образ жизни. Невольно сравнивал с окружением сына, который родился и вырос в Челнах. Уловил одинаковость. Отсутствие жизненной цели, отсутствие стремления состояться. Именно из таких, сказала сестра, и состоит большая часть безработных. Кому нужен непрофессионал? Ладно бы, был элементарно ответственным, так нет, просыпает, прогуливает, работает с прохладцей. Многие сами не хотят трудиться. Довольствуются пособием или сидят на шее у родителей. Но можно ли их винить? Ни в коем случае. И вот почему. Они не одарены природой. Учёба для них пытка; живопись, классическая музыка вызывают зевоту; скуку разгоняет лишь попса. Ошибки думать, что здесь вина семьи или школы. Они такими родились. Не испытывают удовольствия от напряжения мысли, от раздумий, нечувствительны к искусству, сколько их к нему не приобщай. Это не досужие вымыслы, это плод моих многолетних наблюдений. Как педагога, как психолога, как режиссёра, снявшего не

один документальный фильм. О трудных подростках, о наркоманах, просто о молодых. И, как ни печально, посредственности были, есть и, наверное, будут. Такова воля Создателей. Кто будет строить пирамиды? Кто будет резать и колоть?

Американские ветераны вьетнамской войны считали, что погибшие в ней достойны памяти. В 1979 году один из них, Ян Скраггс, организовал фонд по сбору средств на строительство мемориала. Конгресс США противился строительству, желая не афишировать преступную агрессию. Ветераны митинговали, устраивали шествия, доказывая, что воевавшие во Вьетнаме честно исполняли свой долг. Когда частных пожертвований перевалило за восемь миллионов, разрешение было получено. Объявили конкурс на лучший проект. Главным условием значилось перечисление имён погибших не только во Вьетнаме, но и во всех горячих точках. Таковых набралось шестьдесят тысяч. Конкурс заканчивался. В комиссию входили самые авторитетные архитекторы. Из двух тысяч проектов был отобран один. Корифеи собрались в последний раз, чтобы поставить подписи. Вдруг открылась дверь. Председателю комиссии вручили конверт. Распечатав его, он достал листок с небрежно набросанным рисунком. Листок пошёл по рукам. Сенсация. Такого мемориала ещё не было. Не только по форме, но и точно передававшего суть. Потрясённая комиссия поставила подписи именно под этим рисунком. Прислала его девушка китайского происхождения, студентка архитектурного колледжа Майя Лин. Сегодня ей чуть за пятьдесят. Она известный американский архитектор, автор многих уникальных сооружений. Это о честных конкурсах. Что же представлял собой мемориал?

Заканчивался первый день пребывания нашей группы в Вашингтоне. Приехали мы на микроавтобусе. Мы — это двенадцать девушек и один мужчина, то есть я. Девушкам за сорок, все жёны богатых мужей. А вот гидом была интеллигентная старушка с тросточкой, так походившая на мою покойную бабушку. Я поражался её влюблённости в искусство, восхищался эрудицией и тактом. По картинной галерее мы бродили вдвоём. Девушки избрали супермаркет. Старушка водила меня из зала в зал, и мы молча созерцали гениальные полотна. Перед портретом Жиневры де Бенчи простояли дольше всего. На всём американском континенте только одна картина Леонардо.

Темнело. Рассказав историю о вьетнамском мемориале, старушка повела группу в сквер, расположенный недалеко от Капитолия. На аллее остановилась. «Что вы видите?» — спросила она. Вдаль убежал зелёный газон. Но, подойдя ближе, мы увидели лощину длиной метров сто, и в ней две треугольные стены, соединённые под тупым углом. Катеты совпадали с кромкой поверхности. По одной из гипотенуз мы начали спускаться. На чёрном граните в острие треугольника стояло единственное имя и дата. Первый день войны, первый погибший. Чем ниже мы спускались, тем гуще становился список. Вот стена уже выше моего роста. Вот два метра над головой. Поверхность была отполирована таким образом, что я видел своё отражение. Нижняя точка спуска — середина войны. Начинаясь подъём. Список становился меньше, меньше, меньше. Последний день войны, последний погибший. Выйдя на поверхность, я был потрясён не меньше, чем члены комиссии. Скрытая, несправедливая война. И прожигающая грудь фамилии. В России подобного памятника нет. Есть разбросанные по всему безликим стелы.

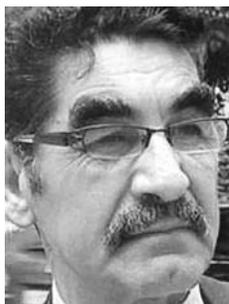
Вашингтон — город мемориалов. В величественном храме, копирующем Парфенон, восседает в кресле Авраам Линкольн. Не так заметен мемориал Франклину Рузвельту. Однако это целый парк с водопадами и скульптурами. Поражает каменная очередь за хлебом во времена Великой Депрессии; микрофон, через который президент вёл беседы с народом; знаменательны четыре принципа демократии, выбитые

на стене. Гид перевела: свобода слова; свобода вероисповедания; свобода от страха; свобода от нищеты. А в Манхэттене выбиты в камне совершающие сделку вождь местных индейцев и голландец Петер Минёйт. Сделка состоялась. Последний купил «манна-хату», в переводе «холмистый остров», за пару побрякушек. Однако американцы умеют отдавать долги. Платят каждому потомку аборигенов десять тысяч долларов в месяц. Пособия пожизненные. Аборигенов можно увидеть в Лас-Вегасе. Они часто играют на рулетке. Я тоже играл. Читая в юности про город Жёлтого Дьявола, не мог не дёрнуть сатану за хвост. Проиграл сто долларов. Как и планировал. А вот моряк Джон выиграл. И больше не играл. Он открыл магазинчик в Нью-Йорке. На его плече красовалась татуировка в виде красной пятиконечной звезды. Она и стала логотипом. Давно это было. Сегодня магазинчик Джона под названием «Macy's» — самый большой супермаркет в мире. Здание в девять этажей занимает целый квартал. Да что супермаркет, «Macy's» — самая разветвлённая торговая сеть, которой нет только в России. Из товаров — всё что угодно, да с фантастическими скидками.

Новый Свет не для бездельников. Энергичным, талантливым, умным в Америке состояться легче. Услышал от гидов массу историй. Про ту же семью Дюпонов. В 1920 году со всего света были собраны молодые химики, которым поставили задачу потрясти мир. Братья Дюпоны — Томас, Пьер и Альфред — средств не жалели. Уже через три года появилось нечто невообразимое — целлофан. Через десять лет — нейлон. Ещё через пять — тефлон. Позже лайкра и кевлар. Подавляющую часть прибыли Дюпоны жертвовали на благотворительность. Для богатых это неписанный закон. Сокровища культуры в Америке доступны каждому. Вход в Метрополитен-музей стоит двадцать пять долларов. Но, если у вас нет средств, можете пройти за доллар. Так везде. А вот пример из другой оперы. Я обратил внимание на большое количество гидрантов. Тайну раскрыл Геннадий. Гуляя со мной по Манхэттену, он подвёл меня к девятиэтажному дому, построенному лет сто назад. Указав на мемориальную табличку, спросил: «Как ты думаешь, что здесь написано?» Бросилась в глаза дата — 1911 год. Пожал плечами: «Митинг какой-то был?» Оказалось, в этом доме была швейная фабрика, где работали молодые девушки. На восьмом этаже начался пожар. Горящие швеи выпрыгивали из окон. Погибло несколько сотен девушек. Табличка гласила, что эта трагедия потрясла американцев. С тех пор противопожарная безопасность стала для правительства заботой номер один. Ровно через девяносто лет горящие мужчины и женщины выпрыгивали из башен-близнецов. Я снял строящийся мемориал. Снял улицы, по которым летели камни. Рухнули не только эти две башни, рухнуло восемь близстоящих зданий.

То, что делают люди друг с другом — хуже ада. Ещё с детства определил. А вот образ Америки так и не сложился. Был месяц какого-то бешеного карнавала. Карнавала, который больше походил на пир во время чумы.

ИСТОРИЯ НЕ ТЕРПИТ СУЕСЛОВЬЯ

Ярослав Смеляков — русский поэт советской эпохи.

Публикуется с сокращениями.

Есть некая закономерность в том, что теперь, когда русская литература вытеснена из общественного сознания и, по сути, упразднена, нам припоминаются те или иные имена писателей. И особенно относительно послевоенного времени, когда русская литературная традиция после её революционного погрома начала минувшего века, наконец-то, не без потерь, но была всё-таки восстановлена. Когда литература уже перестала всецело полагаться марксистской идеологической догматикой и с трудом возвращалась к народному самосознанию, к духу человеческому и народному.

Закономерность же проявляется и в том, какие именно писатели нам теперь припоминаются. По всей видимости, в первую очередь те, поэтический мир которых в своё время остался недостаточно уяснённым, а теперь многое может рассказать нам как об относительно недавнем прошлом, так и о происходящем ныне, о нашем духовном, мировоззренческом состоянии и положении. Подлинная поэзия оживает в последующих поколениях как своими прежними смыслами, так и новыми значениями ввиду вновь обрётённого нами опыта...

Теперь уже совершенно очевидно, что представить советский период истории, а заодно и литературу в искажённом свете было идеологической задачей «демократических» неореволюционеров. И эту «задачу» они исполняли исправно, выставив предшествующий период как обречённый, подлежащий уничтожению. Печальнее всего то, что в этом идеологическом действе участвуют и писатели, во всяком случае люди, считающиеся таковыми.

Если, конечно, иметь в виду не поэзию, а то массовое стихотворчество, к поэзии зачастую отношения не имеющее, но ставшее результатом общей высокой образованности общества, то «можно» дать и такую ущербную и даже примитивную характеристику поэзии советского периода, какую даёт ей, например, Кирилл Анкудинов: «Советская поэзия была явлением в своём роде замечательным, но безнадежно замкнутым. Советские поэты как бы жили внутри запаянной колбы. На переходе 80-х и 90-х годов колба советской поэзии вдруг лопнула. В те годы кто-то должен был взять на себя роль просветителя поэтов, оказавшихся на вольном ветру, рассказать им о глобальных тенденциях в поэзии, об американском авангарде и европейском поставангарде». («Лите-

ратурная газета», № 9, 2010.) Интересно было бы дознаться, откуда столь «прогрессивный» автор узнал, что «колба советской поэзии» действительно «лопнула»? Или это произвольное допущение для оправдания умозрительной концепции, находящейся в полном согласии с новыми идеологическими поветриями «либерального» толка. И потом — в чём же «замечательность» поэзии этого периода, если ей выносится столь уничижительный приговор? К тому же — совершенно несправедливый...

Да неужто просвещение русских поэтов, а стало быть и народа, возможно только и исключительно, если не из Европы, то с американского континента? Совершенно очевидно, что перед нами — обыкновенное лакейство, причём самая его изощрённая форма — лакейство духовное...

Суждение несправедливое уже потому, что ставит поэзию в зависимость от идеологии — «запаянной колбы». А ущербно оно потому, что выводит состояние поэзии не из литературной традиции, а из побочных и совершенно необязательных понятий — якобы зависящей от «американского авангарда» и «европейского поставангарда». Это обычный *внелитературный* подход к литературе, когда ей вменяются закономерности развития, не свойственные ей по природе. Да и нарушение общего принципа самопознания человека и познания мира, при котором подобное может сравниваться лишь с подобным. Представление о поступательном развитии, а именно его являет нам автор, где последующее совершенней предшествующего, а стало быть и отменяет его, справедливо применительно к прогрессу, но не к поэзии. И не «современностью» поверяется поэзия, ибо, как писал А. Блок, «несовременного искусства не бывает». Если, конечно, это искусство, а не словесные поделки. Именно таким представлением продиктовано другое суждение автора, когда он, не ведая сомнения, утверждает: «Я не вполне представляю себе смысл привычного словосочетания «традиционная поэзия» и, честно говоря, не очень люблю его». («Литературная газета», № 41, 2009.) Ну откуда, скажите на милость, может взяться у автора представление о «традиционной поэзии», если для него главным мерилom является «американский авангард» и «европейский поставангард»? В таком случае ему взяться просто неоткуда. И не ахти какую «новость» он сообщает нам таким утверждением. И кто действительно находится в «запаянной колбе» — ещё большой вопрос, на который автор «отвечает» с такой лёгкостью. Не находится ли он сам в «запаянной колбе» «американского авангарда» и «европейского поставангарда»?

Дело вовсе не в поэзии, а в пресловутой «социальности», памятной ещё со времён В. Белинского, ради которой «великому критику» не жаль было сотен тысяч человеческих жизней, разумеется, ради счастья миллионов. Но, как мы теперь знаем, такая «арифметика» счастья оказалась несостоятельной и, по сути, ложной. Но автор, как ни в чём не бывало, возвращает нас к неистовости Виссариона: «Дело не в поэтах и не в стихах. Дело в социальном контексте, в котором оказываются поэты и стихи». («Литературная газета», № 23, 2010.) Конечно, никому не дано предугадать, как слово наше отзовется, но сводить всё к «контексту», то есть к *необязательности* самого текста и самого слова, для этого надо иметь уж очень, скажем так, специфическое представление о литературе...

Сергей Филатов, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ «Словесность в переходную эпоху», один из основных организаторов расстрела Белого дома в 1993 году, управившись с революционным «переустройством» России, занят теперь литературой, проводя в Липках совещания молодых писателей в духе революционно-демократической догматики, в чём я убедился как встречаясь с его воспитанниками, так и читая их писания. Его суждения о литературе советского периода столь же далеки от её истинного состояния: «В ту эпоху, из кото-

рой мы ушли, для литератора была возможность выбора: для одних это была готовность верой и правдой служить своими книгами советской власти, и прежде всего её идеологии; других же отличало стремление противостоять диктату этой власти — либо *активно* (и тогда власть небезосновательно считала их диссидентами, врагами, от которых нужно избавиться), либо *пассивно* — уходя в переводы, в литературоведение — для заработка и обретения социального статуса, или сосредоточенно работать «в стол» — для самого себя, для Бога или для потомков». («Литературная газета», № 36, 2010.)

Как видим, литература опять, по образцу революционных демократов XIX века, напрямую связывается с пресловутой «социальностью», как якобы от неё всецело зависящая и ею определяемая. Опять — литература не самодостаточная величина, выражающая народное самосознание, а всего лишь «средство» в делах якобы более важных и, как правило, неприглядных — будь то «освободительное движение» или же «освобождение» России от коммунизма. Служения же литературе опять-таки не предусматривается в принципе.

По логике С. Филатова наиболее талантливыми должны быть писатели диссидентствующие, идеологические бойцы. Но это ведь далеко не так. Даже вовсе не так. Более того, наиболее посредственные писатели можно сказать в равной мере как служили своими книгами идеологии, так и впадали в диссидентство. Это им как бы «компенсировало» недостаточную собственно литературную одарённость. Истинная же картина литературы этого периода истории была иной, не связанной напрямую ни с «социальностью», ни со старой, ни с новой идеологией.

Да и много ли вытащили «из столов» неопубликованного, когда в целях идеологических и политических пришло время являть запрещённое? Увы, пожалуй, каждая строчка, во всяком случае «шестидесятников», была опубликована и неплохо оплачена ещё в советское время. Ничего «в столах» у них запрещаемого не оказалось... Но фронда, кукиш в кармане, лубочная «оппозиционность» им была необходима для своеобразного статуса «свободомыслия».

Я привёл наиболее характерные примеры *внелитературного* подхода к литературе. И мы видим, как один автор из своих «прогрессистских» представлений об искусстве, презирая традицию и не стесняясь признаваться в этом прилюдно, поверяет поэзию исключительно «современностью». Другой из убеждений в том, что литература есть «сила служебная», пытается приспособить её к идеологии. А оба вместе творят общее *революционное* дело — вновь пытаются вернуть литературу к вульгарному социологизму, столь памятного и с таким трудом преодоленному, когда раздавалась не только трескотня пустопорожних политических деклараций, но и треск человеческих костей...

Вовсе не случайно, а по той незримой закономерности, о которой сказано выше, нам теперь припоминается имя выдающегося русского поэта советского периода Ярослава Васильевича Смелякова (1912 (13) — 1972), но пред нами предстаёт его поэтический мир во всей его глубине и величии. И, что примечательно, сначала возникла потребность возвратиться к его творчеству, а потом уже припомнилось, что нынешний год — год столетия со дня рождения поэта и сорокалетия со дня его кончины. То есть у меня не было никакого внешнего, формального повода снова обратиться к поэзии Ярослава Смелякова, но было именно некое необъяснимое желание вновь его перечитать.

Читать же стихи Ярослава Смелякова я начал с юности, с его последних книг «День России» и «Декабрь». До этого я знал его разве что по популярной в то время в литературных кругах песне «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...» То

есть перипетии его необычной, поистине драматической судьбы тогда мне не были известны. Но в его стихах меня поражали точность определения тех или иных явлений и характеристики людей, исторических личностей, к которым он постоянно обращался.

Представляли же официально творчество Ярослава Смелякова обычно как исполненное романтики комсомольской юности, темы труда, преемственности поколений, сочетания лирической патетики с разговорными интонациями... Впрочем, это было общее обыкновение — в аннотациях к книгам или в справочных изданиях давать самые общие, самые обтекаемые характеристики поэтам и их творчеству.

Каково же было моё удивление потом, когда я всё больше узнавал о трудной судьбе Ярослава Смелякова. Поражало несоответствие уже устоявшейся характеристики поэта с тем, что ему в действительности довелось пережить. При всём при том, что эпоха была трудной и трагической, и прошла почти по каждой человеческой судьбе, Ярославу Смелякову она отмерила испытаний сверх всякой меры:

*Мир был разъят и обещещен,
Земля крутилась тяжело.
Ах, сколько их, тех самых трещин,
По сердцу самому прошло.*

*Оно ещё живёт покуда
И переваривает быт,
Но, словно с трещиной посуда,
Весёлым звоном не звенит.*

Вот так певец революционности и «комсомольской романтики»...

С первых же шагов на литературном поприще он попадает в жесточайший идеологический переплёт. В 1932 году Ярослав Смеляков выпустил сразу две книги: «Стихи» и «Работа и любовь», которые стали поводом резкой полемики в литературных кругах. Молодого талантливого поэта обвиняли в недостаточно чётком пролетарском мировоззрении. Обвинение по тем временам грозное. И небезопасное для поэта, судя по трагическим судьбам многих и многих молодых русских писателей.

В 1934 году М. Горький выступил с резкой статьёй в «Правде», «Известиях» и «Литературной газете» — «Литературные забавы», в которой, по сути, вынес приговор талантливому поэту Павлу Васильеву, назвав его «врагом». А заодно упрекал Ярослава Смелякова в том, что он поддаётся его влиянию: «На характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново, знающим творчество Павла Васильева) это враг».

На Первом съезде советских писателей, состоявшемся в августе 1934 года, А. Безыменский, вослед за «великим пролетарским писателем», в своей «митинговой речи» (по определению И. Сельвинского) выносит, по сути, политический приговор и Павлу Васильеву, и Ярославу Смелякову, а заодно — и Николаю Заболоцкому: «И Заболоцкий, и Васильев не безнадежны. Перевоспитывающая мощь социализма беспредельна. Но не говорить совершенно о Заболоцком и ограничиться почтительным упованием и восхищением талантливостью и «нутром» Васильева невозможно».

Тем более это невозможно, что влияние Заболоцкого сказывается и на творчестве Смелякова и даже в некоторых стихах такого замечательного и родного нам поэта, как Прокофьев. Не потому я обязательно говорил бы о Смелякове, что боялся бы

пропустить одно имя в списке поэтов, а потому, что Смеляков представляет серьёзное поэтическое явление, выражая то поколение, которое не знало гнёта царизма. Он подвергается не только влиянию богоемно-хулиганского образа жизни, образцы которого даёт П. Васильев и которые так мощно заклеены в замечательной статье Горького «О литературных забавах» («от хулиганства до фашизма расстояние, короче воробьиного носа»), но и вредным творческим влиянием» («Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934». Стенографический отчёт, М., 1934).

А 22 декабря Ярослава Смелякова, так и «не перевоспитавшегося», арестовывают. При обыске у него была изъята книга Гитлера «Майн кампф», изданная небольшим тиражом и выдаваемая для ознакомления только особо доверенным людям по списку, утверждённому ЦК ВКП(б).

Обвинялся Ярослав Смеляков в антисоветских разговорах, антиобщественном поведении, моральном разложении. На следствии с юношеской прямоотой и бесстрашием он говорил о том, что «Горький не любит советской поэзии, его творчество выдохлось, он является пугалом для талантов... Человек не может подгонять своё творчество всегда под радость, человек имеет право отражать в своём творчестве не только схему, навязанную ему, но имеет право на творчество слёз, а нас заставляют писать о машинах, газгольдерах, когда хочется писать о слезах...»

Эта трагическая страница биографии молодого поэта Ярослава Смелякова убедительно свидетельствует о том, как следовали и следовали ли наиболее талантливые писатели догматике «социалистического реализма». Ей следовали наиболее бездарные, Безыменские и прочие. Да ещё вносившие в литературную среду не просто атмосферу скандала, но выносящие политические обвинения, которые по суровости тех лет могли закончиться физическим уничтожением поэтов. И заканчивались...

Ярослава Смелякова 4 марта 1935 года особое совещание «за участие в контрреволюционной группе» приговорило к трём годам исправительно-трудовых лагерей. Как видим, уже не антиобщественное поведение и моральное разложение вменяются в вину в приговоре, а откуда-то взявшаяся *контрреволюционная деятельность*. А это обвинение — более чем суровое.

После выхода на свободу, с началом Великой Отечественной войны, поэт был призван в армию и направлен в Карелию. Через несколько месяцев он оказался в финском плену, длившемся для него с 1941 по 1944 год...

В третий раз Ярослав Смеляков попадает в тюрьму в 1951 году. Стали якобы известны какие-то подробности его «недостойного поведения» в плену. За такое обвинение грозила самая высокая мера наказания.

Ярослав Смеляков, в отличие от своих сотоварищей Бориса Корнилова и Павла Васильева, репрессированных по нелепым идеологическим обвинениям, остался в живых, можно сказать, случайно. Жена поэта Павла Шубина Г. Аграновская вспоминала: «Самое страшное было то, что смертная казнь ещё не была отменена, а какой срок уготовят Ярославу, не знал и Господь Бог. Спустя пять лет, когда вернулся Смеляков, вот что он мне рассказал: «Жизнью я обязан следователю. (Он и фамилию называл, а я за давностью запамятовала). Я сиделец опытный, вижу — тянет и тянет. Последнее время и на допросы вызывать почти перестал. Спрашиваю: что волыните? А он мне говорит, что, мол, на том свете побывать успеете, куда торопиться... Видно, знал он, что «вышку» должны отменить, а я тянул на эту меру...» И получил Ярослав свой срок — 25 лет лагерей — вскоре после отмены смертной казни» («Сопричастность», «Вопросы литературы», сентябрь-октябрь, 1991). И только в 1955 году поэт выходит на свободу.

О том же, что третья отсидка для Ярослава Смелякова могла действительно закончиться трагически, свидетельствует и его стихотворение «Письмо в районный город», представляющее собой поэтический ответ на письмо Т. М. Корниловой, матери репрессированного поэта Бориса Корнилова. Стихотворение любопытное, написанное с некой раздражительной болью:

*Получил письмо я от старушки
И теперь не знаю, как мне быть:
Может быть,
пальнуть из главной пушки
Или заседания отменить?
Не могу проникнуть в эту тайну,
Не владею почерком своим.
Как мне объяснить ей,
что случайно
Мы местами обменялись с ним?
Поменялись как, не знаем сами,
Виноватить в этом нас нельзя —
Так же,
как нательными крестами
Пьяные меняются друзья.
Он бы стал сейчас лауреатом,
Я б лежал в могиле
без наград.
Я-то перед ним не виноватый,
Он-то предо мной не виноват.*

Хорош же «певец» комсомольской романтики и рабочей темы, вся молодость которого прошла, по сути, на нарах... Между тем, Ярослав Смеляков в общественном сознании представлялся эдаким насквозь *советским* поэтом, певцом социалистической системы. И это теперь якобы даёт право уничтожать и «развенчивать» его с точки зрения идеологической догматики и в полном согласии с новой революционной «демократической» идеологией...

Кстати, что имел в виду поэт под «главной пушкой», из которой, вроде бы, можно было «пальнуть»? Высказать, так сказать, всю «правду-матку», со всей диссидентской упрощённостью? Но он к ней никогда не прибегал.

У нас появилось уже целое поколение литераторов, которое судит как о предшественниках своих, так и друг о друге не по текстам, не по книгам, а по неким мнениям, неизвестно на чём основанным — то ли на внешних впечатлениях, то ли на слухах. Не подлежащие сомнению литературные факты для таких «литераторов» ничего не значат. В. Огрызко пишет о последних годах Ярослава Смелякова следующее: «В последние годы жизни Смеляков как поэт, мне кажется, сломался. Да, к нему пришло официальное признание. В 1967 году он за книгу «День России» получил Государственную премию, которая по иронии судьбы носила имя одного из первых его гонителей — Максима Горького. Спустя год ему вдогонку дослали за очень слабую поэму «Молодые люди» ещё и премию Ленинского комсомола. Поэта стали в качестве свадебного генерала приглашать почти на все правительственные мероприятия. Но град наград никак не повлиял на уровень мастерства». («Литературная Россия», № 11, 2007.) Видимо, редактор литературного еженедельника «Литературная Россия» был

столь занят несуществующей интригой, вынесенной в заголовок («Соперник Твардовского: Ярослав Смеляков»), что Александра Трифоновича Твардовского называет Александром Трифоновым... Понятно, что это небрежность. Но только она очень уж характеризует уровень данного литературного издания, да и автора...

В то время как в творчестве Ярослава Смелякова проявилась иная, прямо противоположная закономерность. В творчестве истинных поэтов бывает так, что к концу пути их поэзия открывается новой глубиной, новым духовным зрением. И они создают в этот период, может быть, главные произведения всей своей жизни. Так произошло и с Ярославом Смеляковым, о чём свидетельствует книга «День России» и особенно последняя книга «Декабрь» (М., «Советский писатель», 1970).

Тут скорее поверишь Владимиру Цыбину, знавшему хорошо и поэта, и его творчество: «Мне было ясно, что второе дыхание, что так называемая вторая молодость, проявляются обыкновенно у финиша. Так было и у В. Луговского с его «Серединной века», и у А. Твардовского с его «пейзажно-философскими» стихами, так было и с «Декабрём» Ярослава Смелякова. В этом прощальном обилии мобилизуются все творческие ресурсы. Природа торопится реализовать себя. Даже в этой книге Ярослав Смеляков не позволил себе расслабиться. В ней есть всё — и боль, и горечь. Нет только чувства увядания, стихов «ни о чём» («День поэзии», М., «Советский писатель», 1980).

«Комсомольская поэма» же «Молодые люди» (М., «Молодая гвардия», 1968) поэмой вовсе не является. Это цикл стихотворений (в результате чисто издательского приёма), соединённых в книгу в связи с 50-летием комсомола. И уже только поэтому эта книжица «очень слабой поэмой» быть не может.

Никакого «воспевания» комсомола в ней нет. Скорее — укор ему и ирония:

*Я юность прожил в комсомоле,
Средь напряжённой прямоты.
Мы всюду шли по доброй воле,
Но без особой доброты.*

И уж никак нельзя назвать «воспеванием» комсомола строчки, перефразирующие известные стихи Сергея Есенина:

*Я сам, оставив эти доли,
Как отоснившиеся сны,
Здрав штаны, за комсомолом
Бежал по улицам страны.*

Внетекстовой подход к поэтическим творениям ставит их сторонников в неловкое положение, так как при этом, может быть, и без злого умысла искажаются факты.

Как видим, предпринята попытка *переоценки* поэзии Ярослава Смелякова. Уничжительная и абсолютно не соответствующая действительности. Никакого «слома», никакого понижения мастерства в последние годы у Ярослава Смелякова не было. По логике В. Огрызко получается так, что это «официальная критика» врала нам о том, что Ярослав Смеляков — большой поэт. Да и его «моральный облик» она же приукрасила. На самом же деле он был вовсе не таким, о чём и решил поведать представитель неофициальной критики, надо полагать, критики настоящей. Перед нами — ещё одно сбрасывание литературы с «корабля современности». Разве что имеющее иную мотивацию.

Русское и советское в поэтическом мире Ярослава Смелякова не противопоставлены альтернативно, а находятся в преемственной связи. Советское является продолжением русского, но не подменяющее и не отрицающее его. Какой всё-таки сложной и тонкой была общая идеологическая картина в Советском Союзе, в России. Во всяком случае, в послевоенный период. Но теперь-то, двадцать лет спустя после «демократической» революции, мы можем и должны признаться самим себе — что практически выходило из такого альтернативного противопоставления русского и советского — исподволь уготовлялась идеология нового революционного анархизма, а вовсе не «освобождение от коммунизма». Ведь таким противопоставлением, признанием XX века «тупиковым» и якобы не принадлежащим «исторической России», этот самый, пожалуй, сложный и трудный век вообще вычёркивался из истории, чем совершался перерыв в исторической преемственности, как основа для всякого революционного беззакония.

Ведь эта убийственная формула — целили в коммунизм, а попали в Россию — свидетельствует только о том, что мы так и не разобрались, кто куда целил, что в образованной среде общества оказалось слишком уж мало людей, понимавших эту взаимосвязь. Свидетельствует о том, как ни печально в этом сознаваться, что нас просто переиграли интеллектуально, подсунув губительные и ядовитые идеи, которые были приняты большинством людей без анализа их сути. Так создавалась идеология нового революционного разорения страны в форме соблазнительного преодоления былых несправедливостей, которые в значительной степени были уже преодолены.

И самое печальное состоит в том, что такое альтернативное противопоставление русского и советского долгое время почиталось чуть ли не вершиной патриотизма. Но какими упрощёнными, примитивными, интеллектуально несостоятельными предстают теперь, на развалинах нашей жизни, эти идеи...

Убедительно обосновать на историческом и метафизическом уровнях советский период это поколение образованных людей оказалось не в состоянии. И ввергло народ и страну во тьму нового революционного анархизма. Ярослав Смеляков был одним из немногих, кто понимал сложившееся соотношение русского и советского. И это ему не прощается. Именно поэтому он выставляется певцом советского строя, а не большим русским поэтом.

К сожалению, подавляющее большинство «образованцев», к которым принадлежал и сам автор этого определения А. Солженицын, ожидало крушения «режима», превратившись из советской, народной интеллигенции в ту интеллигенцию, которая в XIX веке готовила «освободительное движение» в России...

Но жить с ощущением, знанием и ожиданием того, что «режим» рухнет, то есть рухнет страна, в которой ты живёшь, это похоже всё-таки на некий комплекс *смердяковщины*. Не могли же интеллигенты новой поры не знать того, что отдельно «режим» не рушатся. Они рушатся вместе со страной...

Да, «слишком уж противоестественной была государственная идеология — в кричащем противоречии с историей страны и её культурой» (Станислав Джимбинов. «Коэффициент искажения», «Новый мир», № 9, 1992). Но каково должно быть это соотношение в новых условиях, разве не об этом должны думать деятели культуры? Разве они должны в столь важных вопросах всецело доверяться политикам? Однако такая мысль им, кажется, не приходила в голову. Было избрано самое простое, примитивное «разрешение» кричащего противоречия — крушение «режима», понимаемое умозрительно, без крушения судеб миллионов людей, в том числе и их собственных судеб...

Привожу суждения Станислава Джимбинова как наиболее характерные, преобладавшие в образованной среде в то время. Признав наличие «духовного Чернобыля», многие интеллигенты тем самым стали идеологическими бойцами новой революции. И тут пошла в ход литература, как «средство», как «помощница», как «сила служебная»: «Можно ли рассматривать так называемую советскую литературу как продолжение русской литературы? Без колебаний отвечаешь: нет, это весьма отдалённый мутант русской литературы». Разве творения М. Шолохова, М. Булгакова, А. Твардовского, Я. Смелякова, А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Шукшина, В. Белова, В. Соколова, Н. Рубцова и многих других писателей — это не русская литература? Ну был поток средних писаний, как и во все времена, но литература-то определяется по её вершинным творениям.

Убедительным доказательством опрометчивости и несправедливости таких представлений и суждений является то, что в результате чаемого крушения «режима» русская литература не только не осталась в состоянии «мутанта», но вообще была изъята из общественного сознания. Вот когда действительно наступил «духовный Чернобыль»... Значит, не смогли его предусмотреть, потеряв даже то, что имели? Значит, не оказалось достаточной прозорливости для этого? Выходит, что так. Как это ни печально осознавать.

Но удивительно, получив вместо демократии беспредел, не сотворив никакого саркофага на «духовный Чернобыль», но пробудив новый, автор тем не менее исполнен радости, даже счастья: «Однако счастье мы уже обрели — освобождение от чудовищной, калечащей душу идеологии».

Но как человек образованный и глубоко мыслящий (знаю его не только по статьям, но и по лекциям в Литературном институте) Станислав Джимбинов задавался наиважнейшим соотношением русского и советского, темой, так и оставшейся никем не исследованной. А по поводу известной песни:

*— А куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Всё равно, — сказал он тихо. —
Напиши куда-нибудь.*

даже заметил: «Прислушайтесь внимательно — и в словах комсомольской песни вы рассмотрите христианское смирение и веру в чудо».

Станислав Джимбинов один из немногих интеллектуалов, кто задавался вопросом о *реставрации*: «Никто из теоретиков «перестройки» не произнёс слова «реставрация», все говорили только о новой революции». Но, требуя «реставрации» в восьмидесятые — начале девяностых годов и не замечая «реставрации» уже свершившейся, начавшейся с середины тридцатых годов, автор, сам того не подозревая, становился «теоретиком» новой революции. Официальные же «теоретики» во главе с М. Горбачёвым и не должны были говорить о «реставрации», так как они прекрасно понимали, что свершают новую революцию. Но, в таком случае, почему заодно с ними оказались люди образованные, интеллектуалы, состоявшиеся при этом самом ненавистном им «режиме»? Почему доверились столь хлипкой идеологии «освобождения от коммунизма»? В то время как их обязанностью было не просто развенчать «режим», но на историческом, философском, метафизическом уровнях уяснить «предельно сложный» двадцатый век в истории России. Но таких мыслителей оказались единицы. И они не могли повлиять на общее идеологическое поветрие...

Ну так был «духовный Чернобыль» или нет? Так и хочется спросить: если был, то откуда взялись столь образованные и умные авторы, какие теперь не могут появиться в принципе? Прошло всего два десятка лет и обнажилась вся опрометчивость подобных убеждений и суждений.

Но всё дело в том, что соотношение русского и советского давно постигнуто и выражено с большой поэтической глубиной в стихах Ярослава Смелякова...

Дело вовсе не в том, что Ярослав Смеляков был якобы фанатиком советской власти, а в том, что советский период истории он понимал как закономерный этап в трудной, трагической истории страны. Он исходил из того «режима», который реально был, а не из воображаемого. Ведь никакого другого «режима» у интеллигентов не было. Была только борьба с «режимом» существующим. И чем далее мы уходим от «демократической» революции нашего времени, тем более убеждаемся в правоте Ярослава Смелякова. Но ведь поэт постиг это уже давно, и довольно определённо и ясно. В этом отношении примечательно его стихотворение «Национальные черты»:

*С закономерностью жестокой
И ощущением вины,
Мы нынче тянемся к истокам
Своей российской старины.*

*Мы заспешили сами, сами,
Не на экскурсии, а ввласть
Под нисходящими ветвями
К ручью заветному припасть.*

*Ну что ж! Имеет право каждый,
Обязан даже, может быть,
Ту искупительную жажду
Хоть запоздало утолить.*

*И мне торжественно неволью,
Я сам растрогаться готов,
Когда вдали на колокольне
Раздастся звон колоколов.*

*Не как у зрителя и гостя
Моя кружится голова
Когда услышу на берёсте
Умолкших прадедов слова.*

*Но в этих радостях искомых
Не упустить бы на беду
Красноармейского шеломы,
Пятиконечную звезду.*

*Не позабыть бы с обольщением
В соборном роясь серебре,
Второе русское крещение
Осадной ночью на Днепре...*

Особенно тут поражает это «ощущение вины», так как «Рязанские Мараты», впад в оболщенье, натворили, набедокурили много в порыве строительства «нового мира», отвергая всё истинное, родное, национальное. Потому «гул забвения и славы» и плывёт над их кладбищем...

Это понимали немногие современники Ярослава Смелякова. У замечательного поэта Владимира Леоновича есть стихотворение, посвящённое Ярославу Смелякову, в котором он выражает именно эту российскую суть поэта:

*А знают что? Такой он и сякой,
К тому ж ещё угрюмый и гундосый.
Согнётся, будто в поле над сохой,
И рот заткнёт всегдашней папирсой.*

*В газете напечатает стишок,
И в рукописи чистый лист оставит,
А между делом за верхком верхок
В историю российскую вращает.*

«Дружба народов», № 12, 1983.

Немногие, совсем немногие люди обладают талантом жить настоящим, то есть распознавать его истинный смысл и значение, ценить своё кратковременное земное бытие. Это трудно, это требует работы души и разума. Чаще люди судят о настоящем по предшествующему, по стереотипам и догмам прошлого. Словно не замечая, что жизнь не знает повторений. Но так проще и легче, ибо в текущей жизни непросто распознать, где подлинное, а где мнимое и ложное. Умение жить настоящим — значит распознавать то, что в нём действительно происходит. Знать истинную историю — это одно, а ностальгировать о прошлом, убегая в него от настоящего, считая своё время неким «недоразумением» — это совсем иное. Последнее — признак интеллектуальной несостоятельности и слабости воли...

Неслучайно Ярослав Смеляков, по свидетельству Владимира Цыбина, по дороге из Югославии обмолвился: «Одни кладбища и руины. Никто не видит своего настоящего. Настоящим никто не гордится».

Другая крайность ухода от настоящего — апелляция к неопределённому будущему, пока ещё никому неизвестному. Уход в этакую бесплодную мечтательность, где нет даже намёка на пророчество. В этом есть уже изрядная доля спекуляции, когда будущее предстаёт не в качестве идеала и неизбежности, а в качестве догмата.

Ярослав Смеляков обладал удивительным талантом жить настоящим. Постоянные же его обращения к истории имели иной смысл, собственно были подчинены потребностью жить настоящим. Это он с предельной лаконичностью и точностью выразил в «Стихах, написанных в псковской гостинице». Он мечтал, как Пушкин, приехать к великому поэту «утром и зимой», обязательно с шампанским, чтобы «полозья бешено скрипели и снег стучал из-под копыт». Но — «Всё получилось по-другому»:

*Но из-под той заветной крыши
На то крылечко без перил
Ты сам не выбежал, не вышел
И даже дверь не отворил.*

*И, сидя над своей страницей,
Я понял снова и опять,
Что жизнь не может повториться,
Её не надо повторять.*

*А надо лишь с благоговеньем,
Чтоб дальше действовать и быть,
Те отошедшие виденья
В душе и памяти хранить.*

И особенно поражает, пронзает беспощадное и вместе с тем такое простое и ясное: «Её не надо повторять», что у каждого человека — *своя* страница рукописи или судьбы. Ведь даже имя Пушкина в стихотворении не произносится, а лишь поминается «пушкинский дом», да «псковская гостиница». Каждый пишет «свою страницу», а не повторяет чью-то...

Среди выдающихся русских поэтов советского периода Ярослав Смеляков занимает особое положение и место. В его творческой судьбе, в его наследии, как ни у кого из его современников, ясно виден тот путь, каким шло во временном развитии народное самосознание. Благородство, человеческая мудрость поэта в том и состояли, что, трижды пройдя испытания своего жестокого времени — лагеря, финский плен, он не ожесточился, как многие, не «заиклился» на этом, превозмог личную, вполне понятную обиду. Более того, усилием воли отстранился от «лагерной» темы: «По-забылось быстро горе, я его не берегу». И вовсе не из страха и не из осторожности, как полагают иные идеологизированные околелитературные публицисты, а, видимо, из глубокого понимания того, к чему это может привести поэта. Это очень сильный творческий и человеческий поступок Ярослава Смелякова, остающийся и сейчас нетускнеющим уроком. Остаётся он таковым потому, что многие писатели со сходной трагической судьбой не смогли удержаться на духовной и нравственной высоте. Так и не смогли психологически *выйти* из лагеря, из ГУЛАГа, навсегда оставшись там сознанием и душой... Более того, потащили за собой в тюремную психологию и читателей. То есть остались в пределах обыденной логики. Далеко небезупречной с точки зрения творческой, да и просто человеческой.

Ведь, продолжая писать о лагерях, о пережитом в них, выражая лишь свои обиды, они, как правило, мотивировали это следующим: ради установления правды; чтобы ничего подобного больше не повторилось. Всё так. Они имели полное право на это. Но хотели они того или нет, так и не выйдя из лагеря, не найдя в себе сил преодолеть лагерную психологию, они продолжали удерживать лагерное сознание в своих современниках. А вовсе не способствовали преодолению его...

Ну а довод о том, чтобы ничего подобного больше не повторилось, какой-то и во все наивный, лишённый пронизательности и мудрости. И потому, что история не знает повторений, и потому, что не таким способом создаются преграды от трагедий и социальных потрясений. Наоборот, такой способ создаёт предпосылки для их пробуждения. Духовная крепость достигается не воспитанием ненависти в человеке, но — любви, что русской поэзией постигнуто уже давно: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть» (Н. Некрасов).

В такой позиции Ярослава Смелякова действительно сказалась его человеческая и нравственная высота. А ещё — истинно православное отношение к людям и миру. И здесь уместно сопоставить его судьбу с судьбой архимандрита Иоанна (Крестьян-

кина), о котором рассказал в своей книге «Несвятые святые» и другие рассказы» архимандрит Тихон Шевкунов: «Отец Иоанн говорил, что каждый день поминает его (своего следователя — П.Т.) в своих молитвах. Да и забыть не может... Меня всегда поражало, как он отзывался о временах, проведённых в лагерях. Батюшка говорил, что это были самые счастливые годы его жизни.

— Потому что Бог был рядом! — с восторгом объяснял батюшка. Хотя без сомнения отдавал себе отчёт, что до конца мы понять его не сможем» (М., издательство Сретенского монастыря; «ОЛМА Медиа Групп», 2011). О многом, очень о многом говорит это абсолютное совпадение в миропонимании известного духовного подвижника и поэта советского периода истории...

Идеологическая, мировоззренческая картина советского периода истории не такая простая, какой она всё ещё представляется мощью пропагандистских средств. Мы обязаны обрисовать её в самых общих чертах хотя бы потому, что она остаётся, по сути, сокрытой.

И тут мы непременно должны, во-первых, отметить, что советский период истории был довольно долгим и неоднородным. Более того, без учёта его *изменения и развития во времени* невозможно судить о нём объективно. Во-вторых, задаться вопросом: а что составляло главное содержание этой эпохи? Нам тут же укажут: как что, да это же очевидно — крушение «исторической России» в результате революционной катастрофы 1917 года, господство марксистско-ленинской идеологии, чуждой народному самосознанию, с которой, рано или поздно, пришлось бы расставаться. Вот мы, наконец-то, с ней и расстались. По внешним признакам всё так. И всё же это упрощённое и, по сути, неверное представление, так как по законам социального развития после всякой революции непременно наступает *реставрация*, отход от революционного анархизма и возвращение к народному самосознанию и традиции. А потому мы уверенно можем сказать, что основным содержанием идеологического противоборства советского периода истории было противоборство *революционного* сознания с *традиционным*. Разумеется, при сохранении официальной марксистско-ленинской идеологии, которую просто отбросить было уже невозможно. Не через «отбрасывание» этой идеологии происходила реставрация, а через её медленное, но неотвратимое «переваривание» и возвращение к народной традиции в культуре и к народному самосознанию. Начался этот процесс с 1934 года. А с победным завершением Великой Отечественной войны можно было говорить, что Россия ценой огромных потерь восстановилась после революционной катастрофы начала века в форме Советского Союза. Реставрация, по сути, завершилась. Преодоление революционного сознания и явилось главным итогом Великой Отечественной войны, а вовсе не «преимущество» социалистической системы над капиталистической, как писалось в учебниках по истории. И, что очень важно, наконец-то восстановилась русская литературная традиция, что свидетельствовало о возвращении к народному самосознанию.

Официальная идеология уже не была самым большим злом, так как «времен суровость» (Б. Пастернак) смягчилась. «Подобревшее лоно столицы», — как писал Я. Смеляков, уже было явным. Но тут-то со всей остротой и «обнаружилось» (вот новость!) несоответствие реального состояния народной и государственной жизни и их идеологического обеспечения. И поскольку литература у нас участвовала как в преодолении идеологии, так и в формировании новой идеологической картины общества, она раскололась на два, по сути, противоположных направления. Одни писатели работали в литературной традиции, восходящей к XIX веку, веку великой русской литературы. Другие явно запоздало занялись ликвидацией указанного не-

соответствия между реальной жизнью и её идеологическим обеспечением. То есть низвержением идеологии, в то время, когда она не была уже самым большим злом. Это-то направление и было выставлено в общественном сознании как «передовое» и «прогрессивное». Не в пример традиционному, как якобы «консервативному».

Но, поскольку веских причин для непримиримой и самоотверженной борьбы, выставляемой непременно как благородный гражданский подвиг, уже не было, то это направление литературы — «шестидесятническое», «диссидентское» — обратилось к раннему периоду советской истории с его действительными зверствами классовой борьбы. При этом сторонники этого направления убеждали общество, что теперь и только теперь надо, наконец, расстаться с этими несправедливостями, которые, по сути, уже были преодолены. А почему бы и не включиться в такую борьбу, если это было уже не столь опасно, как в довоенные годы, на эшафот за неё идти уже не надо было, а, между тем, можно было прослыть правдолюбом... В таком случае, чем душа представителей этого направления литературы уязвлена стала? Народными страданиями? Но тогда почему лишь прошлыми? Нет, в результате такого временного смещения, а, по сути, исторической манипуляции, бунт «шестидесятников» был направлен против возвращения к народным началам жизни. За реанимацию всё того же *революционного* сознания, принёсшего столько бед стране и народу. За восстановление прежней идеологической схоластики.

Ведь это поколение «шестидесятников» и появилось на волне нового революционного рецидива в нашем обществе, пробуждённого Хрущёвым, как идеологическая обслуга «оттепели». И душа его уязвлена была не народными страданиями, а отступлением от «ленинских норм» идеологии, которой так долго и столь свирепо мордовался народ.

Правда, вскоре открылась вся неприглядность такой мировоззренческой основы бунта «шестидесятников». И тогда её начали скрывать, выдавая как борьбу за справедливость и за «историческую Россию». На самом же деле это была борьба за «чистоту» ленинской идеологии, то есть, в конечном счёте, за идеологическое обоснование всё тех же ГУЛАГов, против которых они, вроде бы, боролись декларативно. Так создавалась идеология новой, очередной революции в России, свидетелями и участниками которой мы оказались. Вот главная мировоззренческая заморочка этого времени, от которой никуда не уйти и которая со временем будет проступать всё явственнее.

Словом, интеллигенция советского периода, назвавшая себя шестидесятниками, говоря словами А. Блока, начала снова «дичать». Как уже, кстати, было в нашей истории. В это как-то трудно верится, что о «шестидесятниках» века XIX А. Блок писал ещё в 1919 году так, словно речь шла о «шестидесятниках» нашего времени, миновавшего века: «Шестидесятничество и есть ведь одичание; только не в смысле возвращения к природе, а в обратном смысле: такого удаления от природы, когда в матерьялистических мозгах заводится слишком уж большая цивилизованная «дичь», «фантазия» (только наизнанку) слишком уж, так сказать, — «не фантастическая».

Бунт основного «диссидента» А. Солженицына начинался ведь как протест именно против «отступлений от ленинизма». Правда, годы спустя он выставит его в прямо противоположном свете. Справедливо писал Вадим Кожинов: «Известны слова А. И. Солженицына из «Письма вождям Советского Союза» (1973), призывавшие отбросить чуждую России идеологию: «Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порченую подпорку идеологии, а разумно отбросил её, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, — и мы победили!» Но ещё показательнее другое. Сам Александр Исаевич во время войны, то есть за тридцать лет

до своего «Письма вождям Советского Союза», был явно и резко недоволен этим самым развёртыванием «старого русского знамени»... Солженицын не дождался конца войны и, в проходивших тогда цензуру письмах, обвинил Сталина в отступлениях от ленинизма. 9 февраля 1945 года он был арестован, в его бумагах обнаружили портрет Троцкого, которого он считал истинным ленинцем...» («Великое творчество. Великая победа». М., Военное издательство, 1999.)

И разве не за это же ратовал один из основных «шестидесятников» Андрей Вознесенский:

*Уберите Ленина с денег,
Так цена его высока.*

В результате столь запоздалой борьбы с чуждой идеологией произошли возврат к *революционному* сознанию и замена интеллигенции. Вместо советской интеллигенции, не дерзавшей на идейное водительство, появилась новая, идеологически озабоченная, такая же, как и в дореволюционное время, поставившая себя по отношению к народу в положение борьбы. Так борьба с марксистско-ленинской идеологией превратилась в борьбу с народом, с его культурой, традициями и самосознанием. Ведь тот анархизм и беззаконие, которые охватили ныне общество, являются не издержкой перехода России якобы на свой истинный путь развития, а прямым следствием очередной революции, со всеми её родовыми признаками и неизбежными бедами.

Ярослав Смеляков не принадлежал к этому «направлению» в литературе той поры. Он продолжал русскую литературную традицию. В его поэтическом мире с предельной ясностью проявилась эволюция народного самосознания — от *революционного* к *традиционному*. Именно этот аспект нашего духовного бытия старательно скрывался в послевоенный период и скрывается до сих пор с помощью новых идеологий, так как лишает исповедников революционного сознания оправдания, метафизической основы в объяснении происходящего, перекрывает возможность новой революции в России. А её, как мы потом воочию убедились, спровоцировать, конечно, было так просто при господствовавших в официальной идеологии «революционных ценностях», а не народных ценностей и не национальных интересов. А потому, когда после стольких трагедий — революции, Гражданской войны, голода, Великой Отечественной войны, нового хрущёвского революционного рецидива — в стране наступило хоть какое-то спокойствие, его тут же объявили «застоем». Предстояло, конечно, не «застой» преодолеть, а разрушить кое-как устоявшийся уклад жизни, доставшийся столь дорогой ценой. Ну не может жить иначе, кроме как бунтуя и разрушая, прометеев человек. У него просто нет иного способа заявить о себе на этом свете...

Станным было это наше «шестидесятничество». Ему прощалось, дозволялось «вольнодумство», как бы для полноты общей картины культурной жизни: вот, мол, у нас и такое есть. И, вместе с тем, оно было самой исправной идеологической службой власти. Причём не в народном её понимании, а в догматическом, марксистско-ленинском. Эдакие разрешённые «вольнодумцы» всё с той же ортодоксией, от которой вся народная и государственная жизнь с таким трудом всё более и более отдалялась. По сути, они возвращали общество к той же идеологической догматике под видом «вольнодумства». Могло ли на таком мировоззренческом обеспечении произойти что-либо иное, кроме новой революции? Конечно же, нет. И она произошла...

Когда внимательно следуешь за поэтической судьбой Ярослава Смелякова, обнаруживаешь поразительную закономерность: тот конфликт, который он пережил в молодости, стойивший ему стольких лет лагерей, сопровождал его всю жизнь. Не-

смотря на официальное признание и даже на некую его государственность. Это проявлялось и в «крамольных» стихах, которых у него оказалось немало, и в рукописи, представляющей собой многолетнее расследование гибели, а, по всей вероятности, убийства Владимира Маяковского. Выступив в «Огоньке» со статьями «Любовь поэта» и «Трагедия поэта» (№ 16, 23, 26, 1968), он не мог тогда назвать виновников гибели поэта. И только позже, посчитав, что «время пришло», он составил эту рукопись «Я обвиняю!», в которой писал: «Мы можем и должны сказать, кто преступник, кто сволочь, можем назвать тех, кто подготовил роковой выстрел». И он называет всех, причастных к травле и гибели Маяковского. Но, видимо, при всей его известности и знаменитости, так нигде и не смог её опубликовать...

Я хорошо помню эту 38-ми страничную рукопись, бродившую в литературных кругах Москвы, помеченную декабрём 1970 года, то есть всего лишь за два года до кончины Ярослава Смелякова...

Конфликт Владимира Маяковского (как и конфликт самого Ярослава Смелякова) рассматривался в этой рукописи не по дилемме «поэт и власть», а по совсем иным параметрам — между поэтом и той околосредоточенной тусовкой, которая имела совсем иные виды и на русскую поэзию, и на историю, и на судьбу России... И которая имела большую силу влияния на общественное сознание. Это те, с кем мы «даже вроде дружим», но «кому — до боли сердца нужен — любой, но всё-таки успех» («Письмо другу-стихотворцу»).

Ярослав Смеляков любил Владимира Маяковского, как и многие люди его поколения. Причём, как это ни странно, в его поэзии нет ученичества, связанного с поэзией Маяковского. Совершенно справедливо отметил Николай Старшинов: «Смеляков обожал Маяковского. Следуя за ним (хотя формально он не испытал никакого влияния его), он сам стремился к тому, чтобы каждое стихотворение содержало в себе так называемое гражданское звучание. И это была не поза, не дань моде, не желание спекулировать на теме, но глубокое внутреннее убеждение» («Поэзия», № 1, 1998).

По всей вероятности, в Маяковском Смелякова привлекало другое, не только собственно его поэтика. Для него он был, видимо, образцом поэта в обществе, властителя дум, обладающим колоссальным влиянием на людей. Это такое положение поэта в обществе, о котором обмолвился в своих воспоминаниях о Ярославе Смелякове Владимир Цыбин: «Мне часто казалось, что ему хотелось, чтобы поэты походили на вождей».

Да, безусловно, Маяковский был поэтом партийным, поэтом социалистических идеалов. Но в том идеологическом противоборстве, в той «немой борьбе» (А. Блок) он безусловно работал на созидание новой государственности. Мне не нравится поэзия Владимира Маяковского (легко теперь сказать об этом), это — не мой поэт, но у меня не поднимется рука писать о нём и тем более в чём-то его осуждать. Разумеется, у Ярослава Смелякова было совсем иное восприятие Маяковского, проникнуть в которое теперь не так просто.

Смеляков защищал Маяковского мужественно и бесстрашно. Чего только стоит публикация его стихотворения, посвящённого Маяковскому («Ты себя под Лениным чистил»), в альманахе «Поэзия» (№ 10, 1973), в котором поэт со всей беспощадностью обличил правителей и убийц поэта:

*Ты себя под Лениным чистил,
Душу, память и голосище,
И в поэзии нашей нету
До сих пор человека чище.*

*Ты б гудел, как трёхтрубный крейсер,
В нашем общем многоголосье,
Но они тебя доконали,
Эти лили и эти оси.*

*Не задрипанный фининспектор,
Не враги из чужого стана,
А жужжавшие в самом ухе
Проститутки с осиным станом.*

*Эти душечки-хохотушки,
Эти кошечки полусвета,
Словно вермут ночной, сосали
Золотистую кровь поэта.*

*Ты в боях бы её истратил,
А не пролил бы по дешёвке,
Чтоб записками торговали
Эти траурные торговки.*

*Для того ль ты ходил, как туча,
Медногорлый и солнцеликий,
Чтобы шли за саженым гробом
Вероники и брехобрики?!*

*Как ты выстрелил прямо в сердце,
Как ты слабости их поддался,
Тот, которого даже Горький
После смерти твоей боялся?*

*Мы глядим сейчас с уважением,
Руки выпростав из карманов,
На вершинную эту ссору
Двух рассерженных великанов.*

*Ты себя под Лениным чистил,
Чтобы плыть в революцию дальше,
Мы простили тебе посмертно
Револьверную ноту фальши.*

Об истории публикации этого стихотворения рассказал в своё время Николай Старшинов: «Осенью 1972 года мы с поэтом Вадимом Кузнецовым приехали к Ярославу на дачу, в Переделкино. Поэт был нездоров, плохо себя чувствовал. И настроение у него было неважное, даже расстроенное... Я попросил у Ярослава стихи для альманаха «Поэзия», куда только что поступил на работу. Он по сути дела отговаривался:

— Я же сказал, что не могу сейчас писать... Ничего нового у меня нет... Впрочем, у вас в издательстве осталось несколько моих стихотворений, которые не вошли в мою последнюю книгу. Помните, Таня попросила их снять... Вот и можете их отыскать и напечатать...

— И стихи о Маяковском тоже можно?

— Печатайте и эти стихи. Я не против, если они у вас сохранились...

Дело в том, что при отправке в набор его последней прижизненной книги Таня Стрешнёва, жена Ярослава, попросила снять, вынув из рукописи, идущей в производство, несколько стихотворений. В первую очередь стихи о Маяковском «Ты себя под Лениным чистил...»

После публикации этого стихотворения разразился скандал. Станислав Куняев вспоминал: «Какой шабаш поднялся после его публикации! Как же! Смеляков замахнулся на святая святых — на нашу касту! Симонов бегал в ЦК и требовал наказания виновных, утверждал, что стихи написаны Ярославом Смеляковым в неменяемом состоянии, что автор сам был против их публикации, что они были опубликованы против его воли. Борис Слуцкий звонил вдове поэта Татьяне Стрешнёвой и угрожал, что она не получит больше ни строчки переводов, что все «порядочные люди отшатнутся от неё», что копейки больше нигде не заработает... Хорошо ещё, что у Вадима Кузнецова, опубликовавшего стихотворение в альманахе «Поэзия», сохранилась вёрстка стихотворения, завизированного Смеляковым. А сам поэт к тому времени был уже недоступен для гнева ничего не забывших и ничему не научившихся поклонников бриковского салона — он уже спал вечным сном под каменной плитой Новодевичьего кладбища». («Поэзия. Судьба. Россия», «Наш современник», М., 2005.)

А Николай Старшинов рассказал ещё более странную историю, связанную с публикацией этого стихотворения Ярослава Смелякова: «После выхода альманаха «Поэзия» стихотворение это не было ни разу опубликовано ни в одном издании. А с самим номером альманаха произошла непонятная история. Он мгновенно исчез с полок книжных магазинов. Поэт и прозаик Виталий Коржииков рассказал мне даже такое:

— Подошёл я несколько дней назад к книжному магазину, который находится поблизости от моего дома. Смотрю: подъезжает к нему легковая машина. Из неё вышли молодые люди. Они по-быстрому забежали в магазин, вынесли из него с десяток пачек каких-то книг. Я услышал их разговор: «Сейчас отъедем за город и сожжём...» Я зашёл в магазин и поинтересовался у продавца: что за книги вынесли сейчас эти молодые ребята? А он мне: «Да это — последний номер альманаха «Поэзия».

Потом начали пытаться членов редколлегии альманаха — были ли они ознакомлены со стихотворением до его публикации? Многие уклонились от ответа и только поэт Василий Фёдоров сказал, что он был ознакомлен, хотя на самом деле стихотворения этого до публикации не видел...

Таковыми совсем недавно были литературные нравы. В таких условиях существовала русская литература советского периода истории. Такой была идеологическая борьба. Не за строчки только, конечно. Но за русскую поэзию, за нашу российскую жизнь. И, повторимся, сводилась она вовсе не к дилемме «поэт и власть», а проходила совсем по другому рубежу. Впрочем, как это и было в русской литературе всегда, начиная с А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, с трагической гибели того и другого.

Ярослав Смеляков всю жизнь думал о гибели Владимира Маяковского. В помянутой рукописи «Я обвиняю!» он писал: «В течение 40 лет я не переставал думать: что же произошло 14 апреля 1930 года?... Исследуя и сопоставляя факты, имеющие отношение к смерти Маяковского, я пришёл к выводу, что она подготовлялась врагами поэта издавна, планомерно и неотступно».

Обращает внимание странность уже самого официального сообщения о смерти поэта, основанного на «предварительных данных следствия», в котором утверждалось изначально, что Маяковский «покончил жизнь самоубийством» и что «самоубийство вызвано причинами личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной

и литературной деятельностью поэта». Понятно, что такое сообщение, обнаруженное изначально, как раз и избличает себя и направлено на то, чтобы скрыть истинные обстоятельства гибели поэта. И далее Ярослав Смеляков поимённо называет виновных в травле и гибели Маяковского и особенно подробно обрисовывает зловещую роль в этом Лили и Оси Бриков.

И не просто перечислил имена причастных к гибели поэта, но и назвал явление, по причине которого определённая часть критики отказывала в признании наиболее талантливым русским поэтам, начиная с Пушкина: «О том, что определённая часть критики не понимает и не признаёт многих русских писателей, говорил в своё время А. П. Чехов. В дневнике 1897 года он откровенно писал: «Такие писатели, как Н. С. Лесков, С. В. Максимов, не могут иметь успеха у нашей критики, так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, её духа, её форм, её юмора, совершенно непонятного для них, и выдающиеся в русском человеке ни больше, ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский, и Гоголь уже не смешит её» (Чехов, ПСС, изд. 1933. т. 12, стр.112).

«Я понимаю, что уже за одну эту цитату меня обвинят в антисемитизме, — продолжал Ярослав Смеляков. — Нас, русских людей, издавна запугивают этим словом. Между тем, если повнимательней понаблюдать нашу жизнь, особенно в части литературы и искусства, нетрудно убедиться, что не антисемитизм, а антирусизм или, как прежде говорили — русофобство получило необыкновенное развитие и приносит ощутимый вред социалистической культуре. Трагическая судьба Маяковского — одно из подтверждений тому... То, что писал Чехов о критиках Лескова и петербургских истолкователях Гоголя и Островского, полностью, а может быть, ещё в большей мере относится к критикам Маяковского. Они действительно оказались неспособными понять Маяковского, как русского поэта...»

Маяковский, по сути, попавший в плен «хитрой семейки» — Лилии и Осипа Бриков, со временем разобрался в них и решил окончательно порвать с ними. С этого момента травля поэта входит в свою трагическую фазу. Как писал Смеляков, «перед Бриками встал вопрос: как быть? Отпустить, потерять Маяковского — это значило потерять и славу, и деньги. Оставался один выход — убрать взбунтовавшегося поэта и постараться оставить за собой и его славу, и его наследство». Отсутствие же Бриков в Москве — «укадили в Лондон погостить у её мамы» — говорит о том, что они таким образом обеспечивали себе алиби. Ну а помогал им сотрудник госбезопасности Я. Агранов. Ярослав Смеляков приходит к выводу, что «это было не самоубийство, а убийство Маяковского, и виноваты в его смерти, прежде всего и больше всего Лилия и Осип Брики и Я. Агранов».

Размышляя долгие годы о трагической участи Маяковского, Ярослав Смеляков вместе с тем думал не только о нём, но о положении талантливых русских поэтов в обществе вообще. Дело в том, что в качестве основного, дежурного идеологического довода «враги социализма», а точнее недоброжелатели России, как во вне, так и внутри страны выдвигали то, что поэт якобы «пришёл в противоречие с советской действительностью. Такого противоречия не было и не могло быть». Эти слова Ярослава Смелякова в полной мере относятся и к нему самому. И мы видим, как неореволюционеры нашего времени этот же довод задним числом пытаются применить и к Ярославу Смелякову, «не понимая», как поэт, столько отсидевший в лагерях, не только не впал в обличительность и диссидентство, в «диссидентский соцреализм», по точному определению Станислава Куняева, но гордился своей трудной эпохой и многострадальной страной.

Одним из самых совершенных творений Ярослава Смелякова, в полной мере отражающим понимание им Гражданской войны, «похлёбки классовой борьбы», советского периода истории, который оказался «предельно сложный в своём веселье и тоске», является стихотворение «Жидовка». Стихотворение малоизвестное, не вошедшее даже в самую полную книгу поэта, изданную в серии «Большая библиотека поэта» в 1979 году. Как понятно, «крамольным» оно оказалось уже из-за своего названия, из-за того, какой тип героини предстаёт в этом стихотворении Ярослава Смелякова, вообще с удивительной последовательностью пристрастного к женским образам.

Итак, стихотворение это начиналось строфой:

*Прокламация и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.*

В «перестроечные» годы «демократы» из журнала «Новый мир» предприняли было первую публикацию этого стихотворения (№ 9, 1987). Но публикация обернулась форменным скандалом. Как совершенно справедливо писал Станислав Куняев, «они, всю жизнь, со времён Твардовского, воевавшие против цензуры, не смогли «проглотить» название и первую строфу: стихотворение назвали «Курсистка», и первую строфу чья-то трусливая рука переделала таким образом:

*Казематы жандармского сыска,
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала курсистка
Комиссаркой гражданской войны».*

(В книгах: Станислав Куняев. «Возвращенцы», М., «Алгоритм», 2006, «Поэзия. Судьба. Россия», «Наш современник» М., 2005.) Как и следовало ожидать, спровоцированная столь бесцеремонной цензурой полемика сосредоточилась именно на этом аспекте, в сутолоке которой оказался обойдённым и незамеченным главный смысл стихотворения — как Ярослав Смеляков понимал советскую эпоху. А тут это его понимание оказалось развёрнутым с удивительной глубиной и многоплановостью. И оно не сводилось к тому, что стихотворение это «было страшным своей исторической правдой так называемым «детям XX съезда партии». Кто этой правды не знал и уж теперь не знает... В стихотворении была другая историческая правда — через судьбу своего странного персонажа Ярослав Смеляков неназойливо, но точно сказал о том, что же именно происходило в советский период истории, что было главным её содержанием. А эта правда и до сих пор остаётся невразумлённой, старательно скрываемой, так как на неё не налепишь ярлык «антисемитизма» или «шовинизма». От неё такой дежурной демагогией не отделаешься.

Странную логику являл В. Огрызко в связи со скандалом вокруг этого стихотворения: «Полемика о поэзии переросла в бурную политическую дискуссию» («Литературная Россия» № 11, 2007). Как понятно, «виновником» этого выставляется Станислав Куняев. Но в чём тут проявилась пресловутая «политика»? Станислав Куняев сказал всего лишь о том, что при публикации стихотворения Ярослава Смелякова применена самая бесцеремонная форма цензуры. И не более того. В. Огрызко же пугает «политикой» там, где её нет, но где есть, скажем так, «неудобные» вопросы.

Очень хорошо известный приём искажения фактов. В таком случае, кто переводит полемику о поэзии в полемику о политике? Вопрос риторический.

Но главное — всё это имеет довольно отдалённое отношение к творчеству самого Ярослава Смелякова, знавшего эту самую «горечь», возникающую по причине известных исторических обстоятельств. Эта «горечь» солженицынским двухтомником «Два века вместе» не разрешается в принципе. Она разрешается не на политическом, а на духовно-мировоззренческом поле. Её Смеляков выразил с предельной точностью, а вместе с тем с такой широтой души и любовью в стихотворении «Павел Антокольский»:

*Сам я знаю, что горечь
Есть в улыбке моей.
Здравствуй, Павел Григорыч,
Древнерусский еврей.*

А в «крамольном» стихотворении Ярослава Смелякова «Жидовка» есть четыре сюжета, четыре темы, согласно тем состояниям, в которых находилась его героиня.

В первом сюжете она предстаёт «комиссаркой гражданской войны», беспощадной чекисткой, знающей «лишь одно революции дело»:

*Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая не мать, не жена —
Лишь одно революции дело
Понимала и знала она.*

*Брызжет кляксы чекистская ручка,
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.*

*Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти, —
Никому никаких снисхождений
Никогда у неё не найти.*

*Только мысли, подобные стали,
Пронизали её житиё.
Все враги перед ней трепетали,
И свои опасались её.*

*Но по-своему кружатся годы,
Возникают базар и уют.
И тебе настоящего хода
Ни вверху, ни внизу не дают.*

Ретивая революционерка не заметила не только тех перемен, которые происходили в реальной жизни («базар и уют»), но и в самих репрессивных органах революции. И продолжала всё то же своё «революции дело», когда необходимость в нём отпадала.

Но понятно, что эти перемены происходили не без борьбы. С этим связан второй сюжет стихотворения, когда после «почётной отставки» её вновь приглашают «ещё в тот наркомат»:

*Время всё-таки вносит поправки,
И тебя ещё в тот наркомат
Из негласной почётной отставки
С уважением вдруг пригласят.*

*В неподкупном своём кабинете,
В неприкаянной келье своей,
Простодушно, как малые дети,
Ты допрашивать станешь людей.*

*И начальники нового духа,
Веселясь и по-свойски грубя,
Безнадёжно отсталой старухой
Сообща посчитают тебя.*

Что-то окончательно переломилось, наступала реставрация и время термидора с неизбежным ответом ретивых революционеров за свои преступления. Таков закон всякой революции. И над ней тоже совершается «по-скорому суд»:

*Все мы стоим того, чего стоим,
Будет сделан по-скорому суд —
И тебя самоё под конвоем
По советской земле повезут.*

*Не увидишь ни малой поблажки,
Одинаков тот самый режим:
Проститутки, торговки, монашки
Окружением будут твоим.*

*Никому не сдаваясь, однако,
(Ни письма, ни посылочки нет),
В полутёмных дощатых бараках
Проживёшь ты четырнадцать лет.*

Ну и четвёртый сюжет этого чудного стихотворения — пенсия:

*И старухе, совсем остролицей,
Сохранившей безжалостный взгляд,
В подобрешее лоно столицы
Напоследок вернуться велят.*

*В том районе просторном и новом,
Получив, как писатель, жильё,
В отделении нашем почтовом
Я стою за спиною её.*

*И слежу, удивляясь не слишком, —
Впечатленьями жизнь не бедна,
Как свою пенсионную книжку
Сквозь окошко толкает она.*

В этом стихотворении мне представляется более значимым и важным не сам тип персонажа, хорошо известный, не эта старуха, сохранившая «безжалостный взгляд», а иное: что же произошло такое в России за это время, что её не уничтожат, как она уничтожала других, а «велят» вернуться в столицу? Поэт выражает это предельно точно — «*подобрешее лоно столицы*». Но в таком случае неизбежно возникает вопрос: а такой революционный тип людей с их беспощадностью и безжалостностью способствовал ли этому подборению, или же наоборот препятствовал ему? И на этот вопрос Ярослав Смеляков даёт ответ в удивительно точной строчке: «И тебя самое под конвоем *по советской* земле повезут». Ведь, казалось бы, тут больше подходило бы «по российской земле повезут». Нет, именно «по советской». Ведь когда столь ретивых революционеров, так и сохранивших «безжалостный взгляд», осуждали за «антисоветскую деятельность» — это было сущей правдой, так как их революционный радикализм уже работал против, с таким трудом создаваемой новой государственности — *советской*. И они, по всей видимости, это хорошо понимали, потому с такой лёгкостью и подписывали столь грозные обвинения. Ну а другой государственности, кроме создаваемой, у нас не было. Можно было сколь угодно вздыхать по «исторической России», предаваться маниловским мечтаниям о её скором «освобождении от коммунизма», чем занималась значительная часть эмиграции, — всё это было уже вне той жизни, которой жила страна. Всё, вопрос исчерпан. Жизнь пошла не по их революционным идеям, а по совсем иным, народным путям, насколько это было возможно после революционного погрома страны и при сохранении всё той же идеологии...

Подменять же *советское коммунистическим* давно стало обыкновением, — сначала у интеллигентных интеллектуалов, а потом и у творцов новой революции. Ведь, собственно, на этой подмене и строилась идеология «демократической» революции...

Но какая широта души у поэта — никакой обиды, никакой мести или хотя бы злости к этой старухе, всё ещё сохраняющей «безжалостный взгляд», а только жалость...

Наконец, что же произошло в стране, если сам поэт, с юности обвиняемый в отсутствии «пролетарского мышления», в «моральном разложении», в «участии в контрреволюционной группе», столько лет отсидевший в тюрьме, со временем стал официально признанным? Неужто лишь потому, что умело подстроился под «стиль» эпохи? Нет, конечно. Коренным образом изменилась жизнь в России, когда истинный поэт мог занять своё, подобающее ему место в обществе.

Это стихотворение Ярослава Смелякова тем и уникально, что в нём даётся обшая, но точная картина того, что происходило в действительности, и что оставалось, да и всё ещё остаётся заслонённым идеологической догматикой, теперь уже новой, «либерально-демократической».

Как нет, кстати, никакой обиды и мести в стихотворении «Послание Павловскому». А месть могла бы быть оправданной и даже праведной. Нет, здесь совсем иное, даже снисходительно-дружеское: «За чашкой чая нам с тобою о прожитом потолковать». Значит, в обществе произошли столь важные перемены, что теперь узник и палач могут встретиться за чашкой чая. А это означало, что революционное сознание перестало быть преобладающим, что жестокое сопротивление в народе, наконец-то, завершилось. А это ведь факт огромной значимости для народа и страны, измученных братоубийственной войной.

Но нынешние неореволюционеры, разоблачители советского периода истории, уже не имея на то никакого права, требуют мести и расправы. Причём зачастую над жертвами, а не над палачами... То есть требуют продолжения революционного анархизма и беззакония под видом якобы преодоления былых беззаконий и утверждения идеалов демократии. Вот, собственно, и вся идеологическая приманка, с помощью которой совершена величайшая трагедия нового и очередного развала России, то есть — Советского Союза.

Напомним, что эти перемены Ярославом Смеляковым постигнуты давно, в 1963 году. А стихотворение «Послание Павловскому» помечено 1967 годом. Приведу его полностью:

*В какой обители московской,
В довольстве сытом иль в нужде
Сейчас живёшь ты, мой Павловский,
Мой крёстный из НКВД?*

*Ты вспомнишь ли мой вздох короткий,
Мой юный жар и юный пыл,
Когда меня крестом решётки
Ты на Лубянке окрестил?*

*И помнишь ли, как птицы пели,
Как день апрельский ликовал,
Когда меня в своей купели
Ты хладнокровно искупал?*

*Не вспоминается ли дома,
Когда смежаешь ты глаза,
Как комсомольцу молодому
Влепил бубнового туза?*

*Не от безделья, не от скуки
Хочу поведать не спеша,
Что у меня остались руки
И та же детская душа.*

*И что, пройдя сквозь эти сроки,
Ещё не слабнет голос мой,
Не меркнет ум, уже жестокий,
Не уничтоженный тобой.*

*Как хорошо бы на покое, —
Твою некстати вспомнив мать, —
За чашкой чая нам с тобою
О прожитом потолковать.*

*Я унижаться не умею
И глаз от глаз не отведу,
Зайди по-дружески скорее.*

*Зайди.
А то я сам приду.*

Какую цель преследовала та новомировская публикация этих стихотворений со столь бесцеремонной цензурой? Ею пытались показать, что и Ярослав Смеляков причастен к лагерной теме, из которой тогда изготавлялась новая «демократическая» идеология революционного разорения России. Но из этого кроме скандала ничего не получилось, так как Смеляков не был лагерным поэтом.

Можно ли его назвать поэтом советским, в расхожем (идеологизированном) смысле слова? Разумеется, нет. Он был большим русским поэтом советского периода истории. А это — не одно и то же.

Сказать о Ярославе Смелякове лишь то, что он «верил в идею», в правоту социалистического строя, оправдывал и поддерживал его, значит всё свести к идеологии и политике, где легко орудовать всевозможным идеологическим лукавцам. Как большой поэт и глубокий мыслитель он просто понимал истинный смысл и значение своего времени. Его понимание эпохи не вошло в полной мере в общественное сознание и до сих пор.

Он нашёл абсолютно точное определение этому периоду истории, не в пример идеологам и политикам. Не «строй» и не «режим», как скажут его ниспровергатели, но «*стиль*»:

*Он вошёл в мои книжки неплохо,
Он шумит посильней, чем ковыль,
Тот, что ты создавала, эпоха —
Большевистского времени стиль.*

Но в том-то и дело, что стиль у него — не только «большевистского времени», но относится ко всему народному бытию. Как в стихотворении «Мужицкие письма»:

*Всё было бы только притворство,
Я сам ничего бы не смог,
Когда бы в своё стихотворство
Не внёс доморощенный слог.*

*Издержки и таинства стиля
Ничуть не стараюсь избыть,
Да, мы его дома растили,
А где его надо растить?*

*Но всё-таки стиль создавали,
Пока он таким вот не стал,
Все те, что тогда диктовали,
А я только просто писал.*

И здесь в его творчестве просматривалась основная для того времени проблема — о соотношении *советского* и *русского*. Мы, пережившие очередную революцию в России два десятка лет назад, увидевшие её «плоды», не можем сказать о том, что это соотношение Ярославом Смеляковым понималось неточно.

А потому оценка его творчества лишь с точки зрения лояльности к советской эпохе является спекулятивной: «С годами о Смелякове возникла легенда, будто поэт, трижды отсидев в лагерях, до конца оставался фанатиком советской власти. Ярый сторонник этого мифа — Станислав Куняев» (В. Огрызко). Надо быть невысокого мнения о поэте, чтобы допускать мысль, что он мог писать с оглядкой на вождей: «От него ждали гражданскую лирику, но такую, какая бы могла усладить вождей. И он через силу выдавил из себя эту лирику. В 1948 году поэт издал небольшой сборник «Кремлёвские ели» (В. Огрызко).

Но такое облыжное осуждение поэта имеет и другую нехорошую сторону — оно *скрывает тот истинный конфликт, который поэт переживал*. И проходил этот конфликт, как уже отмечено, отнюдь не по проблематике «поэт и власть», а имел совсем другие мировоззренческие параметры.

Не только Станислав Куняев, но, пожалуй, все, кто близко знал Ярослава Смелякова, отмечали, что у него не было обиды за перенесённые испытания. Об этом убедительно свидетельствуют его стихи. Только человек широкой души мог удержаться на такой высоте. Кроме того, судя по всему, он знал, кто повинен в его несчастьях, когда он в двадцать два года оказался на нарах. Может быть, и это знание не позволяло ему обличать страну, строй, эпоху. В отличие от писателей, впавших в диссидентство, как правило, мыслящих неглубоко.

Несмотря на то, что поэт говорит о своём постоянстве и старомодности, что он «в своих пристрастиях крайне стойкий», нельзя не заметить той разительной перемены, которая происходила в его поэтическом мире, когда оценки тех или иных явлений становились, по сути, прямо-таки противоположными. Как в последней книге «Декабрь». Это был всё тот же Смеляков, но всё-таки новый.

Какая-то немислимая огромность и значимость человека, личности:

*Я строил окопы и доты,
Железо и камень тесал,
И сам я от этой работы
Железным и каменным стал.*

*Я стал не большим, а огромным —
Попробуй тягаться со мной!
Как Башни Терпения, домны
Стоят за мою спиной.*

Или как в стихотворении «Земля». Заметим, что это одно из немногих так называемых «лагерных» стихотворений поэта. Так ли пишутся лагерные стихи:

*Но зато, словно юность вторую,
Полюбил я в просторном краю
Эту чёрную землю сырую,
Эту милую землю мою.*

*Я возил её в тачке скрипучей,
Так, как женщины возят детей...*

*Ты дала мне вершину и бездну,
Подарила свою широту,
Стал я сильным как тёрн, и железным –
Даже окиси привкус во рту.*

Какая историческая значимость личности предстаёт в этих стихах Ярослава Смелякова. Это вовсе не то, что декларации о «правах человека». Ведь либеральное мышление потому и декларирует эти пресловутые «права человека», что на сущностном, на метафизическом уровне не содержит в себе личностного начала, и в конце концов оборачивается уничтожением личности:

*Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек...*

Владимир Соколов

Такая же значимость человека и в знаменитой в своё время песне Смелякова «Если я заболею»:

*Если я заболею,
К врачам обращаться не стану,
Обращаюсь к друзьям
(Не сочтите, что это в бреду):
Постелите мне стель,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Ночную звезду.*

*Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня
В справедливых боях,
Забинтуйте мне голову
Горной дорогой
И укройте меня
Одеялом в осенних цветах.*

*Порошков или капель – не надо.
Пусть в стакане сияют лучи
Жаркий ветер пустынь
Серебро водопада –
Вот чем стоит лечить.*

*От морей и от гор
Так и веет веками,
Как помотришь – почувствуешь:
Вечно живём.*

*Не облатками белыми
Путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
А Млечным Путём.*

И вдруг такое пронзительное стихотворение в книге «Декабрь», как бы отрицающее всю эту безбрежную романтику, пронизанную оптимизмом — «Я отсюдова уйду...» Более того, называющее эту романтику «враньём». И на основании этого с прежней предельной смеляковской прямоотой выносится приговор в том числе и самому себе: «Ежели поэты врут, больше жить не можно...» Кажется, что если эти стихотворения разных лет чем роднятся — то только «бредом». В раннем стихотворении: «Не сочтите, что это в бреду». В позднем: «Бормочу в ночном бреду фельдшерице Вале...»:

*Я на всю честную Русь
Заявил смелея,
Что к врачам не обращаюсь,
Если заболею.*

*Значит, сдуру я наврал
Или это снится,
Что и я сюда попал,
В тесную больницу?*

*Медицинская вода
И журнал «Здоровье».
И ночник, а не звезда
В самом изголовье.*

*Ни морей и ни степей,
Никаких туманов,
И окно в стене моей
Голо без обмана.*

*Я ж писал, больной с лица,
В голубой тетради
Не для красного словца,
Не для денег ради.*

*Бормочу в ночном бреду
Фельдшерице Вале:
«Я отсюдова уйду,
Зря меня поймали.*

*Укради мне — что за труд?! —
Ржавый ключ острожный».*

*Ежели поэты врут,
Больше жить не можно.*

О каком «сломе», о каком «надломе» поэта можно говорить после такого стихотворения?.. Что это — переоценка ценностей, отказ от прежних пристрастий и идеалов? Да нет же, так как: «Я ж писал, больной с лица,/ В голубой тетради/ Не для красного словца,/ Не для денег ради».

Многое иной диссидентствующий автор отдал бы за то, чтобы его стихи были непроходимыми, то есть, по сути, запрещены не по причине их политической прямолинейности, а стало быть и примитивности, выдаваемой за гражданскую смелость, а по каким-то иным причинам. У Ярослава Смелякова такое стихотворение есть, которое не вошло даже в его последнюю книгу «Декабрь». И было впервые обнародовано процитированным Владимиром Цыбиным в воспоминаниях о Смелякове, в «Дне поэзии» за 1980 год, посвящённом столетию А. Блока. Это стихотворение «Голубой Дунай».

Ну, казалось бы, — что же тут такого «крамольного» может быть, если поэт говорит о простой женщине Машке «из рабочей слободы»? Нет, не падшей, но всё же проявляющей слабость, которой Смеляков не позволял себе и не прощал другим. Ну ладно стихотворение «Жидовка» было непроходимым из-за той известной «горечи», из-за того, что были в нём те самые «неудобные» вопросы. Но тут-то простая рабочая женщина. Что же тут такое уж «крамольное» высказал поэт? Не то ли, что в связи с её судьбой, с «Голубым Дунаем» он расслышал «колокольчики России от степей и от саней»?..

По свидетельствам очевидцев, Ярослав Васильевич читал это стихотворение в аудиториях чуть ли не со слезами на глазах, с обидой за Машку, за её какую-то добродушную и нелепую жизнь:

*После бани, в день субботний
Отдавая честь вину,
Я хожу всего охотней
В забегаловку одну.
Там, степенно выпивая,
Я стою наверняка.
В голубом дыму Дуная
Всё колеблется слегка.
Появляются подружки
В окружении ребят.
Всё стучат сильнее кружки,
Колокольчики звенят.
Словно в небе позывные,
С каждой стопкой всё слышней
Колокольчики России
Из степей и от саней.
Ни промашки, ни поблажки,
Чтобы не было беды.
Над столом тоскует Машка
Из рабочей слободы.
Пусть милиция узнает —
Ей давно узнать пора —
Машка сызнова гуляет
Чуть не с самого утра.
Не бедна и не богата —
Четвертинка в самый раз —*

*Заработана лопатой
У писателя сейчас.
Завтра утречком стирает
Для соседа бельецо.
И с похмелья напевает,
Что потеряно кольцо.
И того не знает, дура,
Полоскаючи бельё,
Что в России диктатура
Не чужая, а её...*

Вот в чём состояла «крамольность» этого стихотворения. В народном взгляде поэта на жизнь, в том, что, оказывается, простая Машка и есть хозяин жизни в своей стране. Но, к сожалению, о том не ведающая... И что доказывается как текстом самого стихотворения, так и его гонимостью...

Теперь, после очередной революции в России, «демократической», после новых бедствий, пережитых нами за эти годы, разве непонятно то, о чём болела душа поэта, и разве большинство граждан не оказались в положении той же Машки из рабочей слободы?.. Что для нас было важнее — красивые декларации об освобождении от «тоталитаризма» или же реальное положение дел, этими декларациями вызванное? Давнее стихотворение поэта с учётом вновь приобретённого опыта открывается новым смыслом.

Ярослава Смелякова пытаются задним числом выставить таким прямолинейным трубадуром социализма, певцом советского строя и даже его идеологом, не ведающим сомнений. Более того, судя по себе, унижают невозможным, что он якобы писал «верноподданнические» стихи. Или наоборот, якобы входящим в противоречие с советской действительностью. Не выходит, не получается, так как он таковым не был:

*Не знаю, как там будет дальше,
Но возраст свой в своём краю —
Без фанфаронства и без фальши —
Я никому не отдаю.*

Поразительна эта постоянная тяга Ярослава Смелякова к истории России на всю её глубину, а не только к советской. Он даже считал, что поэтическое ремесло «созданию истории подобно», даже когда поэт «радиостудий рядовой пророк, ремесленник журнальный и газетный». Есть у него стихотворение «История», в котором он и современность рассматривает не иначе, как исторически значимую:

*И современники, и тени
В тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
Шагов Истории самой.*

*Она свою тьмой и светом
Меня омыла и ожгла.
Все явственней её приметы,
Понятней мысли и дела.*

*Мне этой радости донине
Не выпадало отродясь.
И с каждым днём нерасторжимей
Вся та преемственная связь.*

*Как словно я мальчонка в шубке
И за тебя, родная Русь,
Как бы за бабушкину юбку,
Спеша и падая, держусь.*

А в стихотворении «Надпись на «Истории России» Соловьёва:

*История не терпит суесловья,
Трудна её народная стезя.
Её страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью
И не любить без памяти нельзя.*

И в этой тяге поэта к истории чувствуется явное стремление «уточнить» тот или иной факт или событие. А они в поэтическом мире Ярослава Смелякова очень даже расходятся со стереотипными, преобладающими в обществе. Этим же стремлением объяснимо и его обращение к историческим личностям — от Иоанна Грозного до Лермонтова, Есенина, Гагарина... И его представления об исторических личностях удивительно точны. Но вместе с тем и непривычны, отличающиеся от расхожих и искажённых в общественном сознании. Как, скажем, в стихотворении «Кресло», когда автор или персонаж «безрассудно смел по-хулигански в кресло это, как бы играючи присел» (кресло Иоанна Грозного):

*Урока мне хватило слишком,
Не описать, не объяснить,
Куда ты вздумал лезть, мальчишка?
Над кем решился пошутить?*

Мало кто из современников поэта имел такую историческую осмотрительность и такую трезвую самооценку. Не говорю уже о нынешних авторах идеологизированных и спекулятивных писаний о первом русском царе, заполонивших всё информационное пространство — от так называемых исторических исследований, книг до кинофильмов...

Или в стихах, посвящённых М. Лермонтову:

*Он был источник дерзновенный
С чистейшим привкусом беды,
Необходимый для вселенной
Глоток живительной воды.*

Очень характерно в этом отношении стихотворение, посвящённое декабристам, («Декабрьское восстание»), содержащее в себе как бы полемику, противопоставление декабризма и народного декабрьского восстания:

*Я не о той когорте братской,
нельзя которую забыть
и что на площади Сенатской
пытались ложу учредить.*

*Я о декабрьской Красной Пресне,
о той, где ты, Советов власть,
подобно первым строкам песни,
в пелёнках красных родилась.*

И, поскольку в стихотворении этом поэт касается наиважнейших аспектов нашей истории, и главное — толкований её, а вместе с тем — и природы революций, что остаётся у нас пока неуяснённым, остановимся на нём подробнее именно с этой точки зрения.

Примечательно, что в этом противопоставлении *революционеров* и *народа*, и даже полемике, «когорта братская» не отрицается напрочь: «Нельзя которую забыть». В отличие от «когорты», от «интеллигентного общества», которое и сам народ отрицал, коль он не соответствовал его о нём представлениям... То есть Ярослав Смеляков не доходит до максимализма Ф. Тютчева в известном его стихотворении «14 декабря 1825», в котором декабристы — «жертвы мысли безрассудной»:

*Вас развертило Самовластье,
И меч его вас покарал...*

*Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.*

И в то же время понимание декабристов Ярославом Смеляковым («пытались ложу учредить») далеко от той их романтизации и героизации советской ортодоксальной исторической наукой, согласно ленинскому «освободительному движению» в России: «...Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена...» Как это ни может показаться странным (хотя и вполне понятным), но и досоветские и даже потом антисоветские авторы, по сути, в равной мере предавались романтизации и героизации декабристов, смыкаясь в этом с советскими ортодоксальными историками. Иллюстрацией чего может послужить цикл стихотворений Зинаиды Гиппиус «14 декабря», «14 декабря 17 года», «14 декабря 18 г.».

На первый взгляд трудно понять, по какой такой логике в мировоззрении интеллигентов той поры, в том числе и Зинаиды Гиппиус, сочеталась романтизация и героизация революционеров-декабристов с ненавистью к той революции, которая совершилась. Ведь, казалось бы, именно этого они жаждали и это приближали. Ан нет. Декабристы для неё — «первенцы свободы», «чистые герои» в «саванах святых», явившие «ослепительный завет». Революция представлялась в образе «Невесты», как некий «освободительный костёр». И вот революция совершилась, но она оказалась вовсе не такой, какой представлялась, «нехорошей»:

*Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли всё святое:
И стыд души, и честь земли.*

*Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста... И Невесте
Солдатский штык проткнул глаза.*

*Ночная стая свищет, рыщет,
Лёд на Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!*

Революционерка, жаждавшая «освободительного костра», а значит и крови, становится вдруг рьяной контрреволюционеркой, так как революция не оправдала её надежд, оказалась ужасной: «Россией сейчас распоряжается никчёмная кучка людей, к которой вся остальная часть населения в громадном большинстве относится отрицательно и даже враждебно. Получается истинная картина чужеземного завоевания. Латышские, башкирские и китайские полки (самые надёжные) дорисовывают эту картину. Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков: китайцы расстреливают арестованных — захваченных... Чем не монгольское иго?» («Чёрная книжка». В кн. «Под созвездием топора», М., «Советская Россия», 1991.) Ну а разве может быть иначе, когда во имя неких романтически-людоедских идей порушена государственность и воцарилось беззаконие? Как, пробуждая беззаконие, можно ожидать некой «Невесты»?

Что же произошло? Совершилась «не такая» революция? Произошло прозрение, эволюция во взглядах? Но история человечества не знает революций без насилий (в образе некой чистой «Невесты»). А, значит, никакая это не эволюция во взглядах, а обыкновенная непрозорливость... И эта столь резкая перемена во взглядах — от революционных к контрреволюционным — является всего лишь свидетельством ложной мировоззренческой установки.

Да и не ново это для «интеллигентного общества», раздувающего «освободительный костёр» революции, чтобы затем разочароваться в её результатах. Так ведь было и после Французской революции. Так бывает, пожалуй, после каждой революции.

В самом деле, трудно представить, что это — «освободительный костёр», как «костёр» может быть «освободительным»? Да и как слепая стихия может уразуметь и выбрать — сжечь только ненужное, а оставить лишь необходимое?.. Да и кто определяет, что ненужно, а что необходимо?..

Неслучайно об этом «костре», о котором Зинаида Гиппиус писала в 1909 году, желая его, пробуждая его, с такой жестокостью напомним в 1918 году Александр Блок в статье «Интеллигенция и революция». И думается, что именно это напоминание о «костре» революции, а не призыв слушать «музыку революции» вызвало такую ненависть к поэту со стороны либеральной интеллигенции. Ведь, по сути, поэт с беспощадной логикой уличает интеллигенцию в недомыслии, непрозорливости... Кому же понравится такое обвинение, являющееся совершенной правдой: «Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были... Я не сомневаюсь ни в чьём личном благородстве, ни в чьей

личной скорби; но ведь за прошлое — отвечаем мы? Мы — звенья единой цепи... Значит, рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастьем ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг — сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), — бегать кругом и кричать: «Ах, ах, сгорим!»

Ну а эта якобы «обречённость» декабризма, дабы явить пример последующим поколениям, содержит, во-первых, изрядную долю безответственности, во-вторых — эгоизма, при котором думается вовсе не о народе... И это декабристы выразили вполне определённо в своих воспоминаниях.

Ну а как же быть с самоотверженной борьбой декабристов за чаяния народа, за «освобождение рабов», «рождённых в среде палачества и раболепия»? Как же быть опять-таки с благородством, когда якобы «они теряли всё и не приобретали ничего» (Н. Скатов), то есть шли на заранее обречённое дело, дабы явить «пример» грядущим поколениям и «ворваться в свою отечественную Историю»? Все эти вопросы, которые может задать любой школьник, основаны на неточном понимании природы революций в истории человечества вообще, а у нас в России в особенности. Никакая революция не разрешала и не разрешает проблем социальной справедливости, а уж тем более равенства, невозможного в человеческом обществе в принципе. Это, как уже отмечено, явление духовно-мировоззренческого порядка, а не социального...

Но мы можем теперь задаться вопросом: а сами декабристы, неужто они жили «в среде палачества и раболепия»? Нет, этого решительно невозможно утверждать. Не является ли эта «среда палачества и раболепия» всего лишь идеологемой, которой они оправдывали свои действия? Так и есть.

Справедливо отмечала доктор исторических наук Оксана Киянская: «В какой-то чрезмерной любви к крестьянству членов российских тайных обществ того времени — аристократов, в большинстве своём прагматиков, реалистов — трудно заподозрить. Практически никто из них, владельцев разной величины поместий, не отпустил крестьян на волю... Тот же Пестель планировал после революции установить десятилетнюю военную диктатуру именно для того, чтобы не допустить массовых народных выступлений, бунтов «бессмысленных и беспощадных» («Литературная газета», № 52, 2005). Разве то же самое, но уже не в «планах», а практически не осуществлялось Лениным по самому жестокому подавлению народа, чтобы ни о каком бунте он даже и подумать не мог?

Эта декларативная приверженность декабризма пресловутым «чаяниям народа» не несла в себе сущностной составляющей, так как «со времён декабризма начался новый раскол России: между правительством и просвещённым обществом» (А. С. Панарин). «Появилась оппозиционная интеллигенция, — как пишет далее выдающийся философ нашего времени, — ищущая социальной поддержки в народе, а идейной на передовом Западе». При таком странном и неестественном положении и при таком идеологическом обеспечении могли ли быть эти «чаяния» действительными? Разумеется, нет. Мы говорим именно о смысловой, метафизической основе декабризма, а не о добрых намерениях и благородстве его участников, сомнению не подлежащих.

Конечно, главным побуждением декабристов к заговору были не пресловутые «чаяния народа», на которые бесконечно ссылались потом задним числом. Судя по их высокому, вельможному положению, причиной была неудовлетворённость иного порядка — желание более высокого положения в обществе, гордыня и т.д. Мы нисколько не сомневаемся в личном благородстве каждого из участников тайных обществ, не можем отрицать их образованности и одарённости, так же и того, что потом, оказавшись «во глубине сибирских руд», они внесли большой вклад в развитие

общества. Мы говорим о характере явления, о революционном движении, в котором они участвовали. Выводить же благородство из понятной жалости и сострадания к пострадавшим — значит не совсем точно описывать явление. Ведь реакция власти к тем, кто стал на *революционный* путь, должна была быть именно такой. Иначе что же это за власть, себя не защищающая?

История, как известно, сослагательных наклонений не знает. Но представим себе, что довольно обширный слой высшего света, людей образованных, благородных, души которых страданиями человеческими уязвлены стали, начали бы отпускать своих крестьян на волю. И это приобретало бы массовый характер... Да, это тоже был бы вызов самодержавной власти, но не революционный, и реакция на него была бы иной. В таком случае история освобождения людей от крепостного права в России была бы совсем другой... Но тогда не было бы благородных мучеников, воспевание которых более ста восьмидесяти лет служит, кажется, единственной цели — поддержанию в обществе, в науке, в литературе *революционного сознания* как несомненно прогрессивного и положительного...

О том же, до какой степени природа революций остаётся в общественном сознании не уяснённой и тщательно скрываемой, свидетельствует и то, что апологией революционности декабристов в равной мере были заняты как антисоветские исследователи, так и советские учёные. В оценке революционного декабризма с Зинаидой Гишпиус, по сути, смыкается член-корреспондент Российской академии наук Николай Скатов («Фаланга героев», «Литературная газета», № 4, 2011). Такое совпадение может свидетельствовать только об одном: люди оперируют одним и тем же понятием революционности, но вкладывают в него прямо противоположный смысл.

Рассматривать же декабризм как «эстетический феномен», «как великое явление человеческого духа», выискивать эстетику в революционном варварстве можно лишь, если иметь в виду их деятельность уже после восстания. Но собирались они творить дела далеко *не эстетические*, а кровавые... И никто не знал, каким будет исход предпринятого ими «дела».

Пережив две революции, два крушения страны на протяжении одного века, мы должны признать, что теория «освободительного движения» в собственной стране не является ни универсальной, ни верной, является скорее провокационной. Но нас как ни в чём не бывало снова понуждают признать, скажем, Радищева представителем «*передовой* русской публицистики и литературы». И лишь потому, что это был *этап* «освободительного движения». Но, как известно, А. С. Пушкин невысоко ценил Радищева. И для нас это гораздо важнее, значимей, чем мнение политика Ленина, для которого литература была лишь средством в делах далеко не эстетических. А потому мнение политика о литературе не может быть принято в качестве абсолютного и универсального довода. Но в том-то и дело, что в общественном сознании присутствует только оно.

Вообще *революционность*, рассматриваемая как главное содержание российской истории и национальной жизни, — явление довольно странное. Уже хотя бы потому, что это — обоснование нескончаемых революций в России, а, значит, нескончаемых социальных катастроф и бед. Кроме того, это — какая-то человеческая и гражданская безответственность. *Всё многообразие многовековой народной и государственной жизни свести лишь к «освободительному движению», лишь к истории бунтарства и революции...* Неужели ничего иного за эти века в России не происходило...

Почему же народ, во имя освобождения которого вроде бы раздувался «освободительный костёр», вдруг становится неким стадом «серых обезьян»? Не потому ли, что пресловутые «чаяния народа» были лишь декларациями, за которыми в действитель-

ности стояли совсем иные цели, желания и мечтания? Ведь в самом представлении о революции как о некоей светлой «Невесте» есть романтическая безответственность и какая-то человеческая глухота. Неслучайно А. Блок в стихотворении, посвящённом З. Гиппиус, писал: «Рождённые в года глухие,/ Пути не помнят своего...» А в этом прямо-таки дежурном разочаровании результатами революции есть непроницаемое, безмолвное признание того, что цели революции представлялись иными, никакого отношения к судьбе народа не имеющими...

В таком упрощённом представлении сказалось или недопонимание, или преднамеренное сокрытие природы революций вообще. Ведь и Иван Бунин со всей ядовитой злостью писал в «Окаянных днях» об обезьяне. Но ведь совсем в ином смысле, представляя революцию не как «освободительный костёр», а как несчастье, «повальное сумасшествие», как удар, прежде всего по психике человека: «Всё это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна...»

Ах, не знали, что так может быть? Тогда следует согласиться с А. Блоком: «Значит, рубили тот сук, на котором сидели?...» Или не ведали о том, что после *всякой* революции неизбежно наступает «неистовое мистическое похмелье» (А. Блок)?

О возможности такой подмены истории страны и народа историей революционного движения, историей «интеллигентного общества» прозорливо писал Ф. М. Достоевский в «Объяснительном слове по поводу речи о Пушкине 1880 года». Логику и позицию западничски настроенного «интеллигентного общества» он представлял так: «В народе русском, так как уж пришло время высказаться вполне откровенно, мы по-прежнему видим лишь косную массу, у которой нам нечему учиться, тормозящую, напротив, развитие России к прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и переделать, — если уж невозможно и нельзя органически, то, по крайней мере, механически, то есть попросту заставить её раз навсегда нас слушаться, во веки веков. А чтобы достигнуть сего послушания, вот и необходимо усвоить себе гражданское устройство точь-в-точь как в европейских землях; о которых именно теперь пошла речь. Собственно же народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история народа нашего есть абсурд, из которого вы до сих пор чёрт знает что выводили, а смотрели только мы трезво. Надобно, чтоб такой народ, как наш, — не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, всё целиком. Надобно, чтоб имело историю лишь одно наше интеллигентное общество, которому народ должен служить лишь своим трудом и своими силами».

О, если бы Ф. М. Достоевский оказался неправ!.. Но мы ведь видим с тех времён и до нынешних постоянное навязывание общественному сознанию как единственно прогрессивной и передовой лишь *революционность* и шельмование, отбрасывание всего *традиционного* как консервативного и отсталого. Во все времена, в том числе и ныне — с помощью пресловутого «общественного мнения». А всего лишь пятьдесят лет спустя после этих пророческих слов Ф. М. Достоевского и на государственном уровне само слово Россия выставлялось «бывшим названием страны», а название «русская история» — насыщенным «великодержавным шовинизмом», «контрреволюционным термином» со всеми вытекающими отсюда последствиями для тех, кто думал иначе («Малая советская энциклопедия», 1930 г.).

Почему же эта постоянная подмена истории страны и народа историей революционных движений и бунтов всё-таки торжествует, хотя революционный XX век уже должен был внести в неё хотя бы коррективы, не говоря уже об основательном пересмотре? Неужто по какой-то закономерной неизбежности? В какой-то мере да, ибо

«как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями» (А. С. Пушкин). А кроме того, мы ясно видим в таком представлении определённую мировоззренческую и идеологическую преднамеренность так называемого «интеллигентного общества».

Ведь уже первая страница «освободительного движения» (имеется в виду А. Радищев и его книга «Путешествие из Петербурга в Москву») довольно неприглядна, о чём писал А. С. Пушкин. Но пушкинская оценка общественному сознанию, по сути, неизвестна. Там издавна и всецело торжествует лишь ленинская оценка — внелитературная и вненравственная, преследующая исключительно революционные цели. А. С. Пушкин даже полагал, что «влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли её, несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения...» Увы, произошло совсем иное, вроде бы невозможное и немислимое. Каждый школьник знает, кто кого «будил» в «освободительном движении». Только не знает оценки великим русским поэтом А. Радищеву и его книги. А она такова: «Истинный представитель полупросвещения», написавший «сатирическое воззвание к возмущению», результат «безумных заблуждений». «Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извинительным, а «Путешествие в Москву» весьма посредственною книгою; но со всем тем не можем в нём не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью... «Путешествие в Москву», причина его несчастья и славы, есть, как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слого. Сетование на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны».

Но вернёмся к Ярославу Смелякову. Его книга «День России», вышедшая в издательстве «Советский писатель» в 1967 году, свидетельствовала о том, что трудный путь от идеологического мародёрства в русской истории к её восстановлению был в основном пройден. Во всяком случае, в литературе. И пройден был со страшными потерями — уничтожением многих выдающихся поэтов. В этом смысле, без всякого сомнения, книга явилась некоей вехой в общественном сознании, обойти или не заметить которую невозможно.

Примечательно, что даже не за книгу, а за цикл стихотворений, опубликованных в пятом номере журнала «Дружба народов» за 1966 год, Ярослав Смеляков был удостоен Государственной премии СССР.

Обращаясь к той или иной странице русской истории, Ярослав Смеляков говорит прежде всего о своём времени, о современности, о понимании им судьбы России и её истории... С этой точки зрения мне представляется примечательным небольшой цикл стихотворений Ярослава Смелякова «Один день». Попутно отметим, что наша публика, ещё совсем недавно активно читающая, хорошо помнит лагерное писание «Один день Ивана Денисовича», находя в нём какие-то невероятные откровения, и вряд ли помнит цикл стихотворений Ярослава Смелякова «Один день». Но переключка названий неслучайна, в ней чувствуется внутренняя полемика. Не знаю только, сознательно ли пошёл на неё поэт или интуитивно. Впрочем, это не столь важно. Главное состоит в том, что «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына знала и всё ещё помнит читающая публика, а «Один день» Ярослава Смелякова она, кажется, и вовсе не заметила. Между тем, в этом небольшом цикле стихотворений поэт касался самых насущных проблем времени. И они ему представлялись не в том виде, в каком они

получили преобладание в литературе и общественной мысли. И касался поэт проблем более важных, чем лагерная тематика в нашей литературе.

Вроде бы, странно, что название цикла «Один день» для него вовсе и необязательно. Это — один день автора или лирического героя, который «с писательской командировкой попал в сибирский городок». И, более того, это — воспоминания его *пятилетней* давности о том, что же он увидел в том городке в течение одного дня. Дело в том, что автор (или опять-таки лирический герой), «смотря неловко, и в тайной жажде новых строк» оказался в этом сибирском городке, который ещё совсем недавно вёл свой быт по старине, но для которого наступили совсем иные времена:

*Но вот по заданному сроку,
Под гром литавр и шум газет,
Здесь началась неподалёку
Большая стройка наших лет.*

*Она с конторами своими
Самонадеянно смела,
Его неведомое имя
Себе решительно взяла.*

*Она, не спрашиваясь, сразу,
Желая действовать скорей,
Его пустынные лабазы
Набила техникой своей.*

Ирония по отношению к большой стройке, и даже некоторое осуждение её свидетельствовало о том, что поэт относился к происходящему с точки зрения экологической и протестной, не более того. Но в стихах обнаруживается и совсем иной аспект проблемы, неведомый социальному, позитивистскому и бытописательскому подходу. Это скорее некий психологический и даже психический аспект, непременно сопровождающий все наши великие стройки, большие перемены и социальные потрясения:

*У каждой славы есть изнанка:
Как, надо думать, не с добра
У забегаловки цыганка
Плясала пьяная с утра.*

*Она задаром отдавала —
Ей прибыль нынче не с руки —
Свою герань и одеяла,
Свои корыта и горшки.*

*Ведь не в далёкости, а вскоре
Весь городок убогий тот
Под волны будущего моря
В пучину тёмную уйдёт.*

*Оно одно самодержавно
Ходить на воле будет тут,*

*И только полочки и ставни
Со дна глубокого всплывут.*

*Что ж делать, если это надо?!
И городок последних дней
Находит горькую усладу
В заздравной гибели своей.*

«Заздравная гибель» — это, конечно, нечто совсем необычное в проблематике, которой поэт касался в цикле стихотворений. В целом, казалось бы, остался в пределах общепринятых представлений: надвигающаяся цивилизация, разрушительная и безжалостная, и — протест против неё. Если бы поэт не поведал и об ином, вроде бы не имеющем отношения к судьбе этого обречённого сибирского городка. Он, «не тратя времени задаром», прогуливаясь по городку, вдруг увидел «рубленую башню»:

*Она недвижно простояла,
Как летописи говорят,
Не то чтоб много или мало,
А триста с лишним лет подряд.*

*В её узилище студёном,
Двуперстно осеняя лоб,
Ещё тогда, во время оно,
Молился ссыльный протопоп.*

*Мятежный пастырь, книжник дикий,
Он не умел послушным быть,
И не могли его владыки
Ни обломать, ни улестить.*

Казалось бы, причём тут протопоп Аввакум? Неужто лишь потому, что автору вдруг попала на глаза рубленая башня, то узилище, в котором он пребывал? Да нет, конечно же. Судьба этого сибирского городка представлена в стихах как бы прямым продолжением той далёкой духовной драмы, в которой протопоп Аввакум оказался столь стоек и непреклонен. Да, конечно, «другой какой-нибудь народ» в своей истории «полупохожих и подобных средь прародителей найдёт». И всё же личность протопопа Аввакума есть нечто особенное, не встречаемое в других народах, кроме русского:

*Но этот — крест на грязной шее,
В обносках мерзостно худых —
Мне и дороже и страшнее
Иноязычных, не своих.*

*Ведь он оставил русской речи
И прямоту, и срамоту,
Язык мятежного предтечи,
Светящийся, как уголь во рту.*

Конечно же, протопоп Аввакум предстаёт в стихах о современной поэту «большой стройке» совсем неслучайно.

Затем автор описывает похоронную процессию, попавшую на его пути. Он даже не спросил у жителей, «кого тем утром неспешно к последней пристани везли». Его лишь поразило то, что за нестройной маленькой толпой к месту упокоения человека сопровождали «строительства грузовики»:

*Надолго в памяти осталось,
Как все домишки шевеля,
Под их колёсами шаталась
И лезла в сторону земля.*

*Я всё стоял с пустым блокнотом
И непокрытой головой,
Пока за дальним поворотом
Эскорт не скрылся грузовой.*

Итак, автор остался «с пустым блокнотом». То есть всё увиденное им в течение одного дня оказалось то ли не столь значимым, то ли непостижимым. И вот пять лет спустя, припоминая увиденное, автор, надо полагать, и воплощает его в этом не-большом цикле стихотворений «Один день». Но и тут он прямо-таки озадачивает читателя:

*За малый труд не ожидая
Ни осужденья, ни похвал,
Я сам не очень понимаю,
Зачем всё это написал.*

Всё это могло бы показаться лишь прихотью поэта, если бы за ним явно не просматривалась общая закономерность искусства в миновавший революционный двадцатый век. Об этой закономерности писал Александр Блок в статье «Три вопроса». Писал о том, что перед художником встаёт три вопроса. Это вопрос о формах искусства — *как*; вопрос о содержании — *что*. Но когда «улица ворвалась в мастерскую», когда наступает время «всеобщего базарного сочувствия и опошления искусства», — «В такие дни возникает третий, самый соблазнительный, самый опасный, но и самый русский вопрос: *зачем?* Вопрос о *необходимости и полезности художественных произведений*». И Ярослав Смеляков задаёт этот самый трудный вопрос, не находя ему оправдания. Он пишет о вероятном и возможном оправдании:

*Мне б оправданьем послужило
Лишь то, скажу накоротке,
Что это в самом деле было
В том, утонувшем городке.*

*Да то ещё, что стройка эта,
Как солнце вешнее в окне,
Дает сегодня море света
Не городку, а всей стране.*

Всё было бы просто, если бы здесь у поэта была утвердительная интонация. Тогда его вполне можно было бы отнести, так сказать, к певцам индустриализации. Но у него здесь — и сомнение, и железная необходимость, и неизбежность происходящего. И это придаёт полноту изображаемому.

Как видим, это — нечто совсем иное, чем мы встречали в подобных сюжетах, хотя бы в знаменитой повести Валентина Распутина: не только плач по Матёре. Но и не безусловное оправдание индустриализации со всей её неизбежностью. Перед нами — трагедия, стоящая в одном ряду с трагедией протопопы Аввакума, как бы являющаяся продолжением её. Совершенно очевидно, что в этом цикле стихотворений с таким популярным тогда сюжетом Ярослав Смеляков не оправдал ожиданий ни патриотов, ни, тем более, либералов, которые на теме великих строек и больших перемен сошлись в общем критицизме существовавшего порядка вещей, доставшегося нам такой дорогой ценой человеческих жертв и страданий...

Ярослав Смеляков иначе понимал гражданственность в литературе. Вовсе не как бунт непременно, зачастую беспричинный. По «традиции», издавна сложившейся в России, он не принадлежал к интеллигенции, точнее — «интеллигентшине», был лишён интеллигентного мундира так же, как и его великие предшественники Ф. Достоевский, Л. Толстой, а то и подавляющее большинство истинно русских писателей. Так что и в этом Ярослав Смеляков оказался в традиции русской литературы.

Да, его можно назвать выразителем советской эпохи, но только не в том её идеологическом значении, который ей придаётся, когда *советское* уподобляется *революционному*. Ярослав Смеляков был выразителем той эпохи, в которой уже не торжествовало «революции дело» в том виде, как оно представлено в стихотворении, отмеченном скандальной публикацией. Дело-то ведь страшненькое... Но когда уже была «диктатура» Машки «из рабочей слободы», о которой она, по простоте душевной, не знала...

В мировоззрении Ярослава Смелякова чётко разделяется революция как народное действие — «народного гнева заря» — и революция как слепая стихия, анархизм и беззаконие. И тут поэт, как это ни покажется странным, даже защищает царя:

*Не долго, от радости спятив,
Присяжный болтун и нахал
Валялся на царской кровати
И роль
полководца
играл.
Фигляр беспощадный и жалкий
Не дал никому ничего;
Валяется где-то на свалке —
И чёрт с ней! —
фуражка
его.*

Надо, безусловно, обладать невероятной силой духа, широтой души, остротой ума, чтобы свою юность, проведённую на нарах, назвать *прекрасной*:

*Я знал, проживая в столице,
В двухкомнатном тёплом раю,
Что мне не дано возвратиться
В прекрасную юность свою.*

Да, молодость поэта оказалась переполненной испытаниями. Но это была молодость — бурная и неповторимая, и уже тем прекрасная. Поэт являет нам человеческое представление, а не идеологическое и уж тем более не политическое. Это — не апология и не оправдание советского периода истории, но изначально точное постижение его содержания и значения. И чем дальше мы удаляемся от него по бездорожью нового революционного беззакония, тем явственнее предстают вопросы, не находящие пока внятных ответов: почему с разрушением советского уклада жизни порушилась культурная, интеллектуальная и социальная жизнь?.. Ведь, вроде бы, намеревались изъять только чуждую идеологию и тем самым освободить человека и общество для нового развития. Почему же таким образом предпринятое «освобождение» обернулось несоизмеримо большей несвободой для личности и общества? Если, конечно, иметь в виду реальное положение вещей, а не пустопорожние декларации о «свободе» и «демократии». А мы ведь не можем оценивать мир поэта без нашего нового печального опыта.

Общая картина русской литературы советского периода последовательно искажалась. На переломе 1950–60 годов идея гибели русской культуры после Октябрьской революции сменилась концепцией «золотого века» советской литературы». Но «любопытно, что к нетленным шедеврам «золотого века» отнесены либо откровенно второстепенные книги, являющие собой боковую ветвь пореволюционного искусства... Либо произведения писателей, покинувших родину или ставших внутренними эмигрантами» (Л. Ф. Ершов, Е. А. Никулина, Г. В. Филиппов, «Русская советская литература 30-х годов», М., «Высшая школа», 1978).

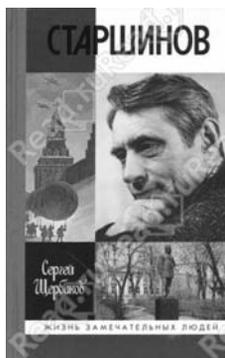
Ярослав Смеляков принадлежал к той плеяде писателей, в творчестве которых русская литературная традиция после её революционного погрома в начале минувшего века наконец-то восстановилась. Сказать, что он был *советским* поэтом, значит только запутывать и состояние литературы, и его роль в ней. Он был большим русским поэтом советского периода истории.

«Я БЫЛ ПРОСТЫМ СОЛДАТОМ...»

Поэта-фронтовика Николая Константиновича Старшинова и редактируемый им альманах «Поэзия», который выходил с начала 70-х и до конца 1991 года, знали, наверное, все, кто тогда пробовал сказать своё слово в литературе. В каждом выпуске альманаха печатались стихи более чем пятидесяти поэтов, причём не только известных. Рубрика «Первая встреча» обязательно была в номерах этого издания, так что подсчитать, скольких авторов ввёл, образно выражаясь, за руку в поэзию Старшинов, вряд ли возможно.

Николай Константинович поистине воспитал, взрастил и вывел на литературную тропу целую плеяду молодых поэтов. Один из них — Александр Щуплов, ныне уже покойный, написал, что все они «выходили из... старшиновской шинели — той самой, в которой поэт пришёл с войны...» А другой — Сергей Щербаков — несколько лет назад выпустил в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» книгу «Старшинов».

Прочитал я книгу, так сказать, запоем, и нахлынули воспоминания о встречах с Николаем Константиновичем.

1

Я храню № 34 альманаха «Поэзия» за 1982 год, в котором напечатана моя подборка из четырёх стихотворений — по сути, первая серьёзная публикация в столице. А предыстория её такова.

До мая восемьдесят второго года, до выхода второй поэтической книжки «Небо и поле», я жил в Благовещенске. Когда этот сборник готовился к выходу в Амурском отделении Хабаровского книжного издательства, кто-то из местных литераторов обнаружил в рукописи «упаднические» мотивы, о чём был сигнал в обком КПСС. Оттуда позвонили в издательство, и, несмотря на то, что на рукопись было две поло-

жительных рецензии, возникла угроза, что книгой она не станет. Тогда заведующий отделением издательства сказал: «Хорошо бы получить третью рецензию, желательно от известного московского поэта».

За несколько лет до этого на совещании молодых литераторов Дальнего Востока в Хабаровске руководителем моего семинара был заведующий отделом поэзии журнала «Москва», поэт-фронтовик Виктор Кочетков. К моим стихам он отнёсся довольно благосклонно, одно стихотворение даже появилось в «Москве». Я написал письмо Виктору Ивановичу, рассказал, в чём суть дела, приложил рукопись. Через какое-то время пришёл пакет с письмом и положительной рецензией, с рекомендацией издательству выпустить книжку. Более того, оказалось, Кочетков возглавлял партийную организацию московских писателей, так что вопрос о благонадёжности моих текстов был снят, и сборник вскоре вышел в свет.

В том же письме Виктор Иванович известил, что подборки моих стихов он отправил в несколько московских журналов, в том числе и в альманах «Поэзия» Николаю Константиновичу Старшинову.

Приехав в Белгород, я узнал от моей жены, что она училась в МГУ на факультете журналистики одновременно с поэтом Геннадием Красниковым, и что тот теперь работает в «Поэзии» вместе со Старшиновым. У жены даже хранилась первая молодоговардейская книжка Геннадия «Птичьи светофоры» с автографом.

В начале 1983 года я оказался в Москве. Зашёл в гости к университетской подруге жены. Разговорились. Она спросила: «Хочешь, познакомлю тебя с Красниковым?» Тут же набрала номер телефона, назвала мою фамилию, на что Геннадий ответил: «Я о Черкесове знаю: в только что вышедшем номере альманаха напечатаны его стихи». Сюрприз для меня, да и только!

В тот же вечер Красников привёз альманах. Моему удивлению и, честно сказать, восторгу не было предела. Напечататься в одном издании вместе с такими поэтами, как Михаил Дудин, Расул Гамзатов, Николай Тряпкин, Александр Кушнер, Новелла Матвеева, — да я о таком мог только мечтать!

Моя подборка открывалась короткой биографической справкой. Обо мне, в частности, было сказано: «Служил в армии», на что я заметил: мол, рад был бы служить, но из-за плохого зрения не взяли. Геннадий с доброй иронией ответил что-то вроде: «Ну, ничего страшного: это Николай Константинович тебя в своё отделение зачислил».

2

В один из следующих приездов в Москву я зашёл в «Молодую гвардию», познакомился со Старшиновым, подписал и подарил ему многострадальный сборник «Небо и поле». Поэт стал расспрашивать о литературной жизни Белгородчины, в частности, о поэте-пастухе Владимире Михалёве, молодоговардейский сборник которого «Радость» редактировал, он же включил стихи нашего земляка в поэтическую антологию «Двенадцать дорог», вышедшую в «Детской литературе». Белгородец к тому же учился на Высших литературных курсах при Литературном институте, а Старшинов на них преподавал.

Тогда же Николай Константинович попросил меня купить вышедшее в Воронеже первое посмертное издание Алексея Прасолова. Я приобрёл с десяток книг, а когда привёз в Москву и пришёл в «Поэзию», их мгновенно разобрали. Я хотел подарить Николаю Константиновичу экземпляр, но он протянул деньги, мол, пригодятся.

В «Поэзию» я всегда заходил с удовольствием, правда, не без душевного трепета. Редакция располагалась, насколько помню, в двух небольших комнатах. В одной Старшинов и Красников принимали посетителей, вторая была чем-то вроде предбанника, где всегда табунились стихотворцы. Здесь я встречал Владимира Кострова, Виктора Гончарова, Ивана Лысцова, Николая Дмитриева, Александра Щуплова, Михаила Зайцева, Геннадия Касмынина, Ольгу Ермолаеву, Нину Краснову, Ларису Тараканову и других поэтов, узнавая их по фотографиям в сборниках, которые были в моей библиотеке.

Николай Константинович, беседуя с авторами, часто курил, Геннадий же этой его привычки не одобрял. На стене даже висел какой-то плакат о вреде курения. Ододел ли поэт страсть к табаку, которая пришла к нему на фронте, или до конца дней своих дымил, я не знаю.

В 1984 году я купил новый сборник Николая Старшинова «Моё время» (изд-во «Советский писатель») и, направляясь в Москву, взял его с собой. Николай Константинович подписал экземпляр «Валерию Черкесову — сердечно, с пожеланием удач». При этом, как мне показалось, он, несколько удивившись, спросил: «Из Белгорода привёз?» В комнате был кто-то из поэтов, который, увидев «Моё время», стал поздравлять автора с выходом книги. Тут уже удивился я: москвич, а не знает?!

Тогда же я сделал вывод: Николай Старшинов не очень-то распространялся о своих публикациях и книгах — скромность была его отличительной чертой. А в том, что многие московские поэты не интересуются творчеством собратьев, не читают чужих стихов, я и после того случая убеждался не раз.

3

В 1985 году я надумал поступать в Литературный институт. Мне было уже тридцать семь лет — возраст далеко не студенческий. Но обстоятельства складывались так, что на Белгородчине мне никак не удавалось издать третий сборник (своих стихотворцев хватало, а тут — приезжий), в связи с этим не мог я и попытаться вступить в Союз писателей. А в то время без членского билета ты был никем.

Собрал документы, и, приехав в Москву, отдал их в приёмную комиссию Литинститута. Потом заехал в «Молодую гвардию», рассказал Николаю Константиновичу о своём намерении. Он сказал: «А я как раз семинар набираю». Тут же открыл мой сборник «Небо и поле», набросал небольшую рецензию. Что в ней было написано, не помню, но последние слова такие: «Я беру Валерия Черкесова в свой семинар». Николай Константинович дополнил рецензию устно: «Считай, что творческий конкурс ты уже прошёл». Я отвёз листок в приёмную комиссию, благодарный такому подарку судьбы, а вернее — Старшинову.

Перед началом вступительных экзаменов было что-то вроде смотрин: члены приёмной комиссии и руководители будущих семинаров встречались с абитуриентами. Нам задавали самые разные вопросы. Меня поэтесса Лариса Васильева спросила: сколько вышло книжек, и подавал ли я заявление на приём в Союз писателей? Вероятно, этот её интерес был продиктован тем, что абитуриентов с публикациями, да ещё с книжными, было немного. Я ответил. А Николай Константинович, характеризуя стихи, сказал, что пишу я профессионально. Конечно, это был аванс.

Как правило, в те времена конкурс в Литинститут был небольшим: случайные люди отсеивались ещё в процессе творческого отбора, кто-то заваливался на экзаменах, в итоге оставались абитуриенты, которым было суждено перейти в категорию студентов. Но на этот раз набор был большим, и получилось так, что, сдав три экза-

мена на четвёрки, я перед английским не добирал пяти баллов. А в моём аттестате об окончании вечерней школы напротив этого предмета стоял прочерк, то есть я его не изучал, значит, в экзаменационный лист автоматически шло три балла. И я, махнув рукой, укатил домой, даже не забрав документы.

Через какое-то время, когда я вновь заявился в молодогвардейскую редакцию, Николай Константинович спросил: «Ну и куда ты исчез?» Я объяснил ситуацию, на что Старшинов заметил: «Ты же не на английском стихи пишешь. Александру Макарову из Тамбова тоже баллов не хватало. Но он — настоящий поэт, я настоял на приёме, и сейчас он учится в моём семинаре. Я бы и тебя защитил».

Но, если честно, я уехал из Москвы ещё и потому, что, прожив полтора предэкзаменационных месяца в институтском общежитии, окунувшись в его атмосферу, хлебнув околелитературной жизни, нутром понял: однажды могу наглотаться этого «болота» и навсегда утонуть в нём. Но об этом, конечно, Николаю Константиновичу не сказал.

И ещё один раз Старшинов поучаствовал в моей литературной судьбе. Было это в 1995 году. Тогда в городе Новомосковске Тульской области выходил журнал «Поле Куликово». Редактором этого издания был прозаик Глеб Иванович Паншин. Он и Николай Константинович крепко дружили. Так вот, Паншин сообщил в письме, что мои стихи, опубликованные во втором номере журнала, отбирал Старшинов как член редколлегии. Альманах «Поэзия» уже тогда не выходил и, как я понимаю, Глеб Иванович всячески поддерживал товарища, в том числе и материально, привлекая его к работе над «Подем Куликовым».

4

«Старшинов абсолютно соответствует своей фамилии и своим стихам», — такая запись осталась в моём дневнике после того, как я прочитал двухтомник Николая Старшинова (изд-во «Художественная литература», 1989 г.). Предисловие к нему написал тот самый поэт-фронтовик Виктор Иванович Кочетков, благодаря которому мои стихи появились в старшиновском альманахе «Поэзия».

Да, внешность, характер, привычки, жесты Николая Константиновича гармонично соотносились с его «военной» фамилией. Спокойный, рассудительный, немногословный, обстоятельный в суждениях, он был похож на идеал армейского старшины. И своих питомцев — молодых поэтов — опекал по-отечески: скупно хвалил, когда того был кто-то достоин, всячески поддерживал, не давал в обиду ни критикам, ни злопыхателям-завистникам.

Его поэзия тоже строга, сдержана, не изобилует метафорами и эпитетами, строки чеканны, как строевой шаг, — и всё это «работает» на смысл, на суть стиха. Он знал, что хотел сказать, умел это сказать по-своему, по-старшиновски.

Вот несколько цитат из его стихов, ставших классикой военной поэзии:

*Идём, и притупляется усталость.
Ряды плотней и глуше голоса...
До фронта километра три осталось,
А значит, и до боя — полчаса.*

* * *

*Я был когда-то ротным запевалой,
Да и теперь я изредка пою.*

* * *

*Всё жарче вспышки полыхают,
Всё тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.*

* * *

*Когда, нарушив забытьё,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию»!..»
Но шли и гибли за неё.*

* * *

*А нам судьбу России доверяли,
И кажется, что мы не подвели.*

А стихотворение, датированное 1987 годом, приведу полностью:

*Не мыслил я в масштабах операций,
Решавших участь армий и фронтов.
Я только думал: как бы мне добраться
До той канавки и до тех кустов,
Где, вытерев ладонью капли пота,
Я мог своё искусство проявить —
Вцепиться в рукоятки пулемёта
И на его гашетку надавить.
А после, уходящим взрываю внемя,
Я мог чего-то есть и как-то спать.
И знать, что отстоял я эту землю —
Хотя б одну-единственную пядь.*

Вот такая окопная правда, о которой в своё время много говорилось и писалось, да и сейчас выходит немало произведений разных жанров, но у Старшинова она не в нагнетании тягот, лишений, страхов, испытываемых на войне, чем грешили и грешат некоторые авторы, а в преодолении их, чтобы, преодолев, можно было с полным правом сказать: «Отстоял я эту землю...»

К войне поэт-фронтовик обращался на протяжении всего творчества, эти стихи, как вехи, по которым выверялся жизненный путь. Не мудрствуя лукаво, он сказал о себе: «Я был простым солдатом...» И это самая лучшая, самая правдивая характеристика его поэзии и самого Николая Константиновича.

Старшинов был из фронтового поколения рождения 1924 года, от которого после войны по статистике в живых осталось только три процента, и о котором белгород-

ский поэт, тоже участник Великой Отечественной войны Иван Овчинников, сказал так: «Малоллюдно в нашей лодке, но уключины скрипят».

Николай Константинович ушёл из жизни 6 февраля 1998 года, успев завершить работу над рукописью книги «Что было, то было...», она вышла в «Молодой гвардии» в том же году в серии «XX век: литература. Лики. Лица. Личины». В ней воспоминания об Анне Ахматовой, Александре Твардовском, Михаиле Светлове, Ярославе Смелякове, о фронтовиках — Юлии Друниной, Сергее Наровчатове, Алексее Фатьянове, о современниках — Викторе Бокове, Николае Глазкове, Владимире Соколове и других; а также статьи о тех, кого он пестовал, об альманахе «Поэзия». Написана книга, как сказано в авторском предисловии, «и с доброй улыбкой, и с иронией, а, бывает, и с осуждением». И здесь же: «Возможно, что я в определённые мгновения думаю о себе лучше, чем я есть на самом деле. Но манией величия я не страдал и не страдаю. Может быть, мне повезло: я никогда не занимал высоких постов...»

Да, у Николая Константиновича был один самый высокий и ответственный пост — пост Поэта. К сожалению, в нынешнее время, неблагопристойное для поэзии, когда Слово утратило своё пророческое значение, когда поэтом себя называет каждый, кто что-то и как-то зарифмовал, когда в журналах «правят бал» тусовки, а Интернет забит литературным хламом, когда не существует литературных иерархий, особенно остро ощущается нехватка таких личностей, как Старшинов. И едва ли они появятся в ближайшие годы.

В ЖЗЛовской книге «Старшинов» о Николае Константиновиче рассказывает не только Сергей Щербаков, но и опубликованы воспоминания других его учеников, а также стихи, ему посвящённые. Их авторы — поэты самые разные по взглядам, направлениям, мере таланта, но всех их поддерживал и объединял Николай Константинович, и они это ценили. Вот некоторые имена: уже ушедшие от нас Виктор Боков, Николай Глазков, Давид Самойлов, Роберт Рождественский, Николай Дмитриев, Римма Казакова, ныне здравствующие Владимир Костров, Александр Бобров, Николай Карпов, Лариса Васильева, Нина Краснова и другие.

Благодарные проникновенные строки Геннадия Красникова: «При всей трагичности нашего пути, куда бы нас ни задвигала жизнь, нам всё же остаётся счастье и радость вот так просто и спокойно сказать: «Он был моим Учителем!»

И моим, осмелюсь сказать, тоже.

ИГРАЙ, НАИГРЫВАЙ...

Ансамбль народных инструментов «Наигрыш» — жемчужина города Набережные Челны. Коллектив ансамбля состоит из профессиональных музыкантов, которые создали эксклюзивный репертуар из более 300 инструментальных и вокальных произведений. «Наигрыш» — лауреат международного и республиканского, дипломант всероссийского конкурсов. Мы побеседовали с руководителем ансамбля Николаем Прокопьевичем Фёдоровым.

— *Расскажите о Вашем коллективе. Почему Вы и Ваши коллеги решили связать свою жизнь с народными инструментами?*

— Черета перемен в нашей жизни сопровождается сменой ценностей. Раньше исполнители выходили на сцену и несли с собой содержательность. Музыка трогала душу, заставляла задуматься. Сейчас существует много музыкантов, которые превратили выступление на сцене в шоу. Всё мастерство направлено на создание яркой, глянцевого программы. А мы воспитывались с ощущением, что музыка настраивает на высокую ноту. Ещё одна неприятная тенденция — в настоящее время мало детей обучается игре на народных инструментах. Общий уровень по-прежнему высок, на конкурсах дети берут призовые места, но после музыкальной школы творческий путь выбирают немногие. Даже в СМИ перестали транслировать этот жанр. Но люди благодарны нам за эту музыку. Когда они находятся в зале, у них меняются лица, настроение. У людей есть потребность слушать эту музыку, вот поэтому 16 лет назад мы и решили создать ансамбль народных инструментов.

— *В октябре вы провели II фестиваль исполнителей на народных инструментах «Родники России». Как родилась идея создания фестиваля?*

— Идея витала в воздухе. Мы решили привлечь внимание общественности, любителей музыки, детей, чтобы люди поняли, как необходима и интересна такая музыка. Почему фестиваль? Именно он может способствовать решению некоторых проблем. Это музыкальный праздник. Нам не хочется, чтобы таланты уходили в другие сферы деятельности. Мы хотим, чтобы народные инструменты звучали в своём естестве, чтобы традиции высоко духовного искусства передавались следующим поколениям. Праздник с привлечением мастеров исполнительского искусства высшего ранга, на мой взгляд, удался.

— *На ансамбле народных инструментов практически всегда стоит печать исполнения народной музыки. Но ваша музыка разнообразна. Каким традициям вы следуете с исполнительстве?*

АНСАМБЛЬ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «НАИГРЫШ»

*Набережные Челны, октябрь 2011 г. Поёт Ксения Чурсинова,
лауреат международного конкурса Сергея Рахманинова (г. Москва)*

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

*Гости первого фестиваля «Родники России» (г. Набережные Челны, 2010):
народный артист России Сергей Лукин (вверху) и народный артист России Шаукат Сабиров*

Народная артистка Республики Татарстан Гузель Мухаметдинова

Концертмейстер ансамбля народных инструментов «Наигрыш» Олег Емалтынов

Второй фестиваль «Родники России» (г. Набережные Челны, 2012). С ансамблем народных инструментов «Наизгрыш» выступает воспитанник педагога и композитора Е. П. Дербенко виртуоз-гармонист Павел Уханов (г. Москва)

Концертная программа «Родная песня».
На баяне: лауреат всероссийских и международных конкурсов Юрий Рыбин

АНСАМБЛЬ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «НАИГРЫШ»

Юбилей отделения народных инструментов Набережночелнинского колледжа искусств (2008 г.)

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Мастер-классы в рамках фестиваля «Родники России»

АНСАМБЛЬ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «НАИГРЫШ»

Мастер-класс профессора Уфимской Государственной академии искусств, заслуженного артиста России Раджана Шайхутдинова

Ансамбль народных инструментов «Наигрыш» с молодёжным театром-студией «Ключ» (г. Набережные Челны). Музыкально-театрализованный коллаж по пьесам А. П. Чехова «Счастливые нищие»

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

*Ансамбль народных инструментов «Наигрыши» (г. Набережные Челны).
В центре — руководитель ансамбля Николай Фёдоров*

— Да, наверное, для широкого круга это общее представление. Что для людей гармошка? Как правило, застольные песни. Балалайка — это «Камаринская». Домра — «Светит месяц». На самом деле история народных инструментов делится на два этапа — всё, что было до Василия Васильевича Андреева, и после. Это человек, который совершил переворот в национальной культуре России, подарил новую жизнь народным инструментам. После Андреева на балалайке стали играть Чайковского, Рахманинова, Моцарта. Появились оригинальные произведения для народных инструментов. Андреев — создатель первого Великолукского оркестра народных инструментов. Позже, в советское время, для любителей музыки появилась возможность получить профессиональное образование. Появились музыкальные школы, потом техникумы, стали открываться кафедры народных инструментов. Уже давно народные инструменты (балалайка, домра, баян) стали академическими. Мы традиционно не отрываемся от своих корней, продолжаем ту линию В. В. Андреева, которую он начал. Что сделал Андреев? Однажды он услышал игру простого деревенского деда на балалайке. Это поразило Андреева, и он всю жизнь положил на этот инструмент — сам обучился, создал самоучитель игры на балалайке, разработал конструкцию балалайки и заказал её мастеру по изготовлению скрипок. Андреев разработал целое семейство балалаек, привлёк профессиональных музыкантов, создал ансамбль. Они сделали небольшую программу и выступили с ней в здании Дворянского собрания в Петербурге. В 1904 году Дягилев в рамках дней России во Франции пригласил этот ансамбль. Они произвели фурор в Париже. После этого гастролировали по Англии, США, Шотландии, Финляндии, Канаде. Исполнительство на русских народных инструментах приобрело популярность по всему миру.

— *Музыка — это язык души, вы дарите её людям. Какую музыку любят играть Ваши музыканты?*

— Мы любим разную музыку. Стараемся играть ту, которая может быть интересна слушателю. Играем русскую и зарубежную классику. Исполняем и татарскую музыку. Мы делали программу, в которой звучали произведения С. Сайдашева, Р. Яхина и других выдающихся татарских композиторов. Это интересно и нам, и зрителям. Но основной пласт — это оригинальные произведения для народных инструментов, музыка народов мира.

— *Вы исполняете песни и романсы на стихи русских поэтов. Какая поэзия близка вашему коллективу и Вам лично?*

— У меня всегда было ощущение, что музыка и поэзия неразрывно связаны. Часто мы делаем тематические концерты. Например, у нас есть программы «Исповедь хулигана», «Дорогие мои, хорошие» (памяти Сергея Есенина, который всегда был близок мне). Из русских поэтов я особенно люблю Пушкина и Есенина, они писали на русском языке с запахом слова. Их в этом плане никто не превзошёл. Если говорить о современных поэтах, мне нравятся стихи Николая Алешкова. В его стихотворениях прослеживается ощущение сегодняшнего времени, смена настроений, боль за Россию. Мои ощущения он материализовал в слове. Очень интересна Вера Хамидуллина. Это фонтан идей, эпатаж с мерой хорошего вкуса.

— *Недавно вы исполнили замечательные программы с Николаем Алешковым, с Верой Хамидуллиной, которые имели немалый успех. Как вы оцениваете эти совместные творческие проекты?*

— Очень хочется продолжить сотрудничество с творческими людьми. У нас с Николаем Алешковым есть договорённость продолжить выступать вместе. Мне понравилась и программа с Верой Хамидуллиной. Если с Николаем Петровичем мы развивали тему отношения к миру, взгляда на жизнь с раздумьем, с осмыслением, то с Верой Петров-

ной программа прошла очень ритмично, динамично и трогательно. Когда мы делали эти программы, боялись непонимания. Но все наши опасения были напрасны.

— *Музыка, поэзия, живопись помогают человеку познавать мир гармонично и полно. В музыке способ познания мира — звук. Так какой же звук присущ народным инструментам? Чем он отличается от звука других инструментов?*

— В первую очередь, теплотой. Вообще народным инструментам свойственна искренность, трогательность, возможность передать тонкие переживания. Все народные инструменты негромкие. Балалайка придаёт теплоту звучания всему коллективу. А баян по возможности влияния на звук сравним со скрипкой. Воздухом можно тонко варьировать звучание, переливы мелодии. Мощный подъём и интимный спад характерны для звука народных инструментов.

— *В наше непростое время существует много разной музыки, истинно прекрасной и откровенно бездарной. Появилась так называемая «попса». Как вы относитесь к этому явлению?*

— Разочаровывает параллельность существования хорошей и безвкусной музыки. Меня расстраивает, что самая непотребная музыка массово транслируется. Появилось много агрессивной музыки, как по ритму, так и по темам. Это крикливо, навязчиво. Массовая советская песня резко отличалась от того, что есть сейчас. Вспомните Муслима Магомаева, Валерия Ободзинского, Анну Герман. А современные исполнители — это красивые обёртки, прекрасные аранжировки, но манера исполнения и голос оставляют желать лучшего. Даже на канале «Культура» народная музыка стала «неформатом».

— *Не секрет, что судьба творческих коллективов столицы отличается от судьбы провинциальных ансамблей. А ведь давно известно, что истинное творчество рождается в провинции. Как вы считаете, каковы перспективы развития провинциальных коллективов, плюсы и минусы пребывания за пределами столицы?*

— Да, это имеет место быть. Столица притягивает к себе самых талантливых, амбициозных. Исторически сложилось, что там высок уровень консерваторского образования. Но в провинции очень много идей, талантливых музыкантов-«самородков». Дух, манера, природа — всё это отражается в творчестве. Тот багаж впечатлений, который был получен в самых разных уголках нашей страны, отражается в музыке. Провинция по-прежнему питает Москву. Нашему коллективу удалось сохранить те традиции высокого исполнительства, которые исторически сложились. Мы стараемся играть хорошую музыку, стараемся затрагивать серьёзные темы и поддерживать высокий исполнительский уровень, хотя у нас для этого нет базы. Даже наши инструменты арендованы. Это большая проблема, но всё же мы существуем и радуем слушателей своей музыкой.

— *Поделитесь творческими планами Вашего коллектива.*

— Мы будем продолжать работать с хорошей музыкой, играть известную музыку в новых аранжировках, будем создавать совместные программы с творческими людьми. Хочется открывать новые имена, чтобы наши дети слышали настоящую музыку, ведь именно она помогает человеку справляться с жизненными трудностями и постигать прекрасный мир подлинного искусства.

Беседовала Ксения ЛАРИНА

ОСТАТКИ МУЗЫКАЛЬНОЙ РОСКОШИ

ЭТА СТАТЬЯ — О ПОЛОЖЕНИИ МАСТЕРОВ, ДЕЛАЮЩИХ РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ. ТЕМА РЕДКАЯ, СЕЙЧАС ОБ ЭТОМ ПРАКТИЧЕСКИ НИКТО НЕ ПИШЕТ. ГЛАВНАЯ МОЯ ЦЕЛЬ КАК АВТОРА — ПОКАЗАТЬ СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, А ИМЕННО МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

В эпоху глобализации производителям предметов национальной культуры приходится нелегко. Начиная с 1990-х годов девять из десяти мастеров русских народных инструментов ушли из профессии. Кто-то стал собирать мебель, кто-то паркет. А Черниговская фабрика музыкальных инструментов имени Павла Постишева перепрофилировалась на изготовление гробов. А теперь о том, как выживают оставшиеся единицы.

В подмосковном посёлке среди высоких сосен и типичных современных частных построек стоит зелёный с узорами в виде белых арф «музыкальный домик». Во дворе огромный пёс с щедрым именем Дар. По-собачьи радостно он встречает гостей. Судьба определила пса-добряка в дом к необычной семье. Евгений Сержантов — продолжатель семейной династии музыкальных мастеров. Домры и балалайки, созданные его отцом и дядей, были известны на весь Советский Союз. Они и передали будущему умельцу тайны превращения деревянной чурки в музыкальное чудо.

Сейчас на счёту 54-летнего мастера около двух тысяч домр и балалаек. На его инструментах играют ведущие музыканты из России, а также из стран СНГ, Европы, Северной Америки и Азии.

«Да нет у меня никакого секрета. Это же инструменты, здесь всё видно. Ничего не скроешь», — комментирует Сержантов свой 15-минутный видеоролик, на котором в ускоренной съёмке запечатлён процесс создания балалайки. На видео мастер неестественно быстро двигает руками, то и дело демонстрирует русскую присядку, как художник, рассматривая свою работу с разных сторон. Действительно, на первый взгляд всё открыто, но душа инструмента Сержантова для многих остаётся загадкой. «Ученики и подмастерья, которые у меня когда-то были, часто укоряли: «Ты что-то скрываешь от нас. Мы всё мерили, делали как у тебя, но у тебя звучит, а у нас нет».

Создавать идеальные пропорции — этому рано или поздно многие могут научиться, но «слышать дерево»... увы, дано не каждому. Маленький Женя, и не помышлявший создавать музыкальные инструменты, часто захаживал в мастерскую отца.

«Давай, помогай. У меня горит дело. Нужно скорее выполнять план. Времени нет. Надо пошкурить», — иной раз можно было от него услышать. Так постепенно будущий искусник научился чистить, шкурить, полировать. И всё это сопровождалось еле слышной музыкой — музыкой дерева. «Они берут дощечку. Смотрят, насколько та гнётся. Стучат по ней — слушают, какой

у неё звук, — вспоминает жена мастера Нина. — Помню, когда только вышла замуж, с удивлением наблюдала: чего это они там могут услышать?» «Это всё понты, — смеётся мастер. — Когда дерево ещё не обстроганное, стоит по нему ударить пальцем, и уже можешь понять, насколько высокий у доски потенциал».

Сержантов считает себя в первую очередь технарём. Он четыре года работал на Гознаке ведущим оператором электронно-лазерной цветоделительной корректирующей установки. Но в какой-то момент надоело, решил попробовать делать инструменты. Начал, и всё получилось.

Когда Евгений пришёл на фабрику во Всесоюзное хоровое общество, то сразу стал мастером первой категории. Работал надомником в отцовской мастерской, где дневал и ночевал. Рассказывая о том времени, жена мастера до сих пор негодует: «У нас медовый месяц. Казалось бы, надомник — всегда поработать успеет, а он ровно в 8 утра идёт через 20 метров в мастерскую и работает как минимум восемь часов. Его оттуда можно только на обед вытащить. Спрашиваю: «Ты меня любишь или нет? Побудь со мной». Отвечает: «Ладно! Сегодня пораньше». Он просто трудоголик. В советские времена хорошо зарабатывал: мы не знали, что такое пешком ходить или на электричке ездить, всегда на такси перемещались. Думала, за миллионера вышла замуж. Но, видите, обманул-таки», — добродушно хохочет она.

В мастерской Сержантова длинная полка во всю стену. На ней аккуратно разложены деревянные бруски. Некоторые из них дожидаются своего звёздного часа больше 35 лет, эти экземпляры — семейная реликвия, их собирал в своё время отец Евгения. Для настоящего мастера кусок дерева, подготовленный по всем правилам, дороже золота. Он должен быть не просто высушенным (высушить его можно искусственно, за месяц), а выдержанным, желательно, чтобы не меньше пяти лет, тогда дерево лучше сохраняет форму, размер. Для инструментов такой сложной конструкции, как балалайка, а в особенности домра, это крайне важный фактор. Как-то раз Сержантов провёл эксперимент: взял две еловые доски, одна из которых пролежала 15 лет, другая — пять. Нагрел их. Замерил. Та, что «постарше», села меньше, чем на 1 мм, пятилетняя — на 5 мм: «Дерево — это губка. Сколько влаги в среде, столько она и впитывает. Ставишь невыдержанный материал — начинает деформироваться, а дереву некуда уходить — появляются трещины».

На столе плоский кусок доски, похожий на фанеру. Чёрными буквами на нём написано «Bechstein Sydney 1879». Эту часть деки от рояля привёз Сержантову знакомый музыкант: «Я покупаю части старых инструментов. Многие известные музыкан-

ты привозят их мне. Покупаю дерево у мастеров, у которых уже сил не хватает делать инструменты, а материала ещё предостаточно с советских времён. Вероятность того, что с этим деревом что-нибудь случится, меньше. Заборная доска и та лучше молодого невыдержанного дерева! Стояла она на улице лет десять — где-то сломалась, где-то сгнила... Но тому куску, который остался целым, цены нет».

Неспешно экскурсия по мастерской перемещается в закуток под лестницей. Подвешенные на крючках, блестят законченные работы мастера. Сержантов тянется к одной из них: «В этой домре из российских материалов только металлические колки, и то не лучшего качества. Всё остальное куплено за рубежом: резонансная ель для деки — в Германии, клён для корпуса — в Китае, чёрное дерево для грифа и панциря — в Африке». В Советском Союзе музыкальные мастера закупали клён на Кавказе, а теперь права на лес, где выращивали «музыкальную» древесину, выиграла Германия. Цены на заграничное дерево резко взлетели: «Метровая доска резонансной ели сейчас стоит около 40 тысяч! Вы можете представить, что речь идёт о ёлке, растущей у нас везде, в любом уголке страны? Любопытно, что мадагаскарский палисандр, который идёт на гриф, обойдётся в 10 раз дешевле. Это маразм полный!»

По подсчётам Сержантова, сейчас в Москве осталось 20–25 музыкальных мастеров, делающих концертные домры и балалайки. В 1980-е годы их только в экспериментальной мастерской Всесоюзного хорового общества (ВХО) было больше сотни. Команда здешних мастеров считалась одной из самых квалифицированных в стране. Производственный план Евгения Сержантова был распisan на год вперёд: «Очень много инструментов я тогда делал: до восьми штук в месяц (сейчас не больше трёх). Некоторые мастера не верили, что такое возможно. Работал с утра до ночи, пока не выгонят. Но в начале 1990-х количество заказов резко упало. На фабрике платить перестали. Почти 90% мастеров ушли... Кто-то кухни стал собирать, кто-то мебель. И я подрабатывал: приклады для оружия делал, и руль для Мерседеса. Этот руль стоил столько, сколько я бы за год не заработал своими инструментами. Выживал только за счёт частных заказов. Постепенно (ближе к 2000 году) инструменты стали больше покупать. Но если раньше основными потребителями были музыкальные школы, то теперь училища, колледжи, консерватории».

«Музыкальным школам не разрешают брать инструменты у индивидуальных предпринимателей, а вот дешёвые китайские — сколько хочешь, — говорит мастер. — И не из-за того, что те дешевле, а потому, что они выиграли тендеры. Один оркестр хотел купить у меня партию инструментов почти на весь коллектив. Это порядка полумиллиона рублей. Но им не разрешили, говорят: «Можете взять инструменты у Сержантова, но только на сумму не больше 100 тысяч. Остальные инструменты приобретайте у тех, кто выиграл тендер». Как это ни странно, дело тут не в жадности. Руководство следовало законам.

До конца 2011 года учреждения, желающие приобрести музыкальный инструмент, имели право купить его у единственного поставщика на сумму, не превышающую 100 тысяч рублей. Лишь седьмого декабря этот предел повысился до 400 тысяч. Более крупные заказы, согласно федеральному закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», должны осуществляться через аукционы. Аукционы проводятся на электронных площадках. Заказчик во всех подробностях указывает, какой инструмент ему необходим, из каких материалов, но имя мастера указать не может. В свою очередь, те, кто предлагает инструмент, тоже досконально описывают свой продукт, но имя автора также не имеют права называть. В итоге аукцион осуществляется «вслепую», учитывается только цена и «состав» инструмента. Тендер выигрывает тот, кто пред-

ложил самую низкую цену. И не факт, что люди получают то, что хотели. Ведь те же балалайки делаются практически из одних и тех же сортов дерева, но качество одной может существенно отличаться от другой.

Частников, таких, как Евгений Сержантов, эти условия вынуждают сотрудничать с фирмами-посредниками. Те заказывают инструмент у мастера, выставляют товар на аукцион и выигрывают тендер. Но выгода от продажи достаётся не тем, кто создал этот самый продукт, а тем, кто его продал: «Ко мне приезжала девочка ремонтировать инструмент, спрашивала: «Почему у вас цены такие высокие?» Она купила у посредников мою домру за 52 тысячи, а я продал её за 17!»

Коллега Сержантова, мастер Владимир Костин, к фирмам-посредникам относится по-партнёрски: «Чем больше фирм, тем нам лучше. Они ищут нам заказы. Им всё равно не у кого заказывать, только у нас». Однако, в отличие от Сержантова, Костин с подобными компаниями ни разу не сотрудничал. «Эти фирмы готовы работать за половину от стоимости. Я лучше буду отдыхать, чем работать за половину. Все мои инструменты рано или поздно расходятся. У меня вообще мечта, чтобы готовые инструменты оставались и постепенно составили целый оркестр. Я ведь всё делаю: от пиколки до контрабаса», — рассказывает Владимир Костин.

Костин — относительно молодой музыкальный мастер. В начале своей карьеры он работал на «Экспериментальной фабрике музыкальных инструментов»: «Мастерская была в центре Москвы, на Плющихе. Там вокруг банков понастроили, а мы, несолидные люди, ходим в «трениках» с выгнутыми коленками, водку пьём, и прибыли от нас никакой. Ушли оттуда, нашли другое помещение с более дешёвой арендой». Вот уже восемь лет мастерская Костина находится в подвале старого гаража. От вереницы таких же невзрачных кирпичных коробок его отличает разве что дыра в стене размером с футбольный мяч. Глядя на «домишко» и не подумаешь, что здесь совершается музыкальное таинство.

От пола до потолка помещение заполнено всевозможными предметами. Сумбурная коллекция баночек с клеями, лобзики, рыбацкие снасти, выглядывающие из-за туристического коврика, обмотанного скакалкой, напоминает дом гоголевского Плюшкина.

На одной из стен подвешен шкаф. Внутри, в противовес внешнему хаосу, как пиджаки на вешалках, аккуратно висят две балалайки и домра. Вид — точно горячие румяные пирожки, но инструменты ещё не готовы. Для домры осталось сделать головку, чем Костин сегодня и займётся. Вопреки традиционным представлениям о создании музыкальных инструментов, мастер берётся не за

какой-нибудь лобзик или стамеску, а включает ноутбук, хотя и весьма древней наружности. Когда-то белый «Pentium I» как старую книгу, припылило и ожелтило время. «Он появился у меня три года назад. Бывшие хозяева собирались выкинуть, а я дал ему новую жизнь. Теперь работает и похохатывает».

С помощью «антикварного» ноутбука Костин управляет станком, выпиливающим заготовки. Целых 17 лет он осуществлял все стадии изготовления инструмента вручную и только три года назад механизировал некоторые из них: «Дурак! Надо было раньше. Станок не устаёт, кушать не просит. Надо только следить, чтобы он сам себя не распилил».

Прежде, чем подставить будущую головку под зубья станка, Костин создаёт с помощью специальной компьютерной программы её трёхмерную модель. «Сейчас существуют станки очень высокого уровня: кладёшь готовую заготовку, её лазером сканируют и делают копию. Можно за определённую сумму сделать эту модель на заказ. Но я не пошёл на это, решил сам писать программу, потому что постоянно что-то меняю. И лучше, когда я сам полностью контролирую процесс».

Итак, мастер включает станок. Задаёт нулевую позицию. Круглое тонкое лезвие с острыми зубцами медленно приближается к деревянному бруску. Достигая его, оно с немецкой точностью рассекает дерево по заданному рисунку. Звук как на приёме у стоматолога. Прошёл час. И вуаля — пожалуйста, заготовка выполнена.

Сейчас начнётся самое интересное — эксперименты. Пожалуй, самый смелый опыт Костина — домра и балалайка, сделанные без единой капли клея. Части в нём держались на небольших саморезах, что упрощало мастеру поиск нужного тона. «На них можно поставить будущую деку, поиграть на ней, что-то изменить, потом приклеить на новый инструмент».

Желание совершенствоваться, исследовать возможности инструмента и есть причина того, что Костин стремится максимально механизировать процесс. Профессиональная звуковая карта определяет тон. Сушитель регулирует уровень влажности в помещении: «Он позволяет работать, даже когда на улице идёт дождь. И сезон уже не диктует свои условия».

«В начале 1990-х годов «новые русские» покупали у меня инструменты, брали их с собой в баню. Потом приносили откровенные «дрова». Именно в это трудное для России время Костин начинает создавать свои инструменты. В отличие от Евгения Сержантова, он не застал время большого количества заказов, востребованности этой профессии. По мнению Владимира, между российскими мастерами-частниками и китайскими производителями нет никакой конкуренции: «Это иллюзия. Качественный инструмент в любом случае выгоднее покупать. Даже детскую балалайку нестандартных пропорций (три четверти) лучше покупать высокого качества, её потом будет проще продать. Плохой инструмент со временем только хуже станет, и его уже точно не продашь».

Мнение Костина разделяет и Валерий Гребенников, основатель и генеральный директор той самой компании, что производит в Китае балалайки и домры: «Мастерская Валерия Гребенникова» занимает особую нишу. Нишу недорогих инструментов для школ. «Я сам когда-то был учеником музыкальной школы. И помню те пятирублевые балалайки Ленинградской фабрики. Такие инструменты-сувениры с лёгкостью могут отбить у ребёнка желание заниматься музыкой. Оттого и возникла идея сделать балалайки из хороших материалов более доступными», — говорит мастер-реставратор, медленно поднимаясь по лестничному серпантину в свою мастерскую, расположенную на чердаке Академии музыки имени Гнесиных.

В мастерской не безлюдно. Взглянуть на новую балалайку, привезённую из Китая, зашли музыканты «Гнесинки»: «У грифа слишком сильный изгиб. Нужно сделать плавный», — оценивают они. Перед продажей каждый китайский инструмент Гребенников отдаёт мастерам из России, чтобы те довели его до ума. Контроль за качеством — главное правило Валерия Гребенникова, поэтому каждые три-четыре месяца он ездит в Китай. По его словам, среди шести работников фабрики — пять подмастерьев, и только одного можно назвать мастером. С ним Гребенников общается на профессиональном языке. «Мы оба мастера и прекрасно понимаем друг друга».

Идея организовать фабрику в России у Валерия Гребенникова была, но серьёзных попыток он не предпринимал по экономическим причинам: «Здесь эти инструменты стоили бы в два раза больше. Во-первых, в России дороже материал. Во-вторых, в России выше налоги. В-третьих, работа российских мастеров стоит больше. Эти мастера, как правило, делают настоящие музыкальные инструменты, а, значит, необходимо больше времени, материалов. Китайцы делают, грубо говоря, «столярные изделия», но зато быстро и дёшево. Если российские мастера боятся конкуренции с китайцами, то это не мастера, это ремесленники», — считает Гребенников.

По словам российских музыкальных мастеров, на дешевизну китайских инструментов влияют и другие факторы: «Породы дерева для инструментов они используют добротные, но выдержано дерево искусственно, с помощью специальной ускоренной сушки. А, значит, вероятность возникновения трещин выше, — делится опытом Евгений Сержантов. — К тому же климатические условия в Китае и в России различаются. Там влажность выше, поэтому гарантий на китайские инструменты намного меньше».

В 2011 году Валерий Гребенников руководил производством не только китайских, но и российских фабричных инструментов. По его словам, Московский производственный комбинат музыкальных инструментов фонда имени П. И. Чайковского производит инструменты хорошего качества: «Здесь работают одни из лучших мастеров, каких можно найти в России», — говорит Валерий Гребенников. Фирма выпускает не только домры и балалайки, но и древнейший русский народный инструмент — гусли.

Если вы слышали игру гусяров Национального академического оркестра народных инструментов России имени Н. П. Осипова, то вы знаете, как звучат инструменты, изготовленные Андреем Лесинковым.

В просторной мастерской умельца всё припорошило древесной пылью: и электрический чайник, и старый магнитофон. От резкого запаха лака слезятся глаза, но такими ароматами Лесинкова не сразишь. Он покрывал лаком не одну сотню гуслей. Мастеров, изготавливающих гусли такого высокого уровня, можно сосчитать по пальцам. Но за секретами, которых не вычитаете в книге, очереди к мастеру не выстраиваются: «Учеников у меня нет. Специальные школы

для музыкальных мастеров в стране отсутствуют. Даже не во всех музыкальных вузах есть предметы, где дают общее представление о том, как изготавливается инструмент».

Как гласит русская пословица, *соломинку и муха сломит, а сноп — и лошадь не раздавит*. Московский производственный комбинат — яркий пример объединения мастеров в трудные времена. Семь лет назад фирма образовалась из слияния мастерской Всероссийского хорового общества (ВХО) и Российского альянса мастеров музыкальных инструментов РАММИ. Сейчас помимо изготовления, ремонта и реставрации музыкальных инструментов, здесь делают струны и медиаторы. Во многом благодаря широкому спектру услуг комбинат держится на плаву. У баяно-аккордеонной фабрики «Юпитер» положение на рынке более стабильное.

Директор компании «Юпитер» Михаил Платонов: «Наше предприятие организовано в 1994 году на базе «Московской экспериментальной фабрики музыкальных инструментов». Заказные баяны «Юпитер» снискали славу ещё в советские времена. Тогда очередь на эти инструменты длилась по восемь лет. А перед этим музыкантам нужно было «получить добро» в Министерстве культуры. И сейчас эти инструменты способны удовлетворить музыкантов с самым взыскательным вкусом».

Старинное производственное московское здание конца позапрошлого века. Ранее в этом бывшем конструкторском бюро «Туполев» разрабатывались проекты различных летательных аппаратов. Теперь здесь происходят первые стадии процесса создания баянов и аккордеонов «Юпитер». В просторном помещении несколько человек работают за деревообрабатывающими станками. Рождение на свет баяна — это труд целой команды. Каждый из восьми задействованных мастеров выполняет свою функцию. Самая сложная задача у слесаря — изготовителя голосовых планок — наклёпщика, отвечающего за голосовую часть инструмента: «В советское время этому ремеслу учились целый год. После обучения некоторые уходили, а некоторых просили уйти, так как у них плохо получалось, — рассказывает Платонов. — В «Московской экспериментальной фабрике музыкальных инструментов» было 80 наклёпщиков. Сейчас их днём с огнём не сыщешь. Самым молодым 52 и 63 года, остальным — за 70».

«Всего на фабрике работало 500 человек. Когда началась перестройка, госзаказ прекратился. Директор всех собрал и сказал: «Кто желает уйти, пишите заявление, я всем подпишу». Из тех 500 мастеров осталось примерно 70. Потом стало ещё меньше. Нет сбыта товаров — нет смысла держать людей. Вся отрасль музыкальных инструментов была развалена. Фабрики в Туле или Вологде стали никому не нужны. Выжили только те мастера, которые работали в заказных цехах. Ценились инструменты ручной работы, те, что постоянно необходимы профессиональным музыкантам», — вспоминает генеральный директор компании «Юпитер» Евгений Гусаров. В классическом чёрном джемпере и такого же цвета брюках он сидит в центре своего кабинета. Гусаров отклеивает от баяна лайку — цветные кусочки кожи, регулирующие звук в инструменте, — исправляет неудачную работу мастера из Северной Кореи. За его спиной висит политическая карта. В точки «Москва», «Рим», «Пхеньян» воткнуты цветные канцелярские кнопки.

«Юпитер» размещает основное производство не в России, а за границей, в Северной Корее и в Италии. С фабрикой КНДР сотрудничают с 2002 года. «Мы до

конца вообще не верили, что они смогут работать на таком высоком уровне, — говорит Гусаров. — В 2000 году несколько корейцев приехали к нам на пару месяцев. Попросили показать, как мы инструменты создаём. Ну мы и показали, как обычно это делаем для всех желающих. Через полтора года, когда мы сами приехали в Пхеньян и увидели объём их производства, поняли: эта фабрика очень интересная. Кроме неё уже в мире не найдётся такого большого производства. Там всё очень правильно организовано».

Фабрика в Северной Корее — огромное предприятие. Внутри комплекса производственных зданий и цехов футбольное поле для спортивного отдыха трудового коллектива. Здесь работает почти тысяча сотрудников. Из них около сотни занимается российскими инструментами (в самом «Юпитере» всего 12 штатных мастеров). Несмотря на существенный объём экспорта, главная цель корейской фабрики — удовлетворить собственный рынок. «Условия для работы были созданы потому, что правительство Северной Кореи решило: стране необходимо производство баянов. Говорят, кто-то из российских баянистов съездил туда и понравился Ким Чен Иру. Тот оказался большим поклонником русской культуры», — рассказывает Гусаров об истоках баяно-аккордеонного благополучия КНДР.

Как известно, лидер КНДР Ким Чен Ир скончался 17 декабря 2011 года. Но смена политического лидера страны на состоянии фабрики не сказалась отрицательно: «В настоящее время совместное сотрудничество с КНДР стало ещё более крепким. Руководитель КНДР, товарищ Ким Чен Ын хорошо знает и ценит русскую музыкальную культуру. В обозримой перспективе производство наших музыкальных инструментов будет благополучно развиваться».

Однако что было бы, если следующий после Ким Чен Ира правитель не стал оказывать поддержку отрасли музыкальных инструментов? Повторила бы Северная Корея российский опыт? В таком случае, у корейцев был бы повод повторить чудеса русской смекалки: перенести производство в другую страну, как Валерий Гребенников, или расширить спектр услуг, как Московский производственный комбинат. Путь отдельного мастера зависит от степени его таланта и везения. С другой стороны, этот путь, как во все времена, долог и тернист. «Для того, чтобы твоё имя стало известным, нужно поработать немалое время, — утверждает мастер с 30-летним стажем Евгений Сержантов. — Пока народ узнает о твоих инструментах, поиграет на них, сработает сарафанное радио, пройдёт лет пять-десять». Для России опыт, накопленный мастерами в течение столетий, имеет национальное значение. «Когда вы последний раз видели по телевизору оркестр русских народных инструментов? — спрашивает Валерий Гребенников. — Я этим вопросом интересуюсь, и я не видел этого уже несколько лет. Вот это и есть отношение нашего государства к своей русской национальной культуре».

Красная площадь. С неба волны мокрого снега. Группа иностранных туристов подошла к торговой палатке. Глядят на знаменитую русскую матрёшку. Во все времена многоликая красавица плясала под звуки балалайки. Душевной русской балалайки, сделанной из русской ёлки. И одному Лешему известно, какие частушки спела бы она сегодня, под аккомпанемент любимой трёхструнки, созданной за границей.

Фото: Ольга Артемьева

НАЧАЛА АСИММЕТРИКИ

*Жизнь, открытая нам, есть продолжение
асимметрии мира и ее следствий...*

*Я даже думаю, что все виды жизни в изначальной
своей структуре, в своих внутренних формах
являются порождением космической асимметрии.*

Луи Пастер

1

Меня всегда привлекали акты Божьего творения. С годами пришло понимание того, что Библия — собрание очень глубоких и многозначительных притч, разгадать смысл многих из них нам, которые себя величают гомо сапиенсами, не всегда дано. Не за 6 дней и не 6000 лет тому назад создан мир — природные объекты имеют возраст в миллионы и миллиарды лет. Это свидетельствует не о том, что Книга Бытия вводит нас в заблуждение, а о том, что под 6-ю днями творения подразумеваются целые эпохи, и что мы имеем дело с притчами. Почему шесть дней творения? Непонятно, ибо ещё необъяснимо.

Особенно загадочно сотворение Богом человека. Почему по образу и подобию своему? Сейчас мы знаем, что первочеловек, Адам, мог быть создан только из генов Бога, но не по полной программе, а с изъятиями — иначе Бог создал бы свою копию. Он создал своего асимметра. Зачем? Чтобы тот властвовал в мире, созданном Богом? Маловероятно. Скорее всего, чтобы он трудился в поте лица своего. Во имя и в интересах Бога? Тогда кто такой Бог? Создатель и Вседержитель, но кто он? А не является ли он представителем высокоразвитой внеземной цивилизации, который создал продукт геной инженерии — раба Божьего?

С какой целью? Ответ можно найти в Книге Бытия: «10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11 Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

12 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс». Бдолах — вероятнее всего, кристалл...

Адам ещё ни имени, ни жены не имеет, соответственно и малейшего понятия о золоте, а в Книге Бытия сообщается, что «золото той земли хорошее». Следовательно, Создателю были уже известны земли, где золото не такое хорошее? Странники палеоконтакта тут же припрут меня к стенке! Создателю, прежде всего, явно требовалось золото. Оно и сейчас незаменимо в сложных электронных устройствах — кон-

такты из него не окисляются. Сейчас в разных местах нашей планеты находят шахты по добыче золота, возраст которых превышает сто тысяч лет. Можно предположить, что рабы Божьи были созданы для добычи золота и других редкоземельных элементов, необходимых для высокоразвитой цивилизации? Можем также предположить, что эта цивилизация погибла и оставила нас, своих детей, буквально на произвол судьбы? Ведь ещё в шестидесятых годах прошлого века учёные подсчитали, что в среднем радиационная цивилизация существует те же шесть тысяч лет? Но Мировой Разум бессмертен? Наше сознание также далеко от него, как, скажем, муравьиное — от нашего.

2

Итак, Адам — асимметр Бога. Ева — асимметр Адама. И это подтверждается не ребром, а анализом хромосом. У мужчин X и Y, а у женщин — только X. Потом «умники», усматривающие везде и всюду единство и борьбу противоречий, назовут их «противоположными полами». Курам на смех.

Дотошные генетики определили, что Адам и Ева могли существовать 150, максимум 200 тысяч лет назад. Поэтому питекантропы, австралопитеки и пр. могут быть предками доадамовых цивилизаций. И что всё современное человечество произошло всего от семи праматерей. Оксфордский генетик, профессор Брайан Сайкс, дал им такие имена: Урсула, Ксения, Тара, Елена, Екатерина, Вальда и Жасмина. Профессор даже попытался описать их судьбы, считая, что остальные дочери Евы погибли. Видимо, их было совсем немного... И это ещё одно доказательство, что мы произошли не от обезьяны, и что теория эволюции в отношении происхождения человека — уже предрассудок.

В дни творения, кстати, единство и борьба противоположностей никак не просматриваются. Видимо, Создатель не сдавал экзамен по диалектическому материализму и ещё не знал, что будет существовать вечно живое и самое верное учение — марксизм-ленинизм. Но дерево добра и зла в рай посадил. Ведь змей-искуситель Еву убеждает: отведайте его плодов и станете как боги. И когда это произошло, Создатель не на шутку разгневался, изгнал Адама и Еву из рая. Если Создатель — представитель высокоразвитой цивилизации, то его не устраивала перспектива в лице людей занять равных ему?

И снова мы сталкиваемся с притчей. После грехопадения в жизнь первой пары входит пресловутое единство и борьба противоположностей. Их дети, Авель и Каин, — асимметры родителей, но они враги, Каин убивает Авеля. Потом Богу совершенно разонравились люди, особенно когда сыны Божьи стали блудить с земными красавицами, — ведь в результате таких романов их потомки стали приближаться к положению Бога. И Создатель организует всемирный потоп, велит Ною построить ковчег и спасти на нём, как говорится, каждой твари по паре. То есть, создал новую цивилизацию. И сколько их было на нашей многогрешной планете?

3

Как известно, Бог в начале первого дня творения сказал: «Да будет свет!» А что это такое? Нечто имеющее волновую природу? Или то, что мы, грубо говоря, называем освещённостью? Ведь мы же знаем — когда появились ангелы для попечения людей, то один оказался падшим, а имя его — Люцифер. Если перевести на русский язык — «несущий свет». То есть, «несущий знание». Дьявол, сатанинское отродье,

враг Бога — и несущий знание? А о чём оно? Не о том ли, что люди, вкусив запретный плод, станут равными Богу? Значит, запретный плод — знание?

И тут вспоминается множество случаев, когда люди вдруг начинали обладать удивительными, сверхъестественными для рабов Божьих способностями. Нередко после того, как с ними что-то случилось. Девочку Вангу подхватил вихрь, и она стала ясновидящей прорицательницей. А вот объяснение природы своего феномена Вилли Мельниковым, знающим более 100 языков, которого кое-кто называет агентом Люцифера: «У меня была контузия и ранение, поражение левой височной доли мозга. И после этого стали приходить языки. Некоторые приходящие языки я не мог сразу идентифицировать, а некоторые не могу до сих пор. Позже, через три года, я ощутил лавинообразное вливание языков в меня. В принципе, в «приходе» ко мне незнакомых языков не было ничего удивительного, потому что в левой височной области расположены участки коры головного мозга, ведающие знаковыми структурами. Так что моя клиническая смерть послужила трамплином, вбросившим меня в мир языков, коими и я начал овладевать, и они мною. И тогда я определил биологическую смерть как субботник по уборке белкового хлама, а клиническую уподобил генеральной уборке жилища, сопровождаемой перестановкой мебели. А потом в Праге на конгрессе по биометрии я встретился с американским психоневрологом Джессикой Крэйот, она психоневролог по основной специальности, по другой — этнограф, и искусством занимается. Она мне и объяснила моё состояние: это же проканалывание. «Ты — жертва посттравматического ченнеллинга», — сказала она мне. Кстати, ченнеллинг в российской науке и за явление не считают. Хотя ещё академик Вернадский предполагал возможность спонтанного ченнеллинга, таких «подарков» из ноосферы».

А ноосфера — это место, где находится Всемирный Разум? Который одаривает избранных ченнеллингом или проканалыванием? Простите меня за нескромность и не сочтите то, что сейчас читаете, за моё богоборчество, но у меня очень редко, но случилось проканалывание. Меня, например, удивляло, что «Евангелие от Ивана», а это второй роман моей дилогии «RRR», писался очень легко. Заметив это, я даже стал себя сдерживать, не спешил. Потому что пишу медленно и трудно. Садился за стол — опять пугающая лёгкость, а текст писался фактически сразу набело. Издал дилогию, перечитывал её, выискивая ошибки и опечатки, и вдруг обратил внимание на то, что во втором романе из одной метафоры как бы начинается другая, из другой — третья, и так до конца произведения. Но я так не задумывал, когда писал роман, и не вспоминал о метафорах! Назвал такое композиционное решение, несомненный подарок Неба, каскадом метафор, поскольку имел представление о каскаде рифм: «Янка Купала с пьянки упала». Не исключаю, что каскад метафор имеет фрактальную природу, вращение одного в другое, как разъясняет тот же В. Мельников теорию фракталов Бенуа Мандельброта...

4

Знание бывает разным по целеполаганию. Если во имя Добра, то оно таковым становится благодаря нравственности и духовности. Такое знание считается от Бога. Если же знание лишено нравственной основы, то оно легко может стать инструментом Зла. Фактически это формула бесовщины.

Когда человек рождается, то по праву рождения как бы получает в распоряжение гигантскую материальную инфраструктуру, созданную его предками. В том числе и средствами уничтожения другого человека и человечества в целом. Па-

радоксально, однако желание защититься, завладеть территорией и богатством другого человека, покорить его или убить на протяжении всей истории нашей цивилизации было сильнейшим побудительным мотивом и двигателем научно-технического прогресса. Видимо, в нашей генной конструкции сохранилось немало и от эволюции. Разве не могли палеогенетики оплодотворять сконструированным искусственно человеческим семенем самок крупных зверей, особенно обезьян? Разве мы не встречали людей, чем-то напоминающих обезьяну, медведя и даже лису? Если это не так, то почему у многих народов, не испорченных ещё цивилизацией, многие люди идентифицируются со зверями? Ведь семи праматерям пришлось бы без усталости рожать рабов Божьих, которых ждали шахты, а не проще было заложить в генетическую программу модуль очеловечивания в процессе размножения?

Чтобы человеческое дитя стало настоящим человеком, ему необходимо овладеть богатствами культуры и основами нравственности, почувствовать себя причастным к какой-либо религии или традиции. Нравственное и духовное становление — самое сложное в жизни людей. Это как плата за право называться человеком. Благодаря гуманистическому, нравственному и духовному началу наша цивилизация сохранилась. Но и зверские начала не дремлют — несправедливость сегодняшнего мироустройства, мошенническая, спекулятивная мировая экономика, жадность сильных мира сего, культ силы и агрессивного индивидуализма, раскультирование, нравственное разоружение, а в итоге расчеловечивание достигло опаснейших пределов, подвело цивилизацию вплотную к возможности самоуничтожения.

А что же Мировой Разум? Посылает на проблемную планету лишь летающие тарелки, изучает нас под своим микроскопом, как мы поступаем с инфузориями-туфельками, и ждёт, чем закончится у нас вакханалия безумства и бесовщины? Или что-то предпринимает? Допустим, среди людей появились представители более развитых цивилизаций, они же по образу и подобию — мы, перед которыми поставлена задача не покорить нас, а спасти.

Считается, что человек в среднем использует всего лишь несколько процентов своего серого вещества, а выдающиеся люди, гении — на один-два процента больше. И всё равно примерно девять десятых серого вещества нашего мозга не используется нами, заблокировано ещё в день творения раба Божьего, а если и используется, то совершенно непонятным образом.

И всего несколькими процентами серого вещества от своих потенциальных возможностей человечество создало великую цивилизацию с грандиозной культурой и таким же научно-техническим потенциалом. И вот что показательно: тех, кто приближался к истинному знанию, нередко сжигали на кострах, знающих, то есть ведающих (ведьм и ведьмаков) уничтожали, для верности ещё и припечатывали осиновыми кольями, а человечество упрямо, шаг за шагом овладевало новыми знаниями. Пренебрегало библейским запретом и подошло к нынешней лавине научных открытий, которые вполне можно назвать великой физической революцией.

Потому что такого обилия прорывных знаний об окружающем нас мире ещё не было. Поколеблена истинность теории Эйнштейна — свет-то, оказывается, может иметь скорость свыше 300 километров в секунду. Мой добрый товарищ и друг, такой же бунтарь, как и я, Пётр Якубович Сергиенко, подверг сомнению общепринятый Большой взрыв, математически доказав, что на него не хватило бы энергии. А Сергиенко — выдающийся математик, один из авторов современной математики гармонии, философ — предложил триалектику, устраняющую недостатки диалектики. Совсем недавно он математически объяснил, что следует понимать под датой 21.12.2012

и «отменил» конец света — с его статьёй можно ознакомиться на моем сайте www.aolshanski.ru, начало на главной странице. Человечество затаилось в ожидании результатов экспериментов на Большом адронном коллайдере, которые дадут нам научное представление о возникновении Вселенной, то есть о том же, о чём повествуется в Книге Бытия.

5

Ну, хорошо, заметит ироничный читатель, а где обещанные начала асимметрии? И вообще — причём здесь они?

Человечество нуждается в переходе на иные цивилизационные принципы, в идеале — гармоничные. Если вспомнить о диалектическом законе перехода количества в качество, то в данном случае что-то подобное этому имеет место быть. Преодолевая одну за другой преграды на пути осмысления физики нашего мира, человечество, если оно не самоубийца, неизменно научится пользоваться потенциальными возможностями нашего серого вещества, уравнивает себя с библейскими персонажами. Научится использовать гравитацию, не исключено, что и энергию времени, если она есть, освоит его разнонаправленность и другие измерения нашего мира, начнёт передвигаться в пространстве с постсветовой скоростью, обнаружит, что чёрные дыры — это туннели перехода в другие миры или что-то в этом роде. И учиться человек будущего, назовём его Номо Флогенс, то есть процветающий, могущественный, будет совершенно иначе, главным образом духовности и нравственности, чем так бездумно пренебрегают нынче власть предрержащие, замыслившие модернизации вне контекста культуры. Знания человеку процветающему будут канализироваться (как у Вилли Мельникова), как бы ни старались этому воспрепятствовать ЕГЭгенутые адепты болонской системы образования.

Мы накануне... И сколько продлится «накануне», известно лишь Мировому Разуму. Наша обязанность — готовиться к грандиозным изменениям как в человеке, так и в человеческом сообществе.

К нынешнему состоянию цивилизация пришла по причине господства кризисных моделей развития. Независимо от того, какой философией модели определялись — идеализмом или материализмом. Или вообще насаждались без всякого философского основания — копьём, мечом, бомбардировщиком, ракетой или стремлением к максимальной прибыли, обладанию властью, подчинению своей воле как можно большего числа рабов Божьих.

А дальше я буду использовать свои ранее написанные тексты, чтобы избежать принципиальных разночтений, так что прошу читателей простить мне этот автоплагиат.

Создатель не знал марксизма-ленинизма, поскольку на все заблуждения объёмов памяти и у Мирового Разума не хватит, но чётко осознавал, что асимметрия — такая же всеобщая философская категория, как пространство и время. Не исключено, что к таким категориям он относил ещё информацию, гармонию, золотое сечение...

Создавая человека как асимметра всего человечества, он конструировал его таким образом, чтобы он был уникальным, не повторял никого, в том числе отца и мать. Невозможно допустить его неведение по части размножения рабов Божьих клонированием. К нему Создатель не мог прибегнуть, поскольку род человеческий не развивался бы, а остановился в своём развитии, накопил невероятное количество недоброкачественных генных мутаций и вымер. Он использовал схему обеспечения

его оптимального размножения в двух асимметричных друг другу (но не противоположных!) организмах.

Вообще человек — кладезь асимметрии, хотя мы привычно считаем, что руки, ноги, глаза, уши, лёгкие, почки, полушария головного мозга у нас симметричны. Нет, они асимметричны. Симметрия — допущение человека. В науке и искусстве, в природе она отсутствует. Её принципиально невозможно воплотить в каком-нибудь предмете или изделии. Даже абсолютно одинаковые электроны асимметричны друг другу своими орбитами. Ибо симметрия — это конец развития, смерть. Жизнь и любое развитие происходит по методам асимметрии — от всей Вселенной до самого элементарнейшего кварка.

6

Одна из самых развитых и мощных теорий развития — диалектика, приютившая у себя как идеалистический, так и материалистический взгляд на мир. Триумфальному завоеванию диалектикой умов, казалось, ничто не могло помешать. Возражения победителей, что это достижение человеческого гения не бесспорное, заглушались победным громом фанфар из Советского Союза, где восторжествовала самая «истинная» ипостась диалектики материалистической. Был изобретён исторический материализм, который можно назвать историческим или социальным дарвинизмом. Эту крайне стройную, но умозрительную теорию развития человечества от первобытнообщинного строя до коммунистического общества опрокинула, к примеру, религиозная революция в Иране. По истмату таковой не положено быть, а она случилась. Развал Советского Союза исторический материализм перевёл в разряд сугубо историко-архивных явлений. Пошли трещины и в монументальных опорах диалектического материализма.

Произошёл скачок в сознании человечества. Доброкачественный он или злокачественный — разберутся будущие поколения. Во всяком случае, мир становился другим, в России, к примеру, пришёл к власти то ли паханат, то ли олигархат, которые ввергли страну в дикий капитализм образца XVIII века. Цивилизация стала стремительно деградировать. Человечество оказалось в тупике, на краю гибели, и многие интеллектуалы во всех уголках планеты, независимо друг друга, увидели выход в переходе человечества на принципы гармонии.

Момент этот чрезвычайно важен. Его суть — в отвержении кризисного развития. Как ни парадоксально, нынешняя человеческая цивилизация антигуманна. В значительной степени это результат мировоззрения, принимающего за образцы для человека поведение животных в природе. Создатель, скажем, изобрёл пищевую цепочку, ну и люди вправе поедать друг друга? Они же на вершине цепочки, во имя их сытости все убийства в животном мире. Но не каннибальничать, а уничтожать более «культурно», вплоть до применения лазеров или термоядерного оружия. Ни один вид животных не уничтожает такое же животное, срабатывает, видимо, инстинкт самосохранения вида, а венец природы уничтожает себе подобных. По причине извращённого сознания.

Существует вирусологическая теория эволюции, полагающая, что наследственность главным образом изменяется после заражения вирусами, способными внедрять в геном организма мобильные гены в виде так называемых транспозонов, вездесущих генетических элементов. В геноме человека их более 40 процентов. Нечто подобное можно сказать о человеческом сознании и мировоззрении, извращённых вездесущими транспозонами заблуждений.

Истоки множества «заблуждений» — в Древней Греции, чьи философы узрели мир как единство и борьбу противоположностей и противоречий. (Но это были великие «заблуждения», и не вина философов Эллады, что они не располагали достижениями естественных наук нашего времени.) Точка зрения по поводу единства, впоследствии с нажимом на их борьбу, противоположностей и противоречий совершенствовалась, дополнялась, углублялась, пока не оформилась в диалектику Гегеля с её умозрительнейшей триадой, а потом она, якобы очищенная от идеализма, приобрела вид диалектического материализма. И оказалась в тупике. Философия кризиса не могла не оказаться в кризисе. Ведь она не сподобилась даже коммунизм, как осуществлённую мечту человечества, оснастить теорией бескризисного существования!

7

Эпоха средневекового Возрождения идеализировала всё древнегреческое, что затрудняло критическое отношение к наследию древности. Мы вступили в эпоху Нового Возрождения, поэтому жизненно необходимо осуществить кардинальную инвентаризацию интеллектуального и духовного наследия человечества. Не с целью «дальнейшего» реформирования, подобная затея практически всегда зряшная, которая вместо понимания сути созданного Богом мира извращает её всё больше и больше и отдаляет от Истины.

Автор этих строк не отрицает борьбу (но его симпатии на стороне саркастического утверждения: «У верблюда два горба, потому что жизнь — борьба!»), противоречия и противоположности. Они объективно существуют, но присущи не всем явлениям в подлунном мире, а только кризисным.

Не древние философы заблуждались, а их последователи, придавшие борьбе и единству противоположностей всеобщий характер. Если хорошенько вдуматься, то развитие может быть кризисное и бескризисное. Кризисное, в свою очередь, можно подразделить на катастрофическое (природные и экологические трагедии, войны и революции) и компромиссное, где для разрешения кризисов гомо сапиенс находит оптимальные пути решения проблем, не допуская перерастания конфликтов в стадию катастроф. Бескризисное развитие также можно подразделить на бесконфликтное и гармоничное. В первом случае гомо сапиенс не допускает возникновения конфликтов, стало быть, и кризисов, а гармоничное развитие — то развитие, где конфликты и противоречия не могут возникнуть в принципе. Именно в гармоничном развитии господствует асимметрия. Эти соображения желательны подтвердить или опровергнуть, но проблема состоит в том, что гармоничная цивилизация нуждается во всеобъемлющей теории развития.

Предстоит огромная работа по очищению сознания человечества от транспозонов заблуждений и его гуманизация, избавление от заимствований у животного мира. К сожалению, мы позаимствовали у братьев наших меньших (или не избавились) не самое лучшее. Им, как правило, присуще самоограничение, а это качество у людей, увы, редкость. Отсутствие самоограничения — причина многих кризисов.

Сейчас, фигурально выражаясь, каждый отраслевой профсоюз имеет свою теорию развития. А нужна новая, всеобщая философская теория развития. Не ради очередной модернизации, а для понимания разницы между кризисным характером развития и гармоничным. Теорий бескризисного развития чрезвычайно мало, за исключением триалектики П. Сергиенко. (Зато несметное количество попыток изобретения чудодейственного флогистона бескризисного развития капиталистической экономики,

по бессмысленности их можно приравнять к «теориям» отмыwania чёрных кобелей добела.) Автор не исключает, что были и есть попытки создания философских теорий бескризисного развития, но они придавлены или замалчиваются СМИ, как известно, «очень свободными» в обществе беспредельного потребления.

8

Для человечества, его сознания и мировоззрения чрезвычайно важно осмыслить законы и закономерности асимметрии, поскольку они являются ключом гармоничного развития. Асимметрия не приемлет и не создаёт противоречия и противоположности, следовательно, нет нужды насильственного или агрессивного снятия проблем. Она — условие и метод создания гармоничного общества и гармоничной цивилизации. На первый взгляд может показаться, что это разновидность эволюции, чуть ли не новая её ипостась, но в дарвинизме изменения наследственности в организмах происходят под влиянием кризисных обстоятельств.

Асимметрия призвана не опровергнуть диалектику, а дополнить её. Диалектика в принципе не пригодна к созданию бескризисной теории развития и обеспечению бескризисной, гармоничной человеческой деятельности. Даже в самом развитом гармоничном обществе всегда будут кризисные явления, которые придётся разрешать такому обществу. Нынешняя наша цивилизация является не преимущественно, а чуть ли не абсолютно кризисной, где элементы гармонизма — редкость и исключения. Цивилизация будущего — не абсолютно, а преимущественно гармоничная, в которой все пережитки кризисной цивилизации будут исключением. Вряд ли можно предположить, что и сама диалектика не претерпит кардинальных изменений под влиянием теорий и методов бескризисного развития.

Ни одна теория, ни одна система взглядов не обладает качеством абсолютной Истины, которой, как принято многими считать, обладает лишь Бог, Создатель, Мировой Разум... Гомо сапиенс обречён довольствоваться относительными истинами, множество из которых со временем оказываются вовсе не истинами, а заблуждениями.

Нам, жителям России, кажется, что наша страна больна. Но больна вся цивилизация, причём давно, изначально. Несостоятельность со всех точек зрения и роковую опасность для человечества нынешней модели цивилизации продемонстрировал последний так называемый финансово-экономический кризис, острейший со времён Великой депрессии. В действительности же — это глобальный кризис современного мировоззрения. Объявленный незадолго до этого Ф. Фукуямой «конец истории», являющийся апологетикой современного капитализма, дескать, он — само совершенство, с оглушительным треском провалился.

Неравномерное индустриальное и технологическое развитие, нерегулируемое ничем потребление, истощение сырьевых и продовольственных ресурсов ведёт человечество к дальнейшей нестабильности, войнам за ресурсы, чистую воду, жизненное пространство. Не случайно в разных уголках планеты многие думающие люди, причём независимо друг от друга, пришли к выводу, что человечество можно спасти лишь с помощью перехода на принципы гармоничной цивилизации. Выдающийся учёный современности А. П. Стахов обобщил опыт математиков и мыслителей со времён античности и до наших дней, фактически создал основы Математики Гармонии. Параллельно с ним к той же Математике Гармонии шёл П. Я. Сергиенко, ряд других талантливых математиков. Можно назвать десятки прорывных работ, статей, книг, догадок и выводов приверженцев гармонии. Достижения внушительны, но необходима новая, современная Философия Гармонии — систематизированное научное

изложение принципов гармонизма. Нужен новый общий взгляд на мир, на законы его развития, на состояние цивилизации, на себя, человека. Нуждаются в переоценке этические нормы, очищение от безнравственных, бездуховных лжеценностей и негармоничного поведения, на новый уровень должна выйти эстетика как теория и художественная практика. Мир созрел для критической инвентаризации интеллектуального хозяйства человечества и кардинальной модернизации его мировоззрения.

9

Крайне необходимо осмыслить уроки последней попытки цивилизационной революции — коммунистической. Не с идеологических позиций так называемого пещерного антикоммунизма, а с научной объективностью и ответственностью. Философии гармонизма не обойтись без изучения общего в теории коммунизма и теории гармонической цивилизации, а также без осмысления и объяснения принципиальной разницы между ними. Гармонизм — не новое издание коммунизма, ни теоретически, ни практически. Не очередное светлое будущее, не навешивание золотого сна человечеству, которое-де однажды проснётся в земном раю. Его обещали марксисты, но обещания оказались благими пожеланиями по дороге отнюдь не в рай.

Гармонизм — философия спасения человечества с помощью новых этических норм. Социальная справедливость, достойная жизнь и счастье человеческое — цели гармонической цивилизации. Но актуальнейшая задача гармонического движения — сделать всё возможное для снижения максимального ущерба для рода людского в случае экологической катастрофы, которая не исключается в результате глобального потепления на планете. Дисгармоничное мировоззрение приведёт к катастрофе, если сотни миллионов людей ринутся спасаться от наступления океана на чужие территории. Начнутся войны, не исключено, с применением термоядерного оружия. Так, видимо, заканчивали свой век предыдущие цивилизации на нашей планете.

Глобальный «экономический» кризис доказал, что нынешний капитализм с его якобы рыночной экономикой, обществом ненасытного потребления, погоней за сверхприбылью, суперкомфортом в ущерб социальному оптимуму и экологической безопасности ведёт человечество к гибели. Марксисты ненавидели капитализм, избавление от него видели в революции. Как ни странно, такую революцию устроили в России, которую Маркс и Энгельс, мягко говоря, недолюбливали. Должно быть, по этой причине марксисты рассматривали Россию как вязанку хвороста, которую было не жалко для разжигания мировой революции. Естественно, что в мире такие замыслы вызвали ответную реакцию, в первую очередь, имущих классов. Человечество было обречено на раскол, противостояние, идеологическую борьбу, военные конфликты и глобальную холодную войну.

Коммунизм потерпел поражение не столько потому, что капитализм смог сосредоточить на борьбу с ним гигантские ресурсы. Не столько по причине предательства Горбачёва или неверия советских людей в светлое будущее. Коммунизм марксистско-ленинского розлива был ущербен и нежизнеспособен мировоззренчески. Изначально. Словами Маркса «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» во времена ГДР, как истинной, украсили Берлинский университет имени Гумбольдта, тогда как им место на домах умалишённых. Изменение мира без объяснения его привели к страданиям и бедам миллионов людей. Появилось несметное количество всевозможных преобразованщиков, одного из которых, как слугу Лукавого, автор этих строк изобразил в диалогии «RRR». Ко всякого рода реформаторам автор относится с величайшим подозрением на том осно-

вании, что они всё норовят переиначить мир, то есть творение самого Создателя. Как правило, без объяснения.

Священным словом у большевиков, а это были своего рода боевики марксизма-ленинизма, стала «борьба». «Жизнь — это борьба», — вколачивалось в сознание гигантской пропагандистской машиной. Надо было бороться с пережитками прошлого, с паразитическими классами, за коллективизацию и индустриализацию, за кок-сагыз и кукурузу и т.д., наконец, с самим собой. Если против вас начинали бороться, то вы в ответ вынуждены были также бороться. Повальное пристрастие к борьбе — явление явно психопатологического толка, шизофрения или паранойя. Но пристрастие имело солидное философское обоснование! Начиная с Гераклита с его единством и борьбой противоположностей до Гегеля с его триадой и диалектикой, до трёх законов диалектического материализма, якобы очищенных от гегелевского идеализма Энгельсом. Древние философы противоположностями наивно считали день и ночь, холодное и горячее, белое и чёрное... Их последователи придумывали противоположности и противоречия в великом множестве, дабы разрешать их посредством любимой борьбы. Кто-то усмотрел противоположность между мужчинами и женщинами... Классики марксизма пошли дальше — придумали человеконенавистническую теорию классовой борьбы, не ждали, пока в соответствии с законом перехода количества в качество капиталистическое количество перейдёт в социалистическое качество, а призывали к кровопролитной революции.

10

Борьба, противоположности, противоречия, агрессия, ненависть и т.п. — это антонимы по отношению к слову «гармония». Там, где они есть, — кризис, вызванный дисгармонией, нет и быть не может гармонии.

Диалектика и её законы — не всеобщие категории. В этом сомневалось немало мыслителей. К. Поппер в работе «Что такое диалектика?» доказал несостоятельность и туманность диалектических законов, посоветовал вообще не пользоваться термином «диалектика». Диалектический материализм, по его мнению, в СССР превратился в «железобетонный догматизм». Бертран Рассел как бы предвидел печальный распад Советского Союза, когда в «Мудрости Запада» предупреждал: «Учение о диалектическом развитии и достижение конечных целей некоторым образом несовместимы».

Современные интеллектуалы обязаны избежать ошибок не только марксистов, но и западных коллег. Залог этого — не решать новые проблемы старыми подходами, которые из былых истин превратились в предрассудки. Подобная метаморфоза ожидает все так называемые научные категории.

Гармонизм по определению отрицает все кризисные проявления. Ему жизненно необходима новая теория гармоничного развития. Теорий бескризисного экономического развития, начиная с циклов Н. Д. Кондратьева, великое множество. Но нужна общая, философская теория. Вряд ли это будет единая теория, например, триалектика П. Сергиенко, или весьма эклектичная и умозрительная тетрасоциология Л. Семашко, или асимметрика, которая вообще не теория, а всего лишь догадка. Не исключено, и даже желательно, чтобы здесь разнообразие было объединено единством цели.

Кризис и гармония вынуждены всегда сосуществовать. Но одно дело разрешать кризисы кризисным инструментарием, а совсем иное — гармоническим. Нужна теория продвижения от кризисной цивилизации к цивилизации гармоничной. Она — идеал, по этой причине недостижима, а ценностью является движение к ней.

Только молодым энтузиастам, чьё сознание свободно от «истин» диалектического материализма, рыночной экономики англо-саксонского пошиба, общества потребления и пр., для кого «материализм» и «идеализм» — понятия однобокие, под силу создать совершенную Философию Гармонии.

Есть ещё одна предпосылка к этому. Мы накануне события, которое отправит основной вопрос прежней философии (что первично — материя или сознание?) на свалку истории. Ещё в шестидесятых годах прошлого века Питер Хиггс предсказал существование бозонов, названных бозонами Хиггса, — элементарных частиц, образующих из поля, практически из ничего, материю. Их назвали божественными частицами. На американском ускорителе Тэватрон получены первые результаты, но его перестали финансировать, а на Большом адронном коллайдере, где продолжены эксперименты по обнаружению божественных частиц, неожиданно зазвучала мелодия — своего рода симфония в честь предустановленной Создателем Гармонии.

Поразительно, однако независимо друг от друга, с разрывом в десятки лет, А. П. Стахов (ему пальма первенства) и автор этих строк пришли к выводу: асимметрия порождает гармонию.

Мир созрел для своего объяснения.

Р.С. 6 июля 2012 года безусловно войдёт в историю нашей цивилизации. В этот день пришло сообщение, что существование бозона Хиггса, или то, что под ним подразумевается, подтверждено экспериментами на Большом адронном коллайдере. Человечеству ещё предстоит осознать это суперграндиозное научное достижение, коренным образом изменяющее не только физические представления о мире, в котором мы живём. Потом пойдут выводы, прежде всего фундаментальные — философские, за ними начнётся эпоха нового мировоззрения, формирование обновлённых этических и иных норм.

Что касается предустановленной Создателем Гармонии мира, то в системе Большого адронного коллайдера ведутся поиски ответа на вопрос: почему после так называемого Большого взрыва, когда вещество и антивещество стали взаимно уничтожаться, то есть аннигилировать, осталась, как считается, одна миллиардная часть вещества, из которого и образовалась Вселенная. Иными словами, вещества было асимметрично больше, чем антивещества. Следовательно, в основе акта вселенского творения лежал принцип асимметрии, асимметрии поистине миротворящей. А уж асимметрия, как говорилось выше, порождает Гармонию.

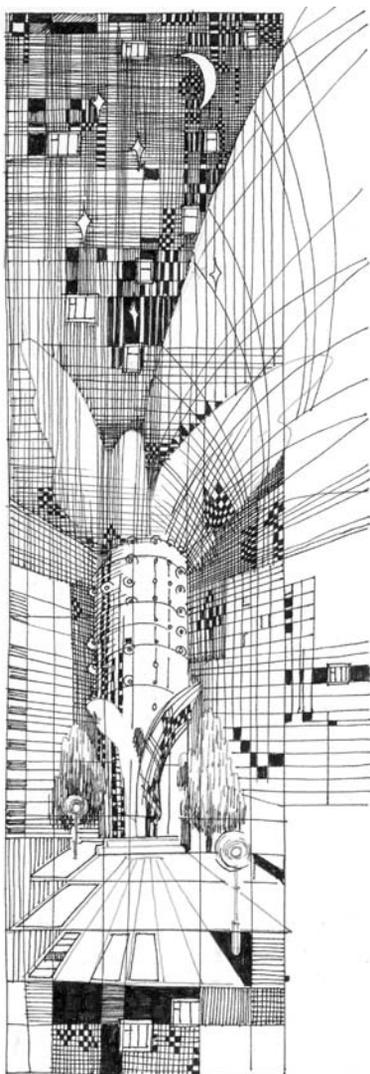
ПО КАРНИЗУ

* * *

Я снова обнимаю город.
Была судьба – его покинуть.
Но я нашла вернуться повод,
Чтоб тяжесть с плеч на землю скинуть.
Чтоб не мешать вино с утратой,
Чтоб не жалеть о том, что было.
Сама, бесспорно, виновата,
Но я вину себе простила.
Я соврала себе, что город,
В котором я глаза открыла,
Вселяет только страх и холод.
Не то, не то я говорила.
Но круг замкнулся, и дороги
Ведут к началу и покою.
Остались в снах мои тревоги,
Ведь даже небо здесь родное.
Мой город тайно, молча встретил,
Как муж блудницу принимает.
Мой город спал, он не ответил.
Меня он до сих пор прощает.

* * *

Рву, как струны, километры.
Не жива и не мертва!
Лучник верный, лучник меткий,
Я сейчас дышу едва.
Приближаюсь к поднебесью.
Ярче блеск безумных глаз.
Ты не грустен, ты не весел –
Растворяешься во снах.
Это вечное безумье,
Это вечная мечта.

Встреча ровно в полнолуние,
Рядом с небом, как всегда.
Не пропасть и не исчезнуть
В пропасть прошлых псевдолет.
В сердце белая надежда –
Это твой слепящий свет.
Не гадай сейчас на картах:
Повезёт – не повезёт...
Лучший из судьбы подарков
Нас с тобой в полёт зовёт!
Мы открыли двери сердца,
Так не бойся же любить.
Мне позволь теплом согреться,
Мне позволь безумной быть.

* * *

Не спастись от меня, я вечная!
Не забыть через сотни лет.
Полечу я звездой по Млечному –
Будешь видеть щемящий свет.
Образ мой навсегда печатями –
На безумной твоей душе.
Я всегда была начинателем
Новой жизни в кромешной тьме.
Плоть смиренная под одеждами
Не раздарена без стыда.
Сердца стук подняла надеждами
До небес, до ворот суда!
И душа моя – власть небесная,
В снежном вихре живу всегда.
Я спасаю, караю, грешная...
Нет начала мне, нет конца.
Всемогущая, неизбежная,
Золотая с небес слеза!
И глаза неизменно честные,
Голубые мои глаза...

СВЕЧА

А нам тепло. Зима проходит мимо.
И некуда спешить – никто не ждёт.
На улицах с другими пантомиму
Играют и мороз, и скользкий лёд.
Мы ж посреди бессменной белой жизни
Расстелем полотно из снов и звёзд.
Сквозь грани разноцветной, яркой призмы
Увидим к счастью близкий поворот.

Кончатся цепочки мыслей мрачных,
И рвётся нить сомнений от огня.
Свеча горит неярко — и невзрачно
Она сжигает лист календаря.
И в эти дни безумной зимней власти
Мне хочется сказать тебе о том,
Что нас свеча хранит от всех напастей,
Что с ней теплее наш с тобою дом.
Ты смотришь на свечу и знаешь точно,
Что завтра будет новый светлый день.
Что счастье бесконечно и бессрочно,
И нам не нужен мир других людей.
В окне рисует ночь свои сюжеты,
А я не посмотрю сейчас в окно.
Там, за окном, чужие люди где-то
Таким же, как они, нальют вино.
Таким же, как они, расскажут сказки.
Таким же, как они, подарят сон.
А мы с тобой без страха и опаски
Сердец друг другу дарим перезвон.
Для нас — весна, для нас играет ветер.
И весело, и страшно, и тепло!
И этот тихий, вечный зимний вечер
Принадлежит лишь нам. И пусть крыльцо
Снег заметёт нещадно и спонтанно.
Внутри тепло. Внутри горит свеча.
Робка и невозможно долгожданна,
Как ты, как вечность, как любовь, как я.

БУЛАВКИ

*Арсению Мустафину, автору «Булавочного человека»,
ушедшему от нас так рано*

Говорят, булавки нас хранят от сглаза.
Или от несчастья в самый трудный час.
Это лишь приметы, что дурманят разум.
Человек булавочный далеко от нас.
Смерти нет причины, ей же нет запрета.
Время выбирает, кто из нас уйдёт.
Отрезает жизни светлый ход нелепо.
Тело остывает... Но душа живёт!
И уже бессильны циферблаты жизни,
И ничто не сможет больше помешать
Жить душе спокойно, без налёта мыслей.
Бренность злого мира не вернётся вспять.
Нам осталась память, старые творенья,
Фото, ностальгия, разговоры вслух...

Мы всего лишь люди. Придаём значенье
Только тем, кто рядом, кто сейчас вокруг.
И, смотря на небо, видим солнце только.
Или только звёзды, миллион огней.
Вряд ли мы ответим, душ на свете сколько.
Вряд ли мы узнаем, кто из нас живеи!..

* * *

Звёзды снизу...
По карнизу
Деревянные шаги.
Относительное время
И безумные стихи.
Мне не больно,
Вечно вольным,
К счастью, сердцу не бывать.
Наполняю ярким смехом
Часть души. Ей век страдать.
Скользко, страшно...
Я не ваша!
На карнизе мне теплей.
Полетела...
Дайте адрес!
Адрес солнечных лучей.
Обжигаюсь...
Наслаждаюсь
Пребываньем в облаках.
Я по-прежнему живая.
Я живу теперь в сердцах.
Открывая,
Распуская
Утром грёз бутоны глаз,
Посмотри на солнце с краю –
Это я свечу на вас!

КЛЕТКА

Господа! Прошу у вас вниманья!
Экспонат – диковинная птица.
Это очень редкое создание,
О котором пишут в небылицах.
Золотая клетка идеальна.
Золото, конечно, высшей пробы!
Рассмотрите, господа, детально:
Это чушь, что клетка в форме гроба!..
Пташка мечется от стенки к стенке.
Почему? Да это так, от скуки...

Сломанным крылом прильнула к дверце,
Распростёрты крылья, словно руки.
Песнь поёт и душу разрывает.
Господа, закройте ваши уши!
Пусть никто на свете не узнает,
Что на самом деле птицу душит.
Уходите! Жуткое создание –
Эта увядающая птица...
И никто на свете не узнает,
Что она в Богиню превратится...

* * *

Пусть сегодняшний день улыбается терпким закатом...
И не страшно, что несовершенное станет мечтой.
Всё же каждый из нас понимает, что нужно когда-то
Отпустить свои глупые мысли лететь над землёй.
И когда в полумраке уснувших, заплаканных улиц
Упадут на асфальт заржавевшие маски людей,
Сотвори для них рай, чтоб они никогда не вернулись...
Пусть уйдут переулком обмана к бульвару потерь.
Не храни теплоту для слепых, равнодушных созданий.
Долгожданный покой – ненаписанный завтрашний день.
Разукрась его тёплой улыбкой, забудь о прощаньи.
Счастье светится там, где ему открывается дверь.
Вытри слёзы – пойми, за завесой нелепой потери
Где-то ждёт тебя тот, кто улыбкой простой и родной
Озарит твою жизнь, смелым чувствам однажды поверив,
Поведёт тебя за руку к счастью продрогшей весной.

* * *

Ты до меня никогда не дотронешься.
Я не из тех, кто меняет сердца.
Пусть ты со страстью своей сейчас борешься,
Страсть не любовь. Посмотри мне в глаза!
Ну почему я держу тебя за руку?
Всё оттого, что не буду твоей.
Я не смогу подарить тебе радугу
И растворюсь в очертаньях потерь.
Я для тебя недостижимым берегом
Так и останусь... Не стоит страдать.
Я для тебя только призрак, затмение.
Право, не стоит об этом мечтать.
Сердце моё безрассудное, нежное
Отдано лучшему в мире помех.
Взмахом крыла моего белоснежного
Я одарю... Что ж, прощай, сладкий грех.

* * *

Холмы и реки. Горы меловые
Зимой и летом в белом одеянии.
Здесь вся природа в сонном состоянии,
И облака... Высокие, немые.
Но всё ж невольно сердце замирает.
Не здесь я родилась, не здесь любила,
Но беспокойно, трепетно и мило
Душе, что в красоте и неге тает.
Деревья в ледяных хрустальных платьях
Стоят рядами — ожидают бала.
И понимаешь — вот оно, начало
Родной земли. Мы все в её объятьях.
Я выйду к Волге — ветер на морозе
Гуляет. Заигравшись, прыгнет в прорубь.
Посмотрит мать-река с немим укором,
Но защитит, родная, при угрозе.
Святая Русь! Здесь небо — перламутр,
Рожь — золото, свет окон — алебастр.
А в сердце — нежных чувств моих контрасты,
И сладкий вкус Божественного утра.

* * *

В воздухе мороз и что-то сладкое...
И снега неровные, негладкие.
Я смотрю на небо безупречное.
Только небо в этом мире вечное...
И моя любовь, что бьётся волнами
О скалу, тоски и горя полную.
В сердце, что тебе навеки отдано
Образ твой... Моя душа не продана!
Я могу любить безумно, пламенно.
Я отдам огню свои страдания.
Пей до дна меня, рабыню грешную,
Нежную, заоблачную, вешнюю...
Я живу тобой, моё спасение.
Разгадал загадку превращения
Из бунтарки в ангела нетленного,
Для меня ты целая Вселенная.
Я навек твоя, пусть годы плавятся,
А любовь всемогущая останется.
Счастье на Земле, но Богом данное.
Счастье неземное, долгожданное...

ОМУТ

Как тяжело бывает ожиданье,
Как тягостна порой бывает ложь.
Сегодня – сердца пылкие признанья,
А завтра – от обид по телу дрожь.
О, кто позволил Вам в порыве страсти
Мне душу нежную, как вещь, терзать?
И я навеки в Вашей полной власти,
Сумели и свободу Вы отнять...
Мои мечты всеильны, плоть ничтожна,
Я рада быть рабыней Ваших снов.
Но отчего же я? Ведь разве можно
Любимой быть посланником Богов?
Вы ад иль рай? Но сердце, что столь чутко,
Вас выберет навек своей судьбой.
Хоть будущее и туманно, мутно,
Я улыбнусь... И в омут с головой!

* * *

Как жаль, что не увижу этих глаз,
В которых я тонула безвозвратно.
Как жаль, что не услышу больше фраз,
Столь нежных. Не вернуть любовь обратно!
Кого винить в душевной пустоте?
Того, кем сердце только и дышало?
Того, кто был светилом в темноте?
Того, кто новой жизни был началом?
Иль обвинить себя во всех грехах?
В сердцах просить ненужного прощенья?
Но ведь мы вместе были в облаках,
И вместе перешли грань дозволенья.
Хотя я знаю: ждешь меня сейчас.
Но гордость предрешает разрушенье.
Как жаль, что счастье было не для нас.
Как жаль, что порвалась струна доверья.
Хотя не поздно всё вернуть назад.
Одно письмо – сердца соединятся.
Пусть все, пусть все вокруг меня простят!
В любви как на войне – нельзя сдаваться.
И снова мчусь сквозь ночь к твоим глазам.
Таким родным, любимым и лучистым.
К твоим столь нужным пламенным словам.
И чувства будто новы: крепче, чище...
Мы снова вместе. Будто блеск росы,
Застыли на глазах счастливых слёзы.
Как жаль, что долго были порознь мы.
Сейчас мы вместе, как на небе звёзды.

* * *

*Светлой памяти мамы,
Лариной Натальи Александровны*

Расцветают нежные цветы...
У природы есть свои законы.
Из волшебной, сказочной страны,
Мама, я несу тебе пионы.
Чувствуешь пьянящий аромат?
Чувствуешь ли ты любовь земную?
Мама, ведь никто не виноват,
Что судьбу дал Бог тебе такую.
Я, почти ровесница твоя,
Видела так много и так мало.
Трогала я нежности края,
Чувствовала страстных мук начало...
Ты не осуждай меня, прошу.
Не кривлю душой, ты видишь с неба.
Мама, в дождь опять к тебе иду.
Плачет, плачет тюльчевская Геба...

ПРО БОЛЬНИЦУ

Когда люди попадают сюда надолго, они меняются. Я говорю о том состоянии, когда человек срывается с больничными стенами, когда месяцы проходят мучительно долго, когда бежать некуда и незачем...

Это случилось быстро, так туманно и быстро, что мои ощущения не успели за событиями, и я оказалась в стенах белого заточения, и совсем не в четырёх, а в сотне стен, похожих друг на друга как солдаты в строю, строю мучения и боли.

Вот окошко, а вот стена. До окошка можно дотянуться рукой — нельзя дотянуться рукой, она недвижна. А окошко — единственная связь с миром, последняя нить. Там птица, крохотный воробей, летает, кружит. Он живёт, и может, и хочет, и не боится жить. А я боюсь, очень боюсь, но хочу, хочу улыбаться и говорить родным, как я люблю их, хочу ходить, нет, бегать по улице, хочу взять за руку самого близкого... И не могу. Строй мучения и боли даёт понять, как хрупко, как ценно, как неповторимо счастье жить, а не существовать, моргая глазами, сплетая заново мысли...

Я вижу его. Я знаю, он пришёл прощаться... Его слёзы теперь невозможно скрыть, только теперь он ценит меня, мёртвую телом и самую живую душой. Я была эпизодом, стала жизнью, ухожу Вселенной. Для него я уже прошлое, а я знаю, что есть и буду.

И всё было бы зря, если бы не мамины глаза. Боялись все, а она верила, слепо, отчаянно... Вот тогда я и решила жить. До этого её взгляда мне не хотелось ничего. Было лишь бессмысленное, дикое отращивание к жизни, нежелание видеть маски и приклеенные слёзы.

Ради чего жить? Ради этих её родных, преданных серых глаз. И я решила во что бы то ни стало любить эту жестокую, беспощадную, прекрасную жизнь. Каждый день в строю мучения и боли я стала не проживать, а жить. Месяцами разбивала взглядом сотни стен, прямоугольный белый потолок в разводах, который невыносимо давил на

меня. Я мечтала разрушить стены рукой, во мне нарастал комок воли, сотканный из нервов, силы и желания жить! Вспышка! Я снова чувствовала свою руку, слабо, но так правдиво. Вся сила сосредоточилась вокруг этого слабого, еле заметного движения, самого главного, самого значительного поступка в моей жизни.

Встать на ноги теперь сущая ерунда. Моя рука, окутанная смертью, вобрала в себя всю жизненную силу и желание быть... Спасибо потолку в разводах, недвижимым стенам и серым родным глазам. Мои мысли неслись за грань больничного окна, к ней...

Спустя время я встала на ноги и неуверенно прошла по коридорам. Я благодарила больничные стены за то, что они молча заставили меня бороться и подарили мне новую, сознательную жизнь.

ПРО ПИАНИНО

Я выбрала этот инструмент сознательно. Абсолютно сознательно в возрасте семи лет я решила стать пианисткой. Великой. Всем очень хотелось, чтобы я играла на скрипке. Скрипка мне подходила больше — мы обе были хрупкими, утончёнными и ужасно плаксивыми. А я не хотела связывать себя с подобной мне скрипкой. Я влюбилась в фортепиано с первого взгляда. Его блестящее, могучее, деревянное тело невероятно меня привлекало, я представляла, что открою крышку и начну играть божественно красивую мелодию, скользя по этим бело-чёрным волшебным клавишам. Октавы невероятно красивых, ровных клавиш просили мои тонкие, неуверенные пальцы подчинить их, взамен они просили подчинить этому инструменту сердце... И я согласилась с моей любовью. Да, я безумно любила и люблю своё пианино.

И вот, превратившись в слух, я, замирая, села на стул с подставкой в предвкушении волшебной игры и... поняла, что я абсолютно бездарна и в свои семь лет не могу подчинить себе этот невероятно завораживающий инструмент.

У меня совсем ничего не получалось. Пальцы не слушались, звук получался какой-то неотёсанный, резкий, даже раздражающий. И с каждым годом, с каждым новым уроком я наполняла свой звук частицей души, с каждым новым прикосновением к волшебным клавишам я ощущала отдачу моего фортепиано, и множество красок, созвучий и переливов наполняли мою комнату, и пальцы, уже послушные (будто и не были моими), срастались со строгими, божественными клавишами...

Я могла и любила наслаждаться игрой, звучанием, я начала верить в свой неповторимый звук. В далёком прошлом осталась музыкальная школа, а я всё равно каждый день сажусь за любимое пианино и играю, играю...

Старое фортепиано всегда было моим лучшим другом, ощущало на себе мою боль, радость, смятение, любовь... Я начала писать музыку, и только тогда поняла, что моя любовь к аккордам и трелям взаимна, инструмент помогал мне всегда.

Всё уйдёт, а музыка останется навсегда, наша музыка, моя и моего пианино...

ПРО ВЕСНУ

Весна — не время года, это особое состояние, чувство. Ведь каждый человек должен о чём-то мечтать? Вот и ждут люди весну, время любви... А что, летом, осенью, зимой любить нельзя? Можно, и в каждом времени года своё очарование, вдохновение...

Но почему-то именно весной душа просыпается, и пусть грязные дороги и чёрный снег, но всё же каждое одинокое сердце ждёт свою судьбу. Человека, который в очередной раз разрубит сердце пополам или склеит это самое сердце из осколков прошлых обид. Или же люди ждут волшебника, который подарит новое сердце и научит любить...

Весна для каждого своя. Люди, спешащие куда-то, с первого взгляда просто поток белых, рыжих, чёрных голов... А на самом деле все эти люди обладают душами, чувствами, страстями. Весной женщины беспричинно улыбаются прохожим мужчинам, и мужчины улыбаются им в ответ... И, как ни странно, весна застаёт врасплох, всегда. Пусть она долгожданна, но появляется всегда внезапно. Она и есть радость, счастье, блеск в глазах, робкая улыбка... И пусть люди потоком продолжают бежать по улице, важно знать, что в каждом из них есть душа, необузданная и трепещущая, и пусть никто в этом не признаётся, но любовь живёт в каждом, прошлая или будущая... И во мне живёт настоящая, большая любовь, и я снова окунаюсь в серую толпу, чтобы найти такие же весенние глаза...

ПРО ПОЕЗДА

«Одинокий перрон качаю // В колыбели усталых мыслей», — есть у меня такая строчка, только она не совсем верная. Перроны вовсе не одиноки, они наполнены массой людей, событий, встреч, прощаний, судеб... Перроны — немые зрители чужой жизни...

В поезде всё по-другому, не так, как в обычной жизни. Такие глубокие забредают в голову мысли... Кажется, я давно искала их. Так и не нашла. А в поезде мысли пришли сами, без стука, бесцеремонные, но такие желанные. Тук-тук, тук-тук... Вот дерево серое, а вот ель. Ещё домик, но он мне неинтересен, как и те, кто в нём живёт... Мне просто нравится думать в поезде, писать стихи, здесь это получается так своеобразно. Находясь между тем-то и тем-то, понимаешь, что важно, а что второстепенно. И самое главное — какое направление является единственно верным...

Сотни километров пути открывают истинную картину моего состояния, помогают разобраться в себе. И уйти некуда, да и не хочется, мысли прорывают оборону самобмана и прирастают ко мне.

Меня встретит усталый перрон и счастливый Он, и тогда мысли тихо уйдут, уступая место чувству. Что ж, проводи меня, перрон, и спасибо тебе. Теперь я точно знаю, в какую сторону нужно отправляться моему сердцу.

ПРО ОЖИДАНИЕ

Когда ждёшь, в горле сухо, и скрипит безмолвием время, и сухо в сердце. Ожидание жестоко и беспощадно, слабых оно ломает, любящих делает сильнее. И хочется разрушить стены, и внутри кипит вулкан ожидания, который вот-вот извергнет обжигающую лаву и накроет с головой.

Но ожидание имеет замечательное свойство — оно превращается в дикую, несдерживаемую радость, когда близится ожидаемое. Всё переворачивается, несётся в небо сердце, уходит вся прошлая боль, тоска — всё теряет смысл перед встречей с ожидаемым счастьем. А потом мечты сбываются, люди встречаются, ожидание за-

бывается, забывается... А потом снова возвращается, чтобы принести свою нелепую, тупую боль. Но никакое ожидание не может противостоять настоящей любви.

ПРО ТО, ЧТО ЗА ОКНОМ

А за окном ветки да палки, деревья, снег и какие-то деревянные столбы... Но для меня видеть их — счастье, потому что, оставляя их позади, я всё ближе и ближе к тебе.

Будто ничего и не было до, как не будет ничего после. Быстрее, быстрее, дальше, дальше... Теперь за окном дома, одинокое белое поле... Всё летит мимо. Мне очень нужно видеть, как всё это уносится в неизвестную даль, в небытие, в бесконечность, а я — в другую сторону, туда, где сбываются мечты...

Помнишь, однажды я сказала тебе, что полечу мимо лесов и рек к тебе? А если стать птицей? Что, если стать птицей? Быстрее поездов, самолётов и машин я полечу, и ветер будет играть со мной... Я не знаю дороги, я даже не знаю, на юго-север или на западо-восток мне лететь... Но душа знает немислимый, единственный путь к твоему сердцу. Я долечу, обязательно долечу и своим нежным крылом осторожно, несмело коснусь тебя. Ты спишь, но видишь меня во сне и улыбаешься. Открой же глаза, я хочу видеть в них счастье, я так долго летела к тебе, столько часов, а может быть, лет, чтобы видеть твои глаза, полные любви.

На моём крыле едва заметные капельки крови, ведь я так спешила к тебе, разрывая плотный воздух одиночества... Но ты спишь, и я нежно целую тебя, чтобы не разбудить. Подожди, не просыпайся. Я укурю тебя своим крылом, чтобы ничто тебя не тревожило. Хочешь, я сделаю тебя птицей? Полетим над деревьями и холмами. Я покажу тебе жизнь, которой ты никогда не видел. Ты знаешь, для чего я превратила тебя в птицу? Я подниму тебя к облакам, и мы будем далеки от всего земного... Только ничего не бойся, прошу, дай мне крыло и летим со мной. Если я разобьюсь о встречное облако, не предавайся тяжким мыслям. Только прошу — никогда, никогда не летай без меня, ведь летать поодиночке опасно...

И пусть я совсем не птица, я всё равно умею летать, потому что сердце умеет. Наши сердца в вечном, непрекращающемся полёте любви... А что там за окном? Уже неважно...

ПРО ТВОЙ ГОЛОС

Когда я сижу за шитьём, я начинаю нервничать. Всегда ненавидела это занятие. Иголки, нитки, лоскутки... Пытаюсь зашить своё сердце, оно что-то совсем порвалось, нужно заштопать... Исколола все руки, не умею шить. Может быть, ты поможешь мне? Как? Твой голос в два стёжка зашьёт мне сердце, починит эту нежную материю.

Твой голос — это мой воздух, он обволакивает и несёт меня к божественным началам. С твоих строгих губ слетают голуби любви — слова, мои частицы счастья, спасение залатанного сердца. Твой голос не сравнится с плеском ручья и пением птиц, с горной рекой и сказочной флейтой, с огромным водопадом и метелью. Твой голос — волшебная песня моей души, исцеление моих запёкшихся ран, пробуждение моих дрожащих губ. И пока во мне звучит мелодия твоего голоса, моё сердце, пусть и не совсем окрепшее, будет жить...

ПРО СОЛНЦЕ

Светлое, вечное, яркое... В лучах и блеске буду верить чарующему небу, ведь каждый человек — это комок света, однажды жестоко отколотый от солнца и сброшенный на землю. Солнце — вечный компас, единственный маяк, единственное спасение на Земле. Оно стучится в каждое сердце, пробуждает чувства и рассыпает любовь разноцветными конфетами, заливает звонким смехом пустоты души. Оно дарит потоки света и смотрит на людей, как они, будто в калейдоскопе, рассыпаются на миллионы разноцветных картин. Солнце не раздаривает себя. Оно даёт частицу чистоты каждому, кто обрёл в нём смысл бытия. Солнце вечное, не потухнет и не исчезнет, а его творения — люди, сотканные для вечного счастья. Люди, познавшие радость, и солнце сливаются в невероятный, стремящийся вверх луч света, заражая своим теплом, очищая светлым чувством чёрные души. Вечным свечением солнце прольётся из кружки неба: обожжёт жестоких, обогреет слабых, осветит добрых... Это вечный поток счастья, который накрывает своей любовью Землю, и каждый человек, в котором есть хоть капля любви, почувствует лучи солнца внутри себя...

ГАЛИНА СИДОРОВА

А Я ЕЩЁ ЛЮБЛЮ КАЧЕЛИ

* * *

Распахни глаза —
На траве роса.
Обошла гроза
Стороной леса.
По траве босой
Не спеша шагай,
Полевой росой
очи омойвай.
Много трав у ног
у твоих росло,
Собрала венки
на твоё чело.
Ароматы трав,
Красота цветов
Успокоят нрав,
Сберегут любовь.

* * *

Как тихо музыка играла,
Как томно-нежен вечер был.
Печальный рыцарь без забрала
Среди дам разряженных бродил.
Скучает он среди веселья,
Недели ходит сам не свой —
Цыганка молодая зельем
Навек сплелась с его судьбой.
Забить не может черны кудри,
Глаза — волшебный изумруд,
Овал лица без тени пудры
И звонкий голос поутру.
Она, смеясь, наслала чары,
И страстью рыцарь воспылал,

А в ту же ночь под плач гитары
Бесследно табор исчезал.

* * *

Нет больше сил терпеть —
Я раненый медведь.
Стрела охотника пронзила сердце.
Уходит жизнь из глаз,
Я заклинаю вас,
Пустите в дом, единожды погреться.
Луна во мгле ночной
Хохочет надо мной,
А я один у Вашего порога...
Она ответила: «Нас ждёт дорога...»
Я мёртв. И вы вот-вот
Скользнёте от ворот
За шкурой неспасённого медведя.

* * *

Царит в сиреновом саду
цветков-невест пьянящий запах,
в хмельном, дурманящем чаду
крадётся ночь на мягких лапах.

Умильно тих мой чёрный кот,
стеклянно смотрит, не мигая,
на бесконечный хоровод,
усыпанный звездами мая.

Чуть светлая ночная тишь
ласкает слух, от дня уставший.
Всё замерло. И только лишь
заухал филин, прежде спавший.

Прохладный, свежий ветерок
задул в моей веранде свечи,
накину шёлковый платок —
дрожь обняла нагие плечи.

Дрожь прокатилась, как волна
заполнила томленьем душу,
была спокойною она,
теперь души покой нарушен.

Как веет духом старины
от дома, канделябров, шали...

Дом строил предок для жены,
чтобы смягчить её печали.

Жена, закутавшись в платок,
прижав к груди котёнка-крошку,
ласкала маленький комочек
холёной, узкою ладошкой.

Она страдала без конца,
росла на женском сердце рана:
жених с родимого крыльца
увёз её безбожно рано.

Несчастливая была верна
и стала матерью примерной,
а как судьба её черна,
шептала яблоням, наверно.

Погибла рано. Старый сад
рыдал над ней сиренью в мае,
а филин траурный набат
проухал, мимо пролетая...

Смятение. Всё как при ней,
такой же звёздный, тёплый вечер,
и май, и кружево ветвей,
и дом, и шаль, и кот, и свечи.

Бездушны вещи? Ерунда,
Они хранят воспоминанье,
к ним прикасались господа,
даруя жизнь, как бы случайно.

* * *

Город синий, глазастый, прекрасный
собирает друзей на ночлег,
будто добрый, совсем безопасный,
тихий, мудрый, большой человек.

Жёлтым оком мигает гулякам:
Время позднее, надо спешить!
Гладит шёрстку дворовым собакам:
и «ничейных» умеет любить.

Приказал поутихнуть трамваям,
разогнал стайку жёлтых такси,
а луну золотым караваем
небеса освещать попросил.

* * *

Моей мятущейся душе
Всевышний дал благословенье,
16 лет живёт уже
его счастливое творенье.

Бог дал мне волю и талант,
мечты, падения и взлёты,
и счастья пояснил гарант —
вовек не забывай полёты.

Так дни плелись, года — летели,
пришла пора и мне взрослеть,
а я ещё люблю качели,
я всё ещё хочу взлететь.

Я до сих пор во сне летаю,
завистливо смотрю на птиц,
их каждую весну встречаю
горящим взором с-под ресниц.

Светла, как день, мечта о небе,
как белый мотылёк, легка,
на мысли о насущном хлебе
она взирает свысока.

Я буду ей всегда подвластна,
я — вечный раб своей мечты,
она возвышенно прекрасна,
как стих, как вечер, как цветы,

как предрассветные туманы,
как смех, как песни соловья,
как томно-нежные обманы
или журчание ручья...

СЦЕНАРИЙ

В отсутствие мужа
молодую женщину
посещает муза,
терпко пахнет чернилами,
прельщает сапфическими радостями,
ничего не обещает, уходит,
не думая прощаться.
Женщина оправдывается перед мужем,
почему у неё искусаны губы.

* * *

Нет его. Не скучаю,
яда не расточаю,
увидеть уже не чаю...
Милая, принесите чаю
и счёт. И я считаю.
Вас – Анакторией, таю
от солнца сонного. Святая
Дева Мария! Вы та, я
знаю. Хотите, я почитаю
Вам Сафо, Тая?
Таисия...
Тайная миссия,
походка лисья,
шуршанье листьев
в садах Китая...
Слов не хватает...
Простите, Тая,
Я зря болтаю,
под стать корона вам золотая,
шелка и шубка из горностая,
мужчинок стая
и страсть простая.
Таисия, Тая, прощай,
Я оставляю стихи на чай.

* * *

Пыл, как водится, остыл.
Копоть да головёшки,
пыль на тыльной
стороне ладошки,
на сердце – кошки,
около тыщи.
Греются на пепелище.

* * *

Я её нашла! Лучистую,
Большую и чистую.
В общественной бане.
Зовут Таней.

* * *

С 12 ждала взрослости –
делать глупости, болтать пошлости,
терять постылую,

в 16 – постыдную.
К 17, наконец,
безбрачья слетел венец,
В 17 из девы –
в Евы,
в блудницы.
Не небо Аустерлица,
а лампочка Ильича
виднелась из-за плеча.
Казалось,
она качалась.

* * *

Свобода бедам сводня.
Свободна я сегодня.

* * *

Мелкий бес ни в ребро, ни в бороду.
Трамвайное танго на нервах города –
туда, где стены зовутся – дом,
а этот, в тапках, о ком
невозможно говорить стихами,
по документам твой самый близкий человек.

* * *

И после каждой последней ночи
ты засыпаешь слегка порочно,
и на подушки ложится прочно
тяжёлый запах. Вдыхаю молча
в очарованьи плохих стихов
и тонкий запах твоих грехов,
и нотки пота и сигарет,
и пыль кунсткамер твоих побед.

* * *

Я – рак. Не тот,
что пятится назад,
не то, чтоб родилась в июле,
и даже не навывкате глаза.
По счастью, плоть не разъедаю,
к летальному исходу не веду,
и не свищу, и красной не бываю,
хоть пиво пью – под пиво не иду.
Я – тот,
который на безрыбьи
белугой бешено ревет.

* * *

Изяществом и тонкостью одна
напоминает скрипку.
Другая так загадочна, томна,
что, как рояль в кустах, таит улыбку.
В иной отметишь страстность и порок,
и воздаяние, и кару,
наркотики, и секс, и рок,
и непременно вспомнишь про гитару.
Я в этом восхитительном ряду,
звучащем приторно и тонко,
с собой и с ними не в ладу –
нелепый музыкальный треугольник.

* * *

Мои стихи не ложатся на музыку.
Жаль.
Так хотелось, чтоб кто-то,
стоя в давке метро,
спеша на работу,
или в тапках на мусорке,
опустошая ведро,
напевал невзначай:
«Таисия, Тая, прощай,
я оставляю стихи на чай».

И. Юлаев. Природой сотворённый храм. Оренбург. «Печатный дом «Димур». 2012 г., 184 с.

Новая книга Ивана Юлаева в точности соответствует своему названию. Написанная замечательным русским языком, какой редко встретишь в современной прозе, она о природе родного края — Уральско-Оренбургской лесостепи. Автор в ней собрал не только замечательные и выверенные наблюдения за жизнью птиц, но и подкрепил их собственными фотографиями, которым может позавидовать любой профессиональный фотоохотник. Здесь и попавшие в поле зрения суслики, лисы, ужи, стрекозы и бабочки. Но, в основном, птицы. И всё, что сопутствует неброскому, но удивительно притягательному пейзажу средней

полосы. Когда читаешь эту книгу и рассматриваешь сопровождающие её фотоиллюстрации, постоянно ловишь себя на мысли: «Я ведь тоже такое видел и чувствовал, только давно, в далёком детстве».

Как всё это знакомо! И радость встречи с красавцем-снегирём в морозное январское утро, и первым весенним скворцом, облюбовавшим твой, собственноручно изготовленный скворечник. И посвист чибиса над по-летнему жаркой и пыльной степной дорогой, и грусть, с которой смотришь вслед гусиной стае, уходящей в серое осеннее небо. В своей книге Иван Юлаев очень точно передал настроение истинно русского человека, тонко чувствующего свою связь со всем сущим.

«В живой прохладной ростоши, за горой Крутенькой, где всего в достатке: и старых, скрученных летним зноем и зимней стужей берёз, и молодых стройных дубов, начинающих матереть и раздаваться вширь, и обречённых на вымирание, кисло забродивших трухой осин,— там, где выводят своих белоглазых детей седоголовые нервные галки, а в обросшем черёмухой овраге играет на лешевой дудке холостой соловей, где в просторной лазури с клёкотом кружит сарыч и вяхирь таится в заброшенном сорочьем гнезде, там, в дупле пожившей берёзы, отыскал себе гнездо отшельник-скворец...» Так может написать не просто терпеливый и наблюдательный человек, и автор, мастерски владеющий словом, но и человек, влюблённый в свою землю. Или ещё кусочек: «Напевы скворца — алеманд, полукурант, перенеси-бог, ямской свист, клыкание, ржание, червякова дудка». И ведь правда припоминаешь — в голосе этой птицы услышишь и клыкание, и ржание, и лихой ямской свист.

Сам автор пишет, что мысли о фотокниге зародились у него в лесу, во время тёплого майского дождя. Видно давно накоплен был этот пласт наблюдений и слов, образов и мысленных картин, которые просились на бумагу. Поэтому и льются слова, как вода в тихой речке, перетекая в фотоиллюстрации. Соучастие, сопереживание, а не просто научный интерес естествоиспытателя или праздного путешественника, фиксирующего попадающие в объектив красоты природы, — вот что отличает Ивана Юлаева от авторов многих других, вроде бы подобных книг. Читая его, понимаешь, что природа — не только

величайший в мире выдумщик и творец, но и величайший дизайнер: обладая небольшим набором инструментов — одно солнце, одно небо, одна река — она каждую минуту являет нам бесконечное разнообразие форм, красок, поступков. Созданные природой существа совершенны. В своём развитии они, наделённые бесспорными душевными качествами, способны удивлять и восторгать нас. И спасибо автору, донёсшему до читателя эти моменты истины.

Сергей Грачёв. Истории нашего времени. Москва. ООО «Астра-Полиграфия». 2012 г., 286 с.

Сергей Грачёв — прозаик широкого тематического диапазона, обладающий навыками графически точного, образного многопланового письма. Рассказы и повести С. Грачёва публиковались в журналах «Дон», «Москва», «Вестник Российской литературы» и многих других коллективных сборниках и альманахах. Новая его книга «Истории нашего времени», как видно из её названия, тематически обращена в пространство нашей эпохи.

Герои рассказов — молодой русский парень на сезонных работах в Италии, немецкий старик, бывший солдат вермахта, получивший ранение в России, инспектор таможенного поста, сотрудники разорившегося рекламного журнала — выписаны психологически точно. Иногда, кажется, что у автора слишком уж неторопливо происходит действие, не хватает динамики сюжета, но потом понимаешь — в этом-то и особенность стиля С. Грачёва.

Конкретные детали, ничего напрямую не разъясняется, не разжёвывается, а в результате — всё понятно. Никакого морализирования, иронии, насмешки, так часто встречающихся в современной прозе. Его герои не сказать, чтобы просты, но понятны. Наособицу стоит небольшой цикл рассказов под названием «Байки моего тёзки». Это на самом деле забавные и порой нелепые истории, написанные с тонким незлобливым юмором в духе Фазиля Искандера, что открывает ещё одну грань таланта писателя.

Александр Лейфер. Блог-Пост, или кровь событий. Омск. Издательский дом «Наука». 2012 г., 268 с.

Автор, известный омский публицист, собрал в этой книге свои публикации, посвящённые окружающим его явлениям, культурной и литературной жизни родного края. Как он сам сообщает, поводом для издания книги стало пятидесятилетие его литературной и публицистической деятельности. В последние несколько лет А. Лейфер регулярно пишет для нескольких столичных и местных сайтов. Вот и появилась идея собрать все свои заметки, которые автор обобщил под названием, — эссе в бумажном варианте. Отсюда и название «Блог-Пост». А вот объяснение продолжения названия: «... на их страницах (книг и авторов, о которых пишет А. Лейфер) запечатлено, остановлено нечто неостановимое — само Время. На страницах именно таких книг, по выражению А.И. Герцена, «запеклась кровь событий». Что касается литературного качества текстов, то, как признаётся сам автор, не все они равноценны. Может быть, и читателю, далёкому от общественной и литературной жизни Омска, не все из публикаций будут интересны. Однако, по моему глубокому убеждению, ценна любая честная и грамотная мемуарная литература. Особенно, когда её автор — мудрый и достаточно много повидавший человек. Она всегда останется слепком своего отрезка времени, оттиском малых или великих событий нашей истории. И обязательно найдёт свою читательскую аудиторию, как, несомненно, уже нашёл её Александр Лейфер.

Ольга Хмара. Каторжанка снегов. Сборник стихов. Киров. ООО «Кировская областная типография». 2011 г., 163 с.

Член Союза писателей России Ольга Хмара живёт в Воркуте. И один из постоянных объектов её творческого выражения чувств — Заполярье, край пугающий и неприветливый для непосвящённых. Но стихи Ольги Хмары легки и притягательны. В них нет ничего наносного и искусственно-го. Авторская интонация не терпит нарочитого пафоса и фальши. И оттого им веришь. В её творчестве живут все оттенки любви и страсти. Особенно проникновенно звучит голос поэта в стихах, посвящённых суровому краю, ставшему для неё родным и желанным:

*Стылые пригрели берега.
В том краю любовь и нежность трачу,
Где берёзки ниже сапога,
ивы те, что никогда не плачут.*

Особая тема в творчестве О. Хмары — гражданско-нравственная. Это стихи о жизни, о России, о вере и Боге. И в них она раскрывает полную меру отпущенного ей таланта. «Стихи, написанные в Пасху», часть, завершающая сборник, просто потрясает глубиной чувств, точностью образов.

Без сомнения, жемчужина сборника — стихотворение «Чуж-Чуженин», написанное в исконно русской лексике женского плача. Это редкая манера письма, в которой чрезвычайно сложно выдержать меру, соблюсти интонацию. Автору это удалось полностью. «Каторжанка снегов», несомненно, не оставит равнодушными её читателей.

Павел Маркин. Буквенные птицы. Книга стихов. Санкт-Петербург. ООО «ФормаТ». 2012 г., 94 с.

Павел Маркин (Ёж) родился в городе Канске Красноярского края. Учился в Литературном институте. Член Союза российских писателей. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Мурманский берег», альманахах «День поэзии XXI век», «Академия поэзии», «Дом Ростовых», «Муза», «Голоса Сибири» и других. Его стихи — это маленькие, иллюстрированные замечательными рисунками автора исповеди, в которых многое — загадка, а многое — маленькие чудеса, коими изобилует жизнь, но не всяк их заметит, а тем более опишет.

Маркина часто называют самобытным поэтом. И тут вопрос: что такое самобытность? Наверное, быть самим собой, без оглядки на каноны, привычки, а, может, и на приличия.

В его стихах оживают «буквенные птицы» — прекрасный, свежий и зримый образ, для каждого читателя свой. Что это за «буквенные птицы» такие? Куда летят? В неведомую даль, где сливаются жизнь и поэзия, будущее и прошлое, преходящее и вечное... «Буквенные птицы» Павла Маркина — поиск пути взаимопроникновения и единения со словом.

Валерий Михайлов. Звон. Стихи. Самара. ТОО «Самара-Принт». 2012 г., 79 с.

Валерий Федорович Михайлов — поэт, писатель, публицист, автор семи книг стихов, изданных в Казахстане и России, главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», издаваемого на русском языке в Казахстане. Многие произведения В. Михайлова переведены на казахский, немецкий и английский языки.

Он публиковался и в одном из недавних номеров «Аргмака», где представил своё эссе о М.Ю. Лермонтове. Среди наиболее значимых работ автора — документальная повесть «Великий джуг», посвящённая трагедии голодомора в ка-

захской степи; поэмы «Русь», «Русский хаос», роман-эссе «Роковое предчувствие», вышедший в издательстве ЭКСМА в серии «Лучшие биографии».

Поэт Валерий Михайлов прекрасно владеет словом, одинаково умело используя архаизмы и неологизмы, что создаёт особый поэтический стиль, эффект присутствия ушедшей эпохи и одновременно современности. Несуетливость его литературной планиды, основательность помогают ему всегда оставаться поэтом — и в прозе, и в журналистике. Сборник «Звон» составлен из лучших стихотворений автора, написанных в «нулевые» годы.

Отчий дом. Альманах. № 3. Самара. Издательство «Русское эхо». 2012 г., 93 с.

Третий номер литературно-художественного и культурно-просветительского альманаха для семейного чтения «Отчий Дом», издаваемого одноимённым Новокуйбышевским литобъединением, посвящён 60-летию родного города и является своеобразным признанием ему в любви. На страницах альманаха есть и воспоминания старожилов города, и, конечно, стихи и проза членов народного литобъединения «Отчий Дом». А кроме этого в «Литературной кухне» этого номера — художественно-беллетризованные рецепты фирменных блюд, а дачные советы подскажут, как обиходить дачный участок. Кстати, среди гостей альманаха — редактор «Аргамака» Николай Алешков со своими стихами.

Последний номер «Отчего Дома» отражает всю широту жизни в преломлении литературного творчества, чтобы каждый читатель мог найти в нём что-то интересное для себя.

Сергей Кузнецихин. С точностью до шага. Книга стихов. Красноярс. «Семицвет». 2012 г., 260 с.

Сборник поэта Сергея Кузнецихина с таким названием выходил дважды. Как пишет сам поэт, 30 лет назад он отнёс рукопись в издательство, однако редакция изменила его стихи до неузнаваемости. Но, спустя много лет, книга всё же вышла такой, какой её хотел видеть автор. В неё вошли и те, ранние, и новые произведения.

Сергей Кузнецихин — поэт большой страны. География его стихов простирается с запада на восток, где «по тундре продутой, распахнутой, голой гуляют разбойники, голод и холод», где «горизонт далёк и чист / А небо звонко и высоко, / И лиственницы, как лучи / Светящихся округлых сопок». Поэта тянет туда, к холодным берегам Печоры и Онеги, в низовье Енисея, любоваться на «Однообразный и высокий — / Совсем убогонький пейзаж». От простого созерцания поэт переходит к размышлениям, то трагично, то иронично он отзывается стихами о родине:

*Хотя порой и трудно понимать,
не оправдать, не объяснить не в силах.
И всё-таки — не мачеха, а мать —
несчастливая, забитая Россия.
Мы, дочери её и сыновья,
познавши вкус заботы по талонам,
прощаем всё — шальная, но своя,
да и с отцами вечно не везло нам.*

Сыновняя привязанность к родине сближает Сергея Кузнецихина с другими русскими поэтами, как жившими до него, так и с будущими талантами.

Б. Милицын. Чукотка моей памяти. Казань. Татарское книжное издательство. 2012 г., 63 с.

Эта книга воспоминаний автора о годах, проведённых им на Дальнем Севере – на Чукотке.

Книга рассказывает о климате, нравах и обычаях народа, населяющего этот суровый край, о празднике Севера и трудовых буднях живущих там людей. Автор останавливается также и на переломных моментах нашей истории – событиях 1953 года, когда умер И.В. Сталин.

Книга будет интересна широкому кругу читателей разных возрастов.

Хай Вахит. (Абдулхай Вахитов). Первая любовь. Пьесы. Казань. Татарское книжное издательство. 2012 г., 199 с.

В книге представлены наиболее известные пьесы знаменитого татарского драматурга Х. Вахита. Издание содержит тексты пьес, аналитические статьи, вопросы и задания для самостоятельной работы школьников и студентов.

Книга адресована учащимся средних и высших учебных заведений, преподавателям-словесникам, филологам и всем интересующимся татарской литературой.

Сергей АЛПАТОВ
Галина СИДОРОВА

От редакции. В прошлом номере «Аргамака» мы анонсировали публикацию одного из последних произведений Туфана Абдулловича Миннуллина «Метаморфозы (Сам о себе)», опубликованного на татарском языке в журнале «Казан утлары» под названием «Узгәру». Нам пришлось отложить публикацию по двум причинам: во-первых, до конца не закончен перевод «Метаморфоз», во-вторых, не все члены редколлегии успели ознакомиться с нелёгкими и субъективными рассуждениями уважаемого народного писателя Татарстана о межнациональных отношениях.

В будущем мы вернёмся к «Метаморфозам» и обозначенной в них теме.

СМЕХОТЕРАПИЯ

РОБЕРТ КОПОСОВ

УЛЫБКИ ИЗ КУРОЧКИНО

невыдуманные истории

Деревня с таким забавным и милым названием находится в десяти километрах от станции Свияжск.

Это уже территория Чувашии, Козловский район соседней республики. Определить границу несложно. Раньше это был неказистый, но весьма гордого вида кирпичный столб с названием республики (назвать его стелой не решусь, чтоб не гневить архитекторов), а сегодня, когда столб развалился и исчез, границу обозначает наличие дорожной разметки. Едешь от Свияжска — дорога как дорога; проезжаешь вечный дым ничейной свалки — и вдруг появляется свеженькая разделительная полоса, дорога становится ровнее, а вот и новенькая жёлтая будочка автобусной остановки, на которой кирпично-красными буквами написано «Курочкино» (жёлтый и красный — цвета флага ЧР). Если повернуть налево, попадёшь в Воробьёвку — некогда большое и богатое село. Направо — наше Курочкино. А по соседству названия одно другого домашнее и милее: Улитино, Собакино (его безуспешно пытаются переименовать в «Набережный»), ну и Козловка, конечно, названная по имени купца Козлова (так гласит легенда).

В райцентре есть место, дорогое и нашим, казанским, сердцам — дом-музей Н.И. Лобачевского: здесь берегут память о великом геометре и ректоре нашего университета.

Рассказать о Курочкино побудили меня две причины. Во-первых — куда же нынче без какого-нибудь юбилея? 7 августа Первый канал в программе «Доброе утро» оповестил, например, что солисту всемирно известной группы (не помню, какой именно) исполнилось 54 года! Наш-то юбилей покруглее будет: вот уже двадцать пятое лето проводим мы здесь: сначала отпуска, субботы-воскресенья, а три последних года это наше ПМЖ с мая по октябрь — на пенсии мы теперь.

Вторая причина — хочется поделиться с вами улыбками. А то наслушаешься телевизора — жить не хочется. Везде чрезвычайка — хоть в природе, хоть в обществе, а то и вовсе постоянная война, которую ведёт свободный мир во имя каких-то священных идеалов. Вацлав Гавел даже изобрёл термин «гуманитарная бомбардировка»: это когда ради поимки неугодного им Милошевича надо было разбомбить сотни людей в Белграде, или... Впрочем, стоп: хотел-то про улыбки. А то ведь и правда пора менять названия новостных программ на «Хреновости».

КАК МЫ ТАМ ОКАЗАЛИСЬ

Осенью 1987 года мы с женой решили стать собственниками. В деревне у бабани летом становилось уж очень тесно: пятеро внуков от трёх сестёр способны были довести до белого каления даже невозмутимую бабуся (бабана, баба Анна — это мама, а бабуся, баба Устинья — бабушка жены и двух её сестёр). Так что нам ужасно захотелось жить летом отдельно, и, конечно, в деревне: жена без земли, огорода просто не могла существовать. Коллективные же сады-муравейники нас никак не привлекали, оба не любили толпу, тесноту, вынужденное общение. Искать свой Эдем мы и отправились в Курочкино, довольно далеко от Казани.

Деревня нам сразу понравилась. Были тут и дома, которые можно было купить, если договоришься с управляющим совхозом. Избы эти стояли вдоль улицы, которая сбегала к Волге, и можно было выбрать недорогую и надёжную... Вдруг за поворотом нам открылся вид на отдельно стоящий домик — он кокетливо красовался на пригорке, особняком от улицы и вообще от деревни... «Пряничный домик», — почему-то подумалось мне. И ещё подумалось: «Хочу!» Мы сразу пошли на этот пригорок и увидели: дом стоит, как на балконе, над Волгой и деревней, над ним — огромное небо, за ним — огромный луг, чуть дальше — лесок, а прямо перед домом растёт огромный тополь, укрывающий фасад, точно шатёр... И я сказал жене и себе самому, чтобы отрезать путь к отступлению:

— Покупаем этот. Или никакой.

За домом был сад, целых пятнадцать соток, в нём яблони, вишня, слива, будка для собаки и куча старых досок... Яблоки изобильно румянились в зелени ветвей, картошка ждала, чтобы её выкопали, — кончался уже золотой сентябрь...

Я проявил чудеса настойчивости: ездил в Волжск, где жила хозяйка дома, торговался с ней до опупения, и сбил-таки цену до двух с половиной тысяч, потом ездил с ней в райцентр Козловку, уговаривали управляющего отделением совхоза...

И свершилось ведь!

Звонким от чуточного морозца и весёлого солнышка октябрьским днём мы приехали в *свой* дом — впервые как хозяева. Присмотрелись к земле — песок.

— Навозу бы сюда, — вздохнула жена.

ПЕРВЫЙ НАВОЗ!

— Бусде! — отчеканил я и зашагал вверх по лугу, по косогору к совхозной ферме. Она была рядом, с километр всего. Была суббота, но я в своё время поездил-таки по колхозам со съёмочными группами кинохроники и знал, что у коров выходных не бывает.

И точно: с торца фермы, по уши в навозе, фурычил трактор «Беларусь», за ним — прицеп, громадная тележка. Из шнека в неё смачно шлёпались, лились, падали огромные порции, шматки, струи свежайшего, ароматнейшего коровьего дерьма.

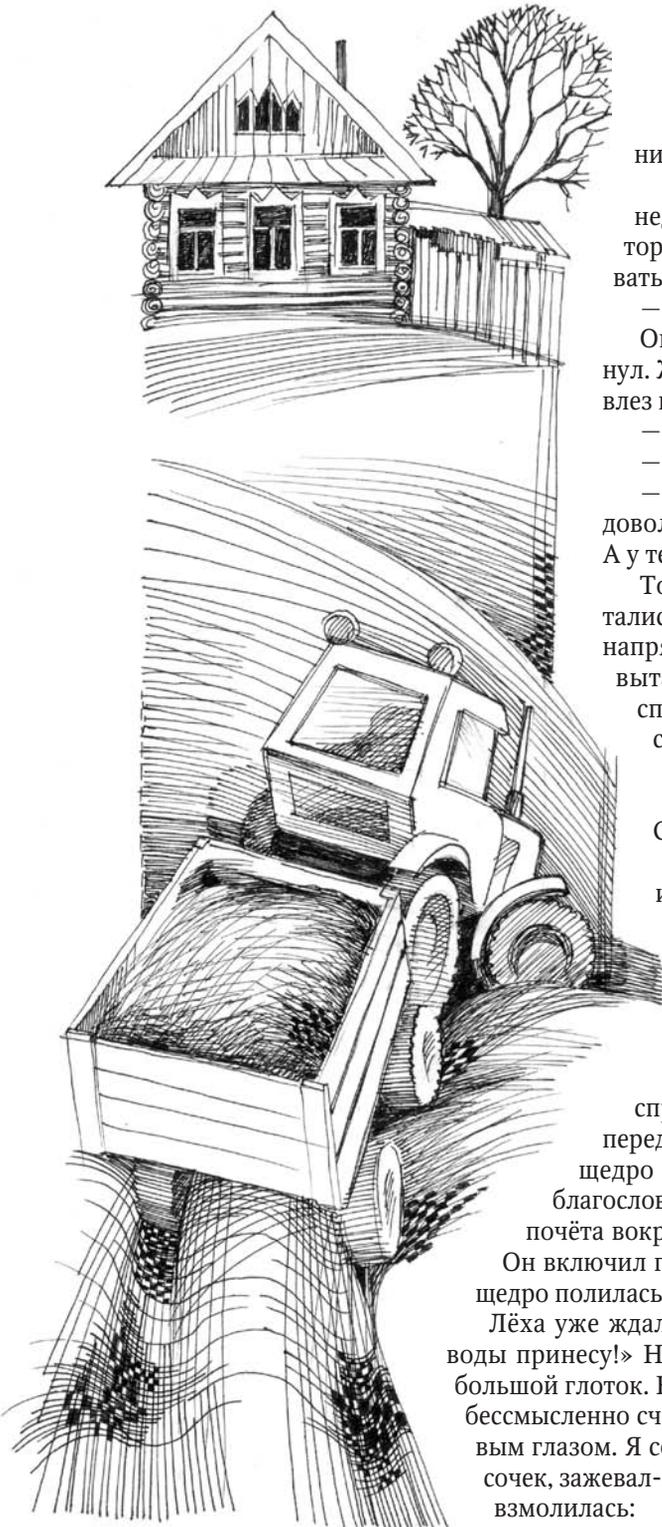
Я заглянул внутрь. Крупная фигура изломанно привалилась к косяку, явно страдающая от вчерашнего.

— Ты кто? — спросила фигура.

Я назвал себя и сам спросил:

— А вы? Как вас зовут?

— Лёха я. Чего надо?

- Навоза.
- А у тебя есть?..
- Есть!

Что есть, оба понимали без разъяснений.

Лёха отлепился от косяка и проявил недюжинную сноровку. Побежал к трактору, потом обратно, хотел уже останавливать транспортёр, но я воспротивился:

- Пусть полная будет!

Он оторопело посмотрел на меня. Кивнул. Ждать пришлось недолго. Лёха наконец влез на сиденье, кивнул мне на место рядом.

- Куда везти-то?
- На Лазуткин бугор.

— Ух ты... — бугор-то был близко, просто довольно круто было к нему подъезжать. — А у тебя точно есть?

Тогда как раз Горбачёв с Лигачёвым пытались ввести сухой закон, и с «этим» была напряжёнка. Я извлёк из кармана чекушку, вытащил пробку. Благословенный запах спирта заставил Лёху сделать глубокий счастливый вдох.

- Чистый?

- Медицинский, неразбавленный.

Сам пью.

Трактор взревел радостно, победно и бодро заковылял по деревенским ухабам. Я оглядывался в заднее оконце, страдальчески морщась каждый раз, когда лужица навоза выплёскивалась из тележки. Наконец приехали, я разгородил одну связку забора, и Лёха въехал прямо в наш огород, трактор

спрыгнул с высокого пригорка сначала передними колёсами, потом задними, навоз щедро выплеснулся — но уже куда надо, на благословенную *нашу* землю. Лёха совершил круг почёта вокруг большой яблони, я ему махнул: тут!

Он включил гидроподъёмник — и соль земли нашей щедро полилась гарантией будущего урожая...

Лёха уже ждал. Он открыл спирт, я сказал: «Сейчас воды принесу!» Но он только мотнул головой и сделал большой глоток. Капли спирта побежали по уголкам губ, бессмысленно счастливая улыбка озарила синяк под левым глазом. Я совал ему шпроты, хлеб, он отломил кусочек, зажевал-проглотил и собрался пить ещё, но жена взмолилась:

— Возьмите с собой! Ведь спирт же... Ещё убьётесь...

Лёха тупо вытаращился на неё, явно не понимая, о чём речь. Потом кивнул, сунул бутерброды в карман грязного ватника, бережно закрыл бутылочку и приладил её во внутренний карман. Крякнул что-то вроде «сибо!» и зашагал к трактору. Тот с места резво подпрыгнул на выезде из огорода (жена зажмурилась от страха), и сцепка весело покатила в горку, кузов победно покачивался из стороны в сторону — Лёха забыл его опустить...

РЕСПУБЛИКА «ЛАЗУТКИН БУГОР»

Когда в Беловежской пуще три безответственных властолюбца объявили о выходе из СССР, российский Верховный Совет с восторженным визгом одобрил это решение. Ельцин объявил о... суверенитете России. Метрополия объявила о своей независимости от колоний! В каком кошмарном сне можно такое представить? По телевизору промелькнуло блудливо торжествующее лицо отца российской демократии. На вопрос, зачем же надо было разваливать страну, которую в течение многих веков собирали наши деды и прадеды, он ответил, что не было другой возможности взять власть. Потом этот эпизод больше ни разу не повторяли — и понятно, почему. Началась вакханалия суверенитетов. О «независимости» заговорили все, кому не лень. Ельцин у нас в Татарстане бросил «крылатую» фразу: «Берите суверенитета, сколько сможете проглотить!». Я злился, горячился, хотел протестовать. Но кому, куда, как? Газеты выли от восторга — свобода! От чего? От кого? Я послал в три редакции рисунок: лежит разрубленное тело, и голова, закатывая глаза в предсмертной судороге, счастливо выдыхает: «Зато мы все теперь свободны...» Никто, понятное дело, не напечатал. Оставалось только высмеивать это дело в семейном кругу, хоть так облегчить боль, сдавившую тревогой сердце.

Я объявил суверенитет Республики «Лазуткин Бугор» — наш дом в Курочкино стоял на этом самом бугре. Старшего сына, поскольку он окончил английскую школу и даже побывал в США, я назначил министром иностранных дел; младшего, конечно, вооружёнными силами. Себя — Президентом. Ну, а жене досталась почётная роль народа.

Этот «народ» вкалывал на совесть, никаким министрам и даже Президенту спуску не давал. Ох, и доставалось мне на копке картошки, если я нечаянно разрезал картофелину! Она вообще была очень строгим народом. Требовательным до беспощадности. Правда, сама всегда являла пример полной самоотдачи, самопожертвования. Если я (и уж тем более МИД и Минобороны) пытались отлынивать от работы, что случалось, чего греха таить, то подвергался такому остракизму, что спешил исправить, загладить вину, зализать моральные раны.

Строгая у меня жена. А мы, мужики, любим, когда нас гладят, ласкают и хвалят. Лаской с нами что угодно можно сделать. Но она — преподаватель по призванию, причём самой что ни на есть старой, ортодоксальной закалки. Уже давным-давно её коллеги не ставили двоек, многие вообще глядели на студентов университета и слушателей подготовительного отделения как на не очень-то одушевлённый предмет, пустили дело на самотёк... В последнее время и оправдание появилось: «Как нам платят — так мы и работаем». Платят, действительно, до безобразия мало.

Когда на бедную многострадальную Россию обрушился ещё и ЕГЭ, супруга моя вообще ушла из университета и из школы, где готовила старшие классы к поступлению. Её уговаривали остаться, но она объяснила весьма убедительно: «Я всю жизнь учила детей русскому языку, а вот учить их играть в угадайку не умею».

И ушла в Республику «Лазуткин бугор». Мы ещё смеялись, что, в случае объявления суверенитетов автономными республиками, можем выбирать: до Татарстана — 6 км, Марий Эл — напротив, через Волгу... Грустные это были улыбки...

«ПИВО ПРИВЕЗЛИ?»

Дом наш стоит на бугре, высоко над деревенской улицей, сбегающей к Волге рядами изб и избушек. Перед нами — волжская ширь, и в который уже раз хочется поспорить с Николаем Васильевичем, утверждавшим, что редкая птица долетит до середины Днепра. Бывал я в Киеве, наша Волга сегодня пошире будет. Правда, между нами и Николаем Васильевичем не только полтора века, но теперь и госграница, и каскад волжских электростанций... За нами — огромный луг на косогоре, обеспечивающий огромное число любителей луговой клубники душистыми ягодами, а там и лес, манящий прохладой и грибами (до пожаров 2010-го года их много было).

И вот нарисовался на нашем бугре-«балконе» крепенький мужичок нарядного вида: в кепке, светлом костюме с наградами — дело было 8 или 9 мая. Он по-хозяйски оглядывал открывающиеся взору просторы, потом извлёк откуда-то бинокль, поднёс к глазам и направил на дебаркадер на той стороне Волги примерно в двух километрах от нас (зимой я Волгу за 40 минут переходил).

Заинтригованный, я вышел из дома, поздоровался и поздравил его с праздником. Он не стал тратить время на приветствия и сразу объявил:

— Смотрю, вот, пиво привезли?

А там, у дебаркадера, был киоск системы «фанерная будка», куда по утрам слетались на своих лодках бедолаги, мучимые утренним похмельем. Мой гость не походил на них, но в тёплый и праздничный майский день глоток «Жигулёвского», конечно, никак не портил праздника.

— В разведке служили? — спросил я, и, увидев утвердительный кивок, ещё раз поздравил ветерана.

Пиво как раз разгружали, и гость отбыл по узкой тропинке вниз — к лодкам и к мужикам, сжигаемым неистовой жаждой, доложить результаты рекогносцировки...

Описал я эту сценку, и заколдобился (в который уже раз!): не воспримут ли читатели это как насмешку над ветеранами, ведь пучины Интернета приучают нас ёрничать даже по этому поводу. Нет, я отношусь к ним, победившим самого страшного врага, с огромным уважением. Особенно ценно именно то, что победили-то именно они — те, кого мы называем «простыми людьми», скромный обелиск павшим на Великой Войне стоит и в центре нашего Курочкино.

О ПЕДАГОГИКЕ

Самые забавные воспоминания связаны, конечно же, с детьми. Зять мой, Сергей, не раз проводил отпуск у нас вместе с сыновьями-погодками Мишей и Тимофеем. Редкий миг можно было застать этих карапузов в спокойном состоянии. Они или вытворяли что-то, или ссорились друг с другом. Что не мешало, например, Тимке заступаться за старшего брата, если мне случалось шлёпнуть Мишку за очередную проказу: «Не бей моёго брата!» — кричал он и лез через подоконник, чтобы вступить в неравный бой с дедом.

А шлёпать было за что. Однажды проказники заставили нас с женой просто остолбенеть от ужаса. Мишка залез в пустую бочку, а Тимка пыхтел, пытаясь направить её под откос. А может, наоборот, Мишка... нет, всё-таки Тимка. И он успел-таки, пока мы, опомнившись, мчались наперерез. К счастью, бочка качнулась на повороте тропинки, свалилась с неё и завязла в кустах, не то бы... В общем, вспоминается мудрый анекдот, когда мамаша говорит дочери: «Пойди, посмотри, что делает твой брат и скажи, чтобы он немедленно прекратил делать это!»

Зато зять вызывал у нас восхищение своими педагогическими талантами. Он мог невозмутимо часа полтора сидеть на диване, не давая Тимке сбежать, пока тот не доест ненавистную кашу. Он упорно занимался с сыновьями математикой каждый день, причём подсказывал им только в самом крайнем случае. Глядя на них, я утверждался в величайшем педагогическом правиле, которое гласит: «Ребёнок должен сам учить уроки!»

Правда, спортивные занятия мы с женой не одобряли. Сергей так учил сыновей плавать, что порой на берегу собиралась кучка сердобольных женщин, охавших: «Ой, убьёт!.. Ох, утопит!» Не утопил, ребята выросли здоровыми и закалёнными, хотя те же бабушки ужасались, видя, как сентябрьскими ветренными днями два карапуза разгуливают голышом под дождём по берегу Волги. А Сергей твёрдо держался своих принципов: даже в дождь водил ребят мыть ноги перед сном, хотя возвращаться приходилось по нашей узкой тропинке (в резиновых сапожках, конечно).

НЕИСТОВЫЙ УРЯДОВ И ДРУГИЕ «ЧУДИКИ»

Когда мне говорят «народ», я вспоминаю конкретных людей, встречу и дружбу с которыми подарило мне Курочкино. Вот Николай Урядов. Он из тех, кто ни секунды не может сидеть без дела. И таких здесь немало: Володя Рачихин, Николай Зойкин (это не фамилия, а имя его жены, но иначе его никто не называет), Натолий Денисов, Марина и Николай Денисовы — да много их! Глядя, как они работают, вспоминаю выкладки мудрецов-социологов, которые утверждают: 15% людей будут работать, даже если им вообще не платить; 70% будут работать, если им платить достойно (и вовремя! — добавим мы); остальные «проценты» не будут работать, хоть ты их озолоти. Названные курчане (так они сами себя называют) — из первых пятнадцати.

Урядов проникся к нам симпатией и принялся уговаривать переложить печку-голландку, плохо она грела. Большую-то «русскую» печь мы давно сами разобрали (за ненадобностью, да и не работала она вообще), зато место появилось для многочисленных гостей. Как-то примчался он возбуждённый: в посёлке Известковый разбомбили брошенный дом отдыха! Тот уже давно хлопал разбитыми оконными рамами, и дожди заливали его через проломленную крышу... А тут нашёлся «народный умелец», выкопал керамические трубы канализации — и продавал их по бросовой цене. Это сейчас любые трубы иди и покупай, а 90-е годы не зря называют лихими... В общем, решили мы с женой, что нет тут греха — и купили две трубы. Саша Денисов, мой «годок» (царствие ему небесное!), организовал подводу... И вот однажды ясным сентябрьским утром явился во всей красе Урядов: курчавая голова прикрыта танковым шлемом, весь из себя в спецодежде... Залез он на крышу — и началось!

Пока разбирали старую печь, ещё ничего. Но вот он вскрыл пол — и мы ужаснулись: ходили-то над бездной! Там был подпол, довольно глубокий, а лага, на которую опирались половицы, сгнила почти полностью. Мы с женой переглянулись: как теперь быть-то? Но для Урядова такие вопросы никогда не существовали. Он и «что

делать» не спрашивал — принялся снимать половицу за половицей, покрикивал на нас, чтобы не стояли столбами, потом вытащил тоже гнилой столб-опору и scomандовал: «Пошли!» Вокруг нас полно росло диких, ничьих деревьев, он тут же принялся рубить одно из них — толстенное! Как мы его тащили потом в дом — надо отдельно рассказывать, я и вспоминать-то боюсь, а тогда... Потом выяснилось, что пару половиц надо выкидывать — «некондиция», и Николай отправил меня к Валерию Сидоровичу — местному начальнику. Тот, улыбнувшись на городского недотёпу, позволил мне взять за символическую плату несколько досок, подвода тоже нашлась... Всё это происходило в каком-то угаре, я плохо осознавал, что и как, а Николай только подгонял: «Глину тащите!» — благо глина была тут недалеко под обрывом; «Кирпичи сортируйте!» — мы тащили из сарая кирпичи от большой печки, очищали от старой глины кирпичи от только что разобранный «голландки»...

В себя я приходил только во время обеда, который заканчивался словами Николая: «Айда пошли, чего тут расслаивать!», да ещё вечером за стаканчиком «на сон грядущий»...

На третий день пошёл дождь. И удача вроде бы отвернулась. Николай озадаченно почесал затылок: «У тебя уголка нету?» Уголок был, но очень толстый и длинный. Урядов, конечно, собрался его пилить — но полотна такого (пилы по железу) у меня действительно не было, надо было идти через всю деревню к нему...

Но тут сквозь пелену дождя на Волге нарисовался «утлый чёлн», блеснуло ветровое стекло и даже очки под капюшоном... Такое «остекление» могло быть только у Саши Семёнова — давнего нашего соседа по деревне. Я кубарем скатился на берег: «Саша! У тебя уголок есть?» «Рад вас видеть, почтенный сэр, — как всегда витиевато приветствовал меня Саша. — Уголок есть, пойдём». До сих пор он сам не понимает, что вдруг заставило его поехать в будний осенний день из Зеленодольска в дождь в Курочкино. Но я-то знаю: Господь помог...

Вывести трубу на чердак и затем на крышу было уже «делом техники» и урядовского навыка. Я с энтузиазмом и неведь откуда взявшимися силами помогал ему, наутро он притащил большой лист «железа» (так тут оцинкованную жесть называют), мы замазали цементом отверстие вокруг трубы... И это было всё! Жена уже успела подмести и на скорую руку вымыть пол, мы уселись за наш круглый стол, неторопливо то ли позавтракали, то ли пообедали, Николай назвал цену своей работе — и мы опять не поверили своим ушам. За три с половиной дня он разобрал нашу «голландку», снял и перестелил пол 4,5 x 4,5 м, сложил новую печь — и взял только 5 тысяч рублей. Даже тогда, три года назад, это было очень немного. Печь, кстати, получилась не только красавица, но ещё и греет от души...

Сейчас Урядов переехал в Волжск, построил там дом, гараж — и обязательно построит что-то ещё, потому что он из тех 15%, которым плати-не плати, а работать будет. Неистово и на совесть.

УЛЫБКИ НА ЗАБОРЕ

Про Сашу (Александра Георгиевича) Семёнова я уже много раз писал в разных изданиях, повторяться не стоит. За исключением одного эпизода, уж очень он здесь к месту. Саша — фотограф, точнее — фотохудожник, и эта сторона его биографии важнее многих десятилетий в одном из зеленодольских ЦКБ и нынешней работы в техническом училище (ему 75, но он ведь из 15 процентов!). Недавно выпустил книгу-фотоальбом «Простое пространство». Если кого-то заинтересует его творче-

ство (а оно того стоит! Дипломы выставок в Вашингтоне, Сингапуре, Канаде, не говоря уж о российских, тому подтверждение) — зайдите в сеть «ВКонтакте» на его страничку — там тысячи прекрасных фоторабот.

Если говорить о выставках, то больше всего мне запомнилась самая простая, самая незатейливая, самая неожиданная и самая — я уверен! — успешная из них. Выставка на улице в нашей деревне — буквально напротив Сашиного дома. Не было на ней друзей, родственников и коллег, вежливо и вполне в рамках великосветских приличий обсуждающих выставленные работы, — так это обычно бывает на вернисажах и биенналях. А были...

В тот воскресный день народ пошёл на переправу и увидел на заборе множество фотографий большого формата. Кто-то узнал себя и своих родных, кто-то — знакомых. И все — узнавали родные места, родину свою с непритязательным и довольно забавным названием — Курочкино и его окрестности. Останавливались, ошеломлённые (к счастью, катер как всегда припозднился), смотрели долго и отходили, светясь улыбками... Можно, я не буду тут ставить акценты и разводить философию? Лучше всего дать 1–2 фотографии, но это если редакция сочтёт нужным.

ЕЩЁ ПРО НАВОЗ

Кто не хочет — пусть пропустит эту главку. И будет неправ. Потому что в этой пахучей теме отражаются многие этапы развития нашей страны за последнюю четверть века. Про Лёху я вам уже рассказал. Потом на навоз дико поднялся спрос: это власти начали выделять участки садоводам, возле станции Ширданы вырос целый город (мегаполис!) домов, домиков и домишек, окружённых грядками и деревьями, и к совхозному начальству было невозможно подъехать с просьбой «отпустить за наличные»: громадные самосвалы отправлялись ежедневно с фермы и конного двора в Ширданы и другие садовые кооперативы и огороды. Электрички ходили переполненными, и Горьковская железная дорога забыла, что такое «убыточность пригородного сообщения». А нам пришлось подъезжать не к начальству, а к конюху, и не с наличкой — она тогда вообще была не в счёт — а с «бартером»: без бутылки дело не ладилось. А потом всё вернулось на круги своя. Горожане подсчитали, что на деньги, которые они тратят летом, можно купить и картошки, и всего остального с запасом, ещё и на поездку в Турцию останется. Но заискивающе-просительный тон в отношениях с управляющим отделением совхоза уже закрепился. Да и куда нам без навоза-то! Мы ведь вели хозяйство не ради «экономической эффективности», а ради здоровья: огородотерапия держала нас с женой в форме целую зиму, а насколько вкуснее помидорчики с собственной грядки... Теперь вот жена и дыньки научилась выращивать. Глядишь на её радостную улыбку — и понимаешь, в чём оно, счастье-то.

Так что когда весной 2011 года мы в мае приехали опять в деревню, я сразу направился к Валерию Сидорычу. У калитки стояла новенькая «Лада-Приора». Зато калитка была вдрызг распахнута, туалет системы СПС (свободно падающая система) тоже покосился. Как-то не по-настоящему гавкал на цепи огромный пёс... Я вошёл в сенцы, на звонок и не смотрел даже, постучался в дверь и открыл её.

— Есть кто? — спросил я украшенную наивными ковриками пустоту.

Через минуту ощутил какое-то движение, и вот выкатился хозяин. Гроза и гордость курочкинцев, сейчас он был в состоянии... Ну, медведя, вылезавшего из берлоги, видали? Круглоголовый, линиялый какой-то, в замурзанном тренировочном ко-

стюме... Голос сиплый и тихий, в пору переспрашивать, так ведь что переспрашивать: оба знали свои роли наизусть.

— Здравствуйте, Валерий Сидорович, с весной вас!

— Здорово, здорово... — он добросовестно пытался говорить погромче, но видно было, что после зимней спячки тяжело человеку. Так что — быка за рога!

— Навозу нужно, Валерий Сидорович, а?

Он безропотно согласился:

— Бери, бери! Счас Андрею позвоню... — и принялся набирать номер на мобильнике, втолковывать Андрею (трактористу, как я понял), что есть работа, чтоб ехал сейчас сюда.

Я благодарно и обрадованно кивал. А неприступный (каким я его помнил по прошлым летам) Сидорович сипло пытался объяснить мне, что вот, один трактор остался, на чём работать? И ещё сказал, чтоб я мужиков нашёл: «Иди на стройку, они тебе тележку накидают».

«Стройка» — это сильно сказано. Когда-то в незапамятные времена построили поодаль от деревни два двухэтажных дома, потом возле них притулились в вызывающем беспорядке несколько щитовых домишек — ни один не стоял параллельно или хотя бы перпендикулярно другому. Словно бы ещё в советские времена репетировали тут демократию: что хочу — то и ворочу, самостоятельность показываю, а то и непослушание.

Женщина шла с ведрами воды, кивнула на дальний подъезд: «Там спроси». Девушка, довольно миловидная, вышла из какой-то двери, пообещала позвать мужиков. Довольно ухоженная, смотрелась она очень странно на фоне вопиющей разрухи: сказать «обшарпанные стены» — значит, ничего не сказать, бессильно тут моё перо.

Но вот и представитель мужиков нарисовался: парень лет тридцати в резиновых сапогах, уверенно разбрызгивая грязь, прошёл мимо, решительно отмахнувшись от моей «дипломатии».

— Христос воскрес! — заискивающе сказал я, но получил в ответ:

— Грузить не пойду!

Девушка, однако, что-то стала говорить ему, похоже, на повышенных тонах. Они уже вместе подёргали двери ещё какой-то квартиры, и парень повернулся ко мне:

— Пойдём...

Я не расслышал, куда, зато увидел. За углом покосившегося сарая оказалась вполне буколическая картинка: худощавый темнолицый мужчина в синем ярком костюме-комбинезоне и вязаной шапочке разводил на земле какой-то костерок, рядом сидела миловидная женщина с ребёнком в комбинезончике небесного цвета.

— Тележку нагрузить? — с готовностью отозвался мужчина. — Нагрузим! — и повернулся уже ко мне. — Что почём? Что даём?

— Так вы цену назовите, — отозвался я. — Как обычно...

— Ну... Триста мало будет... — он хитровански глянул на парня. — Пятихатку надо...

— Это сколько? — я в самом деле не знал, что это, но, как говорится, по контексту догадался. — Пятьсот?

— Ну! — они весело переглянулись с Андреем (парня тоже звали Андреем, как и тракториста).

— Согласен, согласен! — заторопился я.

Оказывается, и солнце светит весело, и травка клочками пытается зазеленеть, и сама «стройка» выглядит вполне симпатично...

И вот вам современный вариант картины «Три богатыря», не считая трактора «Беларусь»: Андрей-тракторист гордо восседал на кожухе двигателя (капотом его назвать я бы не решился), Андрей с вилами вдумчиво смотрел под ноги, в чёрную пахучую жижу, тёмнолицый Саша возвышался над ними на фоне бездонно голубого неба, увенчивая собой огромную кучу такого желанного для нас с женой навоза.

Да какая там «куча»! Гора! Монблан! Эверест! Джомолунгма (хотя, кажется, это одно и то же). Но лучше уж по-нашенски, по-родному. Пусть будет гора Народная (это наивысшая точка Урала). И ведь в самом деле народная она, эта навозная гора. К тому же не то трёх-, не то четырёхглавая, целая гряда!

— Дед! — отозвался с высоты своего положения Саша. — А тебе везёт: навоз-то конский! — и, увидев счастливую улыбку на моём лице, спустился, снизошёл до меня и уже вполне по-дружески шепнул: — Дай на пузырь, а? А то, понимаешь... Тяжко...

И Андрей смотрел на меня с надеждой. Простоватое его лицо уже совсем не светилося тяжкой гордостью аборигена, как при первой встрече. «Пузырь» — я уже давно знал это — был поллитрой плохо очищенного самогона, и найти его было нетрудно: за «углом». Я сунул ему «полтинник», он неторопливо удалился, а мы договорились об оплате с трактористом Андреем. Он заикнулся было о «тыще», но я уже осмелел, понимал, что в этой ситуации диктовать могу я.

— Пятихатка! — решительно ответил я, он засмеялся и согласился.

Улавливаете разницу? На первом месте оплата деньгами, а самогон — это что-то вроде стартера.

Вскоре вернулся Андрей, они приложились и принялись кидать навоз с горы в тележку. Тут я заметил, что поодаль сидит та самая женщина с ребёнком, подошёл ещё и мужичок — седой, сухощавый, но мелкий, а ведь известно, что маленькая собачка до старости щенок. Но женщина — Таня (сколько же их, Татьян, на просторах России!) — обращалась к нему уважительно: «дядя Саша» и попросила оставить им «курочку». Они рассказывали мне о своей жизни в каком-то удивительно спокойном ключе: ни минора, ни мажора. Платят на ферме мало и редко, иногда «подкидывают» натурой: то мешок комбикорма, то колбасы привезут. И здесь, и на автобусной остановке такие разговоры не редкость, и тон их действительно изменился. Советскую власть в своё время ругали азартно и страстно, нынешнюю — как-то отрешённо спокойно, при этом назад, в социализм, не хотят. У большинства дети уехали в города, приезжают на своих машинах, хотя на производстве работают немногие, большинство предпочитает не рассказывать, чем занимаются дети. Но вот тоже признак: коров опять стали держать (между «социализмом» и нашими днями вообще был провал, не держали скота). Каждое утро женщины везут в Свяжск и Зеленодольск тяжёлые сумки с «полторашками» молока, возвращаются с сумками, полными пустых «полторашек»...

Наконец, тележка наполнена «горкой», и весёлый тракторист Андрей везёт меня и навоз на Лазуткин бугор — точно так же, как вёз Лёха давним октябрьским днём, но в отличие от Лёхи он абсолютно трезв, что меня лично очень радует. Перед нашим огородом появился ещё один участок, и Андрей включает гидropодъёмник у его ворот. Вот вся гряда вздымается всё выше, выше, вздрагивает, начинает еле видимое движение... и вдруг устремляется вниз: дно было выстлано соломой, и та сыграла роль «смазки». Так, наверное, начинаются лавины и оползни в горах... Вот вся гряда предо мною — теперь дело техники: вил и тачки. Ну, и моих усилий, понятное дело: огородотерапия...

ПРО ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

По этой части в Курочкино тоже не всё однозначно. Как-то давно, задолго до появления мобильных телефонов, пообещал я жене, что приеду к ночи обязательно. Но сами знаете, как бывает: работа задержала. В отчаянии я позвонил племяннику Алёше и он, добрая душа, отложил свои планы и поехал со мной ночевать в Курочкино.

С другой стороны, четверть века назад от нас в Волжск четыре раза в день ходила переправа — «Омики». Электричек было чуть не два десятка в день, автобусы переполненные сновали из Свияжска в Козловку, Чебоксары и другие города каждый час. Сейчас — тишина и гладь. Четыре автобуса в день из Козловки и обратно, два — в Чебоксары. Электричек стало мало... А главное, мало стало пассажиров! С одной стороны, раньше за продуктами и промтоварами носились, искали их, «доставали»... С другой — школу в Курочкино закрыли, за детьми приходит жёлтый микроавтобус, отвозит их в Козловку и привозит обратно... Магазин в Курочкино не выдержал конкуренции с мобильной автолавкой, а она — два раза в неделю, и выбор продуктов там не ахти... А переправа в Волжск теперь не действует вообще. Сплошные парадоксы!

Но я же обещал улыбки... Вот, пожалуйста. Лет уже семь или восемь назад вдруг начали асфальтировать часть дороги, которая ведёт от шоссе в деревню. Заасфальтировали метров пятьсот — и бросили. Оказалось, ждали приезда президента ЧР, но предварительно приехал его представитель, увидел разрушенные фермы — и визит отменили. Зато этим летом вдруг заасфальтировали пяточок в самом конце дороги, поставили там будку остановки и даже знаки «Конец дороги» и «Автобусная остановка». Это для школьников и их автобуса. А они всё равно собираются в начале той, разбитой дороги, у огромной цистерны с нацарапанными буквами «Чикаго»... А для пущей важности на асфальтированном тупике нанесли разметку «Пешеходный переход» — в просторечии «Зебра»... Так что я всё чаще думаю, что в России не две беды, а одна... Впрочем, не моё дело философствовать, делать выводы. Перед вами — просто зарисовки с натуры...

И вот ещё случай. Август 2012-го. В один из дней поехал 12-часовым автобусом в Свияжск за продуктами. К 13 часам сидел в автобусе, чтобы ехать обратно. Пришла электричка, хлынул народ и стал, как водится, просить водителя подождать, пока «за хлебом сбегаяю». Учительница Марья Сергеевна пристроила внуков и наказала: «Вы их без меня не увезите!» Минут через пятнадцать начали выяснять, все ли из магазина вернулись (впору спрашивать: «Кого нет — поднимите руки!»). Уже, вроде, все, уже гневная молодая женщина сбегала сама за мужем, уже почти тронулись, как вдруг одна бабуся перекрыла мощным басом автобусный гомон:

— Пожди! Счас узнаю! — и прижала мобильник к уху. Ответили, к счастью, быстро. — Машка, ты дома?.. Ага! Ладно! — и уже к водителю. — Айда поехали!

Или ещё. Надо было в город ехать, а небо затянуло, пошёл осенний дождь. Натянул сапоги, плащ, кепку, поднялся по косогору, вышел на шоссе. А там под козырьком остановки двое. Тот самый Лёха, который мне 25 лет назад навоз привёз — он за эти годы заматерел, поздоровел (во всех смыслах), и мужичонка в сером пиджачонке с бородёнкой. И транзистор включён и поёт: «Никуда-никуда от дождя не скрыться нам...»

Подрулил из деревни весёлой зелёной расцветки автомобильчик «Dey Matiz», забрал Лёху и уехал.

СИМКИНО «ХОЗЯЙСТВО»

Симку к нам привезла сердобольная Вероника, жена того самого Тимофея (летит время-то!). Она подобрала котёнка на станции Свияжск — и маленький дымчатый комочек как-то сразу стал своим. Потом по образцам в Интернете мы определили, что она из породы «Невская маскарадная». Зимой Симка живёт у внучки Лизы, а лето проводит у нас в Курочкино. Прошлым летом опять окотилась и заботливо учила троих котят уму-разуму. Однажды принесла им мышь. Жена, конечно, пыталась возражать — но куда там! Симка ухитрилась так расположить своё семейство, что мышь была в «живом кольце» и убежать не могла. Так и вела свой «мастер-класс», пока котята благополучно мышь не слопали.

Наутро Симка опять притащила мышь. И снова жена сначала стала стеной — но куда там! — пустила-таки её с добычей в дом. А там началось странное. Кошка даже не играла с мышью, но зорко следила за её передвижениями. Наконец, жене это надоело, и она попыталась мышь выгнать. Симка стала на её защиту! Загнав мышку в угол под кроватью, она легла поперёк, не допуская нас к ней. Тут до нас дошло: кошка заводит своё «хозяйство!» — то ли как материал для обучения котят (те в это время осваивали огород), то ли как «продукт впрок»... Это было, конечно, уже слишком. И началось! Я со шваброй за мышью, жена с криком — за мной, Симка с возмущением на морде — за нами... Не помню, долго ли продолжалась погоня, достойная фильмов Чарли Чаплина и Мак-Сеннета. Но, наконец, мыши пришёл конец (простите за тавтологию), Симка с обиженным видом удалилась на улицу, мы, запыханные, уселись друг против друга, смотрели сначала очумело, потом расхохотались... Ай да Симка!

С ВЕТЕРКОМ, КАК «НОВЫЕ РУССКИЕ»

Рассказывать о Курочкино и курчанах могу долго. Только опыт издания своих книг у меня очень отрицательный, поэтому ограничусь «малыми формами». И закончу эту публикацию улыбкой доброй и светлой.

Собрались мы с женой на Троицу в церковь. Вышли на остановку автобуса — а тот то ли опаздывает, то ли вообще не придёт — с ним это бывает. Заскучали уже, как вдруг подруливает «девятка» и два молодых человека спрашивают:

— Куда, бабки-дедки, на станцию?

— В церковь нам, на Троицу!

Парни переглянулись:

— И правда, Троица ведь! Садитесь!

Мы и рады, и волнуемся: сколько возьмут-то? На перекрёстке говорим:

— Остановите тут, мы выйдем!

А они уже повернули на улицу Ленина, да так лихо подъехали к церкви Святой Троицы (оцените топонимику!), что другие прихожане с недоумением уставились на нас, кто-то сказал: «Как новые русские!» И от денег ребята категорически отказались:

— С праздником! Троица же!

Наши авторы

стр. 95 АРХИРЕЕВ Геннадий Николаевич (1949–2007) родился на острове Свияжск в ГУЛАГовской тюрьме (мать была репрессирована в 1948 году, реабилитирована в 1953-м). Учился в школе-интернате с 1 по 7 классы. Учился живописи и рисунку в Казани в студиях Н. Индюхова и И. Зарипова. С 1970 года участвовал во всероссийских и всесоюзных художественных выставках. С 1989 года выставляется в Эдинбурге, Лондоне, Брюсселе, Амстердаме, Дублине, Париже. Картины находятся в частных собраниях коллекционеров Великобритании, Нидерландов, Бельгии, Германии, Италии, Израиля, Японии, Китая, Канады, США, Австралии. Член Союза художников России. Дочь Анастасия живёт в Ливане.

стр. 67 КЛЯЧИН Валерий Алексеевич родился в 1954 году в городе Иваново. После окончания Клайпедского мореходного училища работал штурманом на судах рыбопромыслового флота в юго-восточной Атлантике. В 1986 году окончил дневное отделение Литературного института имени А.М. Горького, где занимался в семинаре Анатолия Приставкина. Вернувшись в Иваново, работал литературным консультантом в писательской организации, учителем литературы в сельской школе, мастером по кладке печей и каминов в Подмосковье. В 1991 году был принят в Союз писателей СССР с книгой рассказов «Дождь во время любви», изданной в 1988 году издательством «Современник». За публикации рассказов в газетах и литературных сборниках отмечен званием лауреата Областной литературной премии и Почётной грамотой Союза писателей России. В настоящее время живёт в Иванове. Является создателем и администратором сайта Татарстанского отделения Союза российских писателей.

стр. 95 КОЛИНА Светлана Закировна родилась 22 апреля 1949 года в Казани. Окончила химико-технологический техникум, институт культуры, философский факультет университета марксизма-ленинизма. Работала директором студклуба КИСИ, искусствоведом в выставочном зале Союза художников РТ, бригадиром огородной бригады колхоза «Новая жизнь» в селе Буртасы Камско-Устьинского района, корреспондентом газеты «Женщина», редактором отдела журнала «Казань». Там в 2001 году опубликовала «Буртасские рассказы», по которым Сергей Свинцов в 2008 году снял художественный фильм «Голубка», посвящённый памяти художника Ген-

надия Архиреева. В 2012 году журнал «Казань» опубликовал роман Светланы Колиной «Богема и нувориши».

стр. 238 КОПОСОВ Роберт Иванович родился в 1938 году. Окончил КГУ в 1961 году. Работал в республиканских газетах («Комсомолец Татарии», «Советская Татария»), сотрудничал с Казанским телевидением (более 14 лет вёл передачу «Новое на киноэкранах»), с 1972 до 1986 работал главным редактором Казанской студии кинохроники. Член Союза кинематографистов РФ, заслуженный деятель искусств РТ. Женат, имеет пять внуков и одну правнучку.

стр. 214 ЛАРИНА Ксения Владимировна родилась в городе Набережные Челны. Студентка филологического факультета Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов. Лауреат литературного конкурса, учреждённого набережночелнинским филиалом ПФУ, победитель городского юношеского литературного конкурса «Проба пера» в номинации «Поэзия». Выпускающий редактор зональной молодёжной газеты «Инициатива», редактор студенческой газеты «Ступени», редактор-корректор литературного альманаха «Аргамак. Татарстан».

стр. 99 МАНСУРОВ Зиннур Музипович родился в 1949 году в деревне Нижняя Ошма Мамдышского района ТАССР, окончил историко-филологический факультет Казанского Государственного университета в 1972 году. Автор 15 книг (поэзия, критика, публицистика), главный редактор еженедельной газеты «Мадани жомга» («Культурная пятница»). Лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая. Был заместителем председателя правления Союза писателей. По его произведениям созданы теле- и радиоспектакли, а также написаны музыкальные произведения.

стр. 133 МАНУСОВ Юрий Владимирович родился в Тбилиси в 1948 году. С детства занимался кинолюбительством. Окончил ВГИК (сценарный факультет) и Высшие режиссёрские курсы. Работал на ЦТ, на студии «Мосфильм», на Одесской киностудии. Снял пять игровых полнометражных фильмов, среди них сюрреалистическая трагикомедия «Выкидыш». Снимал короткометражные и документальные фильмы. Писал сценарии, пьесы, рассказы. Работает над многотомным романом «Донпижон». Член Союза кинематографистов СССР, член Союза рос-

сийских писателей. Живёт в Набережных Челнах.

стр. 124 **ОКОМЕНЮК** Татьяна Владимировна родилась в Днепропетровске (Украина) в семье военнослужащего. Закончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. Пятнадцать лет занималась преподавательской деятельностью и активно публиковалась во многих украинских изданиях. Член Союзов журналистов Украины и Германии. Член Союза немецких литераторов «Unser Leben» и Французского Европейского литературного общества AFEL. Лауреат Международного конкурса «Литературная Вена 2009» (Австрия, Вена). Победитель литературного конкурса «Лучшая книга года 2009» (Германия, Берлин). Лауреат Международного конкурса «Серебряный стрелец 2010» (Лос-Анджелес, США). Победитель Международного фестиваля «Русский STIL 2010» (Германия). Дипломант международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2010» (Россия, Москва). С 1998 года живёт и работает в Германии. Является спецкором русской редакции берлинского радио RBB Rundfunk Berlin-Brandenburg. Сотрудничает с русскоязычной прессой Германии. Публикуется в периодических изданиях Греции (журнал «Папирус»), Бельгии (журнал «День»), Франции (журнал «L'Inspiration»), Чехии (журнал «Писатель»), США (газета «Новое русское слово»), Израиля (интернет-портал «MIGnews.com»), Австрии (журнал «Венский литератор»), журнале Международной ассоциации писателей и публицистов «Настоящее время». Пишет художественную прозу. Автор книг «Замужем за немцем» (2003), «Вечерние новости» (2004), «Одинокие женщины желают...» (2006), «Иуда» (2010), «О Ване и пуТане» (2010), «Возвращение блудной души» (2010), «Репортаж с планеты ариев» (2011).

стр. 203 **ОЛЬШАНСКИЙ** Александр Андреевич родился 12 февраля 1940 года в городе Изюм Харьковской области. С 1961 года – студент Литературного института имени А.М. Горького. После закрытия Хрущёвым очного отделения Литинститута – один из организаторов забастовки протеста. В 1963–66 годах проходил военную службу на Дальнем Востоке. Литинститут закончил в 1969 году, тогда же его пригласили перейти на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ. В 1973–79 гг. – заведующий редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия». С 1979 г. – член Союза писателей СССР, в 1984–85 гг. – рабочий секретарь Московской писательской организации, редактор газеты «Московский литератор». В 1987–91 гг. член правления, начальник управления литературы и искусства Всесоюз-

ного агентства по авторским правам. В настоящее время – председатель правления Содружества выпускников Литературного института им. А.М. Горького, руководитель семинара прозы на Высших литературных курсах, политический обозреватель международного журнала «Форум». Награждён медалями СССР и РФ, имеет почётное звание «Zasluzony dla kultury Polskej» (1989). Почётный член Глобального Союза Гармонии, объединяющего более 300 интеллектуалов из десятков стран. Автор многих публикаций и книг.

стр. 57 **ПЕРМИНОВ** Юрий Юрьевич – известный русский поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в Омске. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института им. Горького. В течение многих лет возглавлял ведущую общественно-политическую и литературно-публицистическую газету Сибири «Омское время». В настоящее время – главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного проекта «Тобольск и вся Сибирь». Автор восьми книг стихотворений и многих публикаций в центральных и региональных литературных изданиях – журналах «Наш современник», «Подъём» и т.д. Лауреат всероссийских литературных премий. Живёт в Омске.

стр. 117 **САРЧИН** Рамиль Шавкетович – поэт, литературный критик, литературовед. Автор поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал»; монографий «Поэтический мир Николая Благава», «Традиции русской поэзии в творчестве Инны Лисянской»; статей о русской литературе, преимущественно о поэзии. Родился в селе Калда Барышского района Ульяновской области. Окончил филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета, аспирантуру при кафедре литературы УлГПУ. Работы Рамиля Сарчина опубликованы в сборниках всероссийских и международных конференций, в журналах «Мономах» (Ульяновск), «Армагак. Татарстан» (Набережные Челны), «Казань», «Идель» (Казань), «Наш современник» (Москва), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия). Член Союза российских писателей, член Союза писателей Республики Татарстан. Кандидат филологических наук, работает над докторской диссертацией.

стр. 46 **СЕМИЧЕВ** Евгений Николаевич – член Союза писателей России, известный русский поэт, секретарь Правления Союза писателей России. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Российский развилоч», «Соколики русской земли», «Небесная крепь», «Великий верх», «Аргуван» и др. Лауреат Всероссийской

премии им. М.Ю. Лермонтова. Лауреат Большой литературной премии России. Лауреат Международной премии «Золотое перо» и т.д. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

стр. 226 СИДОРОВА Галина Владимировна. Родилась в 1989 году в Набережных Челнах. Образование получила в ЕГПУ, на факультете русской филологии. Сейчас работает корректором в службе новостей холдинга СТВ-МЕДИА.

стр. 144 ТКАЧЕНКО Пётр Иванович родился в 1950 году на Кубани, в станице Старонижестеблинской. Окончил Владикавказское высшее общеобразовательное командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках. Работал в журнале «Пограничник», в газете «Красная звезда», в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Полковник в отставке. Член Союза писателей России. Автор многих книг, в том числе «Где спит казацкая слава», «Не для меня придёт весна...», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте», «Драма грозного царя» и других. Составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор», а также книг «Кубанские пословицы» и «Кубанские песни. С точки зрения поэтической». Живёт в Москве.

стр. 195 ФЁДОРОВА Карина Николаевна родилась в Набережных Челнах в семье музыкантов. Окончила детскую школу искусств по классу домры (преподаватель Ахмадиева Л.Я.). За годы учёбы стала дипломантом международного, лауреатом всероссийского, республиканского и городского конкурсов исполнителей на народных инструментах.

В 2008 году поступила на факультет филологии и журналистики филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны. Активно участвует в научной деятельности университета, исследует сферу научно-популярной журналистики. Её работы удавались первых мест на итоговых образовательно-научных конференциях студентов Казанского университета в 2011 и в 2012 году.

В 2010 году работала собственным корреспондентом при «Федерации экстремальных видов спорта и туризма в г. Наб. Челны». В 2010–2012 годах — корреспондент телека-

нала «РЕН-TV — Набережные Челны». С осени 2012 года — пресс-секретарь ансамбля народных инструментов «Наигрыш». Член оргкомитета II Фестиваля исполнителей на народных инструментах «Родники России» в Набережных Челнах.

стр. 109 ХАМИДУЛЛИНА Вера Петровна родилась в 1960 году в городе Краснотурьинске Свердловской области. Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля и факультет физического воспитания Казанского государственного педагогического института (1981). Писать стихи начала в школьные годы. Автор нескольких поэтических книг и соавтор книги переводов на татарском и русском языках «Два родника родной земли» (2007). Стихи Веры Хамидуллиной публиковались в журналах «Мир без границ», «Интерклуб», «Идель», «Казань», в альманахе «Дом творчества». Участница, призёр и дипломант международных поэтических интернет-конкурсов, в том числе конкурса переводов «Наследники Лозинского». Живёт в Набережных Челнах, руководит туристической фирмой.

стр. 186 ЧЕРКЕСОВ Валерий Николаевич родился 3 марта 1947 года в городе Благовещенске Амурской области. С мая 1982 живёт в Белгороде. Автор двадцати книг поэзии, прозы, публицистики, которые изданы в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Печатался во многих столичных и региональных журналах: «Москва», «Наш современник», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Аврора», «Дальний Восток», «Подъём», «Север» и др., в антологиях, альманахах, сборниках, в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия» — за сорок пять лет было более трёхсот публикаций, не считая газетных. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», член Союза писателей России с марта 1991 года.

стр. 41 ЮСУПОВА Лилия Джигангеровна — член Союза писателей России с 1998 года, автор 14 сборников стихов, лауреат Шукшинской премии, дипломант Международного конкурса тюркоязычных переводчиков «Ак-Торна», дипломант международного конкурса переводов произведений Чеслова Милоша на русский язык, лауреат Международного конкурса «ЛитоДрама» и Цветаевской премии. По профессии — врач, к.м.н. Живёт и работает в Горно-Алтайске.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Правление Союза российских писателей с прискорбием сообщает, что 2 ноября 2012 года после тяжелой продолжительной болезни скончалась известная русская поэтесса, видная общественная деятельница, Оргсекретарь Правления Союза российских писателей, член Президиума Международного Литфонда **Людмила Николаевна Абаева**.

Абаева Людмила Николаевна родилась в шахтёрском городе Кизеле Пермской области в семье шахтёра и служащей. После окончания средней школы жила в Ленинграде, затем в Уфе (Башкирия), работала журналисткой. Окончила в 1983 году Литературный институт им. А. М. Горького (поэтический семинар Анатолия Жигулина).

Людмила Николаевна стояла у истоков создания Союза российских писателей, проводила большую организационную работу, помогая писателям, оказавшимся в трудном положении в «перестроечные годы», уделяя особое внимание региональным отделениям.

Стихи она писала с детства. В 1983 году вышла первая книга стихов поэтессы «От зелени до охры». В 2010 была издана книга избранных стихотворений Людмилы Абаевой «Сны и птицы» с предисловием С. Б. Джимбинова. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Урал», «Мы», «День и ночь», «Меценат и мир», «Берега Тавриды» (Крым), «Радуга» (Эстония), «Новый мир» (Армения), «Waiguo wenü» (Китай), в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Общеписательская литературная газета», коллективных сборниках.

Поэзию Людмилы Абаевой отличает философское осмысление действительности, способность простыми средствами выявлять сложное. Ее творчество получило высокую оценку известных русских поэтов XX века Анатолия Жигулина, Владимира Соколова, прозаика и философа Юрия Мамлеева, литературных критиков Льва Аннинского, Павла Басинского, Киры Сапгир и других писателей. Многие стихи Людмилы Абаевой были переведены на иностранные языки.

За свое творчество и за свою общественную работу она была награждена Почетной Грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Ф. И. Тютчева, медалью М. А. Шолохова, медалью А. Т. Твардовского и другими. Она являлась лауреатом Международной литературной премии им. М. А. Волошина, Международной литературной Артинской премии Министерства культуры РФ.

Правление Союза российских писателей выражает соболезнование всем родным, близким, друзьям и коллегам Людмилы Николаевны Абаевой.

Первый секретарь Правления Союза российских писателей Светлана Василенко

Сопредседатели Союза российских писателей: Олег Глушкин, Михаил Кураев, Юрий Кублановский, Александр Лейфер, Арсен Титов

Правление Союза российских писателей: Левон Осепян, Владислав Отрошенко, Борис Скотневский, Галина Умывакина

Редакция литературного альманаха «Аргатак. Татарстан»

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

КАЗАНСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ БЕЛОЙ МЕЧЕТИ3

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

«ДУХ – МОЙ СПОДВИЖНИК. И ДУХ – МОЙ ВОЖАТЫЙ»11

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ22

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ПЛОДЫ25

АЛЬБИНА АБСАЛЯМОВА

«СВЕТ НЕГАСИМОЙ ЗВЕЗДЫ»27

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

ЭКОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ28

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» ДИАНЫ КАН30

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

ДИАНА КАН, ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ, ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА, ДИНА САДЫКОВА

ДЮЖИНА «АРГАМАКОВ»31

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ТРИНАДЦАТЫЙ ЗАБЕГ34

АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ

ЛИТИНСТИТУТ: ЕГЭНАХОМ ВСЕХ ПОБИВАХОМ38

ЗВАНЬЕ ГОСТИ

ЛИЛИЯ ЮСУПОВА

ГЛУБОКИЕ РЕКИ41

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

НЕБЕСНОЙ СОГРЕТЫЕ ДЛАНЬЮ46

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

ОТ ХРИСТОВОЙ РОСЫ57

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ

ВАЛЕРИЙ КЛЯЧИН

ОТ СУМЫ И ОТ ТЮРЬМЫ67

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

СВЕТЛАНА КОЛИНА

ПЕЧАТЬ СВЯЖСКА НА СУДЬБЕ95

ПОЭТЫ ТАТАРСТАНА

ЗИННУР МАНСУРОВ

ЖИВУ НЕ ВПЕРВЫЕ99

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ109

ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ**РАМИЛЬ САРЧИН**

ДО СЕРДЦЕВИНЫ.....117

ПО-СВОЙСКИ С ЖИЗНЬЮ И СУДЬБОЙ.....121

НАШИ ЗА БУТРОМ**ТАТЬЯНА ОКОМЕНЮК**

МЕЛАНХОЛИЧЕСКАЯ СЕРЕНАДА.....124

ЮРИЙ МАНУСОВ

Я ШАГАЮ ПО БРОДВЕЮ.....133

ПОЛЕМИКА**ПЁТР ТКАЧЕНКО**

ИСТОРИЯ НЕ ТЕРПИТ СУЕСЛОВЬЯ.....144

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ**ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ**

«Я БЫЛ ПРОСТЫМ СОЛДАТОМ...».....186

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

ИГРАЙ, НАИГРЫВАЙ.....192

ЧТО ИМЕЕМ, НЕ ХРАНИМ...**КАРИНА ФЁДОРОВА**

ОСТАТКИ МУЗЫКАЛЬНОЙ РОСКОШИ.....195

НЕФОРМАТ**АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ**

НАЧАЛА АСИММЕТРИКИ.....203

ПОЭЗИЯ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ**КСЕНИЯ ЛАРИНА**

ПО КАРНИЗУ.....214

ГАЛИНА СИДОРОВА

А Я ЕЩЁ ЛЮБЛЮ КАЧЕЛИ.....226

ИЗДАНО В РОССИИ.....233**СМЕХОТЕРАПИЯ****РОБЕРТ КОПОСОВ**

УЛЫБКИ ИЗ КУРОЧКИНО.....238

НАШИ АВТОРЫ.....250**ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Г. АРХИРЕЕВ. ПЕЙЗАЖ НА ФЕДОСЕЕВСКОЙ****ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ****ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: АНСАМБЛЬ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «НАИГРЫШ»**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

Татарстанское отделение

Союза российских писателей

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Подписано в печать 14.11.2012 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,64 . Тираж 2000 экз.

Заказ 26258(М-1491)

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного

электронного оригинал-макета

в типографии филиала

ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Рукописи принимаются по адресу:
423809, Татарстан, г. Набережные Челны,
а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Жела-
телен диск с набором, фотография, краткая
биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвра-
щаются. Читательские письма и предложе-
ния могут быть опубликованы в альманахе.
Ответственность за достоверность инфор-
мации несут авторы материалов. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением
редакции. При перепечатке материалов
ссылка на альманах «Аргамак. Татарстан»
обязательна.

Для приобретения номера и размеще-
ния рекламы социальной направленности
обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru,
тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

*Ансамбль народных инструментов «Наигрыш» (г. Набережные Челны).
Художественный руководитель – Николай Фёдоров (справа)*

